

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Сюлэм куара (Голос сердца)

Жизнь и творчество Егора Загребина

Сборник статей

Ижевск
2022

УДК 821. 511.131
ББК 83.3 (2 Рос=Удм)
С89

Издание подготовлено в рамках проекта

Рецензенты: доктор филологических наук **Т. И. Зайцева**
доктор филологических наук **Т. В. Зверева**

С89   **Сюлэм куара** (Голос сердца). Жизнь и творчество Егора Загребина: сборник статей. / Сост. А. Е. Загребин, Р. В. Кириллова, А. З. Диева. – Ижевск: Удмуртский университет, 2022. – 370 с.

ISBN 978-5-4312-1026-6

Книга посвящена юбилею классика удмуртской литературы, народного писателя Удмуртии, члена Союза писателей Российской Федерации Егора Егоровича Загребина (1937–2015). В книге раскрывается его разносторонняя деятельность, проанализирован вклад в историю удмуртской литературы и литератур народов Урало-Поволжья.

Издание адресовано филологам, преподавателям и студентам гуманитарного профиля, а также широкому кругу читателей, интересующихся удмуртской литературой и литературой народов России.

УДК 821. 511.131
ББК 83.3 (2 Рос=Удм)

ISBN 978-5-4312-1026-6

© Авторы статей, 2022
© ФГБОУ ВО Удмуртский
государственный университет, 2022

Предисловие

В истории и культуре каждого народа есть особенные личности, жизнь и деятельность которых сохраняется в памяти и сознании поколений. И это естественно, ибо их творческим и духовным наследием оценивается значимость данного народа в мировом сообществе.

Егора Егоровича Загребина (1937–2015) с полным правом можно отнести к личностям подобного масштаба: достойный представитель удмуртского народа, выходец из крестьянской среды, он стал одним из самых известных национальных писателей и драматургов второй половины XX – начала XXI века, оказал большое влияние на общественную и культурную жизнь республики.

В течение пятнадцати лет (1999–2014) Е. Е. Загребин был председателем правления Союза писателей Удмуртии, немало сил отдал укреплению и пополнению писательских рядов. Он пользовался заслуженным авторитетом и в среде художественной интеллигенции, и у властей. В сложные 1990-е годы Егору Егоровичу совместно с Зоей Алексеевной Богомоловой удавалось решать непростые финансовые вопросы: по их ходатайству было принято постановление Правительства о государственной поддержке творческих союзов Удмуртии. Такой поддержки, надо отметить, не было тогда в большинстве регионов России. По словам современников, Егора Егоровича отличали прямота и смелость суждений, вера в значимость дела, которому служил.

Жизнь Е. Е. Загребина была наполнена плодотворным трудом: актер Удмуртского национального театра, зав. литературной частью театра, прозаик, драматург, режиссер республиканского телевидения, член правления СП УАССР, а затем председатель. Доброжелательный, остроумный, внимательный к собеседнику, он всегда был в центре внимания. Его публичные выступления заинтересованно принимала любая аудитория: талант актера помогал Е. Е. Загребину донести художественное слово до слушателей и читателей. «Егор Егорович был яркой лично-

стью, – пишет в своих воспоминаниях А. П. Сидорова. – <...> Он, как и вся творческая интеллигенция республики, принимал активное участие в проведении Дней литературы и искусства в районах и городах Удмуртии. Писатели, композиторы, художники, журналисты, артисты с удовольствием встречались с сельскими тружениками, рабочими промышленных предприятий. Организовывали выставки, литературные встречи, концерты. И, как очевидец, хочу сказать, что Егор Егорович покорял и сельского, и городского зрителя. Его артистизм, внутренняя культура, эрудиция привлекали слушателя. Впоследствии мы часто с ним вспоминали об этих мероприятиях и сожалели, что эта форма работы с населением сегодня в республике перестала существовать».

За большой вклад в развитие национальной литературы, культуры и профессионального искусства он удостоен почетных званий «Народный писатель Удмуртии», «Заслуженный деятель искусств Удмуртской Республики», «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Е. Е. Загребин лауреат Государственной премии Удмуртской Республики, лауреат премии им. Михаила Петрова, кавалер ордена Дружбы.

Егор Егорович Загребин родился 4 июля 1937 г. в д. Кутошур Якшур-Бодьинского района Удмуртии. В семье Загребиных было семеро детей, Егор – младший. Жили они в родовом доме, построенном дедом Корнилом Григорьевичем, главой большого семейства. Дед и отец держали пчел, семейную традицию продолжил и Егор Загребин.

Окончив Сосновскую среднюю школу в Шарканском районе, Егор Загребин поступил в Удмуртское республиканское музыкальное училище. Через полгода по приглашению режиссера Удмуртского государственного драматического театра (ныне Государственный национальный театр Удмуртской Республики) Анатолия Саратова сыграл роль адъютанта начдива Владимира Азина в спектакле «Азин» по пьесе удмуртского драматурга Игнатия Гаврилова, после чего его включили в штат театра.

В 1956–1961 гг. Егор Загребин учился в Ленинградском театральном институте имени А. Н. Островского. Затем работал актером и заведующим литературной частью Удмуртского драматического театра. В 1972–1982 гг. – режиссер и редактор литературно-художественных передач Ижевской студии телевидения. С 1992 г. был главным редактором молодежного журнала «Инвожо». Критик, литературовед Зоя Богомолова писала: «Как редактора Егора Егоровича волновал художественный уровень публикуемых произведений. По этому поводу он говорил, что удмуртская молодая литература теряет семантическую значимость слова, язык засоряется мнимыми неологизмами, иностранной лексикой».

В удмуртскую литературу Егор Загребин вошел с появлением пьесой «*Тулъс зор*» («Весенний дождь»). Как драматург Е. Е. Загребин внёс большой вклад в развитие сценической культуры Удмуртии: обогатил репертуар Удмуртского драматического театра новыми произведениями, создав более тридцати пьес. Лучшие из них в течение многих лет и до сих пор входят в репертуар Удмуртского драмтеатра. Всегда при полном аншлаге шла его комедия «*Насьток но Исьток*» («Степан и Настя»), а комедия «*Эн кушты мынэ, туганэ*» («Не бросай меня, милый») была поставлена на сценах академического театра им. К. Иванова в Чувашии и Ставропольского краевого театра.

В 1997 г. Национальный театр Удмуртской Республики поставил трагедию Егора Загребина «*Эш-Тэрек*», в 1998 г. – трагедию «*Кикы нош силе но силе...*» («А кукушка все кукует...»), посвященную столетию со дня рождения удмуртского поэта, ученого Кузубая Герда. Зоя Богомолова писала: «В «*Эш-Тэреке*» драматург ставил задачу создать историческое полотно на основе фольклорных и литературных сюжетов и сосредоточил внимание не столько на судьбах главных героев (*Эш-Тэрека* и *Алсу*), сколько на судьбах народов – удмуртов и болгар, живших по соседству и длительное время враждовавших из-за территориальных притязаний». За трагедии «*Эш-Тэрек*» и «*Кикы нош силе но силе...*» («А кукушка все кукует...») писатель удостоен Государственной премии Удмуртии.

Важно отметить большую работу Е. Загребина по подготовке инсценировок произведений удмуртской классики: в частности, романов Г. Медведова «Лозинское поле» (пьеса «*Бугырес тулыс*» – «Тревожная весна»), М. Коновалова «Гаян» (одноименная пьеса, в соавторстве с А. Берладиным), Г. Красильникова «Начало года» (пьеса «*Сюлэм куара*» – «Голос сердца»). Кроме того, Е. Загребин перевел на удмуртский язык пьесы А. Островского «Светит, да не греет» и «На бойком месте», А. Софронова «Странный доктор», М. Варфоломеева «На распутье».

Критик и литературовед Т. В. Зверева отмечает в своей статье: «Удмуртская драматургия середины XX в., с одной стороны, тяготеет к современной советской драме, в целом ориентированной на чеховскую традицию (А. Вампилов, А. Володин, М. Рощин и др.). С другой стороны, в ней обнаруживается сильное влияние русской классической драмы XIX столетия с ее установкой на идейно-мировоззренческий конфликт. Драматургия Е. Загребина восходит к театру А. Н. Островского. Во второй половине XIX в. Островский не только создает принципиально новый репертуар для русского театра, но попутно осуществляет театральную реформу. В типологически сходной ситуации оказывается в середине XX столетия и Егор Загребин. Перед молодым писателем и актером стояла задача создания национального театра».

Егор Загребин также активно работает в жанрах повести и рассказа – психологического и юмористического – для детей и взрослых. Изданы прозаические сборники «*Нюлэс куараос*» («Лесные голоса»), «*Палэзь жускиос*» («Гроздь рябины»), «*Секыт аджон*» («Горькая судьба»), «Лебеди моего детства» (в переводе автора, Валерия Болтышева и Василия Глушкова). Зоя Богомолова отмечала: «Главное в его рассказах – не интриги, действие, конфликт, а мысль, – глубокая, сконцентрированная на идее, мудрость, облаченная в художественную форму, притча, диалог или случайно всплывший в памяти эпизод жизни. Ему доступны разные эмоциональные тона: высокие, средние, низкие, глубокий лиризм или сатирический тон, ностальгический

настрой или приглушенная интонация, печаль, всплеск чувств или упадок духа».

По мнению критика и литературоведа Татьяны Зайцевой, «есть в художественной позиции Загребина, в его размышлениях о жизни один аспект, думается, крайне современный – проблема взаимоотношений природы и человека. Подход Загребина к изображению мира природы можно определить как «очеловечивание» некоторых повадок зверей и птиц, придание им качеств, присущих людям. Сочетая житейскую точность с занимательным изложением, писатель «схватывает» необычные ситуации, их смешную и одновременно трагическую сторону». Таковы рассказы «Баюкают отца», «Трясогузка», «Дятел», «Белый заяц», «Летят журавли», «Привидение». Щедро рассыпанные на страницах этих и других рассказов меткие наблюдения и мысли автора, отражающие многовековой народный опыт, заставляют нас задуматься о цене утрат. Писатель призывает к доброте, к умению по-настоящему всмотреться в себя, в людей, в жизнь, ибо все существующее на земле взаимосвязано. Утверждение жизни – одна из главных тем в творчестве Е. Загребина. Умение радоваться «живой жизни», каждому ее мигу, быть в братском соединении с окружающим миром – движущая сила его сюжетов в прозе и драме.

В сказанном и написанном Е. Загребиним имеют место лукавый юмор и ершистый анекдот, озорная строка и плутовской эпизод. Как отмечает марийский литературовед Н. А. Федосеева: «Егор Загребин, как и большинство писателей его поколения, обращается к теме малой родины и патриотизма. Его произведения отличаются глубоким лиризмом и народной мудростью, что сближает его с творчеством финно-угорских, в частности, марийских писателей».

Егора Егоровича Загребина вполне можно назвать классиком удмуртской литературы. Его изучают в школах и вузах Удмуртии, пьесы ставятся в театрах многих республик нашей страны. Его творчество вдохновляет деятелей искусства на создание произведений разных жанров, да и сам он стал героем этих про-

изведений. Потомкам близки мысли писателя о непреходящей ценности знания, о красоте природы, о высоких человеческих чувствах. Произведения Егора Загребина переведены на русский, чувашский, марийский, мордовский и другие языки.

Личность и творческое наследие Е. Е. Загребина с каждым годом оцениваются все более высокой мерой. Своеобразным этапом этого «восхождения» является книга «Сюлэм куара (Голос сердца)» (2022), в которую включены письма, воспоминания, статьи, записи рассказов современников писателя. Многие из них знали его лично: учились с ним или у него, работали рядом, участвовали в различных общественных, научных мероприятиях и оставили добрую память об этом выдающемся сыне удмуртского народа.

Р. В. Кириллова

Глава I. Творчество Егора Загребина в зеркале критики

В. Л. Шибанов

ВЕРИТЬ И СОПРОТИВЛЯТЬСЯ

Творчество Егора Егоровича Загребина (1937–2015) многогранно, в его наследии большое место занимают и драматургические произведения, и малые жанры прозы, и злободневная публицистика. Егор Егорович не был кабинетным писателем, в отличие от многих своих коллег он постоянно находился «на виду»: работал на республиканском телевидении, в Удмуртском национальном театре, в последние годы (с 1999 года) был председателем Союза писателей Удмуртии. Его произведения переведены на русский, чувашский, марийский, мордовский и другие языки.

Будучи студентом Ленинградского театрального института имени А. Н. Островского, Егор Загребин пишет психологическую драму «Тулыс зор» («Весенний дождь», 1961) о судьбе бывших военнопленных Ломаева и Богатырева и их сложных взаимоотношениях в условиях восстановления народного хозяйства. Но наиболее востребованными стали его комедии и трагедии. Водевиль «Насьток но Исьток» («Степан и Настя», 1982) строится на довольно «примитивном» сюжете: муж не узнает на курорте собственную жену, прибывшую туда из чувства ревности, возникает множество смешных ситуаций, переодеваний, раздвоений, уже отработанных мировой комедиографией. Почему же пьеса стала такой популярной (на сцене она шла более 300 раз)? В последние годы Е. Е. Загребин работает над удмуртской городской комедией (до сих пор действие в его пьесах разворачивалось в деревенской местности и на лоне природы, курорта). По мнению драматурга, без юмористического отношения к урбанизированной среде удмуртский театр вряд ли может быть конкурентоспособным.

Е. Е. Загребина как трагика привлекают сильные характеры, острые сюжетные линии и конфликты. Его трагедии «Эш-Тэрек» («Эш-Тэрек») и «Куку нош силе, но силе...» («Кукушка кукует...»)

уводят зрителя соответственно в средневековую эпоху и времена сталинских репрессий, но поднимают злободневные проблемы современности. Как бы ни подвергались эти трагедии критике (так, исторический Герд во многом не похож на Герда, изображаемого Е. Е. Загребиным), именно они вывели драматурга за пределы республики, на театральные сцены Урало-Поволжского региона. За трагедии *«Эш-Тэрэк»* и *«Кикы нош силе, но силе...»* Е. Загребин удостоен Государственной премии Удмуртской Республики (2001).

Егор Загребин работает также в жанрах «малой прозы», среди которых примечательны детские рассказы, юморески, пейзажные зарисовки и рассказы для взрослых. Талант Загребина-прозаика покажем на примере конкретного произведения. В новеллистическом очерке *«Любовь моя, ревность моя...»* (2004) изображена трагическая судьба яркой удмуртской актрисы Анны Колесниковой (1916–1947), которая в 31 год покончила жизнь самоубийством, до этого выстрелив в собственных детей. В очерке постоянно проводятся параллели с трагедией Еврипида *«Медea»* и драмой А. Островского *«Гроза»*. Трагедия Анны вроде бы исходит из чрезмерной ревности, когда её муж, видный администратор и работник КГБ, публично выражает свои симпатии к другой актрисе, сопернице Анны. Но выход на мировую классику (кстати, обе эти роли Колесникова хотела сыграть на сцене) раскрывает глубокие механизмы психики женщины, когда «роль» начинает вытеснять реально-очевидное и ведёт человека к такому выбору, к которому он сам вряд ли склонился бы. Но фабула в очерке Е. Загребина реализуется не через внешне броский сюжет об Анне Колесниковой, а через изображение «тёмной» судьбы её бывшего мужа – офицера Степана Широкова (не путать с народным поэтом Удмуртии С. П. Широковым). Именно Степан на своём 90-летнем юбилее раскрывает автору-повествователю ряд нюансов, которые достраивают общую трагическую картину: он сознательно изменял жене, по его вине пистолет попал в руки ревнующей Анны, после чего было сделано три роковых выстрела. Широков не был уволен из ор-

ганов и многие десятилетия он нёс в душе тяжёлый груз, пока не открылся автору-повествователю. Как видно, эпическое и драматическое начало в произведении Е. Е Загребина тесно переплетены, что характерно и для других рассказов и очерков писателя.

Важная черта творческого миропонимания Егора Загребина – «осознание большого духовного и нравственного потенциала своего народа, России в целом, беспредельная любовь к родному краю, желание разобраться в непростых явлениях прошлого и настоящего. Искренность писателя проявляется как в его художественных произведениях, так и в эмоциональной публицистике» [Зайцева; Удм. правда, 1997, 4 ноября]. Он убежден: человеку даны воля, разум и дух для того, чтобы верить в будущее и сопротивляться давлению мрачных обстоятельств.

А. С. Зуева-Измайлова
ВИЗЬ-НОДЛЫ ДЫШЕТЭМЕЗ ПЫРАК УЛОНЛЫ

Быдзым удмурт писатель Егор Егорович Загребин вордскиз 1937 арын пöсьтолэзьлэн 4-тй нуналаз Якшур-Бодья ёросысь Кутоншур гуртын. Дышетскиз Шаркан ёросысь Сосновка школын. Ленинградысь А. Н. Островский нимо театральной институтэз пырпотыса (1956–1961), эшъясьныз ёш Удмурт драмтеатрын артист вал. Собере кöня ке аръёс ёже Удмурт драмтеатрын ик литературной люкетэныз кивалтйз. Пьесаос гожъян удысэ кыстйськем бере, ас геройёсыз шоры артист синмын учкон гинэ öжыт шуыса, Ижкарысь телевиденилэн студияз режиссёре ужаны кариськиз (1973–1982). Со вакытэгес ик пырыськиз егит писательёслэн V Всесоюзной кенешазы. 1993–1999 аръёсы «Инвар» журналын редактор луыса ужаз.

Котькуд быръем удысаз Егор Егорович лулысь-сюлмысь, мылысь-кыдысь тырше, котькытын но синме усе лэсьтэм уезлэн пайдалыкез. Тани али но со (1999 арысен) быгатыса кивалтэ Удмуртиысь писательёслэн Союзэнызы. Ачиз Инмар сётэм солы кивалтон уез бергатыны: быгатэ калыкен вераськыны, коллектив азе чурыт куронъёс пуктыны, кылзэс юаны. Со вакытэ ик капчи мылдыдо луон, серемпыртй вераськон, мыньпотон юрттэ солы ужазинлыкез жутыны, шуго-мого учыръясьсы данэн потыны. Улонын но со артист кадъ ик: пöртэм адымиен вераськыны быгатэ, солы гинэ тупась кылан-буран шедьтэ, «маскаосэ» вошъя. Улонысь пöртэм учыръясты вера, анекдотэн шулдыртэ, пöртэм иворъясты мадыны быгатэ...

Кивалтон удысын тыршемез уг люкеты, юрттэ гинэ Е. Е. Загребинлы литератураын радъям удыссэ мур-мур гырыны. Ортчо аръёс, нош Егор Егоровичлэн литератураын радъям удысез уката азинске но муроме. Арлы быдэ сямен виль книгаоссэ поттэ-быгатэ, пöртэм жанръёсын ужа-пöрмытэ.

Кутскиз со драматург луыса. «Тулыс зор» (1961) нимо нырысетй ик пьесаез сое тодмо кариз. Нош мукет гожтосъясыз (кылсярысь, «Тöдды юсь» пьесаез, веросъясыз но очеркъёсыз,

кудъёсыз «Льесаос» (1967) но «Арлэн нылпиосыз» (1974) кол-лектив бичетъёсы пыртэмын), сое пумен бадъым литературае пыртъызы. Собере потъызы «Тодъы юсь» (1976), «Бугырес тулыс» (1979) социально-психологической драмаос. Улонэз ас сяменыз адъыны но чакланы быгатон юрттэ солы лэчыт конфликтъёсты но характеръёсты сэрттыны-пертчаны. Угось драматурглэн ужез соосын герзасъкемын. Аристотель асьме вакытлэсь 4 даурын гожтэм «Поэтика» трактатаз нырысьсэ литератураез лирика, эпос но драма родъёслы люкиз, соослэсь аспёртэмлыко луэмзэс возматйз. Гегель 14 томъем сочиненияз (уката ик «Эстетика» ужаз) бадъым саклык висъяз эпической но драматической родъёслы но жанръёслы, соослы гинэ тупась тодметъёссэс пусйиз. Егор Егоровичлэн гожтэм произведениосыз вылын адъыны луэ, кызы радъяське лирика, эпос но драма, кызы соос ог-огенызы пөлэсьясько, споръясько но адямиез суреданы юртто.

1970 аръёсы Е. Е. Загребин проза удысэ кыстйськиз. Кутскиз творчествоезлэн кыкетй вакытэз-тулкымез. Со вал лирической проза: веросьёс, эссе, зарисовкаос, пинальёслы сйзем уланысь учыръёс. «Нюлэс куараос» (1971) лыдзетэ пыртэмын вордйськем палъёсын тодматйсь но вордйськем палъёсызлы сйзем веросьёс. Отысь адъыны луэ авторлэсь инкуазьын ортчытэм пичи дырзэ. Вакчиесь гинэ но мур пуштросо веросьёс пыр лыдзись тодматске паймымон инкуазь дуннеен, тумошо но мудрон гурт но кыр пйшуръёсын, тылобурдоосын, нымы-кибыосын. Али но серем потытэк лыдзыны уг луы «Пурись улошо» веросысь вал сярысь суредъёсты. Пурись улошо пиньыныз куртчыса пучез интыысьтыз басьтэ но гань-гань гинэ зуродысь турынез сиыны пыре. Нош потон азяз со пучез берен поныны вала на. «Йыртэмась чорыг» веросын капчи но серемес мылкыдын веросчи маде, кызы ляпа (сом), скалъёсты шуре ву люктаны ваем бере, огезлэсь скаллэсь ноныоссэ сьупсьыны дышиз. «Кочыш но кион» веросын суредамын, кызы кион, кочыш сьёры уйиськыса, кык кызьпус вискы пачказ.

Та гожтосьёсын писатель улонэз адже пудо-живот персонажлэн адземез-шодземез пыр. Таин ик герзасъкемын верослэн

аспöртэмлыко мылкыдыз но, сюжетлэн аспöртэмлыко крезьгурез но, кыллэн аспöртэмлыко радъяськемез но. Е. Е. Загребинлэн творчествояз «Палэзь зускиос» (1978) бичет – нимысьтыз бам. Вордйськем палгёсызлы сйзем, пинал дырзэ тодэ ваён та. Гожъясь умой тодэ инкуазьлэсь пуш улонзэ аядями сингёслэсь пыдло ватэм катгёссэ. Узыр метафораос, эпитетгёс юртто вордйськем шаерез гажан мылкыд пычатыны. Со понна нюръяськыны. Лирической мылкыдэн гожтэм проза юрттэ лыдзисьлы турынлэсь но сяськаослэсь зынзэс шöдыны, тюрагайлэсь гургёссэ кылыны, сяськаясь льбмпулэн но палэзьлэн зынынызы кудзыны.

«Палэзь зускиос» бичетын автор лирической мылкыдэз эпической но драматической пуштросэн узырмытйз. Со утча гуртын улйсь аядмиос пöлысь геройлыко аядмиосты. Гурезь йылын сылйсь вож бадяр чебер но кышкасьтэм мурт кадь потэ солы. Лыдзись но авторлэн сингёсыныз учкыны кутске. Со озыы ик адзыны быгатэ сое, кин мертйтйз та писпуэз. «Тау тыныд, Бадяр Санко. Ачид но бадяр кадь ик вал. Чебер, номырлэсь-номырлэсь но кышкасьтэм. Бырыны ке но шедид, тусбуйыд быдэс даургёслы кылиз».

Геройлыко образгёсты утчан вуттйз сое «Секыт аджон» книга гожтон борды. Татын вераськон мынэ Марья сярысь, кудйз ож дыргя картсэ ыштйз. Сое тупаса улон дыргя но тушмонгёс пыд йылысьтыз погыртыны туртто, угось со трос аджэмын но кураджэмын. Но кышкасьтэм луонэз, чидамез но паймымон кужымез Марьялы улэп кылыны юртто. Пумен Марьялэн образэз мур но трагической пуштросо луэ, быдэс шаерысь кышноослэсь ортчем сюрессэс возматэ. «Яратонэ тон, вожанэ...» книгае пыртэм Колесникова сярысь гожтос Еврипидлэн Медея сярысь трагедиезлы матын луэ. Грекгёслэн трагедизы вылын дышетскемез Егор Загребинлы выль кужым сётйз. Медеялэн образэз яратон но вожан конфликт бордын чик но öвöл. Кужмо но чырмыт Медея, коллективлэсь, обстоятельствоослэсь вылие жутске. Со понна улонлэсь катгёссэ тйя, нылпиоссэ но, ассэ но быдтэ. «Яратонэ тон, вожанэ...» – А. Колесникова сярысь кузьмадён. Со Медеялэсь сюрессэ бырйиз. Одыгез валантэм: малы Егор Загребин

удмурт Медея сярысь трагедия өз гожды?... Журналистской исследование кадь пөрме оло, та жанре выжыны бер өвөл на? Быгатонлыкез вань, дунне культураез но литератураез тодонлыкез узырлыко. Сое адзыны луэ книгаысьтыз ик «искусство удысын ужасьёс но писательёс сярысь» сузьетьёсты лыдзыса.

Проза удысын драматической образъёсты утчан вакыт пайдалыко емышъёс вайиз. 80-тӥ аръёсы писатель нош ик драматургия удысэ выже. Кутскиз, шуыны луоз, солэн творчествояз куинетӥ вакытэз-тулкыме. Та вакытэ огзы бере пото но Удмурт сцена вылын возымато тунсыко пьесаоссэ: «Насьток но Исьток» (1982) комедизэ. «Асьмелэн со одӥг» (1978) социально-психологической драматизэ, «Эн кушты монэ, туганэ» (1993) водевильзэ, «Эш-Тэрек» (1997), «Кикы нош силе но силе...» (1998) трагедияоссэ. Е. Е. Загребинлэн улоназ но творчествояз та зарни вакытэз луэ. Удмурт литература котькугес но пашмем драматургия удысын выль азинсконъёс басьтӥз, выль гурезь йылгъёс адзиськыны кутскизы. Чебоксары но Ставрополье каръёсын солэсь пьесаоссэ чуваш но зуч кылын возымато. Мукет каръёсын но та пьесаосыз учкисьёс шумпотыса пумитасалзы. Угось Егор Егоровичлэн выль таланто луэмез но быгатонлыкез адзиське со пыртӥ но, кызы со лэчыт диалогъёсты но мур пуштросо монологъёсты уже кутыны быгатэ, кызы валтӥсь но второстепенной геройёсты сюжетэ пыртэ, кызы пӧртэм конфликтъёс (социальной, классовой, национальной, психологической, личной), ог-огенызы пӧлэстӥськыса радъясько но сюжет кылдыто. Эш-Тэреклэсь, Кузубай Гердлэсь трагической улонзэс но ужзэс асьмеос тодӥском табере Е. Е. Загребинлэн пьесаосыз вылын. Эш-Тэреклэн но Гердлэн трагедияоссы со вылын: удмурт историлэн секыт вакытӥёсез та яркыт кизилиос ас вылазы секыт ныпъет басьто калыклэсь но, обстоятельствоослэсь но вылье жутско. Соос быдэс дуннеын тодмо луыны кулэ. Вераськон мынэ драматурглэн мастерствоез сярысь (та сярысь вераськон жутто «Кенешлэн» та номераз потэм мынам студентъёсы но аспирантъёсы).

Берло аръёсы писатель лулысь-сюлмысь ужа публицистика удысын. Паймоно солэн лэчыт кылызлы, зырдыт сюлэмез-

лы, кышкасьтэм луэмезлы, удмуртлык понна нюръяськемезлы. Удалтэмын солэн «Кинлэсь адыми кылдэм» (2007), «Опкелён» (2009), «Гомась шунды» (2011), «Лэсянтэм малпанъёс» (2011), «Шуныт нёкы кадъ, выль кыскем чечы кадъ (сю книга пумысен)» (2012) гожтэмъёсыз. Тани кызыы гожтэ со берло потэм очерказ: «Пальпотйсь Фурсенко кадъ министръёс чеберлыко литератураез кулэтэм предметэн лыдъяло. Зуч кыллы, анай кыллы сйзем урокъёс пачкатэмын, библиотека жажыос бушесь. Берло 20 ар чоже гурт калык лыдзйськемысь дугдйз. Литература – культура-лэн одйгез валтйсь ёзез – аналтэмын». Е. Е. Загребин дискуссии пырыса, котьку но вормисе потэ. Тодам вайисько солэсь «Быть или не быть» (размышления в полночь) «Инфо-панорама» газетсь 2004-тй арын потэм зырдыт монологзэ (А. Г. Красильниковен, политикен но тодосчиен, ченгешонэ пырыськемзэ). «Литература ни в какие времена не терпела указчиков, пророков. У литературы нет вождей. Настоящая литература никогда не была куртизанкой у государства... Настоящая литература, в том числе произведения Г. Д. Красильникова, была выше политики». Тазыы гожтыны быгатоз зэмос писатель, гражданин, пророк, ас калыкез понна ульсь адыми гинэ.

Куке но зуч кылбурчи Игорь Северянин гожтйз:

Родиться русским
Слишком мало:
Им надо быть,
Им надо стать!

Егор Загребин сярысь тазыы вераны луысал: «Удмурт луыса вордйськыны – со ёжит: та улонын удмурт луыны быгатон!».

А. Г. Шкляев
ЗАМЕТКАЫСЕН – ТРАГЕДИОЗЬ

Куке писатель улэп на, со азе ялан пукто куронъёс. Куке со улоньсь кошке, солэн творчествовез йылпумъяське но со шоры учко ни, зуч кылын вераса, «как на завершённое целое». Мынам луэ вылэм тупен-тупен мадеме Егор Егоровичлэсь вань улон но гожъяськон сюрессэ но, со тросэзлы тодмо, тодмо ке өвёл – со гожтэмын. Нош выль фактьёс, выль материал люкамын өвёл на. Творчествоез солэн син азын: со – пьесаос, спектакльёс, веросъёс, публицистика. Кызбы шедьтоно соослэсь шор скулэмзэс, огъя идеязэс, соосты огазеясь философизэс? Котькуд писательлэн, художниклэн вань солы гинэ укшась образъёсыз, мотивъёсыз, маиз ке но соиз, кудйз вань творчествозэ валтйсь-огазеясь луэ. Куке но, аслэсьтыз ужан амалзэ веракуз, Егор Егорович шуиз: «Гожъяськемед ке потэ, эскероно астэ вань жанръёсын. («когда хочешь писать, надо писать во всех жанрах»). Мыным туж секыт сётйське драма. Куке со укыр уг сётйськы, мон гожъясько пичи веросъёс, веросъёс вылын мон шутэтскисько». Мар сярысь солэн ужъёсыз шуыса, аслэсьтыд ачид юаськод ке, син азе пуктйськод солэсь персонажъёссэ, суредам геройёссэ. Кинъёс соос? Гуртысь егитъёс, война пыр ортчем воргоронъёс, война вылти пал кылем кышноос, удмурт улоньсь трос пöртэм характеръёс. Ваньмыз соос туж но туж яркыт, сач-сач удмурт кылын верасько. Асьмеос вуиськом удмурт гуртэ, адзйськом удмурт инкуазез, удмурт гуртысь аспöртэмлыко улонэз. Удмурт гуртэз тодйсьтэм адями писателен возматэм суредъёсты адже ке, малпа: учке-ай, кыче интересной вылэм та удмурт улон, кыче сямъёссы, вераськон манеры, кылзы!

Искусствоын кулэ одйг радысь мукетэ поттон: литератураысь – картинае, романысь – пьесае, пьесаысь – спектакле, спектаклысь – фильме. Трос кужымзэ понйз Е. Загребин удмурт классикаез инсценировка лэсьтон уже. Берлозэ пьесазэ со малпа вал гожтыны Г. Красильниковлэн «*Вож весь*» веросэзъя – поколениос куспын вожвыльгяськон сярысь – атаез но пиез. «Кудйз

шуоз: муртлэнэзъя ужаськод, но мукет произведениос мыным мотор кадь луо», – шуиз со ласянь писатель.

Солэн кужымез со бордын но. Со пырпотйз одйг искусство удысысь мукетаз. Чаклалэ, кызьы кошкиз солэн улон югдуръёсыз. Пыре со крезьгур шудон училищее, отысь – театре, актёр луэ, трос рольёсты шудэ. Кужымез, пушулонэз солэн сыҕе кужмо вал, со, шуэ режиссёр А. А. Блинов, туж зол шудысал Тарас Бульбаез. Актёрысь со потэ писателе, проза гожъя, прозаысь – драматургие, драматургиысь но прозаысь – публицистикае.

Мар бордын бен, всёш таки Егор Егоровичлэн малпаськонэзлэн шорсюлмыз? Адымлэн аслаз музьемез, аслаз гуртэз, аслаз мумы-бубыез борды бурмемез. Люкиське ке со соос бордысь – сое вите куашкан. Крестьян адыми музьем борды бурмемын. Мон соин ик кутски Медведевлэн Лёзя бесменэз борды. Музьемез яратон, зуч кылын вераса, «страсть к земле» – та палыз та романлэн туалалонлы тупа. «Мынэсьтым сюлэмме зырзиз («задело»), – шуиз одйг пол Егор Егорович, – таҕе учыр. «Родина» колхозын егит адымиос асьсэлы комсомольской общежитие жутйллям, ас коязы, мумызылэсь айызылэсь люкиськыса улон вылысь. График но лэсьтйллям: асьсэлы пу но дасяло, ву но, сиён но. Но ваньмыз со куашкам. Улонзы сёриськем. Малы? Соос асьсэды ишкалтыны малпаллям выжызылэсь, асьсэ улоназы потыны дась луйтэк. Таин валче мыным туж интересно пото война вылтй пал кылем кышноос. Кёня ар орчемын ини, нош соос тодазы возё картёссэс. Сыҕе кышномуртёсты мон пумитай Вавож палась. Соос трубкаен тамак кыско. Вот со кыскон трубкаосты мон соослэн курыт улонзылы символ карыны тырши».

Егор Егорович шөдэ вал крестьян пыд улысь музьемлэсь гылземзэ, крестьянэз музьем бордысь люкемез. Шуыны луоз, а магазинын ваньмыз табере вань! Но Госдумаын али вераськыкуз президентэ одйгез кандидат шуиз: магазинёсын ваньмыз вань кадь, но со 90%-лы – фальсификат. Со фальсификат гинэ асьмеды сютэм кылёнлэсь уте. «Вот улонысь басьтйськод ке кыҕе ке конфликтэз, быгатйськод ке сое пьесае пыртыны, спектаклын пөрме напряжение, сыҕе напряжение өвөл ке, учкись

залын кызйылыны кутске, сыче дыръя мон асме янгыш карись-ко, – шуэ вал Егор Егорович. – Драма туж секыт сётйське. Уд ке отысь адзиськы характерзэ, идеязэ, соку ик валаськод – тынад ар-бериед чиньыысь сюсемын. Шödйськод, уг тырмы философской обобщениез. Шöдонэн гинэ туж шуг материалэз бугыртыны».

Егор Егоровичлэн кык берло книгаосыз – *«Гомась шунды»* но *«Яратонэ тон, но вожанэ...»*. Берлояз вань солэн повестез, кудаз возьматэмын Шекспирысь басьтэм кадъ тема: кыче көшкемыт йыруже вутто сыче адямиос, кудъёсыз уг быгато асьсэ сюлмынызы, пушулонэнызы, визьмынызы кивалтыны. Со повесть драматург гожтыны малпа вал трагедия. Егор Егорович, газетэ заметкаос бордысен кутскыса, вуиз вал ини трагедия жанрозь но, малпанъёссэ быдэстыса өз вуы.

Н. А. Федосеева
МАСТЕР РАССКАЗОВ И НОВЕЛЛ

Имя Егора Егоровича Загребина сегодня известно не только в Удмуртской Республике, но и за ее пределами. Его произведения переведены на многие языки народов Урало-Поволжского региона. О жизни и творчестве написаны интересные статьи, в которых подчеркнута яркая индивидуальность писателя как мастера художественного слова и как колоритной личности.

Как и большинство финно-угорских писателей, Е. Загребин – выходец из деревни, поэтому в его творчестве убедительно раскрыты проблемы села и его жителей с их достоинствами и недостатками. Он относится к числу тех людей, чье детство пришлось на тяжелые военные и послевоенные годы. «Дети войны» – так называют это поколение, которое с малых лет познало тяжкий труд. Несмотря на тяготы жизни, удмуртский писатель об этом времени очень тепло отзывается в своих мемуарных рассказах, объединенных в цикл «Эхо войны», вошедший в книгу «Лебеди моего детства» (2008) на русском языке. Воспоминания о деятелях культуры Удмуртской Республики Е. Загребин включил в цикл «Искры огня».

Схожие мотивы можно найти и в автобиографических книгах и циклах воспоминаний марийских писателей Александра Ивановича Тока «Незабываемые годы молодости» (1970), Никандра Филипповича Ильякова «Тенгелӓ ныӓнӓм аштем» («Так я их помню», 1958–1967), Николая Петровича Егорова «Цӓрӓ ялан жепем» («Босоногое детство», 1992), Виталия Александровича Ерошкина «Вырсын тетявлӓжӓ» («Дети войны», 2005), Ивана Ивановича Горного «Мӓндӓр дӓ лишӓл» («Далекое – близкое», 2008).

Следует подчеркнуть, что в этих мемуарных произведениях авторы воспроизвели некоторые страницы не только своей жизни, а, в первую очередь, изобразили детали и реалии советской эпохи, которая не нашла еще объективной оценки сегодня. Во вторых, писатели рассказали о своем сокровенном, описали пережитые лично ими события. В таких произведениях повество-

вание ведется, как правило, от первого лица; их отличает психологизм, открытая идейно-нравственная позиция автора.

Циклы Е. Загребина «Искры огня» и «Эхо войны» связывает одна тематика – вера в Бога. Так, в одном из своих выступлений на X съезде финно-угорских писателей (Йошкар-Ола, 2008) он отметил, что жизнь без веры в Бога – трагедия для народа. Эта идея очень тонко представлена в обоих циклах. При этом в своих мемуарных рассказах и очерках автор не навязывает свое мнение читателю, а подводит его к выводу, что ведущее место принадлежит православному миропониманию.

В новеллистическом очерке «Любовь моя, ревность моя...» Е. Загребин как тонкий психолог, рассказывая о трагической судьбе актрисы А. Г. Колесниковой, обращает внимание не только на внешние обстоятельства жизни и смерти своей героини, но и на ее душевное и духовное состояние. На примере ее судьбы автор показал не только семейные проблемы, но и духовные проблемы общества. Высшие силы пытаются вмешаться в судьбу Анны, однако героиня не замечает эти знаки. В первый раз от страшного шага суицида ее останавливает незнакомая женщина, призвав к голосу совести.

«– Да как поняла, что ты, девка, задумала, – сказала старушка.

– А что я задумала? – притворилась непонимающей Анна.

– Ну, это, дочка, ты сама да один Господь знает, – пожалев Анну, ответила та. – Я тебе не судья. Ты вона какая! Поди, грамотная... А грешно себя ведешь. Мы тут чистую воду берем, пьем ее. Здесь грязь не разводи...

«Гав! Гав!» – подал голос маленький кудрявый песик.

– Вона, посмотри на собачонку-то. Ей спасибо говорю. Она меня от смерти отвела. Не тебе одной белый свет не мил бывает – и другим таки дурны мысли приходят. Я тоже, как моих троих сынков война унесла, в петлю захотела. В хлев выходила – под ноги щеночек попался. Плачет, сердешный, скулит... Пожалела я его, напоила, накормила, обмыла, дурны мысли выкинула... Опосля к Богу дорогу нашла... У самой, поди, и детки есть?

– Двое... – начиная приходить в себя, сказала Анна.

– Иди, иди, анафема! Грешная душа! Еще смерти ищет, ходит. Э-э, Господи, были бы мои сынки живы, из могилы бы встала, к ним поспешила. С жиру беситесь, ревнуете, потому и живете с дурными мыслями! стыдно!» [Загребин 2008, 29–30].

Очень правильно оценила старушка состояние Анны. Не зная причин, побудивших главную героиню новеллы на совершение страшного греха, она отмечает «С жиру беситесь, ревнуете, потому и живете с дурными мыслями!». Живя без веры в Бога, Анна запуталась в страстях, в ревности. По словам святых отцов: «Ревность возбуждает честолюбие, когда видишь другого в почестях выше тебя. Коль скоро ревность ослепила наши чувства и овладела тайными помыслами, тотчас презирается страх Божий, пренебрегается учение Христово, не помышляется о дне суда, надмевает гордость, усиливается жестокость, умножается вероломство, мучит нетерпение, свирепствует раздор, кипит гнев, – и не может уже удержать себя или управлять собою тот, кто подпал чужой власти» [Карфагенский]. Анна, страдая от ревности, уходит в себя, отдаляется от людей, остро ощущает соперничество как на работе, так и в личной жизни; ей кажется, что все отвернулись от нее.

Следующим шагом героини становится расстрел сыновей и самоубийство. Автор не случайно несколько раз упоминает трагедию Еврипида «Медея». Символично, что Анна мечтает сыграть Медею на сцене. Видимо, на решение Анны уйти из жизни повлияла и судьба героини драмы Н. Островского «Гроза» Катерины. У Анны отсутствует религиозная серьезность жизнепонимания (автор не раз намекает на это), что приводит к трагической развязке.

Драматизм пережитых в детстве событий отражен в цикле рассказов Е. Загребина «Эхо войны». В рассказе «Красная тряпка» на примере одного, казалось бы, незначительного случая раскрывается трагизм сталинского времени. Ученики первого класса, несмышленные мальчишки, резвятся, и красная тряпка, которой вытирают доску, падает на портрет Сталина. Учитель-

фронтовик расценивает этот случай как проступок, чуть ли не как политическую диверсию. За такое могли и расстрелять, и в ссылку отправить. О подобных инцидентах рассказано, например, в мемуарах марийских писателей Ивана Ивановича Осмина «*Кава ден мланде коклаште*» («Между небом и землей», 1996), Василия Степановича Ошэла «*Айдеме илаш шочеш*» («Человек рождается жить», 1990), Максима Степановича Шведа «*КЫртни пичы кӧргыштӹ*» («Молодость в клетке», 1990) и др. Интересна и сцена молитвы деда Егора перед портретом Сталина. Казалось бы, все делалось для того, чтобы замять инцидент, однако возмездие настигло главного героя. По сравнению с тем, какие события происходили в это время, можно отметить, что мальчик Егор «легко отделался».

Рассказывая о непростых жизненных ситуациях, произошедших с его родными людьми во время войны, Е. Загребин вновь возвращается к теме веры в Бога. Он откровенно пишет о силе материнской молитвы, силе креста в рассказе «Огонь»: «Моя мама стоит на коленях, стоит перед иконой Божьей Матери и молится. Молит, чтобы Матерь Божья помогла вразумить сына, чтобы не дала погубить себя и других.

А рядом молча стоит мой брат.

– Дай слово, сынок, перед Богом и повторяй за мной. Говори: эту деревню я не трону.

– Не трону, мама... – одними губами проговорил брат.

– Эта деревня и сегодня, и завтра, и всегда будет стоять на своем месте. Мир за одного грешника не в ответе.

– Я ее не подожгу и друзьям не позволю. Аминь!

– Не подожгу и друзьям не позволю... Аминь!

– Вот тебе крест. От пули, от огня, от черных дел пусть охраняет моего сына, – прошептала мама и повесила свой серебряный крест на шею брату. – Никогда его не снимай, сынок, смеяться, издеваться будут – спрячь...» [Загребин 2008, 55–56].

Права народная мудрость: «Молитва матери со дна моря достанет». Автор об этом пишет так: «Мамина молитва сберегла деревню, но не уберегла сына. Брату дали двенадцать лет и отпра-

вили на Колыму» [Загребин 2008, 61]. Здесь важно отметить, что материнская молитва уберегла от греха перед Богом и людьми: если бы Аркадию и его друзьям удалось поджечь деревню, то могли бы быть и человеческие жертвы.

Известно немало случаев, когда материнская молитва доходила до небес и совершалось чудо. Такие истории фиксировались, собирались и издавались как отдельной книгой, так и включались в разные православные сборники по духовно-нравственному воспитанию. Например, широко известна история, случившаяся с поэтом-декабристом Кондратием Рылеевым. Трехлетним мальчиком он заболел, находился при смерти, а мать вымолила его, и ей было видение будущего ребенка. Во сне ей показали виселицу, и было сказано: «Лучше покорись, не выпрашивай жизнь ребенку, теперь еще такому ангелу, не знающему зла...», но она «с криком: «Нет, нет, хочу, чтобы он жил!» – задыхаясь, спешила за занавес... и я увидела... виселицу! Я громко вскрикнула и очнулась. Наклонилась к ребенку, и какво было мое удивление, когда я увидела, что он спокойно, сладко спит, улыбаясь, с легким румянцем на щеках... Время шло, сон мой исполнялся с буквальной точностью во всех, даже мелких подробностях...» [Судьба 2011, 367–368].

Е. Загребин пишет, что материнская молитва тогда «не уберегла сына», но мольбы матери и сила креста сберегли брата во время войны. Автор далее не останавливается на том, как его мать молилась за ушедших на фронт, но обращает взор читателя на то, через какие испытания прошел Аркадий: «В том же сорок первом году брат написал заявление с просьбой отправить его на фронт. Зачислили в штрафной батальон. После второго ранения его, «искупившего кровью», направили в танковую школу – как-никак шофером был. С боями прошел всю Европу. Воевал за освобождение Румынии, Чехословакии, Австрии, дошел до Берлина... Не раз горел его танк. Не раз горели на нем комбинезон, гимнастерка. А левый карман, где всю войну носил мамин серебряный крест, оставался невредимым...» [Загребин 2008, 61–62]. О таких чудесных случаях во время Великой Отечественной во-

йны также имеются свидетельства. Сила креста и вера в Бога помогли России выстоять в этой жестокой войне. Например, прихожанка Свято-Духовского храма с. Усола Горномарийского района Республики Марий Эл подтверждает: «Мой отец, Яков Иванович Ванюков, участвовал в войне, был связистом. Вернувшись с фронта, показал свой нательный крест и сказал: «Только это меня спасло, подарок твоей матери» [Федосеева 2021, 5].

Как выживали в деревне во время войны, чем питались, Е. Загребин вспоминает в рассказах «Крапива», «Жаворонок». Он не заостряет внимания на том, как было трудно с продуктами, лишь отмечает некоторые детали, в которых отражается вся картина пережитых народом суровых дней. В рассказе «Жаворонок» показано, как весной шли в поле *«откапывать в оттаявших бороздах пашни картошку»*. В народе картофель называют «вторым хлебом». Похожий рассказ об этом времени содержится и в повести-воспоминании марийского писателя Н. Егорова *«Цӓрӓ ялан жепем»*.

Егор Загребин, как и большинство писателей его поколения, обращается к теме малой родины. Его произведения отличаются глубоким лиризмом и народной мудростью, что сближает их с творчеством финно-угорских, в частности, марийских писателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загребин Е. Е. Лебеди моего детства. Ижевск: Удмуртия, 2008. 176 с.
2. Карфагенский К. О ревности и зависти // https://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Karfagenskij/o_revnosti_i_zavisti/ (Дата обращения 16.11.2021).
3. Судьба декабриста // Непознанный мир веры. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2011. С. 366–370.
4. Федосеева Н. А. «Ушанымашын корныж дене» // Шӱм-чон изолык. 2021. № 11. С. 4–5.

А. З. Диева
«ГОЖЪЯСЬКИСЬЛЫ СО ОМЫР КАДЬ...»

Калык писатель Егор Егорович Загребин 4-тй июле 1937-тй арын Якшур-Бодья ёросысь Кутоншур гуртын вордйськиз.

– Нуны веттан гуръёсты мыным пичи дырысен пумтэм-йылтэм нюлэсьёс но пичигес гинэ Кутоншурмы кырзаллязы – то-даз вае со. – Атае мушкась вал. Пичи дырысеным тодмо ужлэн но няньлэн дунъёссы. Вордски гинэ, жыны ар ортчыса, 18-тй феврале 1938-тй аре атайме, тӧдьюос палан ожмаськиз шуыса, арестовать каризы но «японский шпион» статья лякизы. Соин чӧш братме но тюрмае пуктйзы. Семья пушкамы курадӟон пыриз: милемыз коркатэк кельтйзы. Анае, сузэре но мон сьӧд мунчобын улймы. 1943-тй арын братэ тюрмаысь фронтэ куриськем бере гинэ коркамес берыктйзы.

Югыт дуннеез мон мунчомылэн пичи укноетйз гинэ адӟылй. Уката ик толалтэ. Ульчае потаны шуныт дйськутэ но, гын сапеге но ой вал. Укноысен адӟылй: калык солань-талань ветлэ, валъёсын ужало, вионкаен кидысэз шерто, чылкытато, отын ик бадӟымесь куро зуродъёс пуктыло, быдэс возэн культоос кутсаны ваё. Со мыным городысь бадӟым завод кадь потэ вал, колхозникъёс кӧттырымоназы чабей сиыны быгато шуыса малпалляй. Вить-куать арес дыръям анаеным шунаны кутскем лымы вылтй кынмем картошка гудылймы но солэсь табань пыжылймы.

1946-тй арлэн пумаз гинэ висись атаймы Сибирьысь вуиз. Кӧня ке ар гинэ улйз на со, улонысь кошкиз. 1944-тй арын мон дышетскыны мынй. Тетрадъёс но, чернила но ой вал, горд кушман вуэн но су вуэн гожъяськимы. Одыг пол но кӧттырымонам сиемме уг тодйськы мон та аръёсы. Озыы ке но туж тыршыса дышетски. Анае тазы шуылоз вал: «Дышетскы пие, оло адями луод но гуртысь кошкод»...

Колхозэ милемды ӧз кутэ, атае кык пол заявление гожтйз вал ке но. Нырысь со улэм Харбинын, тӧдьюосын Китаёзь чигнаса мынэм, 4 ар Шанхайын улэм. Эшгёсыз Америкае кошкиллям, нош со тйни ас шаераз, яратоно кузпалыз но пиез доры ик берытскем. Со понна кык пол (1925-тй но 1938-тй аръёсы) репрессие сюрылйз.

12 аресысен мон атаелэн юрттйсез вал ини. 1955-тй арын Со-
сновкаысь шор ёзо школаез йылпумъяй но Ижевске шонтй. Му-
зыкальной училищее пырыны малпасько вал. Диктант гожтймы
но мыным «2» пуктйзы. Собрере театре шеде, статистын ужай.
Анатолий Иванович Саратов главной режиссёр вал отын. Тулыс
театральной институтэ набор ялызы, мон но 18 арес нылъёсын-
пиосын театральной институтысь студие сюри. Мынон азын,
Удмурт театрын статистын ужакум, «Азин» спектакльын егит
партизанэз, «Яблоко раздораын» егит морякез шудй, Лев Тол-
стойлэн «Власть тьмы» пьесаезъя спектакльын эмеспилэсь
рользэ осказы ини мыным. Озы ик выжыкылъёсын но шудылй.
Ма, театрез яратонэ мынам гуртысен вал ини. Пичи гуртамы яра-
то вал одйг ёзэн пьесаос пуктылыны, сюлме пырись кырзәнъёс
кырзәлляны. Мыным 50 манет сётйзы но туж шумпотй, соку со
туж бадзым коньдон вал...

Егор Егорович Загребин пичи дырысеныз инкуазен эшъя-
ськиз. 6-тй классысен Степан Павлович Ширококов косэмъя
гожъяськыны кутскиз. Нырысь ик печатласькиз «Советской Уд-
муртия» газетлэн «Егит натуралистлэн» сэрегаз: тылобурдоос,
пйшуръёс сярысь гожъяз. Ленинградын дышетскыкуз «Комсо-
молец Удмуртии» газетын веросъёсыз потылыны одъязы. Соку
отын Леонид Никандрович Данилов но Семён Андреевич Пере-
вощиков корреспондентъёс вал. 1959-тй арын, студент дыръяз
ай, бадзым произведение гожтыны кутскиз – «*Тулыс зор*» нимо
пьеса. Юрттйзы солы институтысь дышетйсьсы Евгения Кон-
стантиновна Лепковская, актёр но режиссёр Василий Яковле-
вич Перовощиков. Институтсылэн сцена вылаз пуктйзы сое.
Дышетйсьёссылы но, искусствоез дунъясьёслы но спектакль
кельшиз. Иже бертыса, Удмурт театрын но возматйзы. Егор За-
гребин актёрын ужам сяна, пьесаос гожъянзэ азыланьтйз. Озы
1967-тй арын «*Тодды юсь*» драма, 1969-тй арын «*Портрет*»,
1972-тй арын «*Мынам яратонэ татын*», 1976-тй арын – «*Бугы-
рес тулыс*» драма вордйськизы.

Егор Егорович кема аръёс ёже ини муш вордэ. Кыче кужым
басьтйськоды, малы соин выриськоды юанэлы со тазы валэктйз:

– Нырысь ик – тазалык. Адями пичи ке но чечы сие ке, со тазалыксэ возыны быгатэ. Ваньмызлы тодмо чечылэн адямилы зечлык сётэмез. Кыззы туры-куар – озы ик чечы. Маин тятяд, мамаед выре, соослэн ужзы пыча нылпиослы. Мон но тятяелэсь ужзэ, муш вордонзэ азылантьёсько. Шумпотон сётэ со, тодэ вайытэ анай-атайдэ, чыжы-выжыостэ: тани таин тятя чынатэ, таин чорыга вал – ваньмыз со пичи пилэн шумпотонэз, данъяськонэз луыса кыле.

– Адымилэн улоназ самой дуноез, умоез мар?

– Мае, шөдйд, мае валад, зечсэ – сое лэсьты. Ваньмыз анай пушкысен кылдэ, вордйське. Мемилэн вераськемез, улэмез но пыча нунылы. Дунне вылын нырысь интыын аджон луэ. Вань-а улонэд, пормоз-а – ваньзэ Инмар сётэ. Вань сюлмыныд оскиськод ке зечезлы, сюлэм бөрдыса гожтйськод ке, со шөдйське. Таиз гожъяськон сярысь. Мар со гожъяськон? Со асэныд ачид вераськон, тынад аслэсьтыд паймемдэ, лулпуш малпанъёстэ калыклы верамед потэ. Котькуд адямилэн идеологияз аслаз, али тросэзлэн шумпотонэз өжыт. Узыртьёс шуо, Совето улон дыръя, пе, номыр умоез ой вал. Ми улймы югыт дуннелы, анай-атаймылы тау карыса, ми со пинал дырмес, гуртмес, ужасьёсты дунъяськом, яратйськом вал. Али валасько, пичи гуртёсын, баджым идеясты нулльсьёс, гожъяськисьёс вордскыло шуыса. Ваньзы зеч писательёс, кылсярысь, Лев Толстой но, гуртысь потэмын вал.

Пересьёс шуо: «Весь гожъяськиськод на-а?». Мон тазы шуо: «Гожъяськисьлэн со омыр кадь...».

Удмурт Элькунысь калык писательлэн, драматурглэн, прозаиклэн, публицистлэн инкуазен сётэм быгатонлыктьёсыз но жадёнэз тодытэк ужамез юрттызы лулчеберетлэн выль тубатъёсаз жутскыны. Е. Е. Загребин 50 ар ини яратоно удысаз тыршиз. Мур пуштресо пьесаосаз со яркытэсь характеръёс, образъёс, конфликтъёс кылдытыны быгатоз. «*Эш-Тэрек*», «*Кикы нош силе но силе...*» трагедиясыз Кун премиосын пусъемын. Веросьёсыз удмурт литература хрестоматиясы пыртылэмын, зуч, чуваш, пор, мордва кылъёсы берыктэмын.

А. В. Ельцова

ТЕМА ВОЕННОГО ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ

Е. ЗАГРЕБИНА, И. ТОРОПОВА, А. ВАНЕЕВА¹

В 1950–60-е гг. в удмуртскую, коми и коми-пермяцкую литературы пришло новое поколение авторов, родившихся в конце 1920-х – 1930-е гг., чьи детские и подростковые годы пришлись на военную пору. Среди поэтов это удмурты Ф. Васильев, О. Поскребышев, В. Романов, В. Ванюшев, А. Белоногов, коми Г. Юшков, А. Ванеев, Ю. Васютов; среди прозаиков – удмурты Е. Загребин, Р. Валишин, П. Чернов, коми-пермяк В. Климов, коми И. Торопов, Г. Юшков, Ю. Васютов, Н. Куратова. Каждый из них на личном опыте испытал все тяжести военного времени, тыловых работ, ощутил дыхание голода и смерти: «<...> именно Великая Отечественная война стала отправной точкой их жизненного пути, тем моментом, когда начали формироваться их духовные ценности» [Петров 2015, 17]. Заявив о себе еще в первые послевоенные десятилетия, эта плеяда ярких и самобытных авторов, придерживающихся в творчестве единых философских и эстетических взглядов, во многом определила основное звучание и развитие этих родственных финно-угорских литератур во второй половине XX столетия.

Творчество нового поколения писателей, заявивших о себе в 1960-е гг., в целом характеризуется постепенным выходом за рамки идеологических штампов, отказом от явной риторики, агитации. Их место занимают лиризм и романтические ощущения, навеянные периодом «оттепели» 1960-х гг. Стремление авторов к отображению новых жизненных обстоятельств потребовало и иной манеры художественного мышления, иной поэтики стиха и прозы. Новые художественные качества были обусловлены вниманием писателей к нравственно-философским пробле-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта: ИЯЛИ FUUU-2021-0006 Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира.

мам, их обращенностью к внутреннему, духовному миру человека, его мыслям и чувствам.

Во второй половине XX в. творческие усилия многих авторов этого поколения были также направлены на осмысление Великой Отечественной войны: ими был сделан новый шаг в разработке данной темы. Стихи и проза «мальчишек военного времени» – это впечатления военного детства: память об ушедших на фронт отцах и старших братьях, о скудном хлебе военной поры, о раннем взрослении и тяжелом труде наравне со взрослыми. Об этом рассказы удмуртского драматурга и прозаика Е. Загребина (1937–2015) из цикла «Эхо войны» (опубликован в его книге «Лебеди моего детства», 2008), рассказы и повести коми прозаика И. Торопова (1928–2011) из мелехинского цикла («Шуркин бульон», «Где ты, город?», «Пшенная каша», «Вам жить дальше», «Скоро шестнадцать»), а также ряд стихотворений коми поэта А. Ванеева (1933–2001). Всех этих авторов, принадлежащих к одному поколению, роднит неоднократное обращение на протяжении всего творчества к теме военного детства. Размышления и воспоминания о нем придают их произведениям черты автобиографизма, усиливая в них личностное и субъективное начала, когда герой или субъект повествования вспоминает о минувшем и отображает свои воспоминания в рассказе о прошлом. Роль средств, придающих изложению особую субъективность, возрастает [Николина 2002, 389], и ведущим в произведении становится лирическое начало, когда даже эпический жанр (рассказ, повесть) «обогащается родовыми свойствами лирики, где становятся естественными лирический герой, лирическое повествование, лирическое отступление, лирический монолог» [Гудырева 1998, 6].

Тема Великой Отечественной войны является одной из наиболее значимых в творчестве поэта А. Ванеева, не раз обращавшегося к ней в течение всей жизни. Военной тематике посвящены его стихотворения «*Локтё гортас салдат*» (Возвращается домой солдат), «*Воис ыджыд война вылысь морт...*» (Возвратился с великой войны человек), «*Асъя пальёдысь, лунъя гажёдысь*»

(Будящий утром, веселящий днем), «Ловъяслы» (Живым) и др., в которых воссоздан образ солдата – защитника родной земли. Но наиболее глубоки и лиричны стихи А. Ванеева о детстве военной поры. Ему, восьмилетнему мальчишке, в первую осень войны пошедшему впервые в школу, наравне со взрослыми были отмерены судьбой и не по-детски тяжелая работа, и горе. Поэтому слова исследователя удмуртской литературы Л. П. Федоровой, характеризующие творчество удмуртских поэтов, справедливы и по отношению к нему: «Память детства о войне они пронесли через всю жизнь, свои поступки сверяя по нравственным меркам военного времени» [Федорова 2018, 64]. Тема памяти о военном времени для него, как и для многих других поэтов этого поколения, является одной из ведущих, «что существенно отличает образный ряд их стихотворений от лирики поэтов фронтового поколения» [Петров 2015, 17]. Памяти о военном детстве посвящены стихотворения А. Ванеева «Медводдза учительница» (Первой учительнице), «Сартасён югзьёдём рытьяс» (Освещенные лучиной вечера), «Мый вöлі, сійö вöлі...» (Что было, то было), «Кынмалыштöм пелысь» (Подмороженные ягоды рябины). Военное время в них – это время раннего взросления, раннего познания горя и утрат. В стихотворении «Первой учительнице» поэт использует художественный прием «метафорического уподобления войны школе, в которой человек проходит самое суровое обучение и воспитание» [Петров 2015, 20]:

*Сьöкыд кадö ми шыпасъяс велöдiм:
Чужан му весьтын грымгис война.
Урок бöрын ми ыб вылын келавлiм,
Шептöн-шептöн сэсь чукöртлiм нянь*
[Ванеев 2007, 24].

В тяжелые времена учились мы грамоте:
Над родной землей грохотала война.
После уроков бродили мы по полям,
Собирая колоски хлеба².

² Здесь и далее перевод стихотворных текстов с коми языка подстрочный наш – Е. Е.

Среди метафор, употребляемых поэтом при создании образа детей военной поры – «война тшынон курддалом пиян» (дети с глазами, разъеденными дымом войны), «кынмалыштөм пелысь» (подмороженные ягоды рябины), «шептавлытөг война пужйон кынмысьяс» (не успевшие заколоситься, замороженные инеем войны). В основе этих метафор – образы северной природы, раскрывающие горечь жизни военной поры, голод, раннее взросление детей. А обращение к памяти позволяет поэту не только понять себя и систему своих ценностей, но и остаться настоящим человеком уже в зрелом возрасте. Поэт в своих стихах словно преодолевает противоречие между болью, нанесенной войной людям его поколения, и их духовным ростом, воспитанием характера, закладкой нравственного фундамента личности, обусловленными этим временем:

*Эз кампета вөв миян челядьдырным,
А ёнджыкасо шома либө курыд<...>
Ми өні йөзсянь кывлывлам ас пельон,
Мый олөм туйод зумыда пө мунам...
И абу дивө:*

*Кынмалыштөм пелысь
Век овлывлө и чөскыдджык, и юмов*
[Ванеев 2007, 70].

Не сладким было наше детство,
А, скорее, кислым или горьким<...>
Но теперь мы часто слышим от людей,
Что твердо идем по дороге жизни...
И неудивительно:
Подмерзшая рябина
Всегда бывает и вкусней, и слаще.

Значительную роль в лирическом произведении играют глубокие переживания героя, его воспоминания о прошлом, монологи. Как правило, все стихотворные и прозаические произведе-

дения о военном детстве, созданные этим поколением писателей, – это живущие в их памяти на протяжении всей жизни воспоминания о военных годах, о трагической судьбе народа в годы войны, зачастую – воспоминания о невозвратности счастливых довоенных минут. При этом детство военной поры воспринимается ими не только как отнимающее все дорогое, как тяжелое, страшное, горькое время, но и как обычное детство – светлое, доброе, счастливое. В стихотворении А. Ванеева «*Мый вöлі, сійö вöлі...*» (Что было, то было) используется художественный прием словесного единоначатия с отрицанием «*быттö... эз вöв*» (словно... не было). Вспоминая о своем детстве военной поры, автор словно бы зачеркивает этим отрицанием все плохое, что хранит его память: «*быттö курыд саыс ми вылö эз сөв*» (словно не садилась горькая сажа на нас), «*быттöкö войнаыс быдмигөн эз вöв*» (словно войны, когда росли мы, не было), «*быттöкö эз тойлöй гырыын идзас-кыд*» (словно не толкли в ступе солему-отруби), «*быттöкö эз сэйлöй дубыд нуръя шыд*» (словно не хлебали пустые щи), «*быттö видзьяс вылын эз вöв сьöкыд удж*» (словно не было на полях тяжелой работы), «*быттö эз сот сьöлöm тöждысьöмлөн би*» (словно не жег сердце огонь беспокойства) [Ванеев 2007, 173].

Тема военного детства, его образ воссозданы и в творчестве финно-угорских писателей-прозаиков этого поколения. В обширном наследии удмуртского писателя Е. Загребина, где «большое место занимают и драматургические произведения, и малые жанры прозы, и злободневная публицистика» [Шибанов 2017, 167], значимы и важны рассказы-воспоминания о детстве военной поры, объединенные в цикл «Эхо войны» и включенные в книгу писателя «Лебеди моего детства» (2008): «Красная тряпка», «Огонь», «Пилотка», «Жаворонок», «Летят журавли» и др. На русский язык они переведены самим автором, а также В. Болтышевым, В. Глушковым. Коми прозаик И. Торопов, чье творчество занимает ведущее место в истории коми литературы XX в., известен своими произведениями мелехинского цикла, куда вошли рассказы и повести, объединенные образом главно-

го, «сквозного» для всего цикла героя – деревенского подростка Феди Мелехина, росшего и мужавшего в военные и первые послевоенные годы. Произведения двух писателей – удмурта и коми – сближает не только тематика военного детства, автобиографизм и стремление к циклизации, но и лирический характер их произведений. Так, исследователи творчества И. Торопова отмечают, что его «зрелое художественное слово знаменует собой становление в коми литературе лирической прозы» [Гудырева 2005, 4], для которой также свойственны романтическая поэтика и стилистика при передаче внутреннего мира человека [Латышева 1995, 51]. Лиризм и романтика как принцип искусства И. Торопова, по мнению литературоведа В. А. Латышевой, расцветают в произведениях мелехинского цикла, «показывая то, на что способен герой, вступающий в жизнь, ищущий дорогу, рвущийся в будущее» [Латышева 1995, 52].

Исследователи прозаического творчества Е. Загребина выделяют такие его основные свойства: искренность, эмоциональность, точность в изображении жизненных ситуаций, «способность радоваться «живой жизни», каждому ее мигу, быть в братском соединении с окружающим миром» [Зайцева 2002, 220]. Кроме этого, прозе Е. Загребина свойственны автобиографизм, осмысливающийся как одна из особенностей творчества писателя, как необходимый элемент его художественного мира, близость к реальным событиям и фактам. Так, рассказы писателя из цикла «Эхо войны» внутренне объединены одним характером, одной судьбой как отражение судьбы самого автора. Прототипом главного героя в них является сам автор в детстве, которому на момент начала войны исполнилось всего четыре года, – деревенский мальчишка Ёрги, Егор Загребин – повествование ведется от его лица. Автобиографизм придает прозе писателя особую эмоциональность, драматизм и лиричность, а герою-рассказчику дает возможность полно и открыто рассуждать о своих чувствах, сливающихся с мыслями автора. Субъективность авторского присутствия в тексте, способствующая «глубокому постижению изображаемой эпохи

сквозь призму конкретной человеческой судьбы» [Диева 2018, 73], отмечается исследователями как характерный признак всей художественной системы Е. Загребина. Построение в прозаическом произведении сюжета по типу лирического, раскрытие не только внешних событий и действий, но также и движений души героя, взаимоотношений между людьми позволяет автору использовать сюжет для решения лирико-философских задач. Посредством лиризации ткани эпического произведения автор получает возможность обратить более пристальное внимание на человека, его психологию, душевный мир.

Одним из наиболее показательных в этом отношении в цикле Е. Загребина «Эхо войны» является рассказ «Жаворонок» – знаковое произведение в творчестве писателя. Оно невелико по объему – всего на полторы страницы, событий в нем немного: от лица восьмилетнего Ёрги ведется рассказ о походе двух мальчишек-друзей на дальнее поле в поисках оставшейся в бороздах прошлогодней картошки. Рассказчик здесь рисует картину, типичную для военного времени: голодная весна, мальчишки, пришедшие на заснеженное еще поле в надежде обнаружить остатки осенней картошки, испытываемая ими радость от найденных в холодной, вязкой земле комочков. Лирическая вставка в эпическом повествовании появляется неожиданно: всего один абзац, посвященный воспоминаниям героя-рассказчика, его мыслям и чувствам, меняет характер повествования. Услышанная одним из мальчишек, рассказчиком, весенняя трель жаворонка пробуждает в его памяти воспоминания об отце, о счастливой довоенной жизни: «Я стоял как замороженный, глядел в голубое небо, слушал трепетную трель жаворонка и думал о том, что эту маленькую птичку очень любит мой отец. Бывало, он называл жаворонком мою маму, и я частенько слышал, как он пел песню про жаворонка. Теперь эту отцовскую песню поет мама. Сядет, затопит вечером печку, смотрит задумчиво на огонь и поет, поет» [Загребин 2008, 71]. Автор здесь полностью сливается с героем-рассказчиком, который становится прямым выразителем его мыслей и чувств. Само повествование теряет свою

первостепенную значимость – на первое место в рассказе выходят не фабула и события, а лирическая составляющая: ход мыслей героя, развитие его чувств. Так, услышав трель жаворонка и вспомнив отца, который на войне и от которого давно нет писем, он припоминает и старое поверье: «если крикнуть в печную трубу, позвать, то тот, кого зовешь, услышит, как бы далеко он ни был» [Загребин 2008, 71]. Детский ум, отмечая все плохое, тяжелое и страшное, что свойственно военному времени, подобно лирическому герою стихотворения коми поэта А. Ванеева, старается восстановить в своей душе это потерянное ощущение былого счастья, радости, надежды. И как весенняя песня жаворонка является признаком скорого наступления весны, возрождения и продолжения жизни, так и задумчивая песня матери у печного огня становится для него надеждой и залогом возможного будущего счастья: «скоро придет письмо от отца, кончится война и он, живой и здоровый солдат, вернется домой» [Загребин 2008, 71]. Образ маленькой певчей птицы, жаворонка и его трели становятся в рассказе Е. Загребина символом надежды, некой связующей нитью между счастливым прошлым и счастливым будущим – сквозь тяготы и горе войны. Песня маленького жаворонка в сознании героя-рассказчика, ребенка, словно связывает разбросанную войной семью воедино, становясь оберегом для отца на далекой войне, давая надежду на его возвращение к матери и сыну. А воспоминание героя о старинном народном поверье и вовсе придает песне силу заклинания.

Эта лирическая вставка – воспоминания, размышления и мечты героя – придает небольшому рассказу Е. Загребина свойства лирической прозаической миниатюры или даже стихотворения в прозе, а характеру рассказчика – черты лирического героя. Метафорой сложной, полной драматизма жизни мальчишек военной поры выступает в рассказе образ заснеженного поля с холодной, вязкой землей. Эта внешняя картина сменяется погружением во внутренний мир героя, изображением движений его души, нарастания и изменения эмоций, где одно переживание порождает другое, где чувство движется, развивается, достигая вершины: «мое сердце наполняется надеждой...» [Загребин 2008, 71].

Пристальное внимание к личности человека, к его психологии, душевному миру проявляется в рассказе коми прозаика И. Торопова «Шуриклы шьд» (Шуркин бульон) (первоначальное название «Воклы дозмёр» – Глухарь для брата), в котором сплетаются мотивы войны и детства, жизни и смерти. В годы Великой Отечественной войны будущий писатель был подростком. Его отец, председатель колхоза, в первые дни ушел на фронт и погиб под Ленинградом. В год окончания войны умерла мама. В 1942 г., после окончания школы-семилетки, И. Торопову пришлось оставить учебу и пойти работать статистиком, десятником, а затем мастером лесопункта. В герое его произведений мелехинского цикла – сельском подростке Феде Мелехине – явственно проступают черты характера и факты из биографии самого автора. Так, главный герой рассказа «Шуркин бульон» из этого цикла – подросток Федя чуть постарше загребинского Ёрги, судьба его трагичнее. Жизнь семьи Мелехиных разрушена войной: ушедший на фронт с первых дней войны отец пропал без вести под Ленинградом; мать, тяжело заболев от непосильного труда, умерла весной 1944 г.; дети – трое братьев и маленькая сестренка – остались сиротами. Сюжет рассказа строится на истории о том, как Феде, старшему брату, впервые в жизни пришлось идти одному в лес, чтобы поймать глухаря на бульон для заболевшего брата. В рассказе изображается процесс становления и раннего взросления подростка в условиях сельской жизни в годы войны и раскрывается внутренний мир юного героя, близкого самому автору.

Как и вся проза И. Торопова, рассказ лиричен: повествование в нем поэтично, эмоционально. Ткань эпического произведения наполнена лирическими отступлениями, которые украшают, усиливают степень художественного воздействия, оживляют повествование, ведущееся от имени героя-рассказчика Феде. Читатель многое узнает о жизни и духовном мире этого мальчишки, а его «настроение, движение чувства, формирование мировоззрения» [Латышева 1995, 52] выходят в рассказе на первый план. Духовный мир Феде, раскрытый в его внутрен-

них монологах, предстает здесь в мельчайших подробностях. В сюжете рассказа воспоминания Феде о событиях в прошлом, его переживания о неизвестной судьбе отца, о смерти матери и болезни брата, понимание того, что нельзя вернуть оставшееся в прошлом счастливое довоенное время, играют в повествовании ведущую роль. Как считают исследователи творчества И. Торопова, рассказ и весь «цикл автобиографичен, поэтому в нем еще более сильно лирическое начало» [Гудырева 2005, 12].

Тяжелая, безрадостная жизнь коми села военных лет показана в рассказе И. Торопова глазами подростка. Это и непосильная, доводящая до болезни и ранней смерти работа женщин, стариков и детей в колхозе, и чувство вечного, непрекращающегося голода у детей, оставшихся сиротами, поиски ими хоть какой-нибудь, мало-мальски насыщающей еды: «Своей картохи нам до весны не хватило, и как только с полей сошел снег, стали мы кормиться перезимовавшей, с полей. Это уже... не совсем картошка, а так, бурый сгусток в сморщенной шкуре. Идешь по жидкому полю, земля тебя засасывает, будто болото. Комок-картошину найдешь, и сердце вздрогнет, будто самородок нашел. Да не часто они попадались, картофельные самородки...» [Торопов 1981, 7]. Описание схожего ощущения физической и душевной боли при мыслях (и даже воспоминаниях) о голоде и скудной еде встречается и в рассказах Е. Загребина, таких как «Жаворонок», «Крапива»: «Встав рано поутру, я беру котомку и иду за крапивой на берег реки или в лес. Ту крапиву, что росла возле дома и в огороде, мы уже съели. Помню свои красные, в волдырях, руки. Помню свои слезы, помню вздохи матери, когда она ставила на стол миску с пустыми щами из крапивы <...> Тогда, в детстве, слова «крапива» и «война» слились для меня в одно понятие – чего-то жальщего, злого, беспощадного, от чего горько плачут и тяжело вздыхают люди...» [Загребин 2008, 69].

Описание внутренней жизни героя, развитие его чувств и переживаний, ход мыслей, перемежающихся с воспоминаниями и снами, придают рассказу И. Торопова «Шуркин бульон» черты лирического произведения, а внешнее событийное пове-

ствование отодвигают на второй план. Они не только настраивают читателя на определенный лирический лад, но и являются своеобразными двигателями сюжета прозаического произведения: воспоминания возвращают Федю то в довоенное, радостное и счастливое, но уже недостижаемо далекое время, то в недавнее, омраченное смертью матери, прошлое. Сон, увиденный мальчиком во время ночевки в лесу, раскрывает, прежде всего, его душевное состояние. Именно в этой части повествования в размышлениях героя возникает образ заснеженного поля, символизирующий его, мальчишки военных лет, жизнь: «...и я будто просматриваю свою будущую жизнь. Она похожа на темное заснеженное поле. И насквозь продувается ветром сильным, а мне идти по этому полю, идти, идти...» [Торопов 1981, 18]. Образ этот близок образу такого же пустынного, заснеженного поля и в рассказе удмуртского писателя Е. Загребина. Примечательно, что возник он именно в творчестве финно-угорских авторов как глубокий символ жизни детей военного времени, обозначающий их видение своего не только настоящего, но также и будущего пути – темного, неясного, продуваемого всеми ветрами бездорожья, передающий жестокость мироздания, создающий атмосферу холодную и зловещую.

Образ Феде Мелехина в рассказе «Шуркин бульон» имеет свойства лирического героя: по духу и мироощущению он близок самому автору, зачастую наделен его личностными чертами, как в лирическом произведении, выступает от первого лица. Развитие его мыслей и эмоций играет значимую роль в развитии сюжета. Так, начало произведения омрачено рассказом о тяжелой сиротской доле в годы войны, о неотступном чувстве голода, о тяжелой болезни младшего брата. Преобладает здесь и мотив смерти: гнетущее чувство усиливают мысли-воспоминания Феде о болезни и смерти матери по дороге в лес, его сон-метафора о собственной жизни, встреча во сне с умершей матерью и пропавшим без вести отцом. Но смена чувств героя, внезапное ощущение счастья и радости жизни меняют и ход повествования в произведении. Федя, проснувшись в лесу по-

сле полной страха и тяжких снов ночи, в преддверии нового утра и нового дня вдруг ощущает счастье человеческого существования, а вместе с этим обретает и надежду, даже уверенность в том, что все наладится: удастся поймать глухаря для больного брата, и жизнь, какой бы она ни была, продолжится: «И стало мне удивительно хорошо. И спокойно. Радостно стало оттого, что я живой, что один заночевал в лесу, и ничего, обошлось. В тот светлый миг все кругом – и тихо гудящий лес, и обомшелая дедовская банька, и луг, подернутый белым туманом, и скромный говор ручья, – все это подступило ко мне, такое бесконечно дорогое, милое, родное навеки. Вот, думаю, до чего ж здорово, что родился я на этой земле. Теперь бы не дать Шурке помереть – и будем жить дальше» [Торопов 1981, 18].

Во многих финно-угорских и, в частности, пермских литературах поколение писателей, пережившее годы Великой Отечественной войны детьми и подростками, продолжило и далее развило ту традицию изображения войны, которая была задана в первые послевоенные десятилетия писателями-фронтовиками. Одной из главных констант для них становится память о войне. Писатели – удмурт Е. Загребин, коми А. Ванеев и И. Торопов – яркое тому подтверждение. Храня в памяти детские воспоминания о событиях тех лет, давая им оценку, заново переживая их, они эмоционально и лирично воспроизводят в своих произведениях внутренний мир людей своего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванеев А. Е. Бөрйём гижӧдъяс. В 3 т. Т. 1. Кывбуръяс. Сыктывкар: ГУ Редакция журнала «Арт», 2007. 464 с.
2. Гудырева Л. В. Поэтика прозы И. Г. Торопова. Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1998. 21 с.
3. Гудырева Л. В. Художественное своеобразие прозы И. Г. Торопова. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2005. 116 с.
4. Диева А. З. Влияние авторской субъективности на архитектонику трагедии Е. Загребина «Эш-Тэрек» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. № 3. С. 73–81.

5. Загребин Е. Е. Лебеди моего детства: новеллы, рассказы, пьесы / пер. с удмурт. В. Болтышева, В. Глушкова и автора. Ижевск: Удмуртия, 2008. 174 с.

6. Зайцева Т. И. Некоторые размышления о творчестве Е. Загребина // Движение эпохи – движение литературы. Удмуртская литература XX века: уч. пос. / С. Т. Арекеева, Т. И. Зайцева, В. Г. Пантелеева и др.; под ред. Т. И. Зайцевой и С. Т. Арекеевой. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. С. 219–222.

7. Латышева В. А. Романтические тенденции в прозе коми (по произведениям И. Торопова) // Латышева В. А. Литература коми: уч. пос. Сыктывкарский ун-т. Сыктывкар, 1995. 118 с.

8. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы: уч. пос. М.: Флинта: Наука, 2002. 424 с.

9. Петров И. В. «Война вошла в мальчишество мое...»: образ подростка в поэзии 1950–1960-х годов // Филологический класс. Екатеринбург, 2015. № 1(39). С. 17–23.

10. Торопов И. Г. Вам жить дальше: рассказы и повести / пер. с коми С. Панкратова. М.: Современник, 1981. 527 с.

11. Федорова Л. П. Тема военного детства в удмуртской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1(79). Ч. 1. С. 63–66.

12. Шибанов В. Л. Егору Загребину – 80 // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. № 3. С. 167–169.

Р. В. Кириллова
НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ Е. Е. ЗАГРЕБИНА

Есть писатели, чьи книги становятся друзьями с ранних лет. К числу таких писателей можно отнести и Егора Егоровича Загребина. Его лирические миниатюры, короткие рассказы, пьесы, эссе, новеллы полны удивительных событий, нравственной чистоты. Они способны настроить душу на доброе, благожелательное отношение к миру и людям. Не случайно многие его произведения заслужили высокую оценку критиков и коллег по перу, вызвали неподдельный интерес читателей.

В его книгах зримо предстает автор, обеспокоенный нравственным обликом современника, судьбой родины и природы. Он человек чувства, крайних эмоциональных порывов, страстный и нежный, и сентиментальный в минуты общения с красотой .... Но главное – он человек совестливый, воспринимающий всем сердцем боль и страдания людей. Он искренен, честен и мужествен.

Все светлые помыслы писателя были связаны с родной землей и своим народом, все сокровенные тайны и мысли были доверены удмуртским просторам. Именно повышенным вниманием к малой родине объясняется большое количество в творческом наследии Е. Е. Загребина автобиографических рассказов, повестей этнографического характера – «*Нюлэс куараос*» («Лесные голоса») (1971), «*Тӧдды юсь*» («Белый лебедь») (1976), «*Палэзь зускиос*» («Гроздь рябины») (1978), «*Лебеди моего детства*» (2008) и др.

В них по крупницам, из отдельных эпизодов, автору удалось воссоздать полную и емкую картину бытия сельского труженика, ярко описать то, что пришлось пережить его односельчанам в военные и послевоенные годы. Особенно реалистично изображено военное и послевоенное время, холодное и голодное детство в рассказах «*Пилотка*», «*Огонь*», «*Суп из крапивы*», «*Летят журавли*» и т. д.

В рассказе «Шырчик умортоос» («Скворечники») центральное место занимает образ Ондreja, защищавшего родную землю, свой народ на фронтах Великой Отечественной войны. В небольшом рассказе автору удалось показать подлинную человеческую трагедию, жестокую реальность войны и преодоление горя через обретение чувства дома, родины. Вернулся солдат с фронта домой – а семья погибла, дом осиротел и обветшал. Как дальше жить?.. Соседи фронтовика в недоумении: вместо того, чтобы начать обустривать дом, он мастерит и развешивает на деревьях скворечники! Боятся подойти к солдату, посочувствовать горю, мало ли что случилось с ним, пережившим большую трагедию... А через некоторое время все скворечники были заняты «хозяевами» – заливаются трель, словно оркестр... Ожил двор фронтовика, односельчане помогли поднять дом, начался новый этап в жизни бывшего солдата [Загребин 2008, 71].

Воспоминание о войне автора-рассказчика несет в себе живую, непосредственную память о военных событиях, неизбывную скорбь о погибших товарищах. Эти отсылки к военному времени не только связывают воедино жизнь нынешнюю с днем прошедшим, но и несут в себе сильный антивоенный пафос.

На тяжелое, драматичное военное и послевоенное время приходится детство будущего писателя, период взросления и постижения жизненных истин. Поэтому, наверное, Загребин часто возвращается к этому времени в своих произведениях. Будущий писатель Егор Загребин рос живым, остроумным мальчиком. Много читал, увлекался в школе театром, сам придумывал и разыгрывал перед братьями и знакомыми целые сцены. Особую радость ему доставляло сочинение забавных рассказов и приключений. В свободное от уроков время он должен был помогать деду на пасеке, с мамой ходили на сенокос, – вся сельская работа тогда легла на плечи детей и подростков.

С. Маршак утверждал: «Если в книге есть четкая и законченная фабула, если автор не равнодушный регистратор событий, если в книге есть ритмическое движение, а не сухая рассудочная последовательность, если моральный вывод из книги – не бес-

платное приложение, а естественное следствие всего хода событий <....> – это и значит, что книга написана на настоящем детском языке». Вот такой «настоящий детский язык» и присущ многим произведениям Е. Е. Загребина. Основные темы подобных его произведений – дружба, преданность, честность. Есть у детской литературы одно свойство, без которого она не была бы собою. Это свойство – юмор. Оно обусловлено натурой ребенка, у которого, по выражению К. Чуковского, «есть великая потребность смеяться».

В рассказах Загребина дети – самые активные защитники справедливости, они вступаются за обиженных и возмущаются дурными поступками взрослых. Это мудрые дети, мыслители. Они гениальны в своей пытливой, доверчивой открытости миру, влекущему, как тайна, в своей способности удивляться цветку, лику солнца, жаворонку, котенку, что сидит на крыше. Детство – счастливая пора, когда все видится в добром свете.

Писатель изображает самые обычные события, которые в детском восприятии становятся особенными, значимыми, приобретают важный смысл. Например, в рассказе «Пилотка», где главными героями являются школьники: рассказчик, Жирный Веня, Леха Оглобля. «...Старший брат Семён вернулся с войны, всем подарки раздавал, маме – платок, сестре – кусок ткани на платье, и мне достался подарок: губная гармошка и пилотка. Он надел на мою голову пилотку, прошедшую с ним в боях. Сказал: «Носи, братишка! Будь настоящим солдатом. Расти сильным, смелым и умным!». На следующее утро, когда мы с сестрой шли в школу, из-за кустов вышли Жирный Веня и Лёха Оглобля. Захотели отобрать пилотку. Но моя сестра, хотя только на два года старше меня, не испугалась – как коршун, налетела на них. Жирный Веня и Лёха Оглобля убежали. И во время уроков ведут они себя чересчур... То Маню, которая живет на нашей улице, за волосы дернут, то вдруг ни с того ни с сего начинают смеяться. И даже учительницу, Веру Ивановну, не слушают» [Загребин 2015, 37].

Нередко в произведениях передается отношение к происходящему юного героя, очень непосредственно освещающего те

или иные художественно достоверные события. Это проникновение в психологию персонажа, оценивающего всё со своей, мальчишеской, точки зрения, и создаёт в рассказах Загребина не только комичную ситуацию, но и юмористически окрашивает логику поведения героев.

Детское восприятие мира отличается той эмоциональностью и вместе с тем тонкой наблюдательностью, которые утрачивает взрослый человек, любая мелочь может вызвать как восторг, так и тревожный отклик в душе ребенка. Подобная мысль о хрупкости детского восприятия прослеживается в рассказе «Дятел». Рассказчик вспоминает: «... Вижу, мой герой-дятел падает камнем в снег. Спешу к месту его падения, нагибаюсь, осторожно беру красивую птицу и не могу поверить – мой дятел мертв; на кончике его длинного острого клюва проступила капля крови! После такого трагического случая с дятлом я по-другому стал относиться к этим удивительным птицам. Раньше думалось: летает, стучит себе в удовольствие. А оказалось, до сотрясения мозга вершит нелегкое дело лесной санитар, добывает себе пищу и одновременно создает для своих лесных братьев дупла, строит им дома» [Загребин 2015, 50].

Особая подвижность детского восприятия проявляется в рассказе «Трясогузка». Автор-повествователь рассказывает, как ранней весной, как только таял снег, после уроков ходили с другом в окрестностях деревни собирать картошку. Возвращаясь в голодное детство, он вспоминает вечное желание поесть, мерзнут руки, ноги, холодно... И вдруг взойшло солнце, стало тепло, и запели птицы, небо чистое, вокруг словно оркестр... А когда напекут дома из картофельного крахмала лепешки, вкуснее их нет ничего... [Загребин 2008, 84].

Дети – самые тонкие ценители таких неуловимо-реальных событий и состояний. В рассказах, зарисовках, этюдах писателя уже знакомые природные явления, птицы, животные, растения открываются с новой, вовсе не знакомой читателю стороны. Такой взгляд на природу возможен только со стороны ребенка.

Обилие пейзажных картин вообще является одной из основных констант в произведениях Загребина. Пейзаж позволяет не только увидеть красоту окружающего мира, но и почувствовать внутренний мир автора или героя. Обращает на себя внимание яркая живописность картин природы: писатель стремится показать богатое разнообразие природных форм; изображает природу чаще в момент ее пробуждения, расцвета и зрелости. Богатые, насыщенные цветом краски, передающие роскошь природы, импрессионистическая установка на фиксацию прекрасного мгновения и общая настроенность героя на созерцание пейзажей способствуют задаче утверждения самоценной красоты окружающего мира.

Новеллы, очерки, этюды о природе, как писатель сам обозначил, читаются как этнографические исследования. Пейзажные зарисовки «Весенний дождь», «Настоящая весна», «Лесной цыпленок», «Бекас», «Соловей» и др. представляют собой поэтико-географический «портрет» природы, которая одушевлена, беспрестанно меняется, живет и дышит. Для Загребина соучаствовать в жизни природы значит не только познать, понять, увидеть в ней новое, но и закрепить это в свежем, неповторимом слове. Чем глубже проникает автор в мир природы, тем смелее подходит к его изучению.

В сборник «Лебеди моего детства» (2008) входит рассказ «Белые лебеди», где дед Антиф передает детям историю о священной птице, в которую, по поверьям, нельзя было стрелять. Но нашелся один невежда, злой охотник, который осмелился стрелять в белых лебедей. Судьба таких людей не щадит – он утонул в болоте, а его семья распалась... Лебедь у финно-угров считается птицей особенной, чистой, существует запрет охоты на лебедя. Всякого, случайно или не случайно убившего лебедя, согласно поверью, ждет кара. Весь художественный строй повествования в рассказах, отражающий народный взгляд на мир, подчинен тому, что любой человек, сотворивший зло по отношению к миру, особенно к его беззащитным и наиболее ранимым представителям – детям, женщинам, старикам, зверью, природе наказывается жизнью еще более жестоко.

Образ человека-лебедя или человека-птицы очень распространен в мифах, легендах и сказках удмуртского народа (например, *Донды-Батыр* превращается в белого лебедя и т. д.). Этот древний образ в обрамлении раскрытых белоснежных крыльев воплощает известные мечты удмуртского народа о свободе, символизирует чистоту помыслов. В мифопоэтической традиции образ лебедя связан с удмуртским *Юсь-вось* (моление с лебедями). *Луд зазег лобан сюрес* (Млечный Путь как элемент астрального кода, связанный с лебедем); миф о водоплавающей ныряющей птице, идея сотворения мира, млечный путь (путь диких лебедей, гусей) – это общие составляющие финно-угорского религиозно-мифологического мировоззрения.

Среди образов птиц, часто встречающихся у Е. Загребина, – *тõдды юсь* 'белый лебедь'. Эта поэтическая «царственная» птица большую роль играет в повестях, рассказах и пьесах Е. Загребина: лебедь часто предстает символом верной, чистой любви. В творческом воображении писателя образ лебедя насыщается новыми оттенками значений.

В большинстве произведений Е. Загребина чувство причастности к своей малой родине и к своему народу ощущается очень сильно. В удмуртской литературе образ родины часто находит воплощение в образе согретого теплом близких отчего дома. Дом в словесном искусстве традиционно ассоциируется с двумя составляющими – местом, где живет человек, и очагом, хранящим этнические корни и связь со своими предками, традициями. Данный образ наделен гуманистическим смыслом, воспринимается как сакральное место, где человек приобретает знания жизненных основ и принципов, усваивает нравственно-этические нормы.

В повестях и рассказах Е. Загребина тема родины и природа выходят на первый план. Герою, как и самому автору, близки леса, горы, поля, окружающие родное гнездо, где родился и провел беззаботное детство. Ему дорого это место потому, что здесь живут его самые близкие люди, здесь он испытал чувство первой любви. Теперь он редко бывает в родных местах, и отсюда – тре-

петное отношение к воспоминаниям детства, которое осталось в прошлом. У Е. Загребина наиболее полно и сильно проявляется стремление жить: жить в излюбленном месте, называемом «родиной», жить достойно, умея видеть и ценить прекрасное, заботясь о сохранении национальных традиций. Автор часто наделяет своего героя всеми теми душевными переживаниями, которые тревожили его самого. Его герой показан как сын своего народа, через ум и сердце которого проходят все проблемы, связанные с судьбой нации и России в целом.

Рассказы Е. Е. Загребина «Огонь», «Красная тряпка», «Жаворонок», «Белый зайчик» и др. ставят перед читателем серьезные, острые проблемы. В рассказе «*Пинал дырен пумиськон*» (Встреча с молодостью») писатель затрагивает социокультурный план жизни села, где раньше текла бурная, деятельная жизнь. В селе было много добротных домов, а теперь видны кое-где старенькие избушки. Хорошо, что летом приезжает на каникулы детвора, что оживляет опустевшие улицы. Автор болезненно переживает необратимость происходящих в знакомых для него деревнях перемен и дает понять, что судьба каждого человека не должна быть безразлична другим.

Идеальный деревенский мир прозаика постепенно приходит в упадок, что достоверно характеризует настоящую реальность. В своих мыслях автор не одинок. В современной литературе, для которой актуальными остаются проблемы разрушающейся деревни, уходящего в прошлое крестьянского уклада жизни, часто можно встретить образ осиротевшего деревенского дома. Деревня, являющая собой традиционное место проживания, переживает трудные времена. А образ деревенского быта приобретают новые, продиктованные сегодняшними реалиями черты.

Е. Загребин поднимает в своих произведениях непростые и актуальные национально-генетические, социально-нравственные и историко-культурные проблемы. Социальная травма как причина духовного оскудения деревни, утраты традиционных жизненных ориентиров, биологической деградации народа рассматривается в рассказе «Дед Оле». Автор показывает, что в се-

лах и деревнях ранее существовали строгие нравственные устои, а теперь молодежь безразлична к морали отцов, почти повальное пьянство губит людей. Пристально всматриваясь в современников, пытаюсь разгадать, почувствовать, уловить в их душах вечную борьбу добра и зла, писатель стремится разобраться в тех причинах, которые ведут человека к тем или иным нравственным решениям, заставляют выбирать свою судьбу.

Все главные произведения Е. Загребина объединяет патристическая направленность, сосредоточенность на общечеловеческих ценностях, любовь к своему народу и мечта о его светлом и достойном будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загребин Е. Е. Нюлэс куараос. Веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1971. 43 с.

2. Загребин Е. Е. Палэзь зускиос. Веросьёс, повесть. Ижевск: Удмуртия, 1978. 120 с.

3. Загребин Е. Е. Яратонэ тон, вожанэ...: Веросьёс, очеркъёс, пьесаос. Ижевск: Удмуртия, 2004. 432 с.

4. Загребин Е. Е. Лебеди моего детства: Новеллы, рассказы, пьесы. Ижевск: Удмуртия, 2008. 176 с.

5. Загребин Е. Е. Гомась шунды: Статьяос, зарисовкаос. Ижевск: Удмуртия, 2012. 188 с.

6. Загребин Е. Е. Суп из крапивы: Рассказы, пьесы для детей. Ижевск: Удмуртия, 2015. 80 с.

Н. Н. Закирова
ТАЛАНТ ДУШЕВНОЙ ЩЕДРОСТИ

Своеобразие литературного творчества крупного драматурга и прозаика Егора Егоровича Загребина в контексте современного литературного процесса Удмуртии и колоссальная значимость его общественной деятельности изучены и продолжают исследоваться литературоведами, культурологами, этнографами и фольклористами, что отражено в академических, справочных, энциклопедических и публицистических источниках.

Очередной юбилей нашего талантливого земляка подарит поклонникам его богатого литературного, литературно-критического, публицистического и театрального наследия новые исследования, искренние отзывы, свежие интерпретации. Но у каждого припадающего к живительному роднику удмуртской культуры свой, неповторимый Егор Егорович...

Каким же он остался в памяти глазовчан?

Прежде всего, Егор Егорович был тесно связан с такими классиками удмуртской литературы, выпускниками Глазовского педагогического института как Флор Иванович Васильев и Олег Алексеевич Поскрёбышев.

Большим другом Егора Егоровича по праву считает себя мэтр региональной литературы, руководитель глазовской секции Союза писателей Удмуртии Л. Ф. Смелков. Егор Егорович и Леонид Фёдорович, «братья по духу, братья по слову», занимали ведущие позиции в республиканском Союзе писателей загребинского образца. Они последовательно проводили линию коллегиального решения всех проблем; всегда особенно внимательно относились не только к ижевским авторам, но много делали для продвижения, поддержки провинциальных и сельских литературных объединений и литераторов разных национальностей и поколений нашего региона.

Оперативно и толково решались коллегами вопросы, связанные с республиканскими журналами, с детской литерату-

рой, с проблемами книгоиздания; ими всегда осознавалась значимость борьбы за чистоту языка, за следование национальным традициям. Грандиозно был проведён юбилей Союза писателей! Тщательная подготовка материалов по каждой рекомендуемой кандидатуре и доклад о них Василия Николаевича Глушкова, ряд вопросов к жаждущим стать членами Союза писателей, наконец, самопрезентация соискателями своих творческих достижений, которые оценивало тайным голосованием авторитетное собрание правления СП. Я стала свидетелем процедуры приёма в СП Удмуртии К. И. Куликова и наших глазовчан – В. В. Захарова, М. В. Московкиной, Э. С. Цегельник, Н. Г. Нелидовой, А. К. Мартьянова, Р. А. Касимовой и др.

О! Это было настоящее действо, талантливо срежиссированное и ярко проведённое председателем. Он не был свадебным генералом! Чётко была налажена система продвижения достойных авторов Удмуртии в Союз писателей России.

Вот как отзывается о Егоре Егоровиче Рашида Александровна Касимова, талантливый учитель словесности и известный прозаик, поныне служащая русскому слову, литературе в США: *«О дорогом моему сердцу Егор Егорыче у меня осталось яркое впечатление как о колоритной личности.*

Думается мне, что он был одним из лучших представителей удмуртского народа. Мы все тянулись к нему, как к Дедушке – улыбчивому, очень доброжелательному и готовому помочь любому из начинающих писателей или поэтов. Он сам, насколько не тяготясь этим, узнавал тебя в любой толпе и первый тебя окликал...

Он был из тех, кто объединяет людей. В сегодняшнем мире это большой и уникальный талант. А для руководителя, председателя Союза писателей – просто незаменимый».

А вот какими воспоминаниями делится наш известный прозаик, глазовчанка Надежда Нелидова, член Союза журналистов и Союза писателей, лауреат литературной премии Правительства Удмуртии (2019): *«Писатели – люди сложные, к каждому*

нужен ключик. И вот такой ключик-отмычка хранился у Егора Егоровича Загребина.

Хотя никакой хитрости не было. Просто он встречал посетителя с неподдельной радостью, как самого родного в этот момент человека, вот будто ждал с утра, все глаза проглядел – и тут ты своей персоной на пороге.

И такие родные люди для него были – все. Два крошечных прокуренных кабинетика в старом Доме правительства, кажется, на четвёртом этаже – для пишущей братии со всех концов республики были Дом и Стол. И Огонёк, на который те заглядывали.

Я забежала сюда, чаще всего, коротая время до отправки автобуса до Глазова (у собора Александра Невского).

«О-о-о, кто к нам приехал! Дальний гость», – Егор Егорыч поднимался и, раскинув руки, шёл навстречу гостеприимным хозяином. И всегда-то здесь толпился народ, и всегда тебя засыпали торопливыми вопросами, и выслушивали, и усаживали, и наперебой предлагали чашку чаю, а то и чего погорячее.

Пока сидела, сюда не переставая тёк людской ручеёк, двери не закрывались. И я замечала: неважно, решался вопрос или нет, человек покидал этот тёплый маленький писательский угол обнадёженным и успокоенным, и обогретым, и улыбающимся.

Такие люди, как Егор Егорыч – уходящий тип. Сейчас понимаешь, что талант быть распахнутым, душевным, уметь привечать – это действительно редкий, драгоценный талант по нынешним временам.

Недавно прочтала: «Аристократизм – это в первую очередь благожелательность». Так это же про нашего Егор Егорыча!

И лицо у него было светлое...».

Таким светлым, душевно щедрым остаётся Егор Егорович и для меня... Мне довелось быть участником ряда заседаний Союза писателей загребинского периода и получить возможность сравнить его стиль и концепцию работы с современным состоянием дел в СП. Я и сама была принята в этот творческий союз Егором Егоровичем, чем очень горжусь.

Довелось нам с ним участвовать в сентябре 2012 года в посёлке Игра в юбилейных торжествах, посвященных 120-летию Кедр Митрея. Е. Е. Загребин прибыл на игринскую землю с ижевским десантом писателей и учёных и возглавлял президиум Кедрмитреевских чтений.

Стихотворный экспромт и фотография, сделанная в момент возложения цветов к памятнику Кедр Митрея, запечатлели атмосферу события, организованного по инициативе кандидата филологических наук, доцента ГГПИ и УдГУ, директора филиала ГГПИ в Ижевске С. Л. Скопкарёвой.

Фото. Доценты ГГПИ С. И. Софронова и Н. Н. Закирова с Е. Е. Загребиным (пос. Игра , 2012 г.)

Игра! Как много в этом звуке!..
Вся жизнь – театр? Вся жизнь – игра...
И радостно мы жмём вам руки,
И открываем для себя
*В задорном слове драматурга –
Земли игринской чудо-друга.*

Научной Леди Анны Слово –
Ижевских двух Светлан основа
И Шкляева отменный стиль.
Кедрамитрейский бум, не штиль!
Дебёсский взгляд библиотечный
Про «Дитя века» и Отечество.
Потомки, что всегда в формате,
Вам счастья в судьбы форватере!
Прозаик Генрих озаботился:
Родной удмуртский чтоб не кончился.
Поклон учёным и ребятам!
Поклон, Игринская земля!
Кедра Митрей такой богатый,
Ведь память здесь о нём жива!..

За большой вклад в развитие удмуртской литературы Е. Е. Загребин был удостоен почётных званий «Заслуженный деятель искусств УР», «Заслуженный работник культуры РФ», «Народный писатель Удмуртии». Входил он в комиссию по присуждению Государственной премии Удмуртской Республики в области науки, образования и культуры.

Интересный случай произошёл в Доме правительства. От Глазовского института моё учебно-методическое пособие «Наше культурное достояние» (Глазов, 2008) с грифом Министерства образования и науки УР было номинировано на премию. Ожидая начала процедуры защиты своего проекта в фойе, я вместе с многочисленными конкурсантами стала свидетелем интервью Е. Е. Загребина республиканскому телевидению. Стоя на фоне огромных окон, залитый светом, словно паря в пространстве, Егор Егорович громко, эмоционально, с характерной чёткой артикуляцией и неподражаемыми интонациями перечислил корреспонденту конкурсантов, пожелав всем удачи, и, что особенно меня поразило, охарактеризовал «книгу писателя, учёного и педагога из Глазова Наталии Закировой». Это было настолько неожиданно и трогательно, что по окончании его ра-

боты с журналистами я подошла к нему и поблагодарила за позитивное отношение и настоящую «рекламу» (премию я не получила, не хватило голосов). А вот загребинское объективное доброжелательное публичное суждение о моей работе служит и по сей день для меня мощным стимулом и ценится мной дороже правительственных наград!

Теперь я изучаю наследие удмуртского драматурга и прозаика со своими студентами, которые с большим интересом и пиететом относятся к личности писателя, а также к многогранной деятельности учёного и политика, частого гостя и друга ГГПИ Алексея Егоровича – сына Егора Егоровича, достойного продолжателя семейных традиций Загребиных.

Для глазовчан, да и для всего сообщества деятелей литературы и искусства, Егор Егорович Загребин был и остаётся образцом принципиальности, взыскательности и справедливости, символом мудрости и душевной щедрости, воплощением демократизма, духовного богатства, мощного творческого потенциала удмуртского народа.

С. Л. Скопкарева
**«СЛОВНО ИСКОРКА В НОЧИ»:
ОСМЫСЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ
М. ПЕТРОВА В ОЧЕРКЕ Е. ЗАГРЕБИНА**

Из искры возгорится пламя...
А. Одоевский

Малая проза Е. Загребина – это отдельная, достойная внимания страница в истории удмуртской литературы. Очерк «Словно искорка в ночи» (произведение издано в авторском переводе на русский язык) посвящен замечательному удмуртскому писателю М. П. Петрову. В нем раскрыты глубинные черты мировидения этого писателя, особенности его творческого мышления. В качестве эпиграфа взяты слова М. Горького: «Как ненавистна мне проповедь пассивного отношения к жизни»; они, по представлению автора, напрямую сопряжены с творческой личностью М. Петрова. Основательно, с особым душевным трепетом Е. Загребин пытается осмыслить феномен М. Петрова, по-прежнему являющегося для современников авторитетом, недосягаемым примером литературного подвижничества.

Будучи уже состоявшимся прозаиком и драматургом, Е. Загребин не перестает восторгаться мастерством М. Петрова, его невероятной требовательностью к себе как писателю и переводчику. Е. Загребин считает М. Петрова, классика удмуртской литературы, своим учителем, предшественником: «В год своего юбилея М. П. Петров много выступал перед читателями. Говорил о литературе, о своем творчестве, читал стихи. Это был своеобразный отчет его перед народом о сделанном. ...Каким невероятным было для меня на следующий день известие о кончине!». Невосполнимая утрата, по мнению Е. Загребина, ощутима и по сей день: «По истечении сорока пяти лет после его смерти <...> я чувствую ношу ответственности перед родной литературой, собратьями по перу. Вот какую эстафету он передал мне».

Такое откровение писателя открывает нам, читателям, многое в понимании путей развития удмуртской литературы и самого творческого феномена как М. Петрова, так и Е. Загребина, чьи судьбы удивительным образом переплелись друг с другом. Вспоминая свои юные годы, Е. Загребин рассказывает о первой встрече с писателем: «С товарищем по училищу Пантелеем Кузнецовым решили пойти в редакцию журнала «Молот». Показать наши, так сказать, «труды». ...В конце коридора показался мужчина средних лет, в черном костюме, в белой рубашке.

– Знаешь, кто это? – шепотом спросил Пантелей. – Михаил Петров. В нашу школу приезжал». Так состоялось первое знакомство Е. Загребина с будущим классиком удмуртской литературы. Такие встречи всегда имеют в жизни человека особое значение, предопределяют его жизненный выбор. Так это произошло и с Е. Загребиним, навсегда связавшим свою деятельность с культурой и литературой Удмуртии.

Особый интерес в очерке представляет упоминание о романе М. Петрова «Старый Мултан», над которым писатель работал тщательно, подходил издалека, написав сначала пьесу «Иго содрогается». В ней уже появляется главный герой – правозащитник удмуртского народа В. Г. Короленко. Так постепенно формировалась сюжетная линия будущего романа. Вот что Е. Загребин отмечает по этому поводу: «Прочитав страницу, ты уже не можешь остановиться, отложить книгу в сторону, ты уже сам являешься участником событий. Все творчество Михаила Петрова, я сказал бы, музыкально-народное. И прочитав его рассказы, повести, роман «Старый Мултан», приходишь к выводу: их нельзя оценивать по хрестоматийным понятиям: какая здесь идея, сюжет, характеры и т.д. В его произведениях присутствуют душа автора, сама жизнь». Размышляя о творческом даровании М. Петрова, автор приходит к закономерному выводу: «Наверное, многие, сидя у костра темной ночью, думают о разном. Смотришь на костер, поднимающиеся ввысь искорки. Есть такие, которые сразу же гаснут. Но есть и такие, которые, не погаснув, летят к звездам. Так и произведения Михаила Петро-

ва». Аллегорический контекст позволяет Е. Загребину создать художественно-поэтический образ творческого феномена М. Петрова, выдержавшего испытание временем.

Как видим, лаконичная форма повествования в очерке вбирает в себя емкое полотно эпохи, воссоздающее конкретные исторические реалии литературного процесса. Подобные литературные свидетельства представляют большую ценность в осмыслении судьбоносных вех развития литературы Удмуртии. Такой важной вехой в удмуртской литературе стал и феномен самого Е. Е. Загребина, чей светлый образ навсегда останется в памяти. Поистине – «словно искорка в ночи». Есть незаменимые люди. И чем дальше, тем очевиднее это становится.

С благодарностью вспоминаю годы общения с Егором Егоровичем Загребиним, этим прекрасным человеком, мастером слова. Ценю напутственные слова, запечатленные в его автографе к книге «Лебеди моего детства», любезно подаренной мне автором в 2008 году.

С. В. Вилласи
Милое слово
Его творчество
и искусство
собирает
нас
10.02.2008г.

А. З. Диева
ОБРАЗ «БЕЛОГО ЛЕБЕДЯ»
В РАССКАЗЕ Н. ЯДНЕ «КУДА УЛЕТЕЛА ДУША ШАМАНА?»
И В ДРАМЕ Е. ЗАГРЕБИНА «ЛЕБЕДЬ БЕЛАЯ»¹

В каждом народе есть нечто особенное,
что представляет всеобщий интерес.

В. Владыкин

Известная ненецкая писательница Нина Николаевна Ядне приезжала в Ижевск на юбилей профессора, доктора филологических наук А. С. Зуевой-Измайловой и на Международную научно-практическую конференцию «Финно-угорские этносы: технологии развития в эпоху глобализации» (26–27 ноября 2009 г.).

Не заметить её было нельзя. Сидела смугловатая, широкоплечая, уверенная в себе женщина. От неё исходила энергия добрая, светлая. Во время своего выступления с докладом «Духовно-нравственное развитие ненецкого народа» она и вовсе заворожала аудиторию простотой и умением свободно говорить на русском языке. После конференции я познакомилась с её рассказами.

Особое впечатление на меня произвел рассказ «Куда улетила душа шамана?». Писательница по-своему отразила обычаи, верования, характер ненецкого народа. Енара Салиндер, шаман Тазовского посёлка, предстаёт перед читателем настоящим национальным героем, добрым и надёжным. Когда был маленьким, его накормили мясом больных оленей и, решив, что он умер, оставили на стоянке, где стоял чум. Енара очнулся оттого, что кто-то обмахивал его лицо чем-то мягким и влажным и лил в рот водичку. Когда открыл глаза, увидел большого белого лебедя. Он клал в рот мальчика ягоды. Потом хватал за одежду, пытался поднять Енара с нарты...

---

¹ *Источник:* Диева А. З. Образ «белого лебедя» в ненецкой и удмуртской прозе на примере рассказа Н. Ядне «Куда улетила душа шамана?» и драмы Е. Загребина «Лебедь белая» // Нина Ядне. Салехард – Екатеринбург: Изд-во «Баско». С. 151–155.

Известно, что в удмуртской и ненецкой мифологии, в фольклоре много общего. «Для удмуртского народа, на протяжении многих веков не имевшего письменности, в фольклорном способе познания и отражения действительности сливались в единое целое познавательная, эстетическая и бытовая функции художественного творчества.

В комплексе обрядов удмуртского народа фольклор стал системой регулирования трудовых и культурных процессов. Народ не выделял художественные произведения в особую область, они оставались частью повседневной жизни. Корень удмуртского слова «мадь» восходит к общепермскому «мо» и имеет параллели во всех финно-угорских языках, обозначая одновременно и основные жанры фольклора, и определяя его главное назначение – учить, советовать, передавать опыт, познавать мир» [История... 1987, 9–10]. Реконструируя религиозно-мифологическую картину мира древних удмуртов, которые были носителями ананьинской культуры Прикамья эпохи раннего железа, этнограф В. Владыкин выделяет наиболее древнюю сферу, общую для всего финно-угорского мира: культ огня, земли, представления о жизни и смерти, о душе, поклонение божеству неба, почитание водоплавающей птицы (утки, лебедя), культ деревьев и священной рощи. Свидетельством развитости системы язычества была разработанная обрядовая жизнь со сложными ритуалами жертвоприношений [Владыкин 1994, 110]. «В древние времена удмурты поклонялись божествам, высокочтимому Богу (*Инмару*), а также явлениям живой и неживой природы: солнцу, птицам, особенно лебедям. Не потому, что лебедь – самая прекрасная и романтическая птица, а потому, что лебеди в сознании народа – носители добра, верности, возвышенной любви» [Загребин 2008, 171].

В современной удмуртской литературе тоже встречается образ лебедя. Например, в драме удмуртского драматурга, прозаика Егора Загребина «Лебедь белая». Образ главной героини Анисьи ассоциативно связан с образом лебедя [Зуева 1997, 136]. Анисья увидела, как красиво летят лебеди: «Э-эх, мне бы тоже

крылья... И чего только не увидите вы?». А девушка (уходящей Анисье): «Белая лебедь!.. Хи-хи-хи.... Ишь, как идёт. Не шагает, а плывёт». Олин удивлён: «Зачем её так унижают? Девушка, мне кажется, хорошая, словно лебедь белая...» [Загребин 2008, 137]. Образ Анисьи в драме является символом доброты, чистой любви, героиню отличает внутренняя (духовная) наполненность. Голос, который слышен на протяжении всей драмы, – это душа Анисьи. Так как образ героини в течение всего действия ассоциируется с образом белого лебедя, читатель с самого начала верит в неё, в её силу, он – на стороне Анисьи. Автор драмы, опираясь на удмуртскую легенду о лебедях, создал неповторимый образ героини, отразив при этом национальное мироотношение.

У Н. Ядне и у Е. Загребина образ лебедя является организующим началом, объединяющим все уровни текста в единое целое, в единую структуру. Лебедь выступает в качестве посредника между людьми и богами (небом–землёй–водой). Это проявление отголосков древних верований, берущих свои истоки в отдалённой эпохе тотемизма.

В. Владыкин пишет:

У удмуртов был такой обычай:
Один раз в году они ловили пару лебедей.
А потом отпускали их,
Чтобы лебеди
По Белой Каме доплыли до Великого Инмара
И напомнили ему о людях.
Верили люди в Инмара – не знаю.
Но, говорят,
Они очень верили в лебедей.

[Владыкин 1998, 50].

Для Салиндер, героя рассказа «Куда улетела душа шамана?», лебеди – священные птицы. Он их считал братьями. Иногда Ена-ра прикладывал к лицу лебединые перья, втягивая ноздрями далёкий дух, исходящий от маховых перьев, и глаза у него не-

вольно делались мокрыми: это был запах прошлого, давно ушедших дней, запах того, что уже никогда не вернётся...

Некоторые рассказывают, что после его смерти в меховом подкладе подола его малицы обнаружили несколько пёрышек из крыла лебеда. Герой возил их с собой по всей тундре, ездил с ними в Москву на слёт шаманов. Лебединые перья стали для него своего рода амулетом. (В святилище удмуртов *куа* особое сиденье для главы рода *тõро* – *тõро пукон* – обычно покрывалось подушкой, набитой перьями утки или лебеда – *А. Диева*). А когда шаман ушёл в мир иной, произошло ещё одно необычайное событие. «В тундре была ещё зима, <...> в тихом стоячем воздухе вдруг послышались далёкие звучные клики. Клик одинокого лебеда возбудил в людях ликующее чувство, и только один древний старик негромко промолвил: «Лебедь прилетел за душой исчезнувшего, ушедшего от нас». Лебедь отчаянно махал крыльями и низко летал <...>. Потом резко поднялся в воздух и улетел в сторону солнца» [Ядне 2008].

Удмуртский поэт, философ Ф. П. Пукроков описывает, как удмурты ценили лебедей:

В Мамадыше
За три-четыре года раз
Собирались все удмурты
Со всех краёв
(Так же, как и Аркаим...)
На телегах, на конях
Везли туда коров, овец,
Гусей, уток, шерсть, зерно,
Рукоделье, органы и крезии,
Сказки,
Шутки-прибаутки,
Песни, пляски,
Хороводы, а молодёжь любит
Красотой весёлой,
Подбирая себе красивых,
Возвращаясь с жёнами.

А жрецы у родника
Организуют моление.
Заранее они
Ловили пару лебедей.
Кормили их от всей души,
Варили кашу с маслом,
А лебедям тут главные жрецы
Клали руки на головы,
Перечисляя все желания,
Ведь их отпустят, и они
Поднимутся до небес
И доведут до Кылдысына.

[Пукроков, 9–10].

Истоки любой культуры лежат в религиозном сознании. Религиозные ценности являются фундаментальными в обществе. Религия – один из определяющих факторов тяготения народов друг к другу и единения художественных культур. Исторически художественное творчество и религия связаны друг с другом. Литература развивалась на основе религии и даже в самые атеистические времена не прерывала духовных связей с ней, ибо опиралась на общечеловеческие ценности, в ней заложенные [Зуева 1997, 6–7].

Образ лебеда у разных народов занимает ведущее место. Лебедь присутствует в мифах, легендах Древней Греции и Древнего Рима. В Колоне царствовал Кикн – сын властителя моря Посейдона. В детстве младенца покинула мать, и мальчика выкормил лебедь [Книга... 2005, 208]. Во время Троянской войны Кикн погиб от рук Ахилла. Опечаленный отец Кикна Посейдон обратил своего сына в лебедя. Что же Ахилл?

... И уже хотел с побеждённого снять он
доспехи и видит:

Только доспехи лежат. Бог моря в белую птицу
Тело его обратил, и хранит она Кикново имя». [Книга... 2005, 208–209].

Удивительное совпадение с сюжетом произведения Н. Ядне «Куда улетела душа шамана?». Салиндера тоже спас лебедь: после того, как птица привела мальчика в чувство, Енара побрёл за лебедем, и вскоре они оказались в новом чумовище, где жили хозяева и мать.

Любая литература является хранилищем общечеловеческих ценностей в их национальной выраженности. Рассказ ненецкой писательницы Нины Ядне отражает традиции ее национальной культуры, которые имеют черты сходства с традициями других финно-угорских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. 383 с.
2. Владыкин В. Е. Калыкын верало. В народе говорят. Ижевск: Удмуртия, 1998. 196 с.
3. Загребин Е. Е. Лебеди моего детства: новеллы, рассказы, пьесы. Ижевск: Удмуртия, 2008. 176 с.
4. Зуева А. С. Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций. Монография. Издательство Удмуртского университета, 1997. 372 с.
5. «История удмуртской советской литературы»: В 2 т. (Кол. авторов, ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, НИИ при СМ УАССР – Устинов: Удмуртия, 1987. Т. 1. 249 с.
6. Книга о богах Древней Греции и Древнего Рима. О птицах. Бабенко В. Г., Алексеев В. Н. – Птицы в мифах и легендах. М.: Дрофа, 2005 (исторический альбом). 240 с.
7. Пукроков Ф. П. «Белый свет», С. 9–10.

Т. Г. Пантелеева
ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В РАССКАЗАХ Е. ЗАГРЕБИНА
«КРАСНАЯ ВЕТОШЬ», «И СЛАДКО, И ГОРЬКО»¹

Щенок, воспитанный пинком,
Не станет преданным щенком.

С. Михалков

Как утверждают философы, жить в обществе и быть свободным от общества невозможно. Егор Загребин в своих рассказах «Красная ветошь», «И сладко, и горько» поднимает проблему «личность и общество». Рассказ «Красная ветошь» – о судьбе, счастье и горе мальчика и о том, как в жестоком мире режим рушит, калечит судьбы людей, убивает человеческое в человеке. Рассказ глубоко реалистичен. Автор достоверно изображает мир ребенка, его психологические переживания, но повествование ведется от имени взрослого человека. Читатель не знает, кто он по профессии, сколько ему лет, каково его социальное и семейное положение. Он обыкновенный человек, мужчина, каких много. Героя-рассказчика не волнуют современные проблемы жизни, и это наводит на мысль, что сейчас у него все обстоит нормально, но воспоминания возвращают в благополучный мир детства, и этот мир оказывается не безобидным, не безоблачным и счастливым.

Само название рассказа многозначно: цвет тряпки не имеет ничего общего ни с цветом флага, ни с цветом пионерского галстука. Но в то же время общеизвестно – красный цвет в фольклоре, мифологии, истории, литературе символизирует цвет крови («красная кровь», «красное воскресенье», «красные» и «белые» солдаты Гражданской войны). Еще одно значение слова «красное» – красивое: красный угол в горнице, в доме, красные уголки в общеобразовательных школах. Красное солнышко в фольклоре воспринимается как символ жизни: все вокруг оживает, зацветает, рождается новое. Красная гвоздика – символ Ве-

---

¹ *Источник:* Время и Слово. Голоса современных филологов Удмуртии: Статьи, очерки, заметки / Сост. и науч. подгот. А. З. Богомоловой. – Ижевск. Удмуртия, 2010. С. 319–322.

ликой французской революции, а позднее – символ всех революций в России, символ пролитой на полях сражений крови.

А в произведении Е. Загребина красная ветошь – грязная тряпка, которая валялась где-то в чулане, а теперь ее используют для вытирания школьной доски. Здесь красный цвет разрушает наше представление о его традиционной символике, является оппозицией распространенному значению и подготавливает читателя к чему-то неожиданному, драматическому, потому что в данном случае он олицетворяет нечто негативное, недостойное, принадлежит ветоши – вещи, ненужной в хозяйстве.

Вторая часть рассказа вводит читателя в мир детства героя, которое пришлось на суровые как для Родины, так и для него, конкретного мальчика, и для его друзей, одноклассников, односельчан годы: это Великая Отечественная война. Она лишила ребят счастливого детства, так как у многих отцы погибли на фронте, и дети вместе со взрослыми оплакивали каждую похоронку – потерю отца, брата, сестры, друга. Они вместе голодали и мерзли, терпели все лишения военных лет. Война их сблизила, но она же стала мерилом бесчеловечности, с одной стороны, и проявлением героизма и гуманизма – с другой. Но некоторых сделала трусами, других – предателями, третьих – палачами. Через судьбу мальчика и его семьи все это ярко показано.

Сюжет рассказа незамысловат: герой, как и все его одноклассники, выросшие без отца, мальчик озорной. Пока все ученики первого класса резвились на перемене, он нечаянно закинул красную ветошь на портрет, но на чей портрет? Самого вождя, «отца народов» – Сталина! Класс замер, все оцепенели. Даже молодая учительница не смогла от волнения вовремя убрать следы «преступления», и ее самую «застукали» на месте происшествия: она хотела скрыть совершенное ее учеником.

Мальчик рассказал о случившемся дедушке. Дедушка – опытный, умудренный жизнью, принимает все меры предосторожности: достает портрет Сталина и молится на него, как на икону, одаривает и угощает «грозную силу», «карающий меч» – учителя-фронтовика. Но даже это не спасает мальчика: в конце

учебного года всех детей переводят во второй класс, а его оставляют на второй год в первом классе.

Фабула ясна: есть преступление – есть наказание. Все точки поставлены, справедливость восторжествовала, но отчего же душу щемит?

Мальчик и дед – представители разных поколений: между ними нет среднего, связующего звена – отца мальчика. Читатель не знает, был ли он, если был, то где он? Воюет или уже погиб? Между дедом и внуком встает учитель-фронтовик. Читатель надеется, что он заменит отца мальчику, заступится за него, защитит от грозной беды, станет ему наставником. Но реальность оказалась драматичнее: он, напротив, расправляется с ребенком, но как? Оказался добреньким «Иудушкой»: не донес в НКВД, семью не тронули, никуда не сослали, тем не менее он наказал мальчика. Этот боец, фронтовик, казалось бы, закаленный в сражениях, оказался одновременно и героем, и трусом, и предателем, и палачом. «Человек на фронте проявил мужество и героизм: получил ранение, защищая Родину, тех же стариков и детей. А здесь, в тылу... Придя к старику, постыдил его за притворство, но не побрезговал угощениями, не отказался от банки меда; хотя старик-дед его и «усладил», но этим не спас внука. Учитель-фронтовик наслаждался своей властью над судьбами людей: принимая подарок, он тем самым заронил в душу мальчика и деда надежду на спасение, но наказание, оказалось, ждало впереди, и было весьма неожиданным, а поэтому особенно жестоким. Мальчик целый день проплакал на безлюдном весеннем лугу. Кругом оживала природа, люди ждали перемены к лучшему, только у одного маленького человека горе. И некому ему помочь. Он такой жалкий, маленький в этом большом по-весеннему цветущем красивом мире природы». Все вокруг пробуждается, только он один остается в старом мире, у него нет надежды на будущее.

И обида, нанесенная в детские годы, осталась в душе взрослого человека незаживающей раной: при каждом воспоминании она вновь и вновь кровоточит. А умудренный жизнью дед не смог спасти душу мальчика, потому что у самого душа была

несовершенна, всю жизнь он приспособливался, как один из героев комедии «Свадьба в Малиновке» или как герой рассказа А. Чехова «Хамелеон». Красные пришли – дед красным кланялся, белые – белым, а теперь молится на портрет Сталина. В его образе жизни, в поведении видим черты «премудрого пескаря» М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Жил – дрожал, умирал – дрожал». Как и Салтыков-Щедрин, Е. Загребин вольно или невольно критикует, обличает современное ему общество, которое порождает подобных хамелеонов, садистов, жертв-трусов. Хамелеон может воспитывать только хамелеона. Дед-хамелеон воспитывает себе подобного, но у внука проявляются еще и черты мазохиста: спустя много лет, видимо, завидуя счастью современных детей, он продолжает оплакивать свое загубленное детство, отчего ему становится еще тяжелее. Герой рассказа и сегодня не в состоянии радоваться новому дню, счастью, тому, что здоров и жив. Он разучился быть просто счастливым человеком. Мир, в котором правит жестокость, всегда будет порождать трусов, «премудрых пескарей» и хамелеонов.

Рассказы Е. Загребина «Красная ветошь», «И сладко, и горько» объединены одним героем – это ребенок, мальчик Ёрги, Лёгор, Егор Загребин. Произведения посвящены отдельным эпизодам из его жизни, соответствующим разным возрастным периодам. В рассказе «И сладко, и горько» мальчик Ёрги, уже ученик 6-го класса, считает себя вполне взрослым: он работает на лошади, управляет резвым конем, а не какой-то кобылой, то есть – настоящий мужчина. Рассказ как бы продолжает повествование о дальнейшей судьбе мальчика Ёрги из первого рассказа. Здесь, как и в первом случае, происходит конфликт между личностью и обществом, ибо человек, по разумению «сильных мира сего», не должен выделяться из толпы, из массы, в противном случае его ждет неизбежное наказание. Пока Ёрги работает вместе со всеми, все идет относительно нормально, но как только он пытается встать над толпой, подняться выше (по поручению корреспондента газеты пишет заметку в центральную газету), то сразу вытесняется «из благонадежных».

Даже родная мать не в состоянии поверить, что ее сыну, еще ребенку, могут выдать «баснословные» деньги за какую-то «ерунду». Она живет в вечном ожидании наказания, потому что ее муж из бывших репрессированных. Этот вечный страх за мужа, за семью сделали женщину подозрительной, мнительной. В таком положении оказались и односельчане: никто из них не сомневается в том, что вор – это Ёрги. Потому что только он купил конфеты, а значит, своровал: откуда у мальчика «деньга»? Ведь они, работая в поте лица, за свой труд получают копейки. «Трудоденьлы вить копейка сѣто» (За трудодень начисляют пять копеек). Рассказ «И сладко, и горько» развивает мысль о том, как можно стать «без вины виноватым». Человек в жестоким мире беззащитен: его любой может оговорить, оболгать, а другие с готовностью поверят, подхватят слух, никто не будет отстаивать его правоту. По убеждению автора, время проходит, а нравы людей, общества остаются неизменными.

Рассказы Е. Загребина соответствуют всем требованиям жанра: они событийны, посвящены одному эпизоду из жизни героя, их можно прочесть «за один присест». В прозе писателя чувствуется переключки с русскими классиками И. Тургеневым, К. Паустовским, Н. Лесковым, М. Шолоховым и с удмуртскими писателями-просветителями И. Михеевым, И. Яковлевым, рассказы можно поставить в один ряд с произведениями М. Петрова, В. Широкова, Г. Красильникова.

Глава II. Е. Е. Загребин-драматург: традиции и новаторство

Т. И. Зайцева

МАСТЕРСТВО Е. Е. ЗАГРЕБИНА-ДРАМАТУРГА

Важным периодом в развитии общественной и культурной жизни республики и страны в целом стала эпоха «оттепели». Оглядываясь на то время с высоты сегодняшних дней, нельзя не отметить, что демократические процессы «шестидесятых» породили целую когорту самостоятельно мыслящих, сильных и самобытных авторов. Одним из ярких представителей этой плеяды удмуртских писателей был Егор Егорович Загребин. Работая в разных жанрах, он явился ведущим автором, определившим основные тенденции развития национального литературного процесса. Наибольших вершин Е. Загребин достиг в драматургии. На начальном этапе творчества известность ему принесли пьесы «*Тулыс зор*» («Весенний дождь», 1961), «*Тӧдды юсь*» («Белый лебедь», 1967), «*Мынам яратонэ татын*» («Моя любовь здесь», 1976). Залогом успеха и популярности этих пьес стала их жизненность и уникальная театральность. Уже в этих пьесах Е. Загребина сочетаются оригинальная художественная форма и глубина социального содержания.

К числу наиболее интересных и совершенных по композиции пьес относится «*Мынам яратонэ татын*». Сюжет ее прост. В центре произведения – молодой председатель колхоза Роман Дауров, устами которого автор смело высказывает мнение о том, как живет послевоенная деревня. Впервые в удмуртской драматургии обострена современная социальная проблематика: крестьянин лишен самых простых средств к существованию, люди буквально «выталкиваются» с нажитых мест в райцентр или в город, разрушаются вековые традиции деревни. Актуализируется проблема безысходности сельской жизни при существующей в стране тех лет системе хозяйствования. В колхозе не хватает рабочих рук, молодежь уезжает в город, колхозники без выходных и отпусков выполняют спущенный сверху план.

На самых низовых сферах колхозного труда – женщины. Публицистический стиль пьесы определяют реалистически точные, лаконичные рассказы персонажей о тяжелой доле простого труженика. Е. Загребин одним из первых затронул в удмуртской литературе «шестидесятых-семидесятых» проблему пьянства. Сегодня многие эпизоды, монологи и диалоги этой пьесы звучат актуально.

Молодой председатель Дауров, стремящийся работать по-новому, сталкивается с сопротивлением бывшего руководителя хозяйства Демьяна Федотыча. Примечательно, что Е. Загребин уделяет внимание не традиционному противопоставлению консерватора с новатором, а пытается художественно осмыслить положительного героя в его различных самопроявлениях. Среди персонажей пьесы особенно выделяется образ педагога-биолога Татьяны, в которую всерьез влюблен Дауров. Большое место в произведении отводится «линии» частной жизни героев. И хотя сюжет пьесы прост и внешнее действие недостаточно динамичное, однако этическая и нравственная напряженность достигается за счет уплотненности и насыщенности диалогов, раздумий и размышлений персонажей. Интересен и «любовный треугольник» пьесы. Роман был некогда влюблен в Марину, но девушка выбрала Демьяна Федотыча, польстившись на его богатство. Привыкнув к легкой жизни и сиюминутным увлечениям, женщина начинает пить. Проблемы одиночества, пьянства, бездуховности, поднимаемые автором, заставляют читателя (зрителя) задуматься над вопросами: отчего люди, имеющие крепкий крестьянский характер и жизненную мудрость, оказываются легко обманутыми в простейших жизненных ситуациях? Почему человек не сопротивляется обстоятельствам и легко покидает родной дом, землю? Пьеса «*Мынам яратонэ татын*» демонстрирует происходящий в удмуртской драматургии сдвиг от «производственной» тематики к более сложной, совмещающей в себе социально-производственное, социально-бытовое и социально-психологическое.

На всех этапах развития удмуртской драматургии ее достижения более всего связаны с жанром комедии. Следует отметить,

что удмуртская комедия 1960–1980-х гг. особенно ярко проявила себя в таких жанрово-стилевых разновидностях, как юмористическая и лирическая. В развитии жанра удмуртской комедии особое место занимает пьеса Загребина «*Насьток но Исьток*» («Степан и Настя», 1986). Популярность и успех этой пьесы превзошли все ожидания. В личных беседах автора статьи с драматургом, он вспоминал, что при входе в «атакуемый» зрителями Национальный драматический театр стояла милиция. Во время гастролей театра по деревням республики сельчане непременно просили показать загребинскую комедию «*Насьток но Исьток*». Это озорная, юмористическая, легкая комедия, жанр которой обозначен драматургом как водевиль. Однако поэтика пьесы несет в себе и некоторые черты фарса, ей свойственна подвижность композиционной структуры, что не всегда учитывается режиссерами при постановке комедии на театральной сцене.

Все события пьесы происходят в одном из санаториев республики. Случайно рядом оказались однофамильцы: профессор сельскохозяйственного института Иван Иванович Мальков и колхозный пастух Степан Иванович Мальков. В силу множества недоразумений Ивана Ивановича принимают за пастуха, а *Исьтока* (Степана) – за академика. Нелепая ситуация, в свою очередь, «выстраивает» другие курьезные обстоятельства, которые проясняются по ходу развития действия пьесы.

Актуализированные в комедии «*Насьток но Исьток*» проблемы одиночества, супружеской неверности, обманутых надежд могли бы стать предметом драмы, но Е. Загребин все это изображает в жанре лирической комедии. Автора мало интересует социально-бытовая точность в обрисовке характеров героев и окружающих их обстоятельств, главное – поверх житейских подробностей уйти в театральную условность. С самой завязки действие пьесы развивается через чередование комедийных ситуаций и смешных мизансцен. При этом большое значение имеет интрига, которая основана на неожиданностях и сильно запутана. Следует отметить, что водевиль не требует тщательной мотивировки поступков и действий героев, как в психоло-

гической драме. Здесь большая роль в развитии фабулы отводится случайностям, обуславливающим внезапные и контрастные чередования сценических ситуаций. Например, к увлеченному ролью профессора пастуху является жена, которая в свою очередь тоже принимает чужое обличие, переодевшись в городскую даму.

Несмотря на активное использование автором приемов «смешного», комедию отличает правдоподобие реальных героев. Рядом с «бедным» пастухом в сложных ситуациях оказывается его жена Анастасия, предстающая в пьесе носителем положительных народных качеств. Среди «именитых» отдыхающих главным действующим лицом становится простодушная крестьянка. Комическое в пьесе Е. Загребина *«Насъток но Исъток»* заставляет зрителя серьезно задуматься о последствиях собственных поступков. Например, часть курортников преследуют здесь корыстные цели. Вот отдыхающая секретарь-машинистка Симочка рассчитывает «обкрутить» здесь состоятельного мужчину.

Симочка. *Акыльтїз ни секретарша лубыса ужаны. Акыльтїз ни коньдонэз ялан лыдъяса улыны. Мынам шулдыръяськеме но эрико луэме потэ. <...>.*

Дарья. *Тодыса улэ, шутэтскисьёс! Милям татын строгий порядок. Курьтсэ кин ке шомъяз, соку ик уल्याськом но ужан интыяз ивортїськом.*

(Симочка. Надоело уже секретаршей быть. Надоело жить, все время экономя деньги. Я хочу веселиться, хочу быть свободной). <...>.

Дарья. Помните, отдыхающие! У нас тут строгий порядок. Кто будет горьким увлекаться, тут же прогоним и сообщим на работу) [Загребин 1990, 9].

Строгие порядки Симочку не пугают, для нее главное – привлечь к себе внимание «выдающейся» личности. Высокое положение человека важно для секретарши лишь как способ достижения материального благополучия. Матильда Куприяновна, тетя Симочки, изнывающая от «семейного счастья», желает завести

ни к чему не обязывающий курортный роман. Она оправдывает свои намерения весело провести время таким образом:

Симочка. *Э-э, чужапай, өвөл мынам шудэ.*

Матильда. *Нош тон эн чиг, эн чиг! Огнол өз пөрмы, кык пол уз пөрмы, куинетйяз – пишмоз. Мон егитгес ке луысал, пунысюл му-эн, пьдзёссэс сёлтасал пиослэсь.*

Симочка. *Тынад опытэд вань угось. Тон куинь пол быззыльд.*

Матильда. *Мар пайдаез быземлэн. Кыкез алкоголькёс шедизы. Табере тани мойы муртэн улйсько. Со но шальтрамын. Мёзмыт мыным соин, Симочка...*

(Симочка. О-о, тетушка, нет у меня счастья.)

Матильда. А ты не ломайся, не ломайся! Один раз не получилось, второй раз не получится, на третий – получится. Если бы была я помоложе, вьюном бы обвивала парней.

Симочка. У тебя опыт имеется. Ты три раза замужем была.

Матильда. Какой толк от замужества. Первые два алкоголиками были. Теперь вот с пожилым живу, с развалюхой. Тоскливо мне с ним, Симочка...) [Загребин 1990, 11].

В такой «малинник» попадает передовой колхозник *Исьток*. Его жена *Насьток* искренне верит, что муж в санатории поправит здоровье, отдохнет от тяжелой деревенской работы, расширит культурный кругозор. Попав в сети бесцеремонной и хитрой Матильды, простодушный *Исьток* не раз вспомнит свою резкую по характеру, но отзывчивую сердцем жену. В беде его жене *Насьток* помогает служащая курорта Дарья, которая меняет облик этой молодой крестьянки до неузнаваемости и приводит к мужу. Самая интересная сцена в спектакле – встреча *Исьтока* и *Насьток*. Эпизод, в котором муж не узнает свою жену, во многом напоминает обряд старинной удмуртской свадьбы со смешными заменами и путаницами.

Любовная интрига оттеняет основной конфликт пьесы. Это борьба рядовой труженицы *Насьток* за свое семейное счастье. Конфликт пьесы весьма своеобразно раскрывает противопоставление разумных представлений народа и примитивных понятий людей, мнящих себя элитой. Успех пьесы во многом был

обусловлен тем, что Е. Загребин нашел точную «меру» в развитии сюжета произведения. В сюжетных линиях пьесы нет ни излишней веселости, ни безмерной назидательности, общий тон текста отражает природную искренность и яркую эмоциональность переживаний героев. Разумеется, не все в пьесе «*Насыток но Исыток*» безупречно. Есть тут и картинные совпадения, и нагромождения мелодраматических случайностей. Но загребинская комедия представила хорошую возможность повышать профессиональное мастерство удмуртским актерам и режиссерам. Внедряемые драматургом в пьесу приемы – танцевальные номера, куплеты, музыкальное ритмическое сопровождение действия – требовали от актеров многих навыков и умений. Для пьесы характерен живой народный язык, обогащающий текст интонационным, лексическим, синтаксическим, юмористическим своеобразием устной речи. Прибегая лишь к нескольким репликам из живой разговорной речи, автор воссоздает самобытный, яркий и пластичный характер героя, отражающий черты времени. Е. Загребин предложил специфическую форму освоения повседневности, которая стала активно разрабатываться в удмуртской драматургии на следующем этапе ее развития. Следует также отметить, что эта пьеса сегодня вновь привлекает внимание театральных деятелей и режиссеров, она возвратилась на сцену.

В удмуртской литературе «перестроечных» и «постперестроечных» лет постижение новых жанровых форм и изобразительных приемов обусловлено идейно-художественными требованиями новой эпохи. Обновленные формы в удмуртской драме явил, прежде всего, жанр трагедии. В драматургии таковой явилась трагедия Е. Загребина «*Эш-Тэрек*» (1997). Это произведение вновь выдвинуло Загребина в первый ряд национальной литературы рубежа XX–XXI вв.

В сюжетной основе пьесы «*Эш-Тэрек*» – фольклорный материал. По мотивам легенды южных удмуртов о богатыре *Эш-Тэреке* драматург воссоздает образ древнего батыра, который возглавил борьбу народа против болгарских нашествий,

желая положить конец внутренним распрям. Опираясь на поэтику фольклора и жанра трагедии, драматург сочетает реальное и «бытовое» с высоким и трагическим. В «*Эш-Тэрек*» рассказывается о том, как удмуртский богатырь ради победы над врагом заключает с Пери (Лешим) тайный договор. Молодой батыр получает от *Пери* непобедимого коня, а взамен коня *Эш-Тэрек* обязуется подарить ему плененную болгарскую девушку. Однако батыр, очарованный красотой болгарской девушки *Айслу*, сам влюбляется в нее и принимает решение жениться. Художественным языком жанра трагедии Е. Загребин раскрывает противоречия древней национальной истории.

Молодой батыр *Эш-Тэрек* ясно осознает недостаток собственных сил и возможностей для объединения разрозненных удмуртских племен, тем более, что он понимает невозможность заключения выгодной сделки с внешним врагом. Автор оттеняет мысль о том, что в трагической развязке событий виновны исторические обстоятельства, а не герой. Идея создания удмуртской государственности и консолидации двух народов (удмуртов и болгар) в единое содружество – объективно исторически незрелая. Процессу единения препятствуют бесконечные распри внутри каждого из народов, раздуваемые силами заинтересованных сторон.

На передний план в трагедии выдвинута проблема моральной ответственности исторических личностей и их права на принятие важных решений. *Эш-Тэрек* «мучается» вопросами судьбы своей нации, для влюбленного богатыря «теперь не важно, поклоняться ли своему *Кылдысину* или *Аллаху*, ибо идея справедливости, гуманистического отношения к человеку и народам не должна ставить перед правителем таковой дилеммы и непреодолимого барьера» [Шибанов 2007, 296].

Эш-Тэрек не находит понимания и поддержки у своих соплеменников в том, что возможно мирное решение конфликта между удмуртами и булгарами. Не приемлют позицию *Эш-Тэрека* даже его семья и близкие друзья.

Мадэй. Я, мар дауртїд тон, Эш-Тэрек?! Мар дауртїд, калы-клен осконэз?!

Вежей. *Эккой! Вормон асьме кыын ни вал, эше!*

Иворчи. *Паньзар музъем вылэ тушмон кема пыдзэ ой лёгасал.*

Вежей. *Бен! Тушмон етйн кадъ сэтэмын луысал!*

Нуркан. *Нош со, ожгарчиоссэ ожбусые кельтыса, дэрэм сөзул сьöры татчы дыртйз! Вань калыкмес сантаз! Возьытэ вуттйз! Кыл уг шедьы, кызыы сое ниманы.*

(Мадэй. Ну, что ж ты наделал, Эш-Тэрэк?! Что ты натворил, надежда и опора народа?!

Вежей. Э-эх! Победа была уже почти что в наших руках, друг мой!

Гонец. Долго не смел бы враг на землю Паньзар ступать.

Вежей. Да! Потому что враг был бы затрепан, как пакля!

Нуркан. А он, бросив воинов одних на поле битвы, сюда поспешил за подолом платья! Весь народ опозорил! Стыд-то какой! Слов я не найду, как это назвать) [Загребин 2004, 407–408].

Большой авторитет среди представителей рода *Паньзар* имеет сын шамана Нуркан, руководствующийся в своих действиях и поступках личной выгодой. Призванный нести в народ благо-разумное начало, шаман оказывается человеком корыстолюбивым, эгоистичным.

Следует отметить, что конфликт в жанре трагедии разворачивается, как правило, в чрезвычайных, исключительных обстоятельствах. Герой загребинской трагедии, побуждаемый благородными чувствами, оказывается в плену собственных иллюзий и совершает непоправимые ошибки. Они и ведут его к гибели. На действия героя как предводителя народа история еще не наложила требуемые каноны, исторически еще не определились и взаимоотношения удмуртских племен с соседями. В поведении героя сильно отражаются чувство любви к болгарской девушке, вера в провидение, подчинение случайным обстоятельствам.

Особенно спорной в теории жанра трагедии является концепция «трагической ошибки». Разработка удмуртским драматургом «трагической ошибки» достаточно интересна. Избранный на общем сходе вождем племени *Эш-Тэрэк*, возглавляет поход против болгар. Однако, как отмечали выше, герой покида-

ет поле битвы, так как влюбляется в дочь противника – хана Салимхана Айслу. Между тем, согласно обычаям удмуртского народа, *Эш-Тэрек* был обручен с *Инзы*. Таким образом, герой отдалился и от народа, и от невесты. Один из острейших вопросов, актуализированных в трагедии – предательство ли это? Известный современный писатель Вячеслав Ар-Серги в рецензии, написанной после просмотра спектакля по пьесе, однозначно высказал свое мнение, что поступок *Эш-Тэрека* – не измена. Он считает, что не вражда, а любовь примирит народы: «Не войны, а примирение с соседями дадут возможность сохранить удмуртский народ, развить его коллективное сознание. Такова главная мысль спектакля» [Ар-Серги 1997]. Поэтесса Айтуганова также писала, что в основе трагедии – гуманистическая мысль о любви и дружбе между разными народами и племенами, что «не нужно делить нашу землю под небом, исходя из того, что ваш бог такой, а наш – другой: нужно жить, уважая друг друга, в миру и согласии. Даже само имя ведущего героя *Эш-Тэрек* говорит об этом, оно образовано от слова «эш» («друг»)» [Айтуганова 1997].

Обстоятельства и герои, воспроизведенные в трагедии «*Эш-Тэрек*», воспринимаются зрителем как исторически правдивые. Смерть героя ведет читателя (зрителя) к философским раздумьям о роли воина-вождя в истории народа; одновременно пьеса заставляет задуматься и о роли современного правителя в судьбе народа. Драматург стремился показать историческую обусловленность импульсов, движущих поведением и мышлением вождей-батыров. И на первом плане в произведении не мотивы частных человеческих поступков (семейная драма, ревность и др.), но интересы внеличные, т. е. родовые. Прежде всего, это объединение народа, создание государственности. Трагическая обреченность героя объясняется объективными обстоятельствами исторического момента.

Загребин, разрабатывая проблему «народной трагедии», включает в пьесу большое количество массовых сцен; в героях преобладают типические черты, т. е. общие свойства над индивидуально-человеческими. «Режиссер выстраивает... мас-

совые эпизоды статичными фронтальными мизансценами. Все – как один! Это ли не страшно? И тут является бунтарь *Эш-Тэрек*. Он пытается внести в сознание племени разумные начала, способствующие выживанию всех и каждого. Но встречает непонимание. И в этом его трагедия и трагедия народа» [Ар-Серги 1997].

Сосредоточенность Е. Загребина на художественном постижении проблемы «история и человек», «судьба народа и история» обуславливает приобщение удмуртской литературы к ведущим традициям отечественной и зарубежной классики. Значительная часть драматургического наследия Е. Загребина до сих пор остается практически не изученной. К сожалению, совершенно не введенной в научный оборот оказалась публицистика писателя. Вместе с тем исследование всего творческого наследия этого большого мастера позволит прояснить многие не решенные вопросы, связанные с национальным историко-литературным процессом второй половины XX – начала XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айтуганова Л. Д. Ма сярысь вера «Эш-Тэрек?» // Удмурт дунне. 1997. 15 мая.
2. Ар-Серги В. В. «Где же наши вожди?» // Удмуртская правда. 1997. 13 мая.
3. Загребин Е. Е. Насьток но Исьток Пьесаос. Ижевск: Удмуртия, 1990. 136 с.
4. Загребин Е. Е. Яратонэ тон, вожанэ...: Веросьёс, очеркъёс, пьесаос. Ижевск: Удмуртия, 2004. 432 с.
5. Шибанов В. Л. Литературный контекст современной удмуртской драматургии // Литература Урала: история и современность: Сб. ст. Вып. 3. Материалы III Всерос. науч. конф. «Литература Урала: автор как творческая индивидуальность (национальный и региональный аспекты)» – Екатеринбург: УрО РАН; ИД «Союз писателей», 2007. С. 288–297.

Т. В. Зверева
ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ
В ПЬЕСЕ ЕГОРА ЗАГРЕБИНА «ЛЕБЕДЬ БЕЛАЯ»

Удмуртская драматургия, становление которой приходится преимущественно на вторую половину XX в., во многом усваивает ведущие достижения русской словесности. Поздний расцвет удмуртской драмы обусловлен, прежде всего, тем, что драматический род по своей сути консервативен, новые веяния обнаруживают себя в первую очередь в лирике и эпосе. Вследствие этого становление драмы, как правило, приходится на более поздние культурно-исторические этапы. О закономерностях развития удмуртской драматургии писали Т. И. Зайцева [Зайцева 2012], В. Л. Шибанов [Шибанов 2007], М. В. Ившина [Ившина 2015] и др. Отдельно отметим коллективную монографию удмуртских ученых, выпущенную в 2018 г. – «Удмуртская драматургия второй половины XX – начала XXI века: проблематика, художественное своеобразие, жанровые искания».

В настоящей работе речь пойдет об усвоении традиции русской литературы, поскольку данному аспекту не было уделено должного исследовательского внимания. Попытаемся выявить механизмы рецепции, характеризующие творчество одного из самых ярких удмуртских писателей второй половины XX в. – Егора Егоровича Загребина. Среди произведений, относящихся к драматическому литературному роду, выделяются такие пьесы, как «Весенний дождь», «Медаль», «Настя и Степан», «Деревенский роман», «Не бросай меня, милый», «Лебедь белая», «Кукушка все кукует и кукует...», «Эш-Тэрек». В рамках данной статьи обратимся к анализу драмы «Лебедь белая», написанной Е. Загребиным в 1967 г.

Еще А. П. Скафтымов обозначил две ведущие линии русской драмы, связав их с именами А. Н. Островского и А. П. Чехова [Скафтымов 2007]. Исследователь заострил внимание на изменении структуры конфликта: если в пьесах Островского речь идет о внешнем конфликте (столкновении героев и их мировоз-

зренческих позиций), то ведущим у Чехова становится внутренний конфликт (герои сталкиваются не столько с внешними обстоятельствами, сколько с непостижимой надличной силой, понять которую они не в состоянии): «Драматически-конфликтные положения у Чехова состоят не в противопоставлении волевой направленности разных сторон, а в объективно вызванных противоречиях, перед которыми индивидуальная воля бессильна» [Скафтымов 2007, 387]. Произшедшие на рубеже веков изменения явились следствием трансформации эпохальной оптики. Русская культура конца XIX – начала XX вв. усваивает новое видение мира, которое определяется чувством «онтологической неуверенности» и «онтологического неблагополучия». Именно этим ощущением пронизано позднее чеховское творчество. Удмуртская драматургия середины XX века, с одной стороны, тяготеет к современной советской драме, в целом ориентированной на чеховскую традицию (А. Вампилов, А. Володин, М. Роцин и др.). С другой стороны, в ней обнаруживается сильное влияние русской классической драмы XIX столетия с ее установкой на идейно-мировоззренческий конфликт.

Драматургия Е. Загребина восходит к театру А. Н. Островского. Во второй половине XIX в. Островский не только создает принципиально новый репертуар для русского театра, но попутно осуществляет театральную реформу. В типологически сходной ситуации оказывается в середине XX столетия и Егор Загребин. Перед молодым писателем и актером стояла задача создания национального театра, из-под его пера выходит около двух десятков пьес.

В пьесе «Лебедь белая» можно увидеть множество отсылок к «Грозе» (показательно, что именно эта пьеса Островского долгое время не сходила с подмостков Удмуртского национального театра). Как и в «Грозе», действие загребинской пьесы происходит на реке, при этом река становится важным символом, напоминающим об изначальной природной гармонии. И в русской, и в удмуртской драме река закольцовывает пространство, с нее начинается и ею оканчивается сюжет. Вслед за Кате-

риной («Отчего люди не летают, как птицы?») главная героиня Анисья соотносит себя с птицей и мечтает о свободе: «Белые лебеди!.. Красиво летят! Э-эх, мне бы тоже крылья... И чего только не увидите вы? Счастливого полета! В добрый путь!» [Загребин 2008, 136]. Объединяют двух героинь и воспоминания о детстве: «Детство вспомнила. Встану, бывало, рано-рано и босиком бегу к реке купаться. Искупаюсь в холодной воде – хорошо, а потом ложусь на траву – зеленый бархат» [Загребин 2008, 156]. И в «Грозе», и в «Лебеди белой» возникает архетип «потерянного рая» – мира, в который человеку невозможно вернуться. Наконец, существенным для понимания удмуртской пьесы является возникающий в третьем действии мотив грозы. Огненная небесная стихия напоминает о человеческих грехах и о необходимости их искупления. Показательно, что прячется от грозы запутавшийся в жизни Паша Шукшин:

Паша. Все темнее... Может, убежать? Куда? От себя не убежишь.

Слышны раскаты грома [Загребин 2008, 159].

Как и у Островского, в «Белой лебеди» удары молнии возникают в кульминационный момент – Трифон достает нож, котрым впоследствии попытается зарезать Пашу:

Сверкнула молния, раздался гром.

Трифон (доставая из кармана нож). Всякая железка, как магнит, молнию притягивает [Загребин 2008, 160].

Однако более существенным представляется обращение Загребина к другим аспектам творчества Островского. Во-первых, в центре художественного видения Загребина оказывается событие, выводящее течение жизни за ее обычные пределы. Как писал А. П. Скафтымов, «одною из особенностей дочеховской бытовой драмы является поглощенность и заслоненность быта событиями. Будничное, как наиболее постоянное, нормально обиходное и привычное, здесь почти отсутствует. Минуты ровного, нейтрального течения жизни бывают лишь в начале пьесы, как экспозиция и отправной момент к сложению события. В дальнейшем вся пьеса во всей ее диалогической ткани уходит

в событие, ежедневно-обиходное течение жизни отступает на дальний план и лишь кое-где упоминается и подразумевается» [Скафтымов 2007, 373–374]. Загребинская драма демонстрирует крайнее обострение коллизии (безумие Трифона и его покушение на Пашу), при этом финал отмечен катарсисом. Во-вторых, важное место занимает идейный конфликт, который также характеризует творчество Островского. Драма «Лебедь белая» построена на внешнем конфликте двух противоположных станов героев. С одной стороны, это Трифон, Паша Шукшин, Любимов – персонажи, живущие по законам джунглей («Беречь только самого себя, думать только о себе»). Жизненной философии Трифона, основанной на идее личного обогащения и стяжательства, начинает вторить Паша: «Я хочу жить весело, красиво!» [Загребин 2008, 149] (заметим, что имя Трифон имеет греческие корни и происходит от словосочетания «живущий в роскоши», т.е. имя персонажа оказывается «говорящим»). С другой стороны, автор изображает героев, понимающих, что кроме материальных ценностей в жизни существуют ценности духовные (Юрий Олин, Анисья, Данил Романыч, Петр Березкин, Люся). Таким образом, в «Лебеди белой» возникает мировоззренческий конфликт, являющийся отличительным признаком русской драматургии XIX в. Вместе с тем в удмуртской пьесе в большей степени проявлено нормативное начало: если в «Грозе» Островского Катерина одна противостоит «темному царству», то в пьесе Загребина положительные герои доминируют. Финал драмы ознаменован победой света: Паша Шукшин осознает свои ошибки и искупает вину, а Трифон погружается в безумие, которое эквивалентно смерти. Подобная концовка расходится с более сложной развязкой, представленной в пьесах Островского, но упрощение конфликта неизбежно в удмуртской литературе, ориентированной на базовые культурные модели и традиционалистскую парадигму.

Как уже было сказано выше, в произведениях Загребина имеются переключки с творчеством А. П. Чехова. Уже «птичье» название пьесы «Лебедь белая» отсылает читателя к чеховской «Чайке». Следует отметить тяготение удмуртского писателя

к стихии воздуха: в его творчестве выделяется самостоятельный «птичий сюжет», отмеченный такими рассказами, как «Жаворонок», «Скворечники», «Летят журавли», «Дятел», «Белые лебеди», «Трясогузка», «Соловей», «Соловей всем поет», «Белас», а также пьесой «Кукушка все кукует и кукует...». В «Лебеди белой» автор использовал чеховский прием: название пьесы является не только центральной метафорой, через которую развернут сюжет, но и символом, вмещающим в себя множество смыслов. В комедии Чехова чайка соотнесена с Ниной Заречной, гибель подстреленной птицы символизирует душевную опустошенность героини, не сумевшей удержать в себе творческого и жизненного горения. Водная стихия поглощает огненную, трагический финал чеховской комедии в очередной раз демонстрирует победу жизненной стихии, перед которой бессильны герои.

Почти все сюжетные линии в драме Загребина связаны с образом Анисьи – «белой лебеди». Уже значение имени главной героини характеризует ее внутреннюю сущность (др.-греч. Άνυσία – благотворная). Однако первое появление Анисьи сопровождается противоположной характеристикой: «Она, куцая лиса, в два счета опутает вас» [Загребин 2008, 135]. Автор иронично подменяет детали, наделяя свою героиню «ложным признаком». На особую выделенность Анисьи из персонажной системы указывает авторская ремарка («*Появилась Анисья. Издали смотрит на девушек*») [Загребин 2008, 135]. Обозначенная автором пространственная дистанция символизирует особое положение героини среди жителей деревни. Именно Анисья первая видит в небе летящих лебедей и бросает реплику: «Белые лебеди!.. Красиво летят!» [Загребин 2008, 136]. В дальнейшем автор еще более усиливает соотнесенность героини с птицей. Впервые увидевший девушку Юрий Олин сразу же угадывает ее внутреннюю чистоту: «Зачем ее так унижают? Девушка, мне кажется, хорошая, словно лебедь белая...» [Загребин 2008, 137].

Лебедь – один из важнейших символов человеческой культуры. Для понимания авторского замысла важно, что эта птица наряду с уткой занимает центральное место в удмуртской ми-

фологии. Не случайно тема птицы как символа чистоты и свободы дублируется автором еще и в одной из второстепенных сюжетных линий – линии Люси и Петра Березкина. Только чистота внутреннего мира позволяет персонажам любоваться летящими в небе лебедями:

Петр. Смотри... лебеди летят.

Люся (смотрит в небо). Счастливые они.

Петр. Счастливые?

Люся. Они всё видят: и реки большие, и моря бескрайние, и горы высокие... Эй вы, гуси-лебеди, посадите меня на крылья, донесите до самого синего моря... Чтобы могла поклониться ему и крикнуть: «Здравствуй, счастье!» [Загребин 2008, 138].

Следует также отметить, что данные персонажи воплощают в пьесе тему «лебединой верности».

Напротив, многим героям пьесы не дано ощущения полета. «Эх, Маша, взвиться бы тебе в небо... да летать ты не умеешь...» [Загребин 2008, 163], – горестно восклицает Данил Романович, обращаясь к Маше. Ощущает себя оторванным от неба и Паша Шукшин: «Э-эх, жизнь!.. (Слышится лебединый голос. Паша смотрит вверх.) Птица?.. Она даже ночью ищет любимую подружку. Тоскует... А я?..» [Загребин 2008, 157].

Вслед за Чеховым, в «Чайке» которого «пять пудов любви», в «Лебеди белой» автор усложняет любовный конфликт. По условию сюжета в Анисью влюблены сразу несколько героев – Любимов, Павел Шукшин и Юрий Олин. Любовная коллизия становится еще более напряженной благодаря описанию непростых отношений между Павлом и Машей. Переломным для интриги оказывается взятый у Чехова мотив подстреленной птицы. Второе действие Загребин начинает со звука выстрела и появления Олина, держащего в руках раненую в крыло лебедку. Подстреленная птица становится метафорическим воплощением Анисьи: «И я искал Анисью, а нашел птицу раненую» [Загребин 2008, 153]. Олину вторит Данил Романович: «Где сейчас ее найдешь? (Смотрит на лебедя.) Вот так же подстрелили бедную» [Загребин 2008, 155].

В соответствии с мифологическими представлениями, лебедь – птица особая, наделенная сакральным значением. Убийство лебеди у многих народов приравнено к кощунственному акту и является дурным предзнаменованием. Подстреленная чайка разворачивает чеховскую пьесу к трагическому финалу, раненая птица у Загребина также предвосхищает драматическую развязку пьесы.

Переклички пьесы Загребина с драматургией Чехова обнаруживаются не только на уровне содержания, но и на уровне художественной формы. Так, удмуртский драматург пытается выстроить диалог, основанный на недоговоренности. Обращает на себя внимание, что большинство фраз героев пьесы оборваны, не завершены.

Олин. Не уходите, прошу вас...

Анисья. Я не могу, я должна идти.

Олин. Я очень прошу. Посидите немножко...

Анисья (после паузы). Не верьте тому, что говорил здесь... этот...

Олин. А я и не поверил...

Анисья. Спасибо... [Загребин 2008, 141].

В данном случае все же необходимо сказать о формальном использовании чеховского приема. Отличительной особенностью творческого метода Чехова стало преодоление традиционных для русской литературы форм коммуникации. Выраженный словесно сюжет всякий раз обнаруживал свою второстепенность, в то время как значение обретали темы, оказавшиеся в «подтексте». Для драматургии Загребина характерно классическое построение диалога с его установкой на прямое выражение смысла. Паузы и оборванные реплики скорее создают психологическое напряжение в пьесе, нежели указывают на наличие «подводного течения».

Следует отметить необычный способ построения ремарок у Загребина, во многом унаследованный от Чехова. Как заметил П. М. Бицилли, многие чеховские ремарки «явно не для режиссера, а для читателя. Чехов иной раз словно забывает, что то, что он пишет, предназначено для сцены. <...> Вычеркнем

все это (а подобных ремарок немало), и впечатление от целого слабеет. Показать же это на сцене нет никакой возможности» [Бицилли 2010, 631]. Представленный в «Лебеди белой» образ пространства также принципиально не воплотим на сцене: «Вечереет. Спускается солнце, багряня небосклон. Его косые лучи пляшут, играют на глади реки, освещая уголок притулившейся избушки» [Загребин 2008, 131]. Данный текст не просто определяет место и время действия, но несет в себе лирическое начало – задает определенное (тревожное) настроение. И если в начале первого действия солнце багрянит небосклон, то в дальнейшем багряный цвет будет соотнесен с кровью раненой лебедки и пролившейся кровью Павла Шукшина.

Несмотря на то, что в пьесе Загребина обнаруживается множество точек пересечения с творчеством Чехова, нельзя говорить о прямом следовании традиции. Любая национальная драма тяготеет к органическим истокам – фольклорной стихии и народному сознанию. Вследствие этого национальная литература в целом и драматургия в частности неизбежно несут в себе и определенный комплекс представлений о нормативном начале в жизни. Показательно, например, что чеховская чайка превращена в чучело, а загребинская раненая лебедка выхожена и выпущена в небо: «Все пройдет, Время всё излечит. И раненая лебедь долго болела у меня. Теперь поправилась. Сейчас пойду и выпущу ее в чистое небо. Пусть летает на свободе, своего счастья ищет» [Загребин 2008, 163]. И если Чехов приоткрывает метафизическую (бытийную) драму, в которой человек трагически не сбывается, то для Загребина как писателя, укорененного в национальном бытии, эта идея оказывается изначально чуждой. Народная стихия преодолевает разлад и неблагополучие социума и утверждает свое право на жизнь. Чрезвычайно важно, что в финале возникает «сюжет прозрения», раненый Павел обретает способность видеть лебедей в небе: «Повыше, повыше поднимите меня... Я тоже хочу видеть белых лебедей...» [Загребин 2008, 170]. Герой Загребина перерождается, осмысляя свои ошибки, и финальный катарсис связан с этим внутренним пе-

рождением Павла. Отметим также, что если главная героиня «Чайки» Нина Заречная отрывается от своего места, обрекая себя на вечные «перелеты», то героиня «Лебеди белой» Анисья укоренена в почве и отвечает отказом Любимову, зовущему ее в другие края. Таким образом, конфликт оказывается принципиально разрешимым, и победу одерживает глубоко укоренное в национальной почве нормативное начало.

Осмысление удмуртской драматургии в русле традиций русской словесности еще впереди. Но уже сегодня можно сказать, что национальная литература не просто усваивает лучшие образцы русской словесности, но творчески преобразует и переосмысляет материал, адаптируя его к условиям самобытной почвы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бицилли П. М. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // А.П. Чехов: proetcontra. Т. 2. СПб.: РХГА, 2010. С. 522–692.

2. Загребин Е. Е. Лебеди моего детства: Новеллы, рассказы, пьесы. Ижевск: Удмуртия, 2008. 176 с.

3. Зайцева Т. И. К вопросу о становлении удмуртской драматургии // Филологические исследования на рубеже XX–XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы. Сыктывкар, 2012. С. 179–181.

4. Ившина М. В. Жанровые особенности удмуртской драматургии 1960–2010-х годов. Автореферат дисс... кандидата филол. наук. – Чебоксары, 2015. 21 с.

5. Скафтымов А. П. К вопросу о принципах построения пьес Чехова // Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. М.: Высш. шк., 2007. (Классика литературной науки). 535 с.

6. Удмуртская драматургия второй половины XX – начала XXI века: проблематика, художественное своеобразие, жанровые искания / Т. И. Зайцева, Н. В. Кондратьева, М. В. Ившина; под общ. ред. Т. И. Зайцевой. Ижевск. Изд-во: Удм. ун-т. 2018. 186 с.

7. Шибанов В. Л. Литературный контекст современной удмуртской драматургии / Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 3. Т. 2. 2007. С. 288–297.

Л. Г. Романов

ЕГОР ЗАГРЕБИН – ПИСАТЕЛЬ, ДРАМАТУРГ И АРТИСТ

Нырысьсэ мон соин тодматски 1955-тй арын, куке ялэмын вал конкурс. Ленинградьс А. Н. Островский нимо театральной институтэ устоез пöлысь устозэ удмурт нылгёсты но пиосты артистэ дышетскон понна лэзьыны чакламын вал. Комиссия 20 муртэ бырйиз. Соос пöлын ик Егор но вал. Конкурс но экзаменгёс мынон вискын ог-огмес ми умой-умой тодыса öм вуттэ шуыны луоз, малы ке шуоно, Элькунмылэн пöртэм сэреггёсысьтыз вуылэмын вал егитгёс.

Жечгес тодматским ини дышетскыны кутскем берамы гинэ. Удмурт театрлэсь историзэ, ужзэ тодйгёс ми пöлын трос öй вал, дыр, малпасько. Мынам ке, со сярись кылэме но адземе но öй вал. Нош Егор ма но со тодэ вылэм, отысь артистгёс, спектакльгёс сярись чебер удмурт кылын вералляз со. Соин но, дыр, Егор шоры мон синмаськыса но вожгьяськыса учкылй. Собере гожгьяськон ужен но выре шуыса тодймы ини.

Зарубежной литературая Бернард Шоулэн творчествоеныз тодматскыку Егор солэн пьесаосызлы синмаськем. «Вот мон Шоу луо», – шуылйз со. Куспамы ми сое «Шоу» гинэ шуиськом вал.

Дышетскыкумы ми кылгёсын шудыса пöртэм этюдгёс лэсьтылйськом вал. Егор олокыче но пуштросэн аспöртэм учыргёс малпаса, отрывокгёс пöрмытылйз. Дышетйсьмы Евгения Константиновна чектиз кыче ке пьеса кылдытыны. Егорен вераськыса, соос маке со пöрмытиллям. Ми быдэс курсэн пичиен-пичиен, люкетэн-люкетэн отрывокгёс возматылймы. Институтэз йылпумгьяку ини Егор Загребинлэсь «*Тулыс зор*» пьесазэ пуктйм. Удмуртие бертыса, театрмылэн сцена вылаз но возматйм. Собере ини Егор зэмос драматургие выжиз. Писательгёслэн веросгёссы, романгёссы вылын инсценировкаос гожтылйз, яке кыче ке писателен чöш гожгьяллязы. Озы соос Тронинэн чöш «*Гондыркуш*» нимо пьеса кылдытйзы.

Театрмы ми бертэм бере музыкально-драматической луиз. Удмурт кылын литературной материал öжыт вал. Соин ик театрмы пумен жуч кылын крезьгуро комедиосты но опереттао-

сты пуктылыны кутскиз. Штрауслэн «Летучая мышь» комедиез Егорлы тужгес ик кельшем, лэся: жытлы быдэ, ку мынэ та спектакль, Егор театре мынэ. Мон юатэк ой чида: «Кёня пол учкид ини, кельше-а мар-а?» Мон, пе, малпасько та либреттоя удмурт пьеса кылдытыны. Мон серекъяй гинэ, кытын, пöй, тон удмурт барышняосты, господаосты, эшшо ке фракен, сьёе паськыт сöзуло, кузь дэремен ветлйсь кышноосты адзылйд. Мон, пе, геройёсме колхозын я совхозын улйсьёс каро. Озыы кылдйз «Исьток но Насьток» пьесая пуктэм спектакль. Кытын гинэ удмуртьёс уло, отчы вуылйм та спектаклен. Учкисьёслы туж кельшиз та ужмы. Городын но ми сое трос пол шудылйм. Театрмылэн билетёс вузан укнодураз нырысьсэ, дыр, «Все билеты проданы» табличка кылдылйз. Егор, конечно, жутскем мылкыдын ветлйз соку.

Егор Загребинлэн берпуметй ужез «Мусое мынам, мусое...» нимо пьеса вал. Соку со дас арлэсь кема ини Писательёслэн союззылэн правлениезлэн төроез луыса тыршиз. Валамон, туж бадзым, туж ответственной уж со. Соин ик пьеса бордын ужаны дырыз уггес тырмы вал. Но ми та пьеса бордын ужаны кутскимы. Артистёсын чош репетициос бере кёня ке воштонъёс пыртыны дэмламы. Дыр ортчыса, Егор Егоровичез репетицие отимы. Репетиция бере вераськыкумы валай, пыртэм воштонъёсты со лыдзыса вуымтэ шуыса. Собере нош ик отимы учкыны. Табере воштонъёсмес ас синмыныз адзыз но, соглаш кариськиз.

Егор Загребин кема аръёс чоже артист луыса ужаз. Котькуд роляз со аслэсьтыз, аслыз гинэ тупась сямъёс пыртылыны быгатылйз. Соин но, дыр, солэн кылдытэм образъёсыз учкисьёслы валамон но оскымон пөрмылйзы. Таёе быгатонлыкъёсыз юртто вал солы лыдзисьёсын, учкисьёсын радъям пумиськонъёсын но.

Егор Загребинлэн пьесаосыз, веросьёсыз, кылдытэм образъёсыз литературае, лулчеберетэ тодмо гож но мур, яркыт пыты кельтйзы.

А. З. Диева
ВЛИЯНИЕ АВТОРСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ
НА АРХИТЕКТонику ТРАГЕДИИ Е. ЗАГРЕБИНА «ЭШ-ТЭРЕК»¹

Творческой манере Егора Загребина свойственно следование фольклорным и литературным традициям. При всей самобытности художественного дарования автор учитывает историко-литературный опыт, что органично воплощается в архитектонике его драматургических произведений, обуславливаясь субъектностью авторского присутствия. И это представляет особый интерес для осмысления художественного наследия писателя. Его мировидение имеет большое значение для понимания судеб героев и в целом – авторского замысла. Предельно четко выраженная авторская позиция, что не всегда характерно для драматургических текстов – характерный признак художественной системы Е. Е. Загребина, способствующий глубокому постижению изображаемой эпохи сквозь призму конкретной человеческой судьбы. Специфика его художественного дарования проявляется в приеме перемещения героя в историческом пространстве, благодаря чему углубляется временная перспектива и возникает панорамное изображение героев и обстоятельств. Это, на наш взгляд, и сближает произведения Егора Загребина с удмуртским эпосом, придавая им эпохальный охват и монументальность содержания. Произведению Загребина «*Эш-Тэрек*» предшествуют в удмуртской драматургии две трагедии (Кедра Митрея и Николая Байтерякова) с одноимённым названием. Стремясь к максимальной лаконичности, Егор Загребин охотно использует в трагедии традиционные литературные и исторические образы и сюжеты: появление на сцене знакомых зрителям *Эш-Тэрека* или *Вёся* исключает необходимость разъяснения характеров и взаимоотношений персонажей.

---

¹ *Источник:* Диева А. З. Влияние авторской субъективности на архитектонику трагедии. Е. Загребина «*Эш-Тэрек*» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Том 12. Вып. 3. С. 73–81.

Сценическое воплощение насущных проблем мира и чело- века позволило Загребину занять в удмуртской драматургии собственную нишу, отражающую его мировидение. Представ- ляет интерес в трагедии «Эш-Тэрек» художественное воплоще- ние человеческих судеб на фоне исторических событий. Дра- матург воссоздаёт историческое полотно на основе известных фольклорных и литературных сюжетов, сосредоточив внимание не столько на судьбе главных героев (Эш-Тэрека и Алсу), сколько на судьбах удмуртов и болгар, живших по соседству и длитель- ное время враждовавших из-за территориальных границ.

Известно, как важна авторская позиция в формировании архитектоники произведения. На протяжении двух последних столетий характер авторства заметно изменился. Централь- ным «персонажем» литературного процесса стало не произ- ведение, следующее общепринятому канону, «а его создатель как центральная категория поэтики – не стиль или жанр, а ав- тор». [Аверинцев, Андреев, Гринцер, Михайлов 1994, 33]. Автор- ская субъектность, неизменно присутствуя в художественных произведениях, не всегда обращает на себя внимание. Формы её присутствия в тексте разнообразны. Автор даёт о себе знать, прежде всего, как носитель своего представления о реально- сти. Этим определяется принципиальная значимость в составе искусства его идейно-смысловой стороны, – того, что на про- тяжении XIX–XX вв. именуют «идеями» (от др.-гр. *idea* – понятие, представление) [Хализев 2000, 55]. В своё время Ф. Шиллер от- метил, что в искусстве «пустота или содержательность зависят в большей мере от субъекта, нежели от объекта»; сила поэзии состоит в том, что «предмет ставится здесь в связь с идеей» [Шиллер 1957, 473].

Обращение к образу автора можно встретить уже в теори- ях рубежа XVIII–XIX столетий, где он осмысливается как выра- зитель определённой позиции, точки зрения. Вслед за Кантом, который ввёл термин «эстетическая идея», сферу художествен- ной субъектности стали обозначать термином «идея». В том же значении использовались выражения «поэтический дух» и «кон-

цепция» [Хализев 2000, 56], что созвучно мысли Гёте: «Во всяком произведении искусства <...> всё сводится к концепции» [Гёте 1975, 585]. Так появилось основание для осмысления художественной идеи (концепции) и ее отличия от научных, философских, публицистических обобщений, а также её места и роли в духовной жизни человечества. Обобщения художников, писателей, поэтов нередко предваряют позднейшее миропонимание [Хализев 2000, 57]. По этому поводу Шеллинг утверждал: «Наука лишь поспешает за тем, что уже оказалось доступным искусству» [Шеллинг 1936, 387].

По мысли В. Хализева, ещё настойчивее и резче в том же духе высказался Ап. Григорьев: «Всё новое вносится в жизнь только искусством: оно воплощает в созданиях своих то, что невидимо присутствует в воздухе эпохи <...>, заранее чувствует приближающееся будущее» [Григорьев 1967, 324]. Так постепенно формируется эстетическое осмысление действительности как становление мысли, этической воли и чувства, их блуждания, их ещё неоформленное нащупывание действительности, их глухое брожение в недрах так называемой «общественной психологии», – весь этот не расчленённый ещё поток становящейся идеологии отражается и преломляется в содержании литературных произведений [Медведев 1993, 22–23]. Такая роль художника очевидна и в социально-исторических концепциях «Бориса Годунова» А. С. Пушкина и «Войны и мира» Л. Н. Толстого; и в повестях и рассказах Ф. Кафки, заговорившего об ужасах тоталитаризма ещё до того, как он упрочился, и во многих других произведениях [Хализев 2000, 57–58].

Подобное становление миропонимания героев и изображаемых обстоятельств присутствует в творчестве Е. Е. Загребина. Его субъективное видение мира и человека непосредственно воплощается в логике мыслей и поступков героев как свидетельство авторского понимания воссозданной в контексте повествования ситуации. Как писал М. М. Бахтин, воспринимающему художественное произведение важно «добраться, углубиться до творческого ядра личности» его создателя [Бахтин 1979, 371].

По мысли В. Н. Топорова, без «образа автора» (как бы глубоко он ни был укрыт) текст становится «насквозь механическим» либо низводится до «игры случайностей», которая по своей сути чужда искусству [Топоров 1993, 28].

А человек как таковой формируется и самоопределяется на путях творческого приобщения к культуре в целом, наследуя её традиции и осваивая ценности самого разного рода. Искусство в его высоких, достойных проявлениях – в тесном и прочном союзе с иными формами культуры – активно содействует «целостному духовному самоопределению личности» [Поспелов 1965, 256]. Оно позволяет человеку остро ощутить и напряжённо пережить собственную свободу и одновременно – свою причастность бытию как целому, своё единство с миром и его ценностями, вечными и непреходящими. Таково поистине великое предназначение художественного творчества [Хализев 2000, 86].

Очевидно, что мир художественного произведения воспроизводит действительность в некоем «сокращённом», условном варианте. Литература берет только некоторые явления реальности и затем их условно сокращает или расширяет [Лихачёв 1968, 74–79], в чём мы убеждаемся, обратившись непосредственно к творчеству писателя. Так, Кедр Митрей чувствовал, что его идеал неосуществим в современных условиях, и обращался к ситуациям прошлого. В творчестве его ощутима оппозиция «настоящее – прошлое» как структурообразующий принцип всех частей его «исторической трилогии о батырах: трагедии *«Эш-Тэрек»*, драмы *«Идна-батыр»*, поэмы *«Юбер батыр»*. Современные конфликты автор сознательно проецирует на национально-исторический материал и пытается найти ответы на вопрос: в чём причины отклонения от исходного образца и измельчания человека?

В трагедии Егора Загребина мы видим иное. Следуя Шекспиру, он в своих пьесах делает отбор исторических событий, останавливаясь не на самых блестящих и славных страницах истории, а на моментах кризисных, исторически противоречи-

вых, с его точки зрения наиболее важных. В этом особенность всего творчества Загребина. Его интересуют такие взаимосвязанные и философски осмысленные темы, как человек и природа, человек и общество, человек и предательство, человек и власть. Периодической сменой акцентов на этих четырёх темах обусловлены мировоззренческие искания драматурга при решении кардинального вопроса о борьбе добра и зла в сущностной природе человека. Как утверждает сам драматург, эти темы постоянные, вечные, жизненные. Его подход к материалу проявляется и в способах изображения образов, и в построении сюжета, и в проблемах композиции и конфликта, и в стремлении к стилизованному разнообразию. Драматург вышел за этнические пределы и отразил драматические явления современности, «поэзию действия» своих героев.

Историческая трагедия Егора Загребина основана на известных в фольклоре и в литературе сюжетах. В разгар «перестройки» Егор Загребин поднял актуальные темы: власть и народ, вождь и народ. Как и у Кедр Митрея, *Эш-Тэрек* у Е. Загребина – это удмуртский воин, батыр, но не такой честолюбивый. Он храбр и силен, как в сказке-легенде. Это думающая личность, с характерными для нее поведением, наружностью и миропониманием. Он переживает отсутствие единомыслия в своем племени. Он – личность целостная, вызывающая к себе определенное отношение читателя, заданное творческой волей автора, который сочувствует своему герою. Субъективно-личностное начало проявляется в том, что автор солидарен со своим главным героем в его переживаниях и чувствах и подводит его к главной мысли: не нужно враждовать удмуртам с татарами, а нужно объединиться и жить в мире. В этом, на наш взгляд, главная и сильная сторона трагедии.

Егор Загребин с детства впитал образно-мифологические переживания своего народа, этнические стереотипы и алгоритмы миропонимания. Удмуртский народ и в середине XX в. не утратил своих вековых традиций: не оторвался от своих языческих корней, не потерял нерасторжимой связи с природой. Автор воссоздал

в трагедии картину той исторической эпохи, включив в драматическое повествование элементы обрядовых традиций древних удмуртов. Так, первое действие начинается с моления *тõро* (*вõсясь*) перед своим народом. Он обращается к *Инмару-Кылчину*:

*ВÕСЯСЬ. Мукылчинэ тон мынам,
Быдзым Инмаре.
Басьты мынэсьтым люкам сьõлыкме.*

*Эн кушты, Инмаре, монэ,
Возьма улонме.
Эн сёт калыктэ тушмонлы быдтыны.*

Бог Земли ты мой,
Великий Бог.
Забери мои грехи.

Сохрани меня, *Инмар*,
Сохрани жизнь,
Не давай свой люд врагу.

Народ повторяет за героем последние строчки. Далее изображается календарный праздник: выбор дочери Бога, которая будет беречь засеянное рожью поле, что придаёт пьесе неповторимый национальный колорит и самобытность.

Авторская позиция определяет архитектонику повествования, расстановку персонажей, их жизненные коллизии, существенно воздействуя и на выстраивание конфликтной ситуации. С её помощью драматург прослеживает логику поведения героев, психологию их поступков, воссоздавая психологический колорит сюжета. Известно: художественное изображение всякого жизненного конфликта не уместается в литературные схемы; так и не всякий конфликт может получить воплощение. Прямое столкновение персонажей – это самая заметная сторона конфликта. В трагедии ощутима дистанция между персонажем и

автором. С позиции временного расстояния автор осмысливает собственный жизненный опыт. Изображая социальный конфликт, он находится обычно на одной его стороне. В трагедии «*Эш-Тэрек*» главный конфликт возникает между героем и жизненными испытаниями. Автор глубоко проникает во внутренний мир *Эш-Тэрека*, подробно описывая и анализируя психологию героя: душевные процессы, чувства и стремления, проявляющиеся и косвенно (через жесты, мимику, действия), и непосредственно – в монологах.

У Егора Загребина, как и у Николая Байтерякова, по мнению критика А. Шкляева, в трагедии «*Эш-Тэрек*» эпический сюжет использован более всего для решения лирико-философской задачи, а потому основное содержание её – не во внешнем действии, а в своеобразии «лирического сюжета», движения души, взаимоотношений людей друг с другом. Внутренний же конфликт *Эш-Тэрека* носит психологический характер, им и определяется развитие событий. Стиль повествования расширяет эпические границы, придавая трагедии эмоциональную насыщенность. Описание переживаний юношеской души и её порывов точны и естественны, они подкупают читателя своей глубиной и непосредственностью.

Удачно использован автором приём лирических размышлений героя. В первом действии *Эш-Тэрек* переживает за свой народ, чувствуя ответственность перед ним:

*Улон яке бырон?
Өвёл мукет сюрес!
Нумыр сямен уг ул нюжтйськыса,
Тушмон азын уг съл пыдес вылам!
Кинлы вазём?..
Киям сермет, валэ – өвёл,
Калык вёзам...
Но валтыны сое
Лябыт на гозые,
Кинлы вазём! Кытчы мыном?*

[Загребин 2004, 387].

Жизнь или смерть?
Другого пути нет!
Не хочу ползти, как червяк,
Перед врагом не встану на колени!
К кому обратиться?..
В руках уздечка, а коня – нет,
Рядом мой народ...
Слаба ещё узда,
К кому обратиться! Куда мне идти?
(Подстрочный перевод мой – А. З. Диева).

Лиризм как сквозной стилистический прием пронизывает все элементы трагедии, что усиливается включением пейзажа, внутреннего монолога и лирических отступлений. Лиризация увеличивает долю авторской субъективности, присутствия автора в тексте. Егор Загребин своеобразно решает проблему эволюции героя через его столкновение с проблемами: он совершенствуется, и психология его меняется. Автор использует приём добавления: сначала на первом плане – реальные картины жизни, а затем добавляется необычное. Используемые в повествовании формы времени обуславливают включение то монологов, то диалогов, придавая трагедии особый колорит в раскрытии речевых характеристик героев. Например: «Ночью сидит *Эш-Тэрек* на камне у реки Камы, держит в руках золотую узду. Внезапно встаёт и обращается к *Вумурту*. *Эш-Тэрек* с ним жесток. Но удмурты всегда считали *Вумурта* силой природы и обращались с ним вежливо:

ЭШ-ТЭРЕК. Я пот ни мон азам, шимес Пери! [Загребин 2004, 388].

ЭШ-ТЭРЕК. Ну, покажись уже передо мной, нечистая сила, злой дух!

ВУМУРТ. О чём ты так тужишь, переживаешь?.. Э-э, зря ты на меня сердисься. Может, я тебе близким другом ещё стану. Какое горе тебя нашло? *Эш-Тэрек* на вопрос *Вумурта*: что он ценит на свете больше всего? – отвечает: родную землю. *Вумурт* утверждает, что многие её продают. *Эш-Тэрек* не соглашается

с Вумуртом, говорит, что он на такое не способен. Он думал, что Вумурту нужна его невеста Инзы. А когда Вумурт говорит, что Эш-Тэрек полюбит другую девушку – увидев её, он всё забудет, – не верит ему:

ЭШ-ТЭРЕК. Я, вера, вера! Ымдуръёсы тонэ кылзыса золтйсько! Ха-ха! Ваньзэ, пе, вунэто!

ЭШ-ТЭРЕК. Ну, говори, говори! Слушая тебя, губы мои сжимаются! Ха-ха! Всё, говорит, позабуду!

ВУМУРТ. Бен! Сыёе со – инметй уясь югыт толэзь кадэ, тёдды кызыпу выллем веськрес, льоль-чыжыт ымдууро, лыдъянтэм трос йырсиунэто... [Загребин 2004, 390].

ВУМУРТ. Да! Она такая красивая – словно светлый месяц, плывущий по небу, стройная, как белая берёза, с розовато-алыми губами, со многими-многими косичками...

Эш-Тэреку смешно, он говорит, что десять таких девушек подарит. *Вумурт* просит только одну, ему понравившуюся. *Эш-Тэрек* обещает подарить и получает от *Вумурта* коня. А когда возвращается к своему народу на коне, ему и отцу своему говорит, что он готов к схватке с врагом. Жрец, отец *Эш-Тэрека*, предупреждает его:

ВӨСЯСЬ (ЖРЕЦ). *Матэтскы, пие. Быдъым инмар тыныд шаугетйсь нюлэслэсь, чагыр инбамлэсь но Тёдды Каммылэсь, паськыт лудъёслэсь но шуръёслэсь чеберзэ сётйз. Эн ышты со чебердэ, пие... Нош секыт дыре од ке чида, кельтйд-вузад ке дандэ но калыктэ – ыштод тон чебер тустэ, куарадэ, анай кылдэ но тонэ утись кылчинъёстэ... Эш-Тэрек! Булгар ханлэн покчи нылыз асьме вылэ лыктэ. Укыр чебер шуо сое. Ожгарчиос синмасько но йырзэс ышто, пе.*

ВӨСЯСЬ (ЖРЕЦ). Подойди ко мне, сын мой. Великий Бог тебе у шумящего леса, синего неба и нашей белой Камы, у просторных полей и рек дал красоту. Не потеряй её, сынок... А в трудные минуты, если будет неважно, оставишь-продашь если свою честь и свой народ, – ты потеряешь свою красоту, свой голос, свой родной язык и защищающих тебя ангелов... *Эш-Тэрек!* У болгарского хана младшая дочь идёт на нас. Говорят, она очень красива. Воины влюбляются и, говорят, головы теряют.

Предупреждают его мачеха Юмъя, добрая, мудрая женщина, которая вырастила Эш-Тэрека (а его мать умерла), Аньыбей, мать невесты Эш-Тэрека.

Эш-Тэрек спрашивает у своей невесты Инзы, неужели он на это пойдёт, почему ему не верят? Юмъя говорит, что он – надежда, защитник народа, что он – заступник перед Богом и предводитель.

ВӖСЯСЬ (ЖРЕЦ). Тон ке бырид, быроз милям осконмы. Тон ке ожысь пегзид, уз лу милям утисьмы. Тон ке вузад милемыз, быроз, кошкоз ми дорысь дауръёсын йыбыртъям Инмармы... Инмартэм калык – пудоуллё. Синтэм, визьтэм, шудтэм [Загребин 2004, 393–394].

ВӖСЯСЬ (ЖРЕЦ). Если тебя не будет, пропадёт наша вера. Если ты сбежишь с поля боя, не будет нашего защитника. Если ты продашь нас, пропадёт, уйдёт от нас Бог, которому веками поклонялись... Народ без Бога – стадо. Невидящий, дурной, несчастный.

Представленные примеры показывают, как автор передаёт переживания своих персонажей через несобственно-прямую речь, которая в контексте объективного повествования воспринимается как разновидность, и в которой голоса героев начинают преобладать над голосом автора. Стремление к слиянию голосов автора и героя (по Б. О. Корману, «двусубъектное слово»), как правило, происходит при их духовной близости и говорит о стремлении автора к позиции небезразличного судьбы. Так в трагедии Егора Загребина авторская позиция явственно характеризуется стремлением повествователя максимально приблизиться к своим персонажам, воссоздав при этом и обогатив чувственный мир героев, их внутренние переживания, обусловившие кульминацию и развязку трагического сюжета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая

поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 33.

2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 371 с.

3. Гете И. В. Об искусстве. М., 1975. 585 с.

4. Григорьев Ап. Литературная критика. М., 1967. 324 с.

5. Загребин Е. Е. Яратонэ тон, вожанэ...: Веросьёс, очеркъёс, пьесаос. Ижевск: Удмуртия, 2004. 432 с.

6. Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы / Ред.-сост. Е. А. Подшивалова, Н. А. Ремизова, Д. И. Черашняя, В. И. Чулков. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. 552 с.

7. Лихачёв Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968 № 8 С. 74–79.

8. Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении. М., 1993. 207 с.

9. Поспелов Г. Н. Эстетическое и художественное / Г. Н. Поспелов. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1965. 256 с.

10. Топоров В. Н. Об энтропическом пространстве поэзии (поэт и текст в их единстве) // От мифа к литературе. М., 1993. С. 28.

11. Хализев В. Е. Теория литературы: Учеб. 2-е изд. М.: Высшая шк., 2004. 559 с.

12. Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма. Л., 1936. 387 с.

13. Шиллер Ф. Собр. соч. В 7 т. М., 1957. Т. 6. 413 с.

14. Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М., 1957. Т. 7. 473 с.

Е. Г. Красновская

МУЗЫКА – СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЗАГРЕБИНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ¹

Впервые известного удмуртского драматурга, прозаика, актера Е. Е. Загребина я увидела в выставочном зале Союза художников республики, а впоследствии часто его встречала на творческих отчетах мастеров живописи Удмуртии П. Елкина, А. Русских, В. Кононова, В. Белых, В. Костылева и других. Егор Егорович, кажется, и сейчас мог бы убедительно играть и в трагедии героя-борца, со взрывным темпераментом, страшного в гневе, и в комедии весельчака-балагура, похожего на Сандыра (персонажа из его пьесы «Лебедь белая»).

Егор Егорович как-то обмолвился: «Я постоянно играю. В общении с людьми, давая интервью. Это, видно, у меня в крови». Игровая стихия, присущая личности Е. Загребина и его пьесам, сближает удмуртского писателя с современным зарубежным драматургом Томом Стоппардом, для которого игра является и основой художественного метода, и самим содержанием его произведений².

Интересна манера Егора Егоровича слушать собеседника: голова опущена, веки прикрыты, кажется, что он и не слышит, не воспринимает говорящего, в мыслях своих далеко, но неожиданно он делает ценное замечание, четко отвечает на поставленный вопрос.

Как известно, многие удмуртские писатели работали одновременно в разных жанрах литературы. Кедр Митрей был здесь первым. М. Петров, С. Ширококов, блистательные поэты, продолжили дело: стали талантливыми прозаиками и драматур-

¹ Источник: *Время и Слово. Голоса современных филологов Удмуртии: Статьи, очерки, заметки / Сост. и науч. подгот. А. З. Богомоловой. Ижевск. Удмуртия, 2010. С. 322–331.*

² Том Стоппард – современный английский драматург (р. 1937), один из наиболее известных в России. В течение 1990-х гг. опубликован почти десяток его пьес, среди них: «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», «Подлинный инспектор Хаунд», «Входит свободный человек», «Аркадия», «День и ночь». Во многих пьесах драматурга присутствует тема времени – как прошлое, отраженное в воспоминаниях личности – *Е. К.*

гами. Думается, в своей многообразной деятельности Загребин уверенно идет по проторенному ими творческому пути.

Главное качество Е. Загребина-драматурга – утверждение ценности жизни. Внушить своему современнику, что он должен уметь полно проживать каждое отпущенное ему мгновение, жить в гармонии с окружающим миром – лейтмотив его прозаических и драматических произведений. Читая пьесы Е. Загребина (драму «Весенний дождь» 1961, лирическую драму «Лебедь белая» 1967, народную драму «Моя любовь здесь» 1972, сказку «Мудрый охотник» 1969–1970), осознаешь убежденность писателя в том, что человеку даны сила духа, воля, разум, чистая совесть и возможность покаяния, чтобы сопротивляться давлению обстоятельств, силам зла, темным страстям, власти денег.

Вспомним, чем жила советская драматургия в этот период. «В 1960-е годы <...> преобладающее место в репертуаре театров страны занимает бытовая психологическая драма, обращенная преимущественно к сфере личной жизни человека<...>. Столкновение различных взглядов на нравственные особенности личности в социалистическом обществе, <...> на формирование этических убеждений человека в трудных поисках, в конфликтах с людьми иных взглядов составляет движущее начало большинства пьес В. Розова, А. Арбузова, А. Володина, А. Штейна, И. Штока, С. Алешина, Л. Зорина, Э. Радзинского, А. Вампилова, чьи пьесы стали едва ли не самым значительным явлением в драматургии 1960-х – начала 1970-х годов»³. Вместе с тем, как отмечают исследователи, в лучших пьесах того времени на морально-этические темы нашли отражение и современная действительность, и острые социальные конфликты.

Главной темой удмуртской художественной прозы и драматургии остается тема деревни. Писатели-драматурги (И. Гаврилов, С. Ширококов, Е. Загребин) исследовали перемены, произошедшие в жизни колхозного села под воздействием войны; стремились показать трудности послевоенного возрождения,

---

³ История русской советской литературы: 1940–1980-е годы / Под редакцией А. И. Метченко, С. М. Петрова. М.: Просвещение, 1983. 463 с.

счастье созидательной работы, новую трудовую психологию сельского труженика, новое чувство коллектива, широту мировоззрения, истинно творческое отношение к жизни. Стремительное движение истории, то новое, что возникло в быту и сознании людей, требовало осмысления и оценки.

В Удмуртии в 1960-е годы создаются свои национальные опера, балет, музыкальная комедия. В 1958 году театр реорганизован, он становится музыкально-драматическим. В связи с изменением профиля наряду с драматическими спектаклями на сцене появляются музыкальные произведения крупных жанров, в том числе – местных композиторов. «В 1959 году была поставлена первая оперетта «Любушка» Г. М. Корепанова-Камского, в 1961 году – первая удмуртская опера «Наталь» Г. А. Корепанова и первый национальный балет «Италмас» Г. М. Корепанова-Камского⁴. В последующие годы свет ramпы увидели опера-балет «Чипчирган» («Свирель») и опера «Россиянка» Г. М. Корепанова-Камского». На театральных афишах того времени рядом с такими названиями как «Вуж Мултан», «Бедность не порок» появляются «Сильва», «Летучая мышь», «Холопка», «Цирк зажигает огни». «Музыкальные спектакли шли на русском языке, драматические – на удмуртском»⁵.

В репертуаре Удмуртского музыкально-драматического театра начала 1960-х годов было несколько музыкальных спектаклей: лирическая комедия «Сельские вечера» (1960) В. Леканова на музыку Н. Шкляева; музыкальная комедия «Когда поют соловьи» (1961) И. Гаврилова на музыку Г. М. Корепанова-Камского; «Сюан» («Свадьба», 1946) В. Садовникова на музыку Н. Греховодова; а также комедии «Тиха украинская ночь» (1961) Е. Купченко; «Один колосок еще не хлеб» (1962) И. Назарова. Театральный сезон 1962–1963 года был ознаменован спектаклями по пьесам русских советских авторов, среди них – драматическая повесть «Океан» (1962) А. П. Штейна, комедия «Перед ужином» (1962) В. С. Розова, драма «Ленинградский проспект» (1963) И. Штока.

⁴ Ложкин В. В. Удмуртский театр. Ижевск: Удмуртия, 1981. 104 с.

⁵ Евсева А. Я. Память сердца... Ижевск: Удмуртия, 1991. 70 с.

Возвращаясь к произведениям Е. Загребина, хочется отметить, что в них (в пьесах) нас привлекла не только композиция, многообразие сюжетных линий и индивидуальное своеобразие художественных образов, но и музыкальная среда, в которой живут и действуют герои. Вспоминается одна из бесед с Е. Е. Загребиним и В. В. Ар-Серги, когда были высказаны интересные мысли о музыке и о писательском труде. Оба прозаика убеждены, что «география» имеет особое значение в творчестве; необходимо вслушиваться в природу родного края, ведь процесс повествования – это звукопись. Почувствовать движение, ритм в природе позволяют реки (у М. Шолохова – Дон, у М. Горького – Волга, у писателей Удмуртии – Вала, Кама, Чепца), а мелодию и могучие (иногда прозрачные) «аккорды оркестра» создает лес. Начать писать для удмуртского прозаика, поэта – значит настроиться на звук, найти музыкальный «ключ».

В этом отношении интересна драма Е. Е. Загребина «Весенний дождь», в которой рассказывается о послевоенной жизни в колхозе. По произведению драматурга, выпускника ЛГТИ, был поставлен спектакль, премьера которого состоялась 17 октября 1961 года. Еще 9 апреля того же года режиссер-постановщик спектакля В. Я. Перевозииков записал в своем дневнике: «Весь день сегодня сидели с Егором над корректурой третьей картины. Пьеса в целом по замыслу получается уже законченной и событийной. Нашли сегодня вариант названия пьесы «Весенний дождь» («*Тулыс зор*»). Кажется, неплохо. Сливается с нашей идеей».

Музыку к спектаклю написал Г. А. Корепанов, действие на сцене сопровождалось симфоническим оркестром. В тексте пьесы есть своя партитура, состоящая из точных, выразительных ремарок драматурга: «Играет музыка», «Слышатся барабанные звуки», «Музыка кончилась», «Гера (гармонист) дает несколько сильных аккордов», «Стихи или частушки из поэзии Щипачева», «Тоня в страшном волнении. Песня» и другие. Музыка здесь – не вставные номера, не звуковой фон, выбранный режиссером, – это своеобразное действующее лицо спектакля: автор передает смятенное душевное состояние персонажей,

или, напротив, в разудалых аккордах баяна прячет человеческую боль и отчаяние. Из музыки соткан сам воздух произведения: кажется, стихийно рождаются и сменяют друг друга то задушевная лирическая песня, то задиристая частушка, выразительно «говоря» о сокровенных мыслях и чувствах героев. Илья Андреевич Богатырев (вернувшийся в деревню через четырнадцать лет, пройдя тяжелейшие испытания – войну, плен, работу в целинных колхозах) встречает первую любовь Тоню и выражает свои чувства к ней через воспоминания о спетых вместе песнях: «Помнишь, как после окончания десятилетки мы гуляли по лугам, собирали цветы и пели. <...> Пусть у тебя в душе, как в весенний день, будет веселая песня».

Нельзя не отметить близость тематики пьес Е. Е. Загребина и произведений М. Петрова (повесть «Перед рассветом»), Г. Д. Красильникова (повесть «Остаюсь с тобой»), С. Самсонова (роман «Голуби с пути не сбиваются»). Это восстановление и обновление колхозной жизни, борьба за высокие урожаи, судьбы людей, покореженные войной, поиск героями своего жизненного пути, стремление жить по совести, в добре и любви с односельчанами, любовь к природе. В основе конфликтов в произведениях М. Петрова, Г. Красильникова, С. Самсонова, Е. Загребина – столкновение людей с собственнической психологией с людьми, для которых смысл жизни состоит в служении своему народу. (Следует указать, что конфликт, напряженно переживаемый персонажами, не просто присутствует в драме, как правило, он пронизывает все произведение, лежит в основе едва ли не всех его эпизодов).

Своеобразие характеров действующих лиц пьесы «Весенний дождь» раскрывается через их речи – емкие, как пословицы или афоризмы, реплики. Афористичность дает о себе знать и в античной драматургии (особенно в комедиях), и в народном театре, и у Шекспира, где речи героев густо насыщены сентенциями, и в трагедиях Шиллера. Очень важны остроумные реплики, ставшие пословицами у Грибоедова, меткие народные изречения у Островского, афоризмы в драматургии Горького. «Дей-

ствующие лица в хорошей пьесе должны говорить афоризмами. Эта традиция идет издавна», – заметил автор пьесы «На дне»⁶.

Маша (племянница лесника Михаила Владыкина) в диалоге с сельским художником Никифором, влюбленным в нее, произносит: «По мне красивые цветы и хорошие стихи на глазах должны быть», или «Я других художников не видела, а, глядя на вас, удивляюсь. Глаза и лицо молодые, а душа как у старика». Одна из ключевых реплик второй картины первого действия принадлежит председателю колхоза Антону Ломаеву (он же Иван Петров) в споре с Владыкиным – лесником, который держит соловья в клетке (для себя и, как он говорит, для безопасности птицы). Антон: «Соловей не для сытости живет. Для его голоса простор нужен». Драматург проводит аналогию с судьбой человека, давая возможность зрителю отождествить плененного соловья с существованием Антонида в доме мужа (Владыкина).

Название драмы несет в себе многозначный смысл, который раскрывается в течение всего действия спектакля. В весенний дождь оживают поля, людям становится легче дышать; по старинному поверью, умываясь дождевой водой, человек смывает грехи. Весенний дождь – это и символ обновления жизни. (Антонида уходит от нелюбимого мужа, от скуки и неправды.) Освобождение души от пут лжи и давнего предательства (председатель Антон Ломаев выносит друга из пожара и обретает свое настоящее имя – Иван Петров). Идея произведения выражена в словах фронтовика-разведчика Ильи Богатырева, обращенных к запутавшемуся в жизни председателю Антону Ломаеву: «...Одно, узнав тебя, человеческое сердце. А раз так, это сердце найдет правильную дорогу». В центре внимания драматурга Е. Загребина – живой человек с его внутренней борьбой, ошибками, поисками и обретением себя через покаяние, в служении людям.

Герои произведений Е. Загребина живут в обстановке убогости, неустроенности, их душевная, эмоциональная жизнь определяется чем-то иным. Они черпают свою силу в ощущении кра-

⁶ Русские писатели о языке (XVIII–XIX вв.). Л., 1954. 745 с.

соты и величия природы, в связи с ней. В пьесе «Лебедь белая» один из героев говорит: «Леса, родники, девчат, – все поют! Да, да, у нас и леса поют. Иди в любую сторону – зеленый бархат стелется». Это поэтическое чувство объединяет мужчин и женщин, простых колхозников и оборванных городских жителей (научный работник Тоня в пьесе «Моя любовь здесь»).

Еще одна тема, развивающаяся в четырех произведениях драматурга – музыкальность, артистизм как неотъемлемая черта национального характера. Пьесы Е. Загребина населяют музыкально одаренные люди: Павел Шукшин, обладающий сильным голосом, талантливый артист («Лебедь белая»); председатель колхоза Роман – баянист, певец; красавица Марина – исполнительница романсов; Гулька (Августа) – девочка, владеющая баяном и поющая («Моя любовь здесь»); лиса Лизавета – лицедейка (пьеса-сказка «Мудрый охотник»), Это и замечательные рассказчики, фантазеры, остро словы (Сандыр – «Лебедь белая»), Никифор – художник («Весенний дождь»).

Любовь к искусству, к народной песне, к танцам, к пляскам объединяет персонажей почти всех пьес Е. Загребина. Для него музыка – не просто средство для сопровождения действия, пусть даже самого лучшего качества. Музыка – сердцевина пьесы, ее подводное течение, ток, который ощутим и там, где «физически» музыки нет. Флюиды музыкальности чувствуются в напряженных диалогах героев пьесы «Лебедь белая» Паши и Анисьи, Кати и Паши, Анисьи и Любимова, Павла Шукшина и Маши – дочери лесника. И финал – завершение разговоров – песня, а в ней душевная боль, невысказанные чувства и воспоминания:

Я раскрыла окно. За окном
Осыпается яблони цвет.
И поют соловьи – об одном,
Все о том, что любимого нет⁷.

⁷ Здесь и далее приводятся стихи известного поэта-песенника Александра Вотякова, перевод с удм. Е. Загребина. Песни к спектаклю «Лебедь белая» написаны известным удмуртским самодеятельным композитором, обладавшим уникальным даром мелодиста, Н. Е. Шкляевым.

В этюде, посвященном древнегреческим плакальщицам, Гегель писал: «Лучшее облегчение боли в том, чтобы ее выкричать, высказать ее целиком. Выражение делает боль объективной и восстанавливает равновесие... Только в выражении она осознается, а то, что осознается, потом уходит».⁸ Сказанное о плакальщицах вполне может быть переадресовано большинству героев трагедий и особенно драм. Ремарки автора напоминают о вечном аккомпанементе деревенской жизни («Где-то далеко играет гармонь»), о неразделенной любви («Поют грустную песню»). Неоднократное упоминание грустной песни – выразительная примета подспудного драматизма мирного течения будней в пьесе «Лебедь белая». И только в завершении произведения авторская ремарка: «В небе летят несколько пар белых лебедей. Голоса «клик-ли! клик-ли!» переходят в мелодию радостной песни» утверждает мажорную тональность пьесы. В этой лирической драме есть и благополучный дуэт – поэтическая параллель к сквозному сюжету: двое влюбленных – Люся (с большими ногами, ходит на костылях) и Петр Березкин. В первом действии звучит песня Петра. «Из самого сердца рвется», – замечает автор:

Еду, по рельсам лечу
Среди полей.
Встретиться с морем хочу –
Да поскорей.

Что ни вокзал на пути –
Задержки нет.
Ярко горит на пути
Зеленый свет.

Песня Павла Шукшина звучит за сценой, предваряя его выход, создавая первое впечатление о нем у зрителя. О человеке, любящемся собой, своим пением, играющем словами, скользящем по жизни удальцом-потребителем, можно судить по его песне, по интонациям красивого голоса:

⁸ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. I. М., 1970. 219 с.

Ой, черемуха, вся в лепестках,
Много дум ты навеяла мне.
Ты цветешь на лугах, и никак
Не могу я заснуть по весне.

В связи с образом Павла Шукшина, с его стилем жизни и поведением сильного, красивого весельчака, покорителя девичьих сердец, вспоминается по аналогии рассказ Чехова «Попрыгунья». В том смысле, что истинное мужество не может быть показным, расчетливым, что внешний блеск, азарт, вера в свою неотразимость – едва ли не главный показатель внутренней слабости, пустоты. Настоящая мужественность, как и настоящая нежность, тиха. А сильный мужчина – обладатель щедрой, красивой души – это совсем не эффектный Дымов («Попрыгунья»), а незаметный, немногословный Юрий – матрос, Петр Березкин («Лебедь белая»), невозмутимый Илья Богатырев (фронтовик из «Весеннего дождя»). Чеховская эмоциональная тональность «Лебеди белой», «Весеннего дождя», «Деревенского романа» ненавязчива, но очевидна. Действительно, «обедают, разговаривают», играют на музыкальных инструментах, а время проходит, и разрушаются судьбы.

В драматургии Е. Загребина нередко действуют девочки-подростки, совсем юные девушки, в искренности чувств которых отражается мир естественных, свободных отношений. В «Весеннем дожде» этот мир раскрывается через образ Маши (племянницы Владыкина-лесника); в сказке «Мудрый охотник» через юную *Дыдык*, любящую и любимую, которая находит в себе силы бороться со смертельной опасностью; в «Деревенском романе» – через ребенка, дочь знатного механизатора Гульку (Августу), сельскую музыкантшу, осуждающую отца за пьянство и за хулиганский поступок в отношении учительницы Татьяны. В «Белой лебеди» инвалид Люся (светлый луч) своей любовью к Березкину и к другим людям заставляет «прозреть» и «заглянуть» в себя Павла Шукшина. Более того, она соединяет прошлое и настоящее: дед ее – ветеран труда Данил Романович, сплавщик леса; отец поги-

бает от облучения, служа на флоте. Люся в пьесе – живой романтический характер. Обаятельная, мечтательная, гордая девушка, красивая внутренней красотой, она – символ будущего. Она обладает талантом любить и верить. Эти детские, а затем девичьи образы – выражение силы добра, они словно живут в первозданном мире, в мире равновесия и гармонии.

Лейтмотивом в пьесе Е. Загребина «Деревенский роман» проходит мысль о том, что нельзя человеку терять веру в себя, нужно учиться прощать, пересиливать обиды, открывать в самом себе талант любви. Музыкальную атмосферу «Деревенского романа», в основном, определяют два жанра: озорная частушка как элемент деревенской народной культуры и жестокий романс как явление культуры светской, городской жизни. Частушки в пьесе – песенки-куплеты, обычно рифмованные четырехстишия (реже – двух и шестистишия, генетически связанные со старой плясовой песней, шуточными припевками ярмарочных и масленичных балагуров, свадебными «дразнилками»). Кристаллизация частушки как особого жанра по сути неограниченной тематики произошла в последней трети XIX века. Она была связана с разрушением устоев старой деревни, изменениями в быту.

В самом начале пьесы «Деревенский роман» действие оживает задорный куплет, его поют Катя и Анка под окнами правления колхоза:

Председатель-то у нас
Был ухаживать горазд.
Теперь, видно, не до нас,
В дело по уши завяз.

Песня-частушка, вплетаясь в ткань загребинских диалогов, приобретает различные оттенки. Бывшая возлюбленная молодого председателя Романа Марина (вышедшая замуж по расчету, но не перестающая любить его) боль свою прячет в вине и в надрывном пении:

Эх, потеряла я колечко, да потеряла любовь.
Я об этом, о колечке, буду плакать день и ночь!

В другом эпизоде Марина вызывающе поет:

Я гуляла, я гуляла вечерок,
Уманил меня миленок до зари за бугорок.

Частушка в устах одной из героинь любовного треугольника (Татьяна – Роман – Марина) выполняет в конфликте пьесы важную функцию диссонанса, протеста, несогласия. В то же время фривольная частушка – едва ли не единственный способ, по разумению Марины, утвердить свое существование среди селян. Небезынтересно отметить появление в пьесе пародии на деревенскую частушку. Ее исполняет Роман, отличный гармонист и певец. Он говорит: «Чаще всего бывает у гармониста «чуб на глаза», морда красная от самогона. Ходит и орет (пародируя)». Через частушки драматург как бы напоминает о прошлом глубоком чувстве Романа к Марине, которая его предала.

Два красивых, талантливых, артистичных по натуре человека, два ярких характера – Марина и Роман – противостоят друг другу. Оба испытывают боль, правда, разную. Роман встретил свою мечту – Татьяну, но переживает за Марину, не позволяет себе при людях осуждать ее; рана, нанесенная предательством, заживает медленно. А Марина продолжает любить Романа и понимает, что загубила свою молодость, выйдя замуж за директора фермы (бывшего председателя), привлеченная его деньгами и крепким хозяйством. И содержание частушек, исполняемых этими персонажами, не случайно. Известный русский музыковед Б. М. Ярустовский в своей книге об оперном искусстве заметил, что оправдать пение на сцене могут только большие страсти героев. Нечто подобное правомерно сказать и о драматическом театре: непрерывная линия действий персонажей оправдывается их глубокими и, главное, интенсивными переживаниями. Именно эти персонажи (Марина и Роман) в драматургии пьесы наделены

особой музыкальностью и чаще всего поют. Марина – романсы, в том числе и «Старый муж» С. Рахманинова из оперы «Алеко», а Роман – лирические задушевные песни, сам себе аккомпанируя:

Земля моя красным ковром
Раскинулась широким,
Свои края со всех сторон
Склонив к морям глубоким.
Среди лугов река,
То город чудный промелькнет:
Дома под облака...

Приятно удивил зрителя и зазвучавший в пьесе вальс «Березка» Б. Шиллера, прочно вошедший в репертуар садово-парковой музыки и в городской быт довоенных лет. Вместо духового оркестра вальс исполняет на баяне девочка-подросток. И в этом прослеживается связь времен, сохранение замечательных музыкальных традиций.

Песенно-лирическое начало становилось насущным и важным в составе драмы на разных этапах ее развития. Лирическая песенность присутствует в творчестве Шекспира (вспомним Шута из «Короля Лира» или Офелию и Дездемону с их скорбными песнями). Интереснейший опыт возрождения и обновления песенно-лирических форм драматургии явили собой пьесы Брехта с их зонгами. Фольклорно-песенные начала преобладали в монологах восточной классической драматургии. Пространственный повествовательно-напевный комментарий к действию характерен для классического японского театра. Лирические арии составляли своего рода стержень китайской классической драмы. Современники оценивали драматургов исходя из достоинств арий...

Смело вобрала в себя песенную лирику и классическая русская драматургия: это «Пир во время чумы» Пушкина со столь важными здесь песнями Мери и Вальсингама или комедия «Бедность не порок», текст которой насыщен обрядовыми и соб-

ственно лирическими песнями; близость народно-песенной лирике монологов Катерины («Гроза») и Параши («Горячее сердце») очевидна.

В. Е. Хализев в книге «Драма как род литературы» пишет: «Лирическое, преимущественно напевное, музыкально-песенное начало драматической речи составляет неотъемлемую грань, значимую на протяжении всей истории театра и драмы. Оно активно стимулирует непосредственное единение сцены и зрительного зала: публика оказывается органически включенной в эмоциональную атмосферу действия, как бы с нею слитой»⁹.

Пьеса Е. Загребина «Мудрый охотник» является сказкой со всеми присущими этому жанру особенностями. Драматург в этом произведении пытался воплотить мечту удмуртского народа о светлой жизни, в которой царит справедливость. Действующие лица – дед Эркемей, внучка Дыдык, Егорка, старый пес Лусьтро (светлые образы) оказываются победителями в борьбе с врагами – семейством волков, лисой Лизаветой (плутовкой, хитрой обманщицей), черным вороном и Шайтаном. Положительные герои пьесы не мирятся со злом и неправдой, проявляют твердость в жизненных испытаниях и, объединившись со всеми добрыми людьми, прогоняют врагов со своей земли. В образах животных автор высмеивает человеческие пороки и несовершенство мира. Каждый из персонажей пьесы имеет свою музыкальную характеристику и, более того – выход на сцену того или иного героя сопровождается песней. Глубокий старик Эркемей плетет самоходные лапти, напевая; Дыдык в ожидании милого дружка поет: «Реченька студеная / Серебром журчит, / Березонька тонкая, / Железная стоит...» Прежде чем появляется молодой охотник Егорка, слышится его песня:

Быть невесте моей
Краше ясного дня.
Только лаской своей
В сердце влей ты огня.

⁹ Хализев В. Е. Драма как род литературы. М.: МГУ, 1986. 198 с.

Стан врагов в сказке, так же как и некоторые отрицательные герои в пьесах Е. Загребина, обрисован музыкальными средствами ярче и разнообразнее. Любопытна реплика волчка, который боится как живого трепетного цветка, так и мелодичного звука: «Наши песни – песни скрипучих засохших елей». Органично звучит колыбельная лисы: «Баю, баю, баю, лохматый старый лес. / Баю, баю, пса я провела за нос. / Зеленой травки я дала, / Чтоб заснул ты крепко до самого утра». Каждый зверь по-своему реагирует на народный инструмент. Шайтан не может играть – лишь струны рвет, гордо заявляя, что сам научился; у лисы хороший слух, она и исполняет плясовую всеобщей радости; лишь вожак (волк) недоволен: «Сильно бренчит. И нам тонкий волчий слух оскорбляет. Где же мелодии нашего волчьего логова?».

Через инструментарий и музыкальные жанры (песня, танец), через отношение к музыке своих персонажей и музыкальную их одаренность автор психологически обогащает образы, делая их живыми, запоминающимися, художественно выразительными.

Тема взаимосвязи и взаимозависимости прошлого с днем сегодняшним и нашим будущим сближает творчество Егора Егоровича Загребина с произведениями марийского драматурга Александра Пудина¹⁰. Возникает вопрос: можно ли отнести пьесы Е. Загребина к «новой драме»? Безусловно, ведь театр живет и прибавляется не некой «новой» драмой, отметающей «старую». Пока мы способны сопереживать вместе с героями, пока они заставляют нас волноваться, пока мы узнаем в персонажах свое и себя – это всегда новая драма, современная драматургия.

Летом 2001 года в Москве состоялась Всемирная театральная олимпиада. Журнал «Театр» писал по этому поводу: «Оказалось, что «спектакли с музыкой» в привычном понимании этого слова трудно отделить от всего остального, хотя програм-

---

¹⁰ Александр Пудин (1953) – драматург, прозаик, поэт, театральный режиссер, один из ярких национальных художников в Марийском театре. Среди его пьес – «Хуторок», «Анархисты», «Очаг», «Вечный странник». – Е. К.

мы и вместили несколько оперных постановок традиционного рода. Однако музыкальную суть происходившего выразили не они. Совсем другие формы, пограничные, промежуточные, синкретические по духу или хотя бы по намерению, выступили на первый план. Искусства вновь пожелали вернуться в музыку»¹¹.

Драматургия глубоко национального художника Егора Егоровича Загребина по природе своей музыкальна, музыка как «подземная река его творчества» никогда не покидала и не покинет его произведений разных жанров.

Процесс развития современного театрального искусства неоднороден. С одной стороны, театр обращается к классическим пьесам (В. Шекспира, Ж. Б. Мольера, К. Гольдони. П. Бомарше, Э. Ростана, А. Чехова); кроме того, заметным явлением театральных сезонов становятся спектакли на материале прозы, связанные с русским романом (произведения Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Платонова, Саши Соколова). С другой стороны, активно ставятся пьесы молодых драматургов (Н. Птушкиной, Р. Келецкого, А. Слановского, А. Голина, а также Л. Зорина, А. Гребнева, удмуртских драматургов Ф. Пукрокова, А. Григорьева, В. Ар-Серги, А. П. Шкляева, Т. Черновой, Никвлада Самсонова, П. Захарова). Преобладающим жанром спектаклей провинциальных и столичных, удмуртских и русских становится психологический трагифарс. Одно из любопытных явлений сегодняшнего театра – интерес к романтическим идеям. Оказались актуальны темы творчества и творческой личности, трактованные в романтическом ключе. «Не случайно в некоторых постановках на сцену вышел поэт, художник. Появилась художественная концепция превосходства сотворенной поэтической реальности над реальностью подлинной»¹². И в этом отношении очень своевременны пьесы Е. Е. Загребина.

¹¹ Савенко С. Олимпийские впечатления // Театр. 2001. № 3. 12 с.

¹² Богданова П. Кризис разума. Современная драматургия. 2002. № 4. 188 с.

А. Л. Григорьев
САЙКЫТ ТУСБУЙЫЗ АЛИ НО СИН АЗЯМ...

Егор Егорович Загребинэз мон нырысьсэ адзи студент дыръям. Соку ми, вуоно дышетисьёс, чем ветлейськом вал Удмурт театре спектакльёс учкыны. Егор Егорович со вакытэ театрын артист луыса ужаз. М. Горький нимо урамын 73-тй юртын уно аръёс чоже кык коллектив ужаз – крезьгуро но удмурт драмая театр. Удмурт артистьёс чем пыриськылызы крезьгуро театрлэн спектакльёсазы. Али уг тодйськы ни, кыче спектакль мынйз со нуналэ, но со зуч кылын вал. Тани сцена вылэ потйз горд йырсиё чебер, веськрес, егит пиосмурт.

– Загребин, Загребин со, – шыпырто учкисьёс. Тйни озы мон, дас сизыым аресъем студент, нырысьсэ адзи вуоно калык писателез. Собере мон сое уно спектакльёсысь адзылй на. Егор Егорович дышетскемезъя актёр вал, та ужлы со Ленинградын дышетскиз ачиз кадь ик егит удмурт нылъёсын но пиосын. Мынам йырам тужгес но кылиз И. Гавриловлэн «*Лымы тӧдды*» комедиысьтыз Сюлолэн образэз. Тунсыко возматйз со та геройзэ.

Артист луэм сяна, Загребин театрлэн литературной люкетэныз кивалтйз. Пьесаосты лыдзон-быръён сяна, со афишаос но программкаос дасяляз, газет-журналъёсын, радиоен кусыпъёс тупатылйз. Со аръёсы «Молот» журналын чем печатласькизы солэн театрлэн улоньсытыз чакласа гожтэм маскара учыръёсыз юморескаосыз. Театрын кӧня ке ар ужамез бере, Егор Егорович шӧдыны кутске, татын солы зоскытгес луэ шуыса. Собере гожъяськыны но дырыз уггес тырмы ни: нуназе репетициос, жыт спектакльёс.

Егор Загребин студент дыръяз ик гожъяськыны кутске. Шонергес луоз, дыр, школаын дышетскыкуз ик, шуим ке. Одыг пол соослэн гуртазы Ижысь журналист Семён Перовошиков вуэ, пиналъёсын пумиське, школа улон, колхозлы юрттон сярись газетэ гожъялэ шуыса куронэн вазиське, редакцилэсь адрессэ сётэ. «Соку мон 5-тй яке 6-тй классын дышетскисько вал, пень бичаммы ся-

рысь гожтй но газетэ келяй. Көнә ке дыр ортчыса, мыным уксё вуиз. Мон, шумпотэменым, вань та уксёен «дунькина радость» карамель басйтй, вань кисюсам тыри, валамон ни, ваньзы соос лякиськизы, дйськутме но саптазы», – серекъяса вераз со мыным.

Ленинградын артистэ дышетсконзэ йылпумъякуз ик солэн «Тулыс зор» нырысь пьесаез дась вал ини. 1961-тй арын, Ижевске бертэм безаз ик, сое театрын пукто. Учкись шунит пумита драматурглэсь та ужзэ. 1967-тй арын Егор Егоровичлэн учкись доры вуэ кыкетй ужез – «Тодьы юсь» пьесаезъя спектакль. Таиз но удалтэ.

Собере Загребин театрысь кошке но Ижевскысь телестудие интыяське. Отын со режиссёр луыса ужа, пöртэм передачаосты дася, гуртёсы пота, калыкен пумиськылэ.

Отын ик, телестудиын, мон соин пумиськи 1974-тй арын гужем. Университетын дышетсконме йылпумъяме бере, ужан сюресме отын мытй вал. Тйни со дырысен ми соин пыраклы эшъяським.

Егор Егорович вань улонзэ инкуазен эшъяськыса ортчытйз. Со туж умой тодэ вал асьме шаерысь пöйшуръёсты, тылобурдоосты. Соос сярись вань адземзэ, чакламзэ «Палзэ зускиос» бичетаз печатлаз. Отысь пичи веросъёс, суредъёс кылбуръёс кадъ чебересь, вольытэсь пöрмемын. Соосыз выльысь но выльысь лыдзем потэ.

Собере мукетсэ но вератэк кельтыны уг луы. Загребинлэн пезятаез но, атаез но муш вордйзы. Яратйз мушъёсты Егор но. Ачиз Ижевскын ке но улйз, вордйськем гуртаз, Якшур-Бодья ёросысь Кутоншурын пичигес муш бакча возиз. Вазь тулысысен бер сйзьылозь туж чем берталля вал мушъёссэ чакланы-утялтыны, чечы кыскыны.

Одйг пол ми, кык драматургъёс, со дорын вераськыса-кенешыса пукиськом вал. Литература, театр, политика но огшоры улон сярись.

– Эх, Толя, – шуиз со, – мон жожен воксё пересьмо ни, зигары но быроз, собере та улонысь но кошко. Кин учкоз на, кин утялтоз на мынэсьтым мушъёсме? Пиелы кулэ öвöл, солы наука дунөгес потэ.

Озыы вераз но, солэн синкылиосыз ик потйзы. Мон сое буйгатыны выри.

– Өвөл, Толя, мон шөдйсько но, тодйсько но. Мушгёсы бырозы.

Озыы ик луиз кадь.

Ужаны но Егор муш кадь ик ужа вал. Со көня ке интыосын ужаса вуттйз. Укмыстонэтй аръёсы Загребин кивалтйз «*Иновожо*» журналэн. Монэ но проза но поэзия отделэ өтиз. Дэмен, тупаса тыршимы. Журнал соку удмурт кылын потйз. Ужасьёсыз азе котьку чурьгтэсь куронгёс пунктэ вал. «Та егитгёслы журнал, сое лыдзыны кутскизы ке, кийсьтызы сэрпалтэмзы медаз потыни», – шуылйз со.

Ку меда со гожъяськыса вуттэ вал? Валамон ни, уйёсы но вазь чукнаосы.

Егор Егорович удмурт литература понна, удмурт театр понна туж трос зечсэ лэсьтйз. Көня пьеса, веросьёс, публицистика шөмо произведениос кылдытэмын? Туж уно. Озыы ик со зуч кылысь көня ке пьесаосты удмурт кылэ берыктылйз.

Тужгес но удалтйз солэн «*Насьток но Исьток*» комедиез. Учкисьлы та пьесая спектакле сюрены трос аръёс чоже билетгёс уг суро вал. Та спектаклен театр быдэс Удмуртиез котыртйз, озыы ик Татарстанэ, Башкортостанэ, Пермь улосэ поталляз. Тани али но «*Насьток но Исьток*» театрлэн репертуараз, сое шудо егит артистгёс. Учкисьлы кельше.

Мукет гожъямгёсыз но зечлыко пөрмемын, йырвизьме но, сюзэме но кылё. Берло аръёссэ Загребин Егор Егорович Удмуртиысь писательёслэн Союзэнызы кивалтйз. Со ужан вакытэ көня ке писательёслы «калык писатель» дано ним сётэмын, Союзэ трос выль ёзчиос кутэмын. Озыы ке но, со аръёс секыт аръёс вал. Коньдон уг висъяло. Егор Егоровичлы аслыз утчано-шедьтоно луылйз. Шедьтэ вал. Көня ветлйз со бадзым кузёос дортй керетыса, сьлворыса. Нош уксё котьку кулэ. Чем потано луылйз солы ёросгёсын улйсь мййы писательёслэн, озыы ик Ижысь но, юбилейёссы вуэ ке, кызыы ортчытытэк? Загребин мынэ вал, куддыръя воксё огназ, пичи ке но коньдон шедьтэ.

Аслэсьтыз 60 аресэзлы юбилейзэ Егор Егорович ортчытйз вордйськем пальёсаз но, Мукши гуртын. Мон но отчы ветлй. Уно шунйт кылъёс веразы писатель сярысь ёрос кивалтйсьёс, дышетйсьёс, огшоры ужась калык. Быдэс жыт огшокчемен кадъ ортчиз. Юбиярез гажамзэс, данъямзэс, яратэмзэс вераса дунъязы. «Виль ужъёстэ витиськом, гажано Егор Егорович!» – сыће куронэн, осконэн вазиськиз солы Бодья калык.

Кыће бен адыми вал Загребин Егор Егорович? Пöртэм, шуысал мон. Адымилы меҷак синмаз ик вералоз вал, öз учкы, кивалтйсь-а со, яке «пичи адыми-а?». Їем дыръя жуалтэ вал, куаразэ будэтэ, эшшо но гордэктэ. Но жуалтэмез соку ик ортчылйз. Куддыръя нош воксё пичи пинал кадъ: лякыт, серекъясь-пальпотйсь.

Артист луэмзэ ноку öз вунэтылы. Мыным со одйг учырзэ вераз.

Мынйськом, пе, машинаен ипподром пала (соку Союзлэн машинаез вал), одйг интыетй кожныны кулэ, нош сюрес ворсамын, пус пунктэмын.

– Пус пунктэмын, мыныны уг яра, – шуэ машинаез нуись.

– Мын, мын, мон дыртйсько.

– Нош кутйзы ке?

– Мын, эн кышка! – шуэ Егор.

Кожиллям. Кöня ке мынэмзы бере, олокытысь гаишник потэм, машиназэс дугдытэм.

– Верай вал ук... кутозы. Табере правоме талалозы, – куректэ ни шофёрез.

– Пук интыяд, – Егор озыы шуэм но машинаысь потэм, гаишник шоры кесяськыны кутскем. – Тон мар?! Öд тодма ни шат?! Мон тонэ! Тон валаськод-а, кинэ дугдытйд?!

Гаишник көсэктэм, мөганы кутскем.

– В... вождэс эн вае, öй т... тодма... Öй т... тодма... вождэс эн в... вае вал...

– Ярам, мукет дыръя мукет сямен верасько мон тонэн!– Егор машинаяз пуксем. – Кошким, – шуэм шофёрлы.

Кöня ке мынэмзы бере, водитель юам:

– Кин кожаз со тонэ?

– Бадзым кузё кожаз. Эн кышка, монэн нокытчы уд сюры, – серектэм Егор но кымесысьтыз пöсям вузэ çушем.

Шутэтске-а вал Егор Егорович? Шуг вераны. «Уг» шуи ке, уг янгыша, дыр. Толалтэ ялан ужан дорын, уйёсы, чукъёсы но кӱснунал, арня нуналъёсы жӱк сьӱраз гожъяськыса пукон. Тулыс вуэ ке, мушъёс, вордйськем гуртаз ик бакча ужъёс (со отын мушен гинэ ӱз выры, бакча но возиз), гужем но озыы ик, сйзьыл, дыр шеде ке, нош ик мушъёс но бакча ужъёс. Тужгес кысык луэ вал солы мушъёс палдыку. Соку со одно ик отпуске потылйз. Иж котырысь нюлэсьёсы, писпу арамаосы но муш палэпъёсты кутылон арбериоссэ пуктылйз. Чем дыръя кутылэ вал.

Аслаз тазалыкез сярсы ноку ӱз сьулмаськылы. Гайморитэн курадзиз. Мушъёсын ке но выриз, чемысь кынмалля вал. Татын нош ик одйг учырзэ вералом, сое со мыным ачиз мадиз.

– Соку артистын ужасько вал ай. Жыт спектакль бере дорам бертйсько, улон юртэ цирк палан. Коркам вуисько ини, чапак соку бордам тэбинизы куинь егит пиос, кӱня ке шӱмаськемын. Уксёме куро, асьсэлэн уггес, пе, тырмы. ӱвӱл, шуисько, уксёе но, тамаке но ӱвӱл. Озыы керетыса кӱня ке сьлйм но, одйгез пияш нырам мыжгиз ук ява. Мынам соку ик гайморитэ пӱсьтйз, лымы вылэ вирен чӱош ур вия. Ой, пиос «тау, туж бадзым тау» шуисько.

– Ма, таид шузи вылэм ук, мыжгем понна «тау» шуэ, кытысь шузи муртлэн коньдонзэ луоз? Кошким, – озыы шуизы но пиос кошкызы. Нош мон огшап сьлй на, нырме сузяса.

Туж яратэ вал со шахматэн шудыны. Дэмен шудылйм. Куддыръя «Кизили» журналын, куддыръя – Союзлэн кабинетаз. Ульфат Бадретдинов но Алексей Ельцов, «Кизилиын» ужасьёс, шахматэн зеч шудо. Ми но Егорен быгатйськом. Ваньмы ик утыны но, келяны но быгатйськом. Быгатонмы ваньмылэн огкадьгес, Виктор Шибановез гинэ вормыны умгес быгатйське.

Удмурт литератураын ужамзэ, вормонъёссэ адзйлытэк ӱз улэ вылй кивалтйсьёс но. Загребин Егор Егоровичлы сётэмын Удмурт Элькунлэн «калык писателез» ним. Со луэ Удмурт Элькунлэн Кун премиезлэн лауреатэз (литература удысын).

Эшелэн, Егор Егоровичлэн, сайкыт тусбуйыз котьку син азам, жингрес куараез, мусо серектэмез котьку пель сьӱрам.

Л. П. Федорова
ГОЛОС СЕРДЦА:
ПЬЕСА Е. ЗАГРЕБИНА «СЮЛЭМ КУАРА»
И РОМАН Г. КРАСИЛЬНИКОВА
«АРЛЭН КУТСКОНЭЗ»

Егор Загребин – удмуртский писатель и драматург, актер, выпускник Ленинградского театрального института имени А. Н. Островского, внес значительный вклад в развитие удмуртской драматургии. Он вошел в историю удмуртской литературы пьесой «*Тулыс зор*» («Весенний дождь», 1963). В последующие годы издал сборники пьес «*Тӧдӧы юсь*» («Лебедь белая», 1976), «*Асьмелэн со одӧг*» («Наша единственная», 1983), «*Насьток но Исьток*» («Настя и Степан», 1990). Зрителям полюбились спектакли по его произведениям, в частности, музыкальная комедия «*Насьток но Исьток*» более 300 раз была сыграна актерами Удмуртского национального театра на столичных сценах и в сельских клубах. Его пьесы обогатили репертуар удмуртского театра, среди них – драмы «*Тӧдӧы юсь*» («Лебедь белая»), «*Мынам яратонэ татын*» («Деревенский роман»), трагедии «*Эш-Тэрек*», «*Кикы нош силе но силе...*» («А кукушка все кукует...»), комедии «*Насьток но Исьток*» («Настя и Степан»), «*Мусое мынам, мусое*» («Милая моя»), «*Эн кушты монэ, туганэ*» («Не бросай меня, милый») и другие. За трагедию «*Эш-Тэрек*» и «*Кикы нош силе но силе...*» («А кукушка всё кукует...») писатель удостоен Государственной премии Удмуртской Республики.

Имеющийся дефицит удмуртских драматических произведений Егор Загребин в какой-то степени восполнил переводом пьес русских классиков и созданием инсценировок эпических текстов. Разносторонний профессиональный опыт писателя в театральной сфере дал возможность на высоком художественном уровне трансформировать крупные эпические произведения удмуртских классиков для постановки на сцене. Егор Загребин в разные годы своей творческой деятельности инсценировал произведения удмуртской классики: «*Бугырес тулыс*» (1983)

по трилогии Григория Медведева «Лозинское поле», «Гаян» по одноименному роману Михаила Коновалова (1990), «Сюлэм куара» по роману «Начало года» Геннадия Красильникова [Загребин 1992]. Он знал законы сцены с разных позиций: как актер, как заведующий литературной частью театра, как автор пьес, переводчик русской классики, как режиссер и редактор литературно-художественных передач Ижевской студии телевидения. Драматизация эпических произведений в истории Удмуртского театра решала несколько задач: в первую очередь, восполнение репертуара, во-вторых, – популяризацию литературных произведений через театральное искусство и телевидение посредством создания телеверсий сыгранных спектаклей.

Инсценировки эпических произведений до сих пор не становились объектом изучения, поэтому целью нашего исследования стал сравнительный анализ романа Г. Красильникова «Арлэн кутсконэз» (Начало года) и пьесы Е. Загребина «Сюлэм куара» («Голос сердца»). Сценическая жизнь романа «Начало года» представляет интерес с точки зрения трансформации прозаического текста в драматический, а также режиссерских трактовок и актерских интерпретаций.

Творчество Г. Красильникова обозначило новую тенденцию в развитии национальной прозы – тенденцию психологически углубленного изображения человека и окружающего мира. Более десяти лет Г. Красильников собирал материал для нового социально-психологического романа «Арлэн кутсконэз» (1965), посвященного, на первый взгляд, будничному, повседневному труду сельских врачей. Но по смелым идейным и художественным решениям этот роман выходит за рамки своего времени. В центре внимания писателя, прежде всего, духовные искания героя-интеллекта. Автора интересует не только и не столько то, чем является его герой в мире, но чем является мир для героя и как он сам «в свободном акте самосознания и слова» (Бахтин) пытается осмыслить свою жизнь и судьбу. Именно поэтому в романе большое место занимает диалог повествователя и героя, слово героя о себе самом и мире. Герой Г. Красильникова

чаще всего самоценная личность. Роман «Начало года» – это вариант поиска Г. Красильниковым современного героя, и проблема положительного персонажа является основной. Здесь, как и в его предшествующих прозаических произведениях разных жанров, при определении качеств положительного героя писатель остается верен своему критерию оценки, включающему в себя высокие принципы, как моральные, так и социальные. Тем не менее внутренняя логика содержания романа опровергает возможность появления идеальных положительных героев в реальной жизни. Отрицая в жизни возможность идеала, Г. Красильников все же считал, что определенная норма человеческого поведения существует, и она изначально задана системой правил, зафиксированных в Евангелии.

Опытный драматург Егор Загребин, современник и соратник прозаика Геннадия Красильникова, был хорошо знаком с оценкой, данной критиками и литературоведами новому для удмуртской литературы по проблематике и поэтике роману «*Арлэн кутсконэз*» («Начало года», 1965). Более того, он был активным участником литературно-театральной жизни республики 1960-х годов и прекрасно знал сценическую историю русскоязычного варианта этого произведения. Для понимания места романа в истории культуры Удмуртии, выяснения мотивов обращения драматурга к роману своего современника, на наш взгляд, важно совершить небольшой исторический экскурс в театральную историю произведения.

Черновой вариант романа «*Арлэн кутсконэз*» Г. Красильников закончил в последний год учебы в Литературном институте им. М. Горького (1957). Вернувшись на родину в село Алнаши, по отдельным сюжетным линиям повести создал шесть рассказов [Федорова 2020, 67]. Один из них под названием «Человек редкой души» был опубликован в московском журнале «Смена» в 1959 году. С этого года начинается сценически-телевизионная история этого произведения. Артисты Ярославского драматического театра им. Волкова по сюжету рассказа «Человек редкой души» сняли фильм, который был показан Центральной москов-

ской студией телевидения [Красильников 1978, 195]. После показа фильма Г. Красильников получил письмо от зрительницы из Казахстана, из города Петропавловска с просьбой о том, чтобы автор выслал адрес доктора Соснова (она узнала в герое своего коллегу, с которым якобы вместе работала и лечила пациентов). Настолько правдоподобный и реалистический образ врача создали актеры Ярославского театра.

В 1970 году театральные деятели вновь обратились к роману «Начало года». Драматург Иосиф Прут и коллектив Русского драматического театра г. Ижевска поставили спектакль под названием «Остаемся верны». Премьера прошла успешно, но спектакль на этой сцене жил недолго. По мнению литературоведа, преподавателя Литературного института А. Н. Власенко, автора монографии о Г. Красильникове, причина неудачи спектакля крылась в том, что «адекватного воплощения образной системы романа в ней не произошло. Прозаическое произведение Геннадия Красильникова захватывает именно тем, что в нем с первых страниц постигается не «тайна» событий, а тайна души человеческой» [Власенко 1981, 162].

Егор Загребин, естественно, знал эти особенности литературно-театральной жизни романа. Но опытный драматург, словно предчувствуя надвигающиеся события перестройки в СССР, в эпоху, когда рухнули идеалы врача-гуманиста, и к власти пришли карьеристы и циники, решил обратить внимание удмуртского зрителя на актуальные и вечные нравственно-философские вопросы, поднимаемые в произведении: о добре и зле, профессиональном долге и совести.

Известно, что драматическая форма налагает на писателя ряд ограничений: 1) условиями сцены задан объем драматических произведений; 2) портретно-жестовые и пейзажные характеристики, обозначения вещного мира используются лишь в той мере, в какой они укладываются в высказывания героев по ходу действия, либо в ремарки. За основу сюжета драмы «Сюлэм куара» («Голос сердца») Е. Загребин взял столкновение двух хирургов – Алексея Соснова и Георгия Световидова. Не отцы и дети

противоборствуют в этом произведении, как, например, в повести Г. Красильникова «*Вуж юрт*» («Старый дом»), а «герои с разным отношением к профессиональным и гражданским обязанностям. Любовь к делу и человеку заставляет старого врача Соснова скрещивать шпаги с холодным рационализмом и карьеризмом молодого хирурга Световидова. Здесь две конфликтные линии: во-первых, конфликт Световидов – Соснов, во-вторых, Соснов – Матвеев. Характер конфликта между ними социально-нравственный» [Богомолова 1988, 40]. В произведениях идет спор об истинной любви к людям и о равнодушии к ним, о благородном риске и эгоистическом расчете, дозволенном и недозволенном в науке и жизни, в человеческих отношениях.

По объему анализируемые произведения резко отличаются. Пьеса написана для сценической постановки, поэтому действие ее ограничено во времени. О героях драмы «*Сюлэм куара*» узнаем из списка действующих лиц: в пьесе сохранены все персонажи романа «Начало года». В перечне действующих лиц обозначен их социальный статус, возраст и т. д. Драматург ввел нового героя, врача-окулиста Юрия Борисовича Синцова, влюбленного в Фаину, скорее, для усиления любовного конфликта между молодыми докторами. Не случайно и то, что автор дал герою «говорящую» фамилию – от удмуртского слова «*син*» (глаза). Он сразу увидел внутреннюю суть, настоящее лицо Световидова – его лицемерие, высокомерие, карьеризм. Синцов не женат, он внимателен к милой, общительной девушке, врачу Фаине Ивановне.

Предваряющая действие начальная ремарка пьесы Егора Загребина задаёт трагический тон. На фоне снегопада звучит похоронная музыка, сменяющаяся женским плачем. Видны силуэты людей, к ним приближается молодая женщина, она кладет сосновую ветку на могильный холм. В первом действии пьесы – утренней встрече врачей в ординаторской – в диалогах героев раскрываются, прежде всего, их человеческие качества: эгоистичность, самовлюбленность, озлобленность Световидова, доверчивость, открытость, романтичность Фаины, её доброе отношение к коллегам. В экспозиционной части романа «*Арлэн кутсконэз*» ав-

тор знакомит читателя с героями через показ профессиональных коллизий. Любовные отношения между молодыми врачами завязываются лишь в восьмой главе повествования. Драматург вносит существенные изменения в сюжетную канву произведения для усиления противостояния двух хирургов, в орбиту которого втягиваются другие герои пьесы. Но основные ключевые эпизоды романа включены в драматический текст, в том числе ретроспективные сцены детства и молодости Соснова и Световидова, оформленные в романе как отдельные главы, удачно преобразованы в диалоги и монологи героев.

Два хирурга Атабаевской больницы являются ведущими героями и в романе, и в драме. Шестидесятилетний главный врач районной больницы Алексей Петрович Соснов, сумевший в вихре революции и гражданской войны, в тяжелых испытаниях сталинских концлагерей и в последующие годы тоталитарного режима сохранить человеческое достоинство, и молодой хирург Георгий Ильич Световидов, отец которого был объявлен «предателем» из-за того, что без вести пропал на войне. Жизнь сына «изменника Родины», «врага народа», кажется, не сломала Световидова, но постоянная борьба за выживание с раннего детства выработала в нем качества крайнего индивидуалиста. Правда, в пьесе Егора Загребина вина отца сглажена, его не обвиняют в предательстве Родины. Он, работник исполкома, был оклеветан, обвинен во взяточничестве, но его вина в экономических преступлениях не была доказана. Однако сын в юношеские годы пострадал от этих обвинений. Из диалога с Фаиной в первом же действии читатель узнает об этой детской травме Световидова. В романе мы знакомимся с биографией Световидова со слов повествователя, автор посвящает целую шестую главу истории семьи Световидовых, детской драме Рево. Читатель узнает, что он был долгожданным ребенком, но вскоре отца забрали на фронт. Пришла весточка, что он попал в плен. Друзья начали дразнить и обижать мальчика, считая сыном изменника Родины.

И в романе, и в драме вокруг каждого героя создан определенный эмоциональный климат. Этому способствуют обстоя-

тельства и коллизии, в которых проявляется герой. Соснов деловит, строг и вместе с тем он человек правдивый, истинный. Световидов и Лариса Михайловна – ироничны, они скептики. Глаша, медицинская сестра – ласковая, умиротворенная, Фаина Ивановна – доверчивая, наивная, ответственная, добрая. Вид Матвеева вызывает тягостное ощущение не только в романе, но и в драме. Автор драмы создал гиперболизированный образ героя Матвеева, Матвеева-смерти. Он односельчанин и однополчанин Алексея Соснова, доктор спас его от пули, сделал операцию на фронте. А в годы репрессий, будучи у власти, Матвеев предал друга, обвинив его в национализме. Однако в старости, смертельно больной, никому не нужный, он снова пришел к врачу Соснову, надеясь на его человечность. Сцена встречи Соснова и Матвеева после долгих лет – одна из ключевых в драме. После сложной операции, проведенной Сосновым маленькой девочке, на пороге ординаторской он видит человека в темно-коричневом халате, похожего на труп. Выставляя свои железные зубы, он сообщает Соснову: «Труп... Смерть... Я к тебе, старик... док-тор...» [Загребин 1992, 244]. От этих слов бросает в дрожь. Врач-профессионал, который, как и в те далекие 30-е годы лечит больных по совести, снова стоит перед выбором: спасти своего врага или отомстить ему за мучения? В памяти Алексея Соснова всплывают сцены допроса следователя Матвеева в 1937 году. На вопрос Фаины о Матвееве: «Нёшто сы́че юрзым, урод муртэ эмъяны киды жутскоз?» [Загребин 1992, 249] («Неужели у вас рука поднимется лечить такого мерзавца, злого человека»; *подстр. перевод мой – Л. Ф.*), доктор Соснов отвечает, что профессия врача – лечить и спасать людей.

В отличие от романа «Арлэн кутсконэз», где действие описывается как совершившееся, происходившее в прошлом, действие в драме разворачивается в настоящем времени, непосредственно происходит на глазах у зрителя, отличаясь активностью, непрерывностью, уплотненностью. Драматург Егор Загребин, раскрывая двуличную суть Световидова, концентрирует внимание на поступках молодого хирурга в конце первого действия,

подчинив сюжетную канву произведения углублению конфликта между героями. Его поступкам дают оценку другие герои драмы, и таким образом сталкиваются жизненные позиции врачей больницы. Финальная сцена первого действия – диалог Световидова с больным Матвеевым в изоляторе больницы – раскрывает истинную суть молодого хирурга, зверскую натуру бывшего следователя. Эти герои близки по своей безнравственности: ради своей личной выгоды, из зависти или из желания опорочить доброе имя главного врача они готовы оклеветать гуманиста Соснова. Для них все средства хороши.

Композиционные изменения, внесенные драматургом, – пьеса начинается и завершается сценой похорон главврача Соснова, – усиливают трагическое звучание произведения. Гуманист Алексей Петрович, врач по совести и долгу, умирает, карьерист и индивидуалист Георгий Световидов и его сообщники выигрывают в нравственном противостоянии. Все это – свидетельство того, как непроста жизнь. Но моральная победа остается за Сосновым. В финальной мизансцене пьесы наблюдаем наслаивание речи нескольких героев: Световидов произносит прощальную речь над гробом Соснова, медсестра Глаша и Фаина ведут разговор о человечности главврача. Это многоголосие воссоздает сложную картину межличностных отношений, заставляет размышлять о предназначении человека вообще.

Каков смысл названия пьесы Е. Загребина *«Сюлэм куара»* («Голос сердца»)? Здесь важную роль играют слова главного героя Алексея Соснова. Когда Фаина спрашивает, что с ним случилось после встречи Ларивона, Соснов отвечает: *«Мое сердце... дает голос...»* [Загребин 1992, 247]. И после смерти главврача Фаина слышит его голос, который сообщает: *«Трезво смотри на жизнь, доченька. Твой жизненный путь начинается только сейчас. Чаще слушай голос своего сердца»* [Загребин 1992, 282].

В конце 1988 года коллектив Удмуртского театра начал работать над постановкой этой пьесы. Сложности возникли с оформлением декорации, но выход нашли: больница была «помещена» в жилой дом, а те действия, которые проходили

на улице, выведены на передний план сцены. Художник А. Демин выезжал для консультации в Якшур-Бодьинскую больницу, чтобы все было правдоподобно. Режиссер Василий Ушаков знакомился с работой врачей, непосредственно выезжая в стационары и поликлиники, как в свое время автор романа Г. Красильников посещал операции в Алнашской больнице. Роль доктора Алексея Соснова играл Геннадий Соловьев. Его движения, мимика, жесты, речь в спектакле – это свидетельство того, что актер всесторонне знал дело своего героя. Петр Романов мастерски создал сценический образ высокомерного Световидова, передал его карьеризм, когда ради «кресла» человек готов пойти на преступление. Образ молодого терапевта Фаины Ивановны ярко представила на сцене Ольга Чужанова. Актриса всю теплоту своего сердца отдала героине, через нее – своему любимому. Когда Фаине становится очевидно, что она ошиблась в Световидове, зрители по-настоящему жалеют героиню. Отталкивающим, неблагодарным, мерзким предстает перед читателями и зрителями Матвеев; на сцене его роль сыграли актеры Леонид Романов и Вячеслав Байков. Пройдя свой жизненный путь, он и в старости опасен для окружающих. В тени таких людей, наверное, рождаются Световидовы. Другие актеры – Глаша Неворова (Г. Владыкина), акушерка Екатерина Алексеевна (В. Загуляева и В. Садаева), Сергеевна (Н. Бакишева и Р. Нефедова) – создавали сценические образы на высоком профессиональном уровне. Через второстепенных героев мы больше узнаем о Соснове: в мизансценах они проявляют свое уважение, любовь и веру в главврача А. Соснова. В то же время у каждого из них свои проблемы, своя жизнь.

Все с нетерпением ждали премьеру спектакля, которая состоялась 20 января 1989 года. На премьеру пришли и медицинские работники, в их числе земляки Г. Красильникова из села Алнаши. Работники Алнашской больницы в героях пьесы узнавали живых и ушедших из жизни реальных людей, ставших их прототипами.

В заключительных сценах романа скорбь, радость и лирические чувства сменяют друг друга, переплетаются. В финале под звуки траурной музыки Световидов говорит прощальную

речь. Фаина теряет силы, чувствует, как бьется ее сердце. Слезы обжигают лицо, ей жаль и Соснова, и саму себя, она разочарована в любимом человеке. Эта картина перебивается плачем младенцев-двойняшек, доносящимся из родильного отделения. Этот плач как бы напоминает о продолжающейся жизни и о необходимости верить в счастливое будущее.

Но, к сожалению, в репертуаре театра пьеса задержалась ненадолго. По мнению постановщиков, одной из существенных причин этого является сложность подготовки декораций к спектаклю. Театральная труппа не смогла организовать выездные спектакли по селам Удмуртии, к своим зрителям. В новом сезоне из театра ушли некоторые актеры, занятые в этой постановке. В общественной жизни начинались другие, «световидовские», времена. Этим завершилась жизнь спектакля на сцене Удмуртского театра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолова З. А. Геннадий Дмитриевич Красильников // История удмуртской советской литературы: в 2 т. / ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, НИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1988. Т. 2. С. 82–108.

2. Власенко А. Геннадий Красильников: Литературный портрет. М., 1981. 176 с.

3. Загребин Е. Е. Сюлэм куара // Катанчи усьтйське: Пьесаос / Люказ И. М. Васильев. Ижевск: Удмуртия, 1992. С. 234–283.

4. Красильников Г. Д. О романе «Начало года»: выступление по телевидению // Тонэн кылысько. Повесть, очеркъёс, статьяос, гожтэтъёс. Ижевск: Удмуртия, 1978. С. 194–197.

5. Федорова Л. П. Художественный текст: путь к читателю = Чеберлыко гожтослэн лыдзись доры сюресэз: учеб. пособие. Ижевск: Удмуртский университет, 2020. 230 с.

Примечание. Егор Загребин перевел на удмуртский язык пьесы Александра Островского «Светит, да не греет» и «На бойком месте», Анатолия Софронова «Странный доктор», Михаила Ворфоломеева «Распутица».

Глава III. Национальная литература в школе и вузе

Л. В. Бусыгина

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ЕГОРА ЗАГРЕБИНА В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Одной из задач современного литературного образования является воспитание грамотного читателя, способного к полноценному восприятию литературного произведения в контексте духовной культуры человечества. Реализация этой цели сопряжена, главным образом, с необходимостью целостного подхода к изучению произведений художественной литературы – в литературно-историческом контексте и в контексте всего творчества писателя. Поэтому урок литературы должен стать «уроком искусства чтения, органическая составляющая которого – постижение художественных тайн творения, объяснение того впечатления, которое оно произвело на каждого из нас» [Аркин 1996, 5]. То есть на уроке литературы через рассмотрение образов и мотивов, стилистических приемов автора, через мир переживаний героя, эмоциональные впечатления и ассоциации учащихся необходимо ввести их в мир авторских мыслей и чувств и научить сопоставлять, анализировать и обобщать. Для этого при изучении литературы важно знакомить учащихся с творческой лабораторией писателя, с психологией художественного творчества. Школьники с удовольствием работают с архивными материалами, дневниками и мемуарами, позволяющими проникнуть в сложную область психологии художественного творчества. Интерес у них вызывает творческая история произведения, создание писателем образов героев, выстраивание сюжетных линий. Юным читателям интересно наблюдать, как в тексте талантливого автора оживают картины природы, раскрываются красота и многообразие окружающего мира. Такой подход к изучению произведений позволяет шире использовать дидактический и воспитывающий потенциал литературы.

Особое значение имеет изучение в средней школе произведений национальной литературы. Народный писатель Удмуртской Республики Егор Загребин – знаковая фигура в области драматургии, переводческой деятельности, детской прозы. Не случайно его произведения включены в учебники удмуртской литературы для средней школы.

Спектакли по пьесам Егора Загребина в течение многих лет идут на сцене Национального театра Удмуртской Республики. Это полюбившаяся зрителю комедия *«Насток но Исьток»* («Степан и Настя»), продолжением которой стала музыкальная комедия *«Мусое мынам, мусое»* («Милый мой, милый»). Драма *«Асьмелэн со одйг»* («Наша единственная»), в которой актуализируются проблемы удмуртской деревни конца XX века и показаны судьбы сельчан; историческая трагедия *«Эш-Тэрек»*, основанная на известных фольклорном и литературном сюжетах; трагедия *«Кикы нош весь силе но силе»* («А кукушка кукует и кукует»), посвященная столетию со дня рождения удмуртского поэта, ученого Кузубая Герда. За эти трагедии писатель удостоен Государственной премии Удмуртии. Как отмечает литературовед В. Л. Шибанов: «Е. Е. Загребина как трагика привлекают сильные характеры, острые сюжетные линии и конфликты. Его трагедии *«Эш-Тэрек»* и *«Кикы нош силе но силе»* («А кукушка кукует и кукует») уводят зрителя соответственно в средневековую эпоху и времена сталинских репрессий, но поднимают злободневные проблемы современности. Как бы ни подвергались эти трагедии критике <...>, именно они вывели драматурга за пределы республики на сцены Урало-Поволжского региона» [Шибанов 2017, 168].

Для театра Егор Загребин подготовил инсценировки по произведениям удмуртских писателей: Михаила Коновалова «Гаян», Григория Медведева – «Лозинское поле», Геннадия Красильникова – «Начало года». Он перевел на удмуртский язык пьесы «Светит, да не греет» и «На бойком месте» Александра Островского, «Странный доктор» Анатолия Софронова, «На распутье» Михаила Варфоломеева.

Писатель активно работал в жанрах малой прозы: создал психологические и юмористические повести и рассказы для детей и взрослых, краткие пейзажные зарисовки. Изданы сборники его прозаических произведений: «*Нюлэс куараос*» («Лесные голоса», 1971), «*Палэзь зускиос*» («Гроздья рябины», 1978), «*Секыт адзон*» («Горькая судьбина», 1992), «Лебеди моего детства» (2008), «*Гомась шунды*» («Пылающее солнце, 2012»), «Суп из крапивы» (2015).

Учащиеся 5 класса знакомятся с его небольшими рассказами-пейзажными зарисовками. Автор приглашает читателей в оживший мир осеннего леса в рассказе «*Зарни сйзьыл*» («Золотая осень»). Кажется, всё как всегда и везде – множество красивых осенних пейзажей. Но наблюдательность писателя, непосредственность взгляда, неповторимые образы, выразительность языка, краски, запахи, звуки... И в этом его талант. Узнаваемы леса и перелески родной земли Егора Загребина (на границе Якшур-Бодьинского и Шарканского районов), первозданная природа из его далёкого детства и воспоминания о прошлом, бережно хранимые писателем. Но стоит лишить текст одной лишь детали, он потеряет все свои краски. Из него уйдет дыхание жизни... И задача учителя – научить ребенка видеть это прекрасное в тексте, а также в окружающем мире. В этом – основа эстетического воспитания.

Важную роль в эстетическом воспитании играет возможность вовлекать в процесс обучения «...иные, нежели обычный учебник, возможности человеческого мозга, в частности, слуховую и эмоциональную память» [Зими́на]. Поэтому учитель может предложить учащимся при чтении рассказа «*Зарни сйзьыл*» («Золотая осень») послушать фортепианную миниатюру из «Времен года» П. И. Чайковского. На этапе рефлексии учащиеся могут по музыкальным впечатлениям написать сочинение или проиллюстрировать в рисунках свои впечатления. Готовясь к этой работе, можно использовать метод словесного рисования. Эти приемы развивают речь, умение логически мыслить, сопоставлять и анализировать.

Большие возможности для активизации эмоциональной памяти учащихся предоставляют включенные в электронные учебники удмуртской литературы аудиозаписи произведений и музыкальных композиций, отрывки из спектаклей, теле-, радиопередач, презентации и выставки картин. Есть аудиозаписи, где произведение читает сам автор, и другие, где текст звучит в исполнении мастеров художественного слова. Так, аудиорассказ самого Е. Загребина о своей творческой судьбе позволяет создать на уроке в 5 классе ощущение присутствия живого писателя. Для учащихся он становится не просто фотографией в учебнике, но реальной личностью в литературном процессе. Вместе с тем пейзажные зарисовки становятся не просто «пейзажами настроения», они являются воплощением авторского взгляда на мир. Использование аудио-визуальных методов на уроке литературы развивает и мыслительную деятельность школьников, гибкость и оригинальность их мышления.

В электронный учебник 11 класса включена аудиозапись рассказа Е. Загребина «Сизь» в художественном исполнении. Художественное чтение – пример правильной, грамотной, эмоциональной речи, побуждающей учащихся осваивать выразительное чтение. Как пишет методист М. А. Рыбникова, основной метод проникновения слова в сознание – метод выразительного чтения [Рыбникова 1963]. Поэтому работа с аудиотекстами способствует не только развитию речи, навыков выразительного чтения, но и эмоционально-эстетическому, нравственному воспитанию ребенка. «Пропуская» произведение через себя, ребенок учится видеть мир, события, красоту природы, описанные в тексте, учится чувствовать и сопереживать.

В качестве одной из форм работы с текстом в электронных учебниках предложен просмотр спектакля Е. Загребина «Насток но Истыок» («Анастасия и Степан») и знакомство с интервью об этом спектакле. Сочетание разных приемов обучения разовьет интерес и восприимчивость учащихся, их мотивацию к изучению произведения. Более того, просмотр спектакля и совместное обсуждение юмористической комедии Е. Загре-

бина с целым водоворотом забавных, смешных и остроумных ситуаций будет способствовать развитию мягких навыков. Это и развитие коммуникативной компетентности, навыков решения проблем, обучение навыкам релаксации и правилам поведения.

В 11 классе, наряду с изучением художественных произведений, учащиеся знакомятся с отдельными литературно-критическими статьями и высказываниями, фрагментами литературоведческих трудов, посвященных интерпретации и анализу этих произведений. Электронные учебники посредством интерактивных оглавлений обеспечивают быстрый доступ к критическим статьям Т. И. Зайцевой «Некоторые размышления о творчестве Е. Загребина» и А. Г. Шкляева «*Кутоншурысь Егор Загребин*» («Егор Загребин из Кутоншура»).

Изучение творчества писателя сквозь призму критических статей позволяет учащимся познакомиться с разными взглядами на его творчество, его художественную систему. Работа с критикой развивает у учащихся навыки самостоятельного анализа художественных произведений и помогает формировать критическое мышление.

Статья А. Г. Шкляева «*Кутоншурысь Егор Загребин*» – своеобразный экскурс в биографию писателя. Учащиеся могут узнать интересные факты из его жизни, которые во многом помогут им понять и осмыслить произведения Е. Загребина, поскольку биография является своеобразным ключом к постижению художественного мира и творческой индивидуальности писателя. Программные произведения Е. Загребина имеют автобиографический характер. Например, рассказ «*Горд зустари*» («Красная тряпка»), в котором через призму детского восприятия автор воссоздает трагические страницы истории советского народа, связанные с культом личности. Как отмечают исследователи, автобиографизм «предельно явственно представлен в данном произведении, о чем свидетельствует даже тот факт, что героя зовут так же Ёрги (детское прозвище Егора Загребина)» [Диева 2017, 15].

Используя дополнительные материалы электронных учебников, учитель может организовать урок-исследование, урок-диспут, урок-презентацию, мультимедийные лекции по творчеству Е. Загребина. Интерактивные материалы электронных учебников (поурочные тренажеры и итоговые тесты) позволяют осуществить контроль знаний.

Обучающие тренажеры к каждому уроку и итоговые контрольные тесты предоставляют большие возможности для самообразования учащихся. Многократное решение заданий тренажеров дает возможность самоконтроля и обеспечивает учащимся высокий уровень усвоения учебного материала. Образовательной задачей контрольных тестов является не только проверка предметных результатов учащихся, но и подготовка к ОГЭ и ЕГЭ. В заданиях использованы элементы таких методических приемов, как перепутанные логические цепочки, синквейн, продолжение незаконченной фразы и др.

При изучении творчества Е. Загребина в разных классах для закрепления изученного материала и развития внимания предлагается вставить или напечатать пропущенные слова и даты в биографической справке. Умение логически мыслить развивают такие задания, в которых требуется упорядочить предложения из текста. Формированию навыков филологического анализа текста способствует серия заданий, в которых необходимо определить средства художественной выразительности в текстах Е. Загребина; обозначить особенности образной системы, стилевые черты его художественного мира; выявить эмоции, скрытые в подтексте и т. д. К примеру, учащиеся 5 класса предлагается определить смысловую нагрузку трех эпизодов в рассказе «*Зарни сйзбыл*» («Золотая осень»), описать эмоции, которые вызывает текст.

Эти развивающие тесты являются инструментом для обобщения информации о жизни и творчестве писателя, о его индивидуально-авторском стиле. Интерактивные задания учитель может использовать для контроля, закрепления, повторения, систематизации учебного материала.

Работа над подобными тестами приучает школьников к вдумчивому, аналитическому чтению художественных произведений. Игровая основа заданий определяет позитивный настрой учащихся. Мультимедийные элементы электронных учебников позволяют разнообразить урок, придать ему эмоциональный импульс, сделать его запоминающимся.

Таким образом, интересные материалы электронных учебников, чтение, доставляющее удовольствие, занимательные задания, результативные ответы, несомненно, вызовут интерес учащихся к творчеству удмуртских писателей. Представленный анализ программных материалов, связанных с творчеством Егора Загребина, может послужить основой для проектирования современного урока по изучению его произведений в средней школе.

ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аркин И. И. Уроки литературы в 5–6 классах: Практическая методика: Кн. для учителя. М. Просвещение, 1996. 256 с.

2. Диева А. З. Художественные ценности детских рассказов удмуртского писателя Егора Загребина // XII Международный конгресс финно-угорских писателей: сборник докладов (г. Салехард, 27–29 ноября 2013 г.). С. 130–134.

3. Зими́на О. В., Кириллов А. И. Рекомендации по созданию электронного учебника. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.academiaxxi.ru/Meth_Papers/AO_recom_t.htm. (дата обращения: 21.11.2021).

4. Рыбникова М. А. Очерки по методике литературного чтения. 3-е изд. [Электронный ресурс]. М.: Учпедгиз, 1963. 313 с. URL: http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?book=rybnikova_ocherki-po-metodike-literaturnogo_1963&bookhl (дата обращения: 25.10.2021).

5. Шибанов В. Л. Егору Загребину – 80. – Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. № 3. С. 167–169.

Л. Е. Сурнина
**К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ Е. ЗАГРЕБИНА)¹**

Изучение литературы Республики Коми в средней школе имеет целью: включение обучающихся в культурно-языковое поле коми народа, приобщение к его литературному наследию; развитие устной и письменной речи. Достижению указанной цели способствует решение следующих задач: формирование представления о литературе Республики Коми как о культурном достоянии коми народа; усвоение основных литературоведческих понятий; формирование умений и навыков анализа и сопоставления сюжетов произведений коми авторов и авторов других народов; развитие мотивации к самостоятельному чтению литературы Республики Коми, а также овладение знаниями по истории коми литературы и знакомство с творчеством не только коми писателей, но и писателей других финно-угорских народов.

Программа дисциплины «Литература Республики Коми» в 9 классе предусматривает на основе творчества К. Жакова изучение понятия «автобиографическое произведение», с которым непосредственно связано понятие «образ рассказчика» в сопоставлении с «образом автора». Основная задача – познакомить учащихся с отдельными фактами биографии и творчеством писателя, пробудить интерес к его личности. При знакомстве обучающихся с творчеством финно-угорских писателей в контексте данной темы можно обратиться к произведениям Е. Загребина, в которых, по мнению исследователей, явственно прослеживается автобиографизм. Автобиографические мотивы по праву занимают важное место в творчестве многих писателей, поскольку создание художественной реальности связано с особенностями

---

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта: ИЯЛИ FUUU-2021-0006 Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира.

ми индивидуальной картины мира мастера слова, в которой находят отражение наиболее значимые факты и события его личного жизненного опыта. Как правило, большинство автобиографических произведений охватывает детские и юношеские годы писателя, отсюда следует, что главное внимание концентрируется на процессе становления и формирования личности. Автобиографические произведения всегда ретроспективны: автор вместе с центральным героем как бы возвращается в годы детства и юности и заново переживает события минувших лет.

При изучении автобиографической прозы чаще всего допускается сведение смысла, содержания и сюжета произведения к поверхностному пересказу: обучающиеся нередко выходят за пределы текста, говорят больше о жизненных ассоциациях. Это происходит из-за того, что прием повествования от первого лица позволяет писателю реализовать установку на достоверность, привести субъективное начало. «Я» рассказчика выступает не только как субъект речи, но и как объект самоописания и самоизображения. Поэтому основными формами и приемами, рекомендуемыми для изучения автобиографических произведений в школе, являются: 1) знакомство с фактами биографии писателя; 2) анализ композиционной организации текста; 3) наблюдение над лексикой и синтаксисом произведения для выявления голоса героя в авторском повествовании; 4) беседа о способах передачи автором внутреннего состояния героя.

Исследователи отмечают, что полноценное понимание структуры и внутренних законов художественного произведения невозможно без обращения к проблеме автора. Особенно это важно при разговоре о литературе автобиографической, где автор и герой максимально сближены, но в большинстве случаев не идентичны. Н. А. Николина, говоря о максимальной близости автора к герою как о характерной особенности автобиографических произведений, подчеркивает, что «образ повествователя не просто одна из речевых масок автора, но и непосредственное самовыражение его как определенной языковой личности, обладающей конкретной биографией» [Николина]. Автор наделяет

ет героя своей биографией, судьбой, характером. Тем не менее эти две фигуры не всегда тождественны, хотя многие структурные особенности произведения создают видимость совпадения. К ним относятся форма повествования от первого лица и внешнее сходство автобиографического героя с автором. Но в автобиографическом герое автор не отражает зеркально, а скорее, осмысливает свою биографию, не копирует реальность прямо, а творчески преобразует ее. От понимания того, что автор все знает, ему известно, что думают, чувствуют и переживают его герои, учащиеся должны прийти к пониманию того, как выражается в произведении авторская позиция.

Автобиографическая основа прослеживается в рассказе Е. Загребина «Красная тряпка» (перевод с удмуртского В. Глушакова): героя зовут Егор, Ёрги, и фамилия его – Загребин: *Раз ты дежурный, то и сбегаешь домой за тряпкой. А я тем временем почитаю ребятам интересную сказку. Давай, **Егор**, живее, класс ждёт...; Смотрите, кто пришёл! – закричал Санька. – **Ёрги** пришёл! И тряпку принёс!; – **Ёрги** воришка! **Ёрги** сам себя раскрыл! – подхватил и Венька; Ну вот что, **Загребин**, – вымолвил Александр Михайлович, – иди. Пока в район заявлять не буду; **Егор Загребин**, – сказала она, – остаётся в первом классе [Загребин].* Произведение представляет собой повествование от первого лица: *Когда заканчивалась война, я учился в первом классе* (здесь следует обратить внимание учащихся на то, что Е. Загребин родился 4 июля 1937 года). На первый взгляд, реальность предстает перед читателями сквозь призму восприятия героя-рассказчика, мальчика примерно семи лет: *А за окном порхали бабочки, щебетали птицы. Сидеть в классе стало невозможно. И тогда я придумал план избавления от этой пытки* [Загребин]. Однако повествование в рассказе ведется от имени взрослого человека. И выбор этого события для рассказчика мотивирован особенностями памяти, сохранившей наиболее яркое переживание. Сюжет включает в себя описание одного события из жизни героя. До конца занятий в школе оставалась еще неделя. Герою хотелось на улицу, где «буйствовала весна». И он придумал «план избавления от

пытки» чистописания: спрятал тряпку, которой вытирали доску. Учительница попросила принести новую. Егор принес из дома красную тряпку, в ходе ссоры с одноклассниками она угодила в портрет Сталина, украшавший стену, и повисла на нем. Под ее тяжестью портрет вождя народов неожиданно накренился. И вдруг по щеке Сталина покатила слеза. «Кровавая»... История закончилась тем, что Егора оставили учиться в первом классе на второй год.

По мнению исследователей, для автобиографических произведений характерно видение изложенных событий «двойным зрением». Сфера авторского «я» в прошлом и «зрелого» повествователя в настоящем образуют два плана повествования. В первом, собственно автобиографическом, плане события, участником или свидетелем которых был автор, изображены такими, какими они тогда представлялись ему [Николина]: *Во дворе долго присматривал место, куда сунуть тряпку. Все казалось, что за мной смотрят. <...> В чулане на полу разное тряпье. Порылся и нашёл заношенное до дыр красное платье. Оторвал от него несколько лоскутков и сунул в карман. Покажу их в классе, и у всех окончательно рассеются сомнения, что я виноват в пропаже тряпки* [Загребин]. Второй план повествования содержит обобщающие оценки и заключения с позиции уже зрелого человека [Николина]: *Даже в этой фразе многое было неправдой, но Нина Фёдоровна, согласно духу эпохи, сама искренне верила в это и в нас стремилась вселить эту веру. Желаемое выдавалось за действительность, а горькую реальность принято было не замечать. <...> Носила Нина Фёдоровна лапти, сплетённые из девяти лык, вязанные пёстрые удмуртские чулки из овечьей шерсти, платье, купленное ещё в годы учебы. И она же, учившая нас грамоте и чтению, упорно воспитывала в нас любовь к Сталину, приучала видеть в нашем бедном колхозе богатый и процветающий, а в нашей полуголодной нищез жизни – жизнь счастливую* [Загребин]. Таким образом, событие детских лет воссоздается писателем в форме воспоминания от первого лица, которое позволяет показать событие как бы под двойным углом зрения:

сочетается взгляд ребенка, по большей части наивно воспринимающего мир, и житейская мудрость взрослого человека, дополняющая и корректирующая восприятие маленького героя. Повествователь стремится к объективности, его оценки отличаются взвешенностью, спокойствием; ему это удастся, так как прошло довольно много времени с тех самых лет, которые можно назвать «тяжелыми временами».

Соотнесенность прежнего и нынешнего «я» отражается в таких высказываниях, как: *«каждый царапал чем мог и на чем мог. Именно царапал»*; *«пример тому – Нина Федоровна», «а что за еда в то время? Картошка. А хлеб мало у кого был»*; *«догадалась она или нет – трудно сказать. Возможно, догадалась. Ведь и самой было не больше семнадцати лет»*. Эти фразы, с одной стороны, указывают на самого автора, интерпретирующего свои воспоминания в настоящем, и, с другой, обозначают его физическое и душевное состояние в прошлом. При помощи лишь нескольких художественных деталей, касающихся описания внешнего пространства (*мне казалось, что он смотрит на меня осуждающе. Вот-вот оживёт и покачает головой. И вдруг по щеке его покатилась слеза. Кровавая! Портрет плакал кровавыми слезами!*), а также жестов и движений (*все головы, как по команде, повернулись к нему, мы полезли под парты*) автору удастся создать эффект наибольшей реалистичности и показать эмоции героев в тот момент, когда по портрету Сталина покатилась «кровавая слеза». Психологизм в рассказе также проявляется через передачу бурного нарастания, нагнетания внутренних ощущений, эмоций героев: *В классе потемнело, небо заволокли чёрные тучи. Со стороны Сосновки слышались раскаты грома. Через минуту на улице уже бушевал ураган. Он гонял прошлогоднюю листву, грохотал досками кровли. Школа погрузилась во мрак. Лишь вспышки молний освещали лицо на покосившемся портрете*. Писатель в целях более глубокого раскрытия психологического состояния главного героя воспроизводит его размышления в тот момент, когда сознание его уже находится в плену страха перед необъяснимым: *я рад был пре-*

вратиться в мышь и юркнуть в любую щель. Или воробьём вылететь в окно. Таким образом, через призму детского сознания в рассказе воссоздаются трагические события истории советского народа, связанные с культом личности. Образ авторского «я» – это образ взрослого человека, который осмысливает пережитое. Все происходящее преломляется через его сознание и восприятие, он рассказывает об одном событии из своего детства, делится своими впечатлениями и эмоциями, которые испытал тогда, в свои семь лет.

При работе над произведениями Е. Загребина следует обсудить с обучающимися следующие вопросы: есть ли в произведениях автобиографического характера вымысел, и почему; как называют реального человека, послужившего образцом для создания художественного образа; как перекликаются биография писателя и его рассказы; есть ли какая-либо связь между сюжетом рассказов и жизнью писателя, возможно ли сопоставить художественный текст с фактами его биографии. При работе над характером главного героя выделяются следующие параметры: личность героя; степень его близости к автору, в связи с этим – особое отношение автора к своему герою; взаимоотношения автобиографического героя с другими персонажами; способы изображения героев. В качестве итога изучения автобиографического произведения ученикам рекомендовано написать отзыв в аспекте жанрового своеобразия, а также сочинение-стилизацию на одну из тем: «Памятный день летних каникул», «Как мы играли», в котором рассказать о каком-либо значительном событии в своей жизни.

В заключение отметим, что эффективность изучения жанровых особенностей автобиографической прозы в процессе анализа идейно-художественного своеобразия эпических произведений возрастает при изучении автобиографического произведения и попутном ознакомлении с фактами биографии автора, нашедшими отражение в его рассказах, так как это способствует целостному восприятию художественного мира писателя.

И. Г. Павлова, М. И. Юркеева
КВЕСТ-ИГРА ДЛЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ
ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ Е. Е. ЗАГРЕБИНА

Одним из приоритетных направлений ФГОС является воспитание патриотизма и гражданственности у детей и подростков. Цель патриотического воспитания состоит в том, чтобы «посеять и взрастить» в детской душе семена любви к малой родине, родной природе, национальной культуре. Для достижения этого результата возможно применение различных форм и методов работы, дополняющих традиционный учебный процесс.

Большой интерес у учащихся вызывают различные соревнования, игры, конкурсы. Современной формой соревнования является квест-игра.

Задачи квест-игры:

- снять барьеры в общении, улучшить коммуникативные навыки;
- сформировать навыки командной работы, поднять командный дух;
- повысить самооценку и взаимную оценку учениками друг друга; способствовать более полному проявлению личностных качеств;
- создать ситуацию совместной работы для достижения общей цели;
- раскрыть творческий потенциал участников;
- создать длительный эффект позитивного эмоционального заряда.

Нами разработана квест-игра по произведениям видного удмуртского писателя Егора Егоровича Загребина.

РОДНОЙ ЗЕМЛИ ПРОСТОРЫ **Квест-игра для старшеклассников**

По Пришвину, человек вырастает из природы, формируется в ее поэтическом и предметном мире, он – самая ценная ее часть, и она охраняет его от бед, и посему человек призван беречь свое жизненное и духовное пристанище.

З. А. Богомолова

Цель: формировать интерес к родному краю, природе, культуре посредством знакомства с произведениями удмуртского писателя Егора Загребина, в творчестве которого образ «малой родины» получил наиболее яркое воплощение.

Задачи:

- познакомить учащихся с произведениями Е. Е. Загребина, систематизировать представления о своеобразии художественного мира писателя;
- формировать уважительное отношение к культуре удмуртского народа;
- формировать мотивацию сотрудничества в групповой деятельности.

Сюжетная линия игры: от каждого класса в игре участвует команда из 5–8 человек. На каждом этапе игры команды отвечают на поставленные вопросы или выполняют специальные задания. Ответ записывают на отдельной карточке. Количество карточек соответствует количеству станций.

Предварительная подготовка: прочитать произведения Егора Загребина из прозаических сборников «*Нюлэс куараос*», «*Палзэ зускиос*», «*Секыт адзон*», «*Тулэс зор*»; познакомиться с периодическим изданием – журналом «*Инвожо*»; изучить жизненный и творческий путь писателя по критико-биографическим материалам А. Г. Шкляева, З. А. Богомоловой и др. авторов.

Оборудование: ноутбуки, готовые шаблоны презентаций, выставка книг Егора Загребина, фотопортрет писателя.

Ход игры:

Общий сбор участников игры.

Ведущий:

Добрый день, участники игры. Рады приветствовать вас на необычном мероприятии. Посмотрите на фотографию и скажите, узнали ли вы этого человека?

(Ответы детей: Егор Загребин).

Ведущий:

Молодцы, ребята, все правильно.

(Далее ведущий рассказывает интересные истории из жизни писателя, знакомит с некоторыми отзывами критиков на его произведения.)

Источник: <https://www.chitalnya.ru/work/3050142/>, <http://litluch.ru/zagrebina-egor/eho-voyni/>.

Ведущие приветствуют команды, капитанам предлагают взять маршрутные листы. В маршрутных листах указаны начальные точки путешествия для каждой команды. На каждом этапе команды встречают организаторы, которые предлагают им задания, за выполнение команда награждается цветком – купальницей. Всего этапов – 5. Маршрутный лист составлен так, что все команды на последнюю станцию приходят одновременно.

Первая станция – «Вопрос – ответ»

Задание: ответить на вопросы о жизни и творчестве писателя.

1. Годы жизни писателя (1937–2015).
2. Сколько детей было в семье? (7–6 мальчиков и 1 девочка).
3. Место рождения (дер. Кутоншур Якшур-Бодьинского района УР).
4. В каком году появилась пьеса «*Тулыс зор*»? (1963).
5. В каком году появилась пьеса «*Тодды юсь*»? (1966).
6. В каком из рассказов писатель повествует о первом своем гонимом? («*Ческыт но, курыт но*»).

7. Встреча с каким удмуртским писателем побудила юного Егора Загребина начать сочинять рассказы? (Степан Павлович Ширококов).

8. Назовите рассказы о животных («Тюрагай», «Сйзь», «Тодды кеч», «Шырчик умортоос», «Луд чӧжжӧс» и др.).

9. В какой книге писатель особенно ярко и подробно описывает красоту природы, родного края? («Палзӧ зӧускиос»).

10. Какое растение и почему не любит писатель? Назовите рассказ, где он пишет об этом. («Али но пель съӧрам чузъяське»; крапиву из-за тяжелого военного детства).

11. О каком известном русском писателе говорится в произведении «Сюрес лӧгись»? (Александр Николаевич Радищев).

12. За какое произведение Радищев был сослан в Сибирь? («Путешествие из Петербурга в Москву»).

Вторая станция – «От простого – к сложному»

Задание: ответить на вопросы о жизни и творчестве писателя.

1. За что мальчик был оставлен на повторное обучение в первом классе в рассказе «Горд зустари»? (За то, что красной тряпкой попал в портрет Сталина).

2. В каком году Е. Е. Загребин получил звание заслуженного деятеля искусств Удмуртии? (1991).

3. За создание каких произведений писатель получил Государственную премию Удмуртии в 2000 году? (трагедии «Эш-Тэрек» и «Куку нош силе но силе»).

4. В каком году Е. Е. Загребин получил звание народного писателя Удмуртии? (2004).

5. За какое произведение он был награжден премией журнала «Молот»? (повесть «Секыт адӧон»).

6. В каком году получил орден Дружбы? (2008).

7. Почему Е. Загребина называют «удмуртским Шарлем Бодлером»? (как и стихи Бодлера, стихи Загребина не имеют определенного порядка, их следует читать как мысли и рассказы, как «поток сознания»).

8. Кто такой Шарль Бодлер? (французский поэт, критик, эссеист и переводчик).

9. Назовите переводчиков произведений Е. Загребина на русский язык (Василий Глушков, В. Болтышев, сам Е. Загребин).

10. Какие книги писателя вы знаете? («Шулдыр жыт», «Пьесаос», «Выль дунне», «Катанчи усьтійське», «Удмурты», «На переломе эпох»).

11. В каких школьных учебниках и хрестоматиях для детей есть произведения Е. Е. Загребина? («Лыдзон книга», «Дедушкин родник», «Арлэн нылпиосыз», «Покчи эше», «Азвесь кышетэн толзъ», «Удмурт кыл нылпи садын», «Жильыртійсь ошмес», «Котырсь улон но мон», «Родной земли просторы»).

12. Как называется продолжение пьесы «Исьток но Насьток»? (музыкальная комедия «Мусое мынам, мусое»).

Третья станция – «Угадай-ка»

Задание: прочитать описание и угадать, из какого произведения взят данный отрывок.

1. Адямиос гинэ өвёл, кыдёке лобись бурдоос но та лабрес беризь вайёс вылын ялкарыло. Пыртіз адзыны луонтэм сьык куаръёсыз улын лек төлгёслэсь, сільзоргёслэсь утиськыло. Нош огшоры сюресчи шутэтскыны коже. Юзмыт саюлын пуконъяз, улон-вылон сярись малпаське. Султыны чыдытэк, лэся, киоссэ вёлъяса, тыбыр вылаз выдэ но, чагыр инбаме учкыса, сьёлыкёссэ, янгышгёссэ тодаз вае (повесть «Секыт адзон»)

2. Город сьёрысь паркын лачак пиналгёс шудо. Писпуос вож дйсен дйсясько. Пужымгёс но кызгёс эшшо но пиналэсь, эшшо но вожесьгес луиллям кадь. Та писпуосын трос тылобурдоос чирдо: тулысэз данъяло... Тодмое паймиз. Кыззы, пе, выль пушнерең шыдэз уд яраты! Огпол оскалтйд ке, эшшо сиemed потоз, шуэ. («Али но пель сьёрам чузъяське»).

3. Тйни соку, шундылы шумпотыса, лэся, матысь гинэ пурись тылобурдо мечак вылланы чагыр инбаме жутскиз. Син сузёнтэм выльын пужныса кадь кырзаны кутскиз ук! Сикысь тылобурдоослэсь куаразэс ой кылы ни. Огшоры пурись тылобурдо аслаз жингрес куараеныз ваньзэ согиз («Тюрагай»).

4. Зёк кызьпу улын ошмес былъыра. Толалтэ но со уг кынмылы. Тйни самой отысен өръяськись пичи шурез туэ гужем чыпим. Вуэз ожыт ке но мед шуналоз шуыса, бур палагес эшшо өр выллем гудймы на. Отчы олокыче но чорыггёс лэзи. Мукет чыпетысь турың-куар вайыса мерттылй. Сисьпуос, улвайёс ву

пыдсы тырылй. Чорыг дол-дол ву шорын уг улы уго. Ватскон инты но кулэ. («Луд чйжъёс»).

5. Азьло малпасько вал: уть, со кыче капчиен, сюлмаськытэк улэ-лоба. Озыы вылымтэ со. Трос ужаменыз ййрвимез зуркаса, та бурдо барабанщиклэн кынарыз куасьме, ачиз но жуаса быре кадь («Сизь»).

6. Уть, кыче капчи, лапырак-лапырак тэтчаса, турыне доры лыктэ. Куштэм турынезы со шумпотйз, лэся. Азь пыдыныз барабанэ жугем кадь кариз, турын вылтй кёня ке пол погыльскиз но солань-талань утчаськиз. Собере азбар жезымы дорозь ветлйз. Кылзйськиз. Тау карыса сямен сьлэмез бере, чаяк турыне доры вуиз. Эктыса сямен тупыр-тап! кариз. («Тоды кеч»).

7. ... Садын кисьма ческыт умо,
Чужмыт но льоль – пёртэм пумо
Шулдыр нюлэс! – уд чыд солэсь..
Татын губи, отын палэзь («Зарни сйзьыл»).

Четвертая станция – «Перевертыши»

Задание: переставить буквы или слоги так, чтобы получились слова, связанные с творчеством писателя.

1. Зо, ту, лыс, р (*Тулыс зор*).
2. Ос, лэс, ку, ню, ара (*Нюлэс куараос*).
3. Жус, па, ки, лэзь, ос (*Палэзь жускиос*).
4. Жон, се, ад, кыт (*Секыт аджон*).
5. Вут, кыт, я, чы, тон, тйз, ра (*Кытчы вуттйз яратон*).
6. У, ос, мор, шыр, то, чик (*Шырчик умортоос*).
7. Ды, ча, дык, гыр (*Чагыр дыдык*).
8. Чес, но, ку, кыт, но, рыт (*Ческыт но, курыт но*).
9. Вы, кин, мы, жы, нэм, е (*Кин выжые мынэм*).
10. Пель, али, сьб, чузь, но, ке, рам, ясь (*Али но пель сьбрам чузьяське*).
11. Жус, горд, ри, та (*Горд жустари*).
12. Бе, пу, тйз, зэ, рык, нэм (*Пунэмзэ берыктйз*).

Пятая станция – «Вспомни и создай»

Задание: на рабочем столе у вас расположен план презентации под названием «Егор Загребин – знаменитый удмуртский

писатель». Используя полученные знания о жизни и творчестве писателя, создайте презентацию по данному шаблону.

1 слайд. Егор Загребин – знаменитый удмуртский писатель.

2 слайд. Родом из военного детства.

3 слайд. Литературный портрет.

4 слайд. Егор Загребин – главный редактор молодежного журнала «Инвожо».

5 слайд. Актуальные вопросы в произведениях Загребина.

6 слайд. Народный писатель.

Прохождение этапов

Станция	Содержание этапа	Количество цветков
«Вопрос – ответ»	Необходимо ответить на вопросы о жизни и творчестве писателя	12
«От простого к сложному»	Необходимо ответить на вопросы о жизни и творчестве писателя	12
«Угадай-ка»	Угадать, из какого произведения данные отрывки	7
«Перевертыши»	Необходимо переставить буквы или слоги так, чтобы получились слова, связанные с творчеством писателя	12
Презентация «Вспомни и создай»	Создать презентацию под названием «Егор Загребин – знаменитый удмуртский писатель»	10
Итого		53 цветка

Итог квест-игры: команда, набравшая наибольшее количество цветков, является победителем.

Р. Р. Низамбиева

**ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ И УВАЖЕНИЯ
К КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТЯМ ДРУГИХ НАРОДОВ
В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ СРЕДНЕЙ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ**

Каким должен быть выпускник средней общеобразовательной школы, чтобы максимально быстро адаптироваться к требованиям современной жизни? Адаптация человека к новым условиям как в частной жизни, так и в профессиональной деятельности возможна лишь при наличии сформировавшихся профессиональных и социальных умений, а также при условии воспитания определенных качеств личности. Одним из таких качеств является толерантность, то есть уважительное отношение к культуре других народов. Важным условием успешной адаптации выпускника средней школы в современном обществе является умение принимать культурные ценности как своего народа, так и представителей другой культуры, религии, научиться находить точки соприкосновения.

В «Декларации принципов толерантности» ЮНЕСКО сказано: «Толерантность означает уважение, принятие и понимание многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности <...> Толерантности способствуют знания, открытость, свобода мысли, совести и убеждений. <...> Толерантность – не терпимое отношение к несправедливости (в смысле внутреннего сопротивления), не отказ от своих убеждений или уступка чужим, не снисхождение или потворство, а активное отношение, признание и уважение прав и свобод человека. Взгляды одного человека не могут быть навязаны другим: свобода придерживаться своих убеждений и предоставление этого права другим, отказ от догм и абсолютных истин, признание различий людей по внешнему виду, социальному положению, речи, поведению, ценностям и право жить в мире, сохраняя свою индивидуальность», – вот принципы толерантности.

В процессе формирования толерантности необходимо учитывать культурную и этническую среду, в которой воспитывается ребенок. Данный принцип отражается в интеграции воспитания в культуру народа, семьи, мира. Воспитание толерантности непосредственно связано с формированием у ребенка умения строить свою жизнь в соответствии с правилами, обычаями и традициями своего народа, мировой культурой в целом, не теряя при этом своей индивидуальности.

Я работаю учителем татарского языка и литературы в Терсинской средней общеобразовательной школе Агрызского района Республики Татарстан. В нашей школе большое внимание уделяется воспитанию толерантности, поскольку здесь обучаются дети многих национальностей: марийцы, удмурты, русские, азербайджанцы, башкиры и таджики. В школе организован музей этнографии и быта, где собраны экспонаты, связанные с культурными традициями разных национальностей.

Агрызский район с трёх сторон граничит с Республикой Удмуртия, и мы тесно сотрудничаем с учебными заведениями Удмуртии. В нашей школе проходят межрегиональные семинары с участием представителей Удмуртского государственного университета, Финно-угорского научно-образовательного центра УдГУ. В школе также проходят межрегиональные семинары, конференции, где участниками являются учителя школ Удмуртии, преподаватели и учёные Удмуртского государственного университета, студенты. Именно межрегиональные семинары, проходившие в нашей школе, стали частью целенаправленной деятельности по воспитанию толерантности и взаимопонимания в поликультурном обществе.

Будучи аспиранткой Удмуртского государственного университета, я занималась сравнительным исследованием истории литератур татарского и удмуртского народов, встречалась со многими ведущими учеными-литературоведами, писателями, поэтами. Я принимала участие также в литературном семинаре для студентов, аспирантов и соискателей под руководством З. А. Богомоловой. Иногда заседания семинара про-

ходили в кабинете Союза писателей УР, где председательствовал сам Егор Егорович Загребин. Помню, некоторые заседания семинара были посвящены его творчеству. Именно благодаря этому я ближе познакомилась и с произведениями писателя, и лично с ним самим.

Сравнительное и сопоставительное изучение национальной культуры всегда помогает глубже понять её особенности. Хотя литературы удмуртского и татарского народов имеют свои особенности, они всегда существовали в едином общественно-политическом пространстве государства. Трагические катаклизмы во все времена оказывали решающее влияние на развитие искусства слова. Гражданский пафос, писательская зрелость, художественное мастерство проявились в творчестве удмуртского и татарского авторов – Егора Загребина и Туфана Миннуллина. Оба являются известными национальными драматургами, прозаиками, публицистами и общественными деятелями. Оба вышли из крестьянской среды, и на их творческую жизнь повлияли военные и послевоенные события отечественной истории. В литературу пришли оба в 60-е годы XX в. Их творчество объединяет одна тема – любовь к родной земле и своему народу, культуре, быту и традициям.

Туфан Абдуллович Миннуллин родился 25 августа 1935 года в дер. Большое Мереткозино Камско-Устьинского района Республики Татарстан, в 1961 году окончил Московское театральное училище им. М. С. Щепкина. Работал актером в Татарском академическом театре.

Егор Загребин родился 4 июля 1937 года в д. Кутоншур Якшур-Бодьинского района Удмуртии в большой крестьянской семье. В 1956–1961 годах учился в Ленинградском театральном институте имени А. Н. Островского, после работал актером Удмуртского драматического театра, затем перешел на должность режиссера Ижевской студии телевидения, был зав. литературной частью Удмуртского драмтеатра, главным редактором молодежного журнала «*Инвожо*».

Как и Егор Загребин, Туфан Миннуллин вначале пишет юмористические рассказы, повести и небольшие сценические произведения. В 1962 году на сцене Татарского академического театра им. Г. Камала была поставлена пьеса Т. Миннуллина «Азат». В 1965 году пьеса «Азат» опубликована отдельным изданием. В том же году Мензелинский театр осуществил постановку его пьесы «Люди нашей деревни». Спектакли тепло были встречены зрителями. И последующие спектакли, поставленные в Альметьевском государственном театре («Девушка-соседка»), в Татарском академическом театре им. Г. Камала («День рождения Миляуши», 1967), в Республиканском передвижном театре (сейчас Театр драмы и комедии им. К. Тинчурина – «Краеугольные камни» и «Сердце должно гореть»), были хорошо приняты публикой. С тех пор успех не покидает драматурга.

Для творчества обоих драматургов характерно тематическое и жанровое своеобразие. Оба пишут в самых разных жанрах – от водевиля до трагедии и философской притчи. Ими создано более сорока пьес. Кроме татарских и удмуртских, многие русские и национальные театры страны включают в свой репертуар пьесы Т. Миннуллина и Е. Загребина.

Оба писателя активно работали и в детской драматургии. Они – авторы более десятка пьес-сказок для детей. За большой вклад в развитие татарской драматургии и театрального искусства Т. Миннуллин в 1974 г. удостоен республиканской премии им. М. Джалиля, в 1979 г. – Государственной премии Татарстана им. Г. Тукая, в 1979 г. – Государственной премии России им. К. Станиславского. Он – заслуженный деятель искусств Татарстана и России.

Имя Егора Загребина вошло в удмуртскую литературу с появлением пьесы «Тулъс зор» («Весенний дождь», 1963). В последующие годы изданы сборники пьес, рассказов и повестей «Тӧдды юсь» («Лебедь белая») (1976), «Асьмелэн со одӱг» («Наше единственное») (1983), «Насьток но Исьток» («Степан и Насья») (1990), «Яратонэ тон, возжанэ...» («Любовь моя, ревность моя...») (2004), «Лебеди моего детства» (2008).

Спектакли по пьесам Егора Загребина в течение многих лет идут на сцене Национального театра Удмуртской Республики. Комедию «*Насьток но Исьток*» (1982) увидели не только жители Удмуртии, но и удмурты, компактно проживающие в Татарстане и Башкортостане, Пермской и Кировской областях. Продолжением стала музыкальная комедия «*Мусое мынам, мусое*» (2012). На сцене Чувашского академического театра имени К. В. Иванова и Ставропольского краевого драматического театра шла комедия «*Эн кушты монэ, туганэ*». В 1997 г. Национальный театр Удмуртской Республики поставил трагедию Егора Загребина «*Эш-Тэрек*», в 1998 г. – трагедию «*Кикы нош силе но силе*» («Кукушка всё кукует и кукует...»), посвященную столетию со дня рождения удмуртского поэта, ученого Кузубая Герда.

Критик, литературовед Зоя Богомолова писала: «В «*Эш-Тэреке*» драматург поставил задачу создать историческое полотно на основе фольклорных и литературных сюжетов и сосредоточил внимание не столько на судьбе главных героев (*Эш-Тэрека* и *Алсу*), сколько на судьбах народов – удмуртов и болгар, живших по соседству и длительное время враждовавших из-за территориальных притязаний» [Богомолова 2008, 171]. Е. Загребин, работая над произведением, ищет исторические факты и обращается с письмом к известному писателю М. Хабибуллину. Удивителен финал пьесы. Он символически обозначает надежду на светлое будущее удмуртского народа. Из пучины вод появляются два ангела – девочка и мальчик – символы дружелюбия, мира и согласия между двумя народами.

За трагедии «*Эш-Тэрек*» и «*Кикы нош силе но силе*...» («Кукушка всё кукует и кукует...») писатель удостоен Государственной премии Удмуртии. Произведения Егора Загребина переведены на русский, чувашский, марийский, мордовский, финский и другие языки. Он – заслуженный работник культуры РФ, народный писатель УР, в 2004 году получил премию имени Михаила Петрова, а в 2008 награжден орденом Дружбы.

У Е. Загребина и Т. Миннуллина есть общая тема в творчестве: нравственный кризис, бездуховность жителей в татар-

ских и удмуртских деревнях. Смогут ли городские власти спасти хотя бы одну «живую душу», направят ли сельчан на путь истинный? И хотя пьесы, повести не дают однозначного ответа на этот вопрос, но заставляют людей задуматься о вечном, о преемственности поколений, о духовном самочувствии народа, об ответственности отдельного человека перед обществом. Становление человеческой личности, духовная красота, философия жизни и смерти, – вот круг морально-этических проблем, которые занимали писателей.

Каждый раз, знакомясь с литературой и культурой удмуртского народа, я нахожу общие черты с литературой татарского народа: в тематике, в поднятых проблемах, в отражении жизни людей, общества, страны. И на уроках литературы использую эти материалы при изучении биографии и творчества писателей. Именно сравнительное изучение творчества по соседству живших национальных писателей позволяет детям глубоко постичь общее и особенное в культуре разных народов. Подводя итог, необходимо отметить, что глобализация затрагивает не только экономику и культуру, прежде всего – жизнь малых наций, их культуру, родной язык. И задача сегодняшней школы – сохранение традиций и культур разных народов, а самое главное – воспитание уважения и любви к культуре других народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолова З. А. Любовь к двум музам // *Время и слово*. Ижевск, 2010. С. 332–334.
2. Богомолова З. А. Слово об авторе // *Лебеди моего детства* / Е. Загребин. Ижевск, 2008. С. 171–173.
3. Галимуллин Ф. М. Вөждан сафлыгын яклап: // *Мәд. җомга*, 1995. 25 авг. Б. 8.
4. Даутов Р. Н. Балачак әдипләре: Библиогр. белешмәлек-Писатели нашего детства: Биобиблиогр. справ. – Казан: Мәгариф, 2002. 223 б.

5. Ермаков Ф. К. Загребин Егор Егорович // Удмуртская Республика: энциклопедия. Ижевск, 2008. С. 323.

6. Зайцева Т. И. Некоторые размышления о творчестве Е. Загребина // Движение эпохи – движение литературы. Ижевск, 2002. С. 219–222.

7. Зайцева Т. И. Писательские воспоминания, литературные портреты // Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века / Т. Зайцева. Ижевск, 2009. С. 249–255.

8. Загребин Е. Е. Нюлэс куараос. Веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1971. 43 с.

9. Загребин Е. Е. Палэзь жускиос. Веросьёс, повесть. Ижевск: Удмуртия, 1978. 120 с.

10. Загребин Е. Е. Яратонэ тон, вожанэ...: Веросьёс, очеркёс, пьесаос. Ижевск: Удмуртия, 2004. 432 с.

11. Загребин Е. Е. Лебеди моего детства: Новеллы, рассказы, пьесы. Ижевск: Удмуртия, 2008. 176 с.

12. Загребин Е. Е. Гомась шунды: Статъяос, зарисовкаос. Ижевск: Удмуртия, 2012. 188 с.

13. Загребин Е. Е. Суп из крапивы: Рассказы, пьесы для детей. Ижевск: Удмуртия, 2015. 80 с.

А. З. Диева
ТЕМА ПРИРОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
М. ПРИШВИНА, М. ЮХМЫ И Е. ЗАГРЕБИНА¹

Большим писателем называется тот, кто сумел
поселить уверенность в неиспорченности
жизни – в реальности сказки.

М. М. Пришвин

У удмуртского драматурга, прозаика, народного писателя Удмуртии Егора Загребина и чувашского драматурга, прозаика, народного писателя Чувашии Мишши Юхмы немало предшественников в русской литературе. Они учились у И. Бунина, А. Куприна, М. Пришвина. Народный писатель Чувашии, лауреат многих премий России и СНГ, в том числе Международной премии им. Фадеева, Всеудмуртской национальной премии им. Кузубая Герда, заслуженный работник культуры Удмуртской Республики Мишши Юхма – уважаемый человек в Удмуртии. Во всех произведениях писатель предстаёт истинным сыном своего чувашского народа. Он – добрый, лирический философ-мыслитель, знаток человеческой психологии и художник слова.

У Мишши Юхмы есть замечательное произведение – «Лесная книга». Писатель в своих рассказах о чувашских лесах учит читать и понимать мудрую книгу природы. Для него деревья и кустики живые, в каждом лесном зверьке он видит друга. В «Лесной книге» много маленьких рассказов. Они познавательные, каждый из них учит быть щедрее и богаче, умнее и добрее. Герой рассказов, старый мудрый лесник и кудесник Мигулай-мучи говорит, что у него есть книга, которую он читает и перечитывает: «Много я книг на своём веку прочитал, ачам. И хороших много, и плохих много. А вот есть книга, которую я читаю и перечитываю уже более сорока лет и всё начитаться не могу. Книга эта, ачам, самая мудрая, самая добрая. Вот она –

---

¹ *Источник:* Диева, А. Тема природы в творчестве М. Пришвина, М. Юхмы и Е. Загребина : [о творчестве писателей] / А. Диева // Гражданин мира / Чуваш. нац. центр. Ижевск, 2011. С. 74–82.

Лесная книга природы. Хорошо бы, каждый научился читать, да не только глазами – всем сердцем. Не станет тогда ни жестоких, ни трусливых, ни подлых людей. Не станет». И автор предлагает всем странички из тех, что удалось ему прочитать в увлекательной книге чувашских лесов.

У каждого художника слова свой собственный стиль, приемы использования языка, а также композиция. Эти элементы являются составляющими произведений изобразительного искусства разных жанров. И тем не менее нельзя исключать и то обстоятельство, что язык – это существенный элемент композиции. Об искусстве понимания и истолкования текстов писал основоположник современной филологической герменевтики Фридрих Шлейермахер. Он утверждал: «Язык есть способ для мысли быть действительной, а мышление есть «внутреннее говорение» [Шлейермахера 2004, 43]. Его учение формулирует универсальный принцип научной интерпретации всякого текста, который впоследствии получил название «герменевтического круга»: целое понимается из совокупности своих частей, а всякая часть – только в связи с целым. Этот герменевтический круг лежит в основе обеих сторон толкования: грамматической и психологической.

Идея, основа в рассказах «Лесной книги» – добронравие. Произведение начинается с описания речки Хырла: «Течёт по чувашской земле весёлая речка Хырла. Путь её лежит через безлюдные сонные леса. Но Хырла не унывает. Бежит себе и бежит, болтая на ходу сама с собой да с лесными птицами.

То возьмёт и отдохнёт в глубоких омутах, а то радостно разбежится по перекатам.

В одном омуте она задерживается особенно охотно. Там на самом берегу стоит большой серый бревенчатый дом – кордон лесничества. И уже сорок лет живёт на кордоне лесник Мигулай-мучи» [Юхма 2008, 88]. Как он красиво описывает речку: весёлой, неунывающей, говорящей сама с собой да с лесными птицами... Чувствуется особая способность автора к созерцанию.

«Думаете, дед Мигулай просто по службе любит лес? Нет! Он его сам по себе любит, как настоящий друг. Знаете, сколько раз

Мигулай-мучи приходил на помощь своим лесным друзьям!... Мы с дедом Мигулаем большие приятели...» [Юхма 2008, 88]. Так описывает главного героя повести Мишши Юхма. Это простой человек, освобождённый от всего лишнего, видящий мир непосредственно, но, сказочник огромного мира, он и сам кажется огромным. Это человек-поэт, как и автор произведения Мишши Юхма, у них много общего. Автор пишет, что они большие приятели. Он словно угадывает мысли читателя и на примерах раскрывает ту или иную тайну. «– Вот не могу никак понять, мучи, как это у тебя получается в одиночку охранять такой огромный лес? Ты ведь не только от браконьеров, но и от болезней и вредителей тоже его отбиваешь? – Есть у меня особые помощники: проворные, умелые, неутомимые. И четвероногие, и крылатые, даже шестиногие есть» [Юхма 2008, 95].

У писателя самобытный способ, коим он разрабатывает свою идею, – стремление к композиционной строгости. Рассказы взаимосвязаны друг с другом, в каждом из произведений через героя Мигулая-мучи и через самого автора раскрываются новые и новые тайны природы, перелистываются страницы, посвящённые тому или иному обитателю леса. Встречаются лирические отступления, раздумья самого автора, но они только добавляют яркой эмоциональной окраски и углубляют содержание произведения. Через своё «я», через свой внутренний мир автор на примерах из жизни своего героя Мигулая-мучи учит бережно относиться к природе. Автор манит в рассказах вглубь жизни и этим открывает читателю простор для сотворчества. А сколько преданий, легенд упоминается в «Лесной книге»: в рассказах «Сказка о самолюбивом дубе», «Летающий цветок», «Голубой дуб», «Тайна старого вяза»?!

Завязка и развязка произведения способствуют внутреннему его единству. Произведение завершается словами: «Когда я уезжал в город, старик вышел меня проводить. Видно, и ему, как и мне, было грустно наше расставание. – А я ведь счастливый человек, ачам, – сказал он мне на прощание. – Всякий человек, который дружит с природой, – счастлив. Дерево без корней не

растёт – сохнет и погибает. Природа – это наши корни, начало начал нашей жизни. Не забывай об этом, живя в городе, ачам!» [Юхма 2008, 175]. Автор словами Мигулая-мучи утверждает: мы должны сделать всё, чтобы понять природу, стать ее друзьями и защитниками. Талантливый чувашский писатель Мишши Юхма покоряет маленького и взрослого читателя и художественным совершенством, и познавательностью, и ярко выраженным воспитательным содержанием своего произведения.

У удмуртского писателя Егора Загребина есть персонаж, похожий на лесника Мигулая-мучи, – дед Саватей, который рассказывает детям истории. «Дядя Саватей всегда нас чем-нибудь рассмешит. Столько всяких историй хранит он в своей памяти, что заслушаешься. Иногда даже не понять: сам и придумал или действительно был такой случай в его жизни».

Лирические рассказы Е. Загребина близки рассказам Мишши Юхмы, входящим в «Лесную книгу». Особое место и у Е. Загребина занимает мир природы. «Загребин мастер рассказов (особенно коротких лирических). Сумел художественно создать свой мир героев, мир природы, насыщенный национальными реалиями жизни села, что ему близко не только по воспоминаниям, но и по наблюдениям», – пишет критик-литературовед Зоя Богомолова. – Лес, деревья, звери, птицы живут рядом с человеком и по-своему взаимодействуют с ним, вернее, человек во многом зависит от природы, от ясного неба, солнца или непогоды (дождь, гроза, снег, весенняя благодать)» [Загребин 2008, 173].

В рассказе «Дятел» автор приводит свои наблюдения за этими птицами: «...Очень чувствуют и любят свою музыку и, соревнуясь, долбят отжившие, сухие стволы осин, берёз, лип». Тут же автор замечает белок, оставивших свежие следы на снегу: «Ветки кустов надломлены, обкусаны, сброшенные шишки с елей, сосен обгрызаны». Но вдруг с криком «ки-ик» на старую ель примостился дятел и, как отбойным молотком, начал ударять клювом. «Но что это?! Я вижу, как мой герой-дятел падает камнем в снег... Дятел мёртв, на кончике его длинного острого клюва проступила капля крови!.. Раньше думалось: летает, стучит себе в удовольствие.

А оказалось, до сотрясения мозга вершит он нелёгкое дело, добывает себе пищу и одновременно сотворяет для своих лесных братьев дупла, создаёт им дома» [Загребин 2008, 86].

Рассказ «Клён» очень короткий, но содержательный. «Клён стоит совсем один, он красивый, и сердца, и глаза к себе притягивает. Крепко стоит, только листья весело шелестят-смеются. Всё выдерживает клён, всё побеждает». Описывая клён, Е. Загребин использует образы из удмуртского фольклора: например, в народной песне встречается сравнение мужчины крепкого телосложения с клёном. А в конце рассказа автор делает вывод, после которого читатель не может не задумываться: «Увидев этот клён, наверное, многие спрашивают: «А что я оставлю в мире после себя?»» [Загребин 2008, 87].

В рассказах «Настоящая весна», «Весенний дождь» образы природы, птиц неотделимы от образов детей, взрослых людей. И в состоянии природы, и в душах людей ощущается эмоциональный подъем: «Но лучше всех всё же приход весны понимает человек. Говорят, весенний день целый год кормит. Каждую весну человек молодеет, полнится новыми силами. Весна – это любовь и работа, это воспоминания и мечты, это радость, это самое весёлое и благодатное время года» [Загребин 2008, 91]. Идёт весенний дождь, ребята бегают по канавкам, а грачи довольны: сидят и чистят крылышки, на небе уж показывается солнышко. Кругом всё блестит, всё поёт. Деревья свои руки-ветви протягивают, купаются. И вот старик вышел под дождь, дождём умывается и говорит, что молодым хочется быть и что весенний дождь всегда с собой чистое, светлое приносит. Рассказ завершается словами: «Мне действительно показалось, что его морщины разгладились, ушли. И солнечными лучами заиграли глаза» [Загребин 2008, 91–92].

Егор Загребин в своих коротких рассказах часто использует, как и Мишши Юхма, приём олицетворения явлений природы. Например, в рассказе «Золотая осень» «золотая осень готовится к свадьбе», «средняя дочь – осина, модница», «богатырский со-

сновый бор», «берёзы надели жёлтые платья», «лес, как солдат на посту», «лес машет руками-ветвями». [Загребин 2008, 104–106]. «Рассказы Е. Е. Загребина пронизаны идеей патриотизма, любви к своей малой Родине, которая является не частицей, а неотъемлемой составляющей большой Родины» [Загребин 2008, 173].

Михаил Пришвин, отправляясь в «край непуганых птиц», хочет найти своё настоящее дело, которое свяжет его с делом всех людей. Привезённые им путёвые заметки – описание далёкого края и путешествия по нему – превратились в художественное произведение, в очерковые заметки.

Автор, которому «снится страна непуганых птиц», спорит с местным полесником, «огромным Мануйлой»:

«Нет такой птицы», – говорит он.

«Есть, есть, – спокойно твердит Мануйло, – ... обязательно есть такая птица. В нашем-то лесу – да и не быть!»

У Мишши Юхмы в рассказе «Голубой дуб» Мигулай-мучи говорит о своей мечте найти Голубой дуб и рассказывает, что этот дуб был священным деревом древних чувашей. Те, кто пил бальзам из этого дуба, становились сильнее, добрее и смелее. Он символом чувашского народа был. «Почему был?» – спрашивает Юхма. – Вырубили, ачам. В восемнадцатом веке все деревья под корень вырубили... Надо искать... Где-нибудь обязательно да сохранился голубой дуб. Мы найдём, если хорошо поищем». [Юхма 2008, 167–168].

Природа для Пришвина – это вместилище всего; значит, и дом для самого человека с его сложной душой. Его произведения – как следы писателя на родной земле и прямое обращение к своему внутреннему миру. Это дневник писателя, документ жизни. По дневнику были созданы циклы «Лесная капель», «Фацилия», «Глаза земли».

В автобиографии Пришвин вспоминает начало своего писательства: «...» меня куда-то повело по пути страданий к блаженству... Природа откликнулась на этом пути: я стал записывать эти сказки и тем удостоверить других в действительности

существования страны непуганых птиц». Пароход, на котором он плывёт, останавливается у Климентского монастыря, давно пришедшего в упадок. Пришвин ходит с народом на берег, наблюдает монастырскую трапезу, прислушивается к беседам. И грустные мысли закрадываются: «Молились, трудились? Но где хоть малейшие следы этой вековой работы и молитвы? И эти вялые ответы, неодушевлённые лица...» Пришвин точно описывает исторический пейзаж Водораздела Белого и Балтийского бассейнов: это бывшая «Осударева дорога», по которой некогда царь Пётр волоком протащил свой флот, и незарастающий след которой своими глазами увидел Пришвин в 1906 году. «Но чего стоила населению эта дорога», – вот что волнует писателя [Пришвин 1980, 12–13].

У Е. Загребина на эту тему есть рассказ «Дом у реки». Была раньше деревушка Починок. «С опушки стараюсь углядеть хоть одну крышу, но не тут-то было. Только тополя да черёмухи-берёзки, да кудрявый ивняк.

В деревеньку эту мы каждой весной ходили хоромы водить, песни петь... Что такое? Ни Пронькинского, ни Федотовского дома на месте нет. Да и самого места как будто нет, место будто мёртвое... Тихо, пустынно. Даже птичьих голосов не слышать...» [Загребин 2008, 111]. Автор, шагая по заглохшей улочке, чувствует стыд. Разбросан по пустырю ветхий хлам, глушат бывшую жизнь крапива с лебедой, только вон одиноко, будто на заброшенной могиле, кустик цветов.

Так возникают темы, не только не ушедшие для нас сейчас в прошлое, но ставшие ещё более жгучей нашей современностью. Это темы спасения природы, бережного сохранения памятников народного живого слова.

Трёх писателей – Михаила Пришвина, Миши Юхму, Егора Загребина – связывают единство проблематики и ее художественного воплощения, то отношение к материи, которое, по определению Пришвина, «чуть-чуть глубже идёт, чем общепринятый реализм».

ЛИТЕРАТУРА

1. Загребин Е. Е. Палэзь зускиос. Веросьёс, повесть. Ижевск: Удмуртия, 1978. 120 с.
2. Загребин Е. Е. Яратонэ тон, вожанэ...: Веросьёс, очеркъёс, пьесаос. Ижевск: Удмуртия, 2004. 432 с.
3. Загребин Е. Е. Гомась шунды: Статьяос, зарисовкаос. Ижевск: Удмуртия, 2012. 188 с.
4. Загребин Е. Е. Суп из крапивы: Рассказы, пьесы для детей. Ижевск: Удмуртия, 2015. 80 с.
5. Загребин Е. Е. Лебеди моего детства: Новеллы, рассказы, пьесы / Пер. с удм. В. Болтышева, В. Глушкова и автора. – Ижевск: Удмуртия, 2008. 176 с.
6. Мишши Юхма. Лесная книга. Повести и рассказы. – Министерство природных ресурсов и экологии ЧР, 2008. 182 с.
7. Пришвин М. М. Повести. Поэмы. Охотничьи рассказы. – Челябинск: Юж.-Урал. Кн. изд-во, 1980. 447 с.
8. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. Пер. под ред. С. И. Гессена. М, 1998. 413 с.
9. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский Дом, 2004. 242 с.

О. С. Зиявадинова
ПЕЙЗАЖ В КОМИ И УДМУРТСКОЙ ПРОЗЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.¹

Отчуждение личности от естественной среды учёные называют духовным срывом, кризисом. Мысль о безусловной власти человека над природой губительна. В этой ситуации может ли художественное слово, литература приостановить наблюдающийся в обществе сегодня разрушительный процесс «ускорения собственной гибели?» [Леонов, 112].

Удмуртский писатель Е. Загребин, коми прозаики А. Лыжуров, А. Одинцов, И. Коданев, В. Торопов, В. Ширяев, Г. Юшков, И. Торопов напоминают в своих произведениях, что природа – ценнейшая, доступная всем реальность.

В художественном мире Е. Загребина природа существует как персонаж с особенными чертами характера и реальной судьбой. Образ природы в произведениях писателя «*Нюлэс куарас*» («Лесные голоса» 1971), «*Тӧдӧы юсь*» («Белый лебедь» 1976), «*Палэзь зускиос*» («Гроздь рябины» 1978), «Лебеди моего детства» (2008), пейзажных зарисовках «Весенний дождь», «Настоящая весна», «Лесной цыпленок», «Бекас», «Соловей» и др. многозначен, разветвлен, составлен из множества эпизодических «лиц», переживающих драмы и стремящихся к естественной гармонии. Внимательный читатель поймет, что в текстах связанные друг с другом, повторяющиеся «ключевые» слова (личность, окружающий мир, долг, вечность, мгновение, творчество, прекрасное, жизнь, движение и т. д.) складываются в круг явлений и понятий, выражающих авторскую философию. В результате природа перестает быть лишь верным натуре описанием, «видом» окрестностей, она являет собой щедрый в материальном выражении и сложный в философской основе образ, при-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта: ИЯЛИ FUUU-2021-0006 Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира.

званный передать концепцию личности и общества в их отношениях с окружающим миром.

В раскрытии темы «человек и природа» Е. Загребину принадлежит особое место: в его творчестве «родственное» понимание естественной среды оказалось одним из основных принципов, оно вылилось в философию и этику разумного единства всех существ на земле, в идею совершенствования личности и общества через восприятие целесообразного и прекрасного в природе.

Е. Загребина можно назвать «удмуртским Пришвиным», певцом северной природы. Тема природы развивается практически во всех произведениях писателя, образуя в его прозе самостоятельную ветвь. Главный предмет изображения – природа в конкретных чертах, приметах, деталях, «повседневность» природной жизни, «индивидуальные» черты того или иного природного явления. Автор, подобно М. Пришвину, последовательно вел свою «линию»: провозглашал идею значимости сущего в каждой форме бытия, он живописал явления природы, картины окружающего мира, подчеркивая тем самым совершенную красоту физических форм мира.

Выросший в деревне, на лоне природы, Е. Загребин учился понимать язык леса, стремился познать жизнь лесных обитателей. В его произведениях много места уделено охотничьей теме, это объясняется географическими особенностями местности, укладом, бытом удмуртского народа. Самым важным и привлекательным в охоте была возможность оставаться наедине с природой, «подслушивать» ее сокровенные движения и звуки. В понимании писателя, настоящий охотник не тот, кто думает, как добыть больше птицы и зверя, а тот, кто умеет выслеживать дичь, радоваться не столько результату, сколько самому процессу охоты. Автор заставляет читателя почувствовать прелесть зимнего леса, понять состояние героя, который в таинственный предрассветный час долго любителю повадками белоснежного зайца: «По первому же снежку на нашем огороде появилась россыпь заячьих следов... И вот тут-то я увидел своего зайца.

Белый заяц! С длинными ушами! Он будто выкатился на снег передо мной. Присел возле сена – обрадовался: забарабанил передними лапками. Огляделся. Подкрался к нашей калитке, прислушался. И, радостный, вскачь воротился к стожку. И опять забарабанил: туп-туп-туп!» («Белый зайчик», перевод В. Болтышева).

В пейзажных зарисовках Е. Загребина «Весенний дождь», «Настоящая весна», «Лесной цыпленок», «Бекас», «Соловей», «Трясогузка», «Летят журавли» проявляется характерная черта его писательской манеры – он в прозе остается поэтом. Заметной особенностью изображения природы в этих пейзажных миниатюрах является постоянное переплетение описания, повествования и рассуждения; автор представляет природу, наделенную массой подробностей, проводит фенологические наблюдения, рисует персонажей из животного и растительного мира, рассказывает их лесные истории, сопровождая все это своими размышлениями. В миниатюрах построение текста схоже с сюжетом лирического стихотворения: «Высоко в синеве клином летят журавли. Увидев ли нашу деревню или просто переговариваясь между собой, подают с высоты голос «курлы-курлы»... Они тоже здесь потомство создают и растят. С трудностями, со злыми ветрами спорят, но всё равно сюда, домой, возвращаются... Солнышко только взшло. Птицы поют-заливаются... Земля такая тёплая, так от неё сладко пахнет... Да, журавли летят. Народам, живущим на земле, с высоты посылают мирный привет, окликают поля. Одни, смотря на этих священных птиц, вспоминают свои счастливые дни, другие – как прошли через тернии, невзгоды. А, может, кто-то и сейчас смотрит на журавлей, проливает слёзы. Видит, как бегал босиком по залитым водой лугам, полянам, по лужам. Видит родимый дом, стоящую рядом с ним или в сторонке белую березу...» («Летят журавли», перевод В. Глушкова).

Л. И. Иссова, анализируя жанр стихотворений в прозе и жанр лирико-философской миниатюры, отмечает: «Литература к XIX – началу XX веков характеризовалась повышенным интересом к внутреннему, духовному миру человека; стремлением боль-

шинства писателей к синтезу реализма и романтизма, причем заметную роль в поэтике их произведений играли иносказания, аллегория, романтическая образная система; усилением лирического, субъективного начала, распространявшегося на все литературные роды и виды; преимущественным господством прозы, ее малых жанровых форм: повести, рассказа, очерка. Все это объясняет тот факт, что стихотворения в прозе стали в России довольно популярным жанром» [Иссова 1969, 14–15].

Для лирических миниатюр о природе Е. Загребина характерно стремление к лирическому, субъективному изображению действительности, к рефлексии и философским обобщениям, к сгущенности и лаконизму повествования, к метафоричности, к мелодическому звучанию речи: «...Ранняя весна. На полях еще лежит снег. Только на склонах холмов да где-нибудь в затишке, на припеке, чернеет проталина... А в небе неутомимо звенит серебряный голосок жаворонка, и мое сердце наполняется радостной надеждой...» («Жаворонок»).

В некоторых его рассказах о природе присутствует лирический герой, думающий, размышляющий о таинственном окружающем мире, его обитателях. Как правило, рассуждения и описания дополняют друг друга, в этот синтез вписываются и элементы повествования. В пейзажных зарисовках автор запечатлевает на бумаге мгновенное наблюдение каких-либо природных образов, явлений в окружающем мире и связанную с этим мысль. Сиюминутная мысль обычно не длинна, природный образ создает краткими штрихами, деталями, чтобы сохранить его «свежесть», «моментальность». Писатель чувствует поэзию пролетающих мгновений жизни природы и схватывает их; в каждом – свой мир красочных, зрительных и слуховых впечатлений и связанных с ними переживаний. В пейзажных зарисовках, рассказах, этюдах, миниатюрах о природе Е. Загребин рисует образ природы и лирическое «я» повествователя в общечеловеческом контексте: единая земля для всех участников жизни, единство мира, движение всего, даже самого малого, в круге великого и вечного. В итоге образ природы содержит общественно-

исторический смысл; природа и история человека взаимосвязаны, общество может и должно гармонизировать с окружающей средой свои отношения.

Е. Загребин ставит в своих произведениях задачу воспитания человека, поэтому истории о животных, птицах, включенные в ткань повествования, мыслятся как познавательные, поучительные, они формируют эстетический и этический закон природной жизни: трава и деревья, звери и птицы, рыбы и люди, – все находятся на своем месте. Это образное воплощение формулы организации природных форм жизни, которая предполагает сорядовую, а не пирамидальную иерархию.

Рассказы «Белые лебеди» Е. Е. Загребина и «Чомъя мусюр» (Гора, похожая на чум) Г. А. Юшкова, на наш взгляд, дают возможность увидеть схожие мотивы в творчестве прозаиков. Е. Загребин в «Белых лебедях» пишет: «Иногда закрою глаза, и видится мне маленькая речка моего детства. Невольно нахлынут воспоминания, и оживают картина за картиной, до ласкающей боли отзываясь в сердце. Летом голубой узкой ленточкой петляющая в ровной зелёной луговине, весной речка разливается почти во всю луговую ширь и становится похожей на озеро... Белые лебеди спускаются на эту водную ширь в половодье и плавают, отдыхают... Во время подъёма в гору *Антифагай* рассказывает нам о белых лебедях. В древние времена-де посреди наших лесов озёрки были. Там парами лебеди жили. Удмурты по лесам охотились, а этих красивых, милых лебедей не трогали. Рука-де не поднималась. Но нашёлся один злой, никого и ничего не жалеющий охотник. Ходил и стрелял белых лебедей. Долго, очень долго в этих озёрах слышны были трубные, плачевные призывы лебедей своих подружек. С тех пор эти красивые птицы больше не садились на наши озёрки, речки. Да и озёра потом высохли. А тот злой охотник в болоте утонул».

Герои рассказа Г. А. Юшкова «Чомъя мусюр» отправились в тундру в экспедицию. Выглянув утром из палатки, они увидели на озере лебедей: впереди плыли два взрослых, мать и отец, а за ними суетливой цепочкой поспешали четыре неоперив-

шихся табачного цвета лебеденка. Ваня Есев потянулся за ружьем, чтобы подстрелить самца, но Чуистова запретила ему это делать. «Вторым солнцем» называют в тундре лебедя, лебедь у коми и у удмуртов «<...> считается птицей особенной, чистой. Существует негласный запрет охоты на лебедя. Всякого, случайно или не случайно убившего лебедя, согласно поверью, ждет кара» [Климов 1990, 105–106]. Табуирование охоты на лебедя наблюдается и в фольклоре некоторых тюркоязычных народов. В. Г. Родионов отмечает, что в представлении чувашей лебедь является священной птицей: «Не было на земле большего греха, чем убийство лебедя. Оно расценивалось наравне с убийством матери. Поэтому запрещалось не только охотиться, но и беспокоить их, сопровождать криком улетающих лебедей» [Родионов 2002, 55]. Якуты также боялись нанести вред своей тотемной птице, она, по поверьям, могла вызывать болезнь или несчастье [Манжигеев 1978, 89]. Следы тотемистического почитания лебедя встречаются и в фольклоре монгольских народов. В древнебурятской мифологии лебедь – прародительница племени хоринцев и рода хангинцев [Советская этнография 1948, 130].

Описание лебедей раскрывает основную идею рассказа Г. А. Юшкова. Автор отмечает: «*Тундраад войтöдлысьясид абуоьс, да оз повны юсьясис мортсьид. Кöр видзьысьяс некор найöс оз вöрзьöдны, шондi вежысьясöн шуöны. Збыльыс öд, кор поводдяыс лёкмас да тыр он аддзыв шондiсö, сэк лэбысь ли пукалысь еджыд юсьид сэтшöма долыдмöдö сьöлöмтö, он косйы, да нюмыд петалас. Окота овны, сьывны на, а то и сiдз нимкодъпырысь мыйкö горöдны ывла тырнас татшöм югыд здукас...*» [Юшков 1979, 38]. (В тундре охотников нет, да и не боятся лебеди моржей. Оленеводы никогда их не тронут, называя «заменяющими солнце». А ведь и правда, когда погода нахмурится и долго не видишь солнца, летящий или сидящий белый лебедь так обрадует сердце, не хочешь, а улыбнешься. Хочется жить и петь, а то и просто от радости закричать во весь голос в этот светлый момент. *Перевод подстрочный наш – О. З.*)

Лебедь является символом чистоты и красоты, он как бы олицетворяет собою мечту о высокой любви, мечту о прекрасном человеке [Климов 1990, 105–106]. В повести И. Г. Торопова «Арся съсланкыв» приводится рассказ о лебедях. Мать Питири-ма поведала историю о священной птице, в которую, по поверьям, нельзя было стрелять, ибо лебедь является украшением тундры, радует душу.

Коми и удмуртскую прозу второй половины XX века, представленную произведениями таких ярких и талантливых художников как Г. Юшков, И. Г. Торопов, И. Коданев, Е. Загребин и др., характеризует некая типологическая общность в изображении взаимоотношений природы и человека. В художественном мире авторов изображены герои «земные в деяниях и помыслах» (В. Астафьев), образы которых определены бытийными координатами – землей, природой, традиционными устоями деревенского уклада. Родовой дом, опоэтизированный труд на земле, естественность и простота (наподобие природной разнообразности) – основные столпы мировоззрения сельского жителя, определяющие начала концепции естественного человека, которая задается архетипическими образами Дома-Деревни, спецификой хронотопа, парадигмой человек – природа. Особым духовным пространством героев, «природной обителью» и родовым основанием человека в прозе рассматриваемого периода является деревня. Действие большинства произведений происходит в доме и на подворье, жизненное пространство человека ограничено домом, деревней, окружающей природой. Подобная организация топоса реализует творческие ориентиры на восприятие человека в традиционном контексте. Образ-концепт дома имеет аксиологическое значение: духовно-нравственное основание человека и сакральный образ мира в ценностных рамках земледельческой культуры, важнейшей характеристикой которого является неразрывное «единство сознания и бытия героя с почвой (народной традицией и землей)» [Андреева 2020, 110–111].

Деревня, родительский дом и окружающее природное пространство предстают в изображении Е. Загребина как вопло-

щение модели мира. Образ отчего дома в контексте творчества автора обретает дополнительный метафорический смысл: дом как гарантия защищенности, как центр мира с внутренним единством и упорядоченностью, объединяющий все поколения, основа стабильности и надежности, олицетворение родной природы и космического устройства, стержень национального мира. Родная деревня, родной край, отчий дом в широком смысле являются энергетическим центром, идеальным миром, куда лирический герой, уставший от цивилизации, от отсутствия в ней природного начала, возвращается, чтобы обрести новые силы. Дом символизирует освоенное пространство, где человек рождается и куда возвращается из любых странствий, где находится в безопасности, в гармонии с мирозданием.

Рассказы о природе Е. Е. Загребина значительно обогатили представления о красоте и неповторимости удмуртской природы. Проза писателя отличается непосредственностью и в то же время глубиной восприятия природы, его пейзажи проникновенны, наполнены свежестью. Он рассматривает красоту как непреходящий атрибут жизни, родная природа выступает в его творчестве как главная сфера проявления прекрасного. Произведения писателя можно принимать не только как бесценный эстетический опыт, но и как глубоко осмысленную умозрительную и цельную картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В. Г. Образ усадьбы и родной земли в повестях и романах А. И. Эртеля / В. Г. Андреева // Новый филологический вестник, 2020. № 1. С. 107–119.

2. Загребин Е. Е. Лебеди моего детства. Ижевск: Удмуртия, 2008. 176 с.

3. Исова Л. И. Жанр стихотворений в прозе в русской литературе (И. С. Тургенев, В. М. Гаршин, В. Г. Короленко, И. А. Бунин) / Л. И. Исова. Автореф. дис.... канд. филол. наук. Воронеж, 1969. 25 с.

4. Климов В. В. Оласö да воласö: Коми-пермяцкие сказки, легенды, сказы, былички и бывальщины на коми языке / В. В. Климов. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд., 1990. 365 с.

5. Леонов Л. М. Русский лес: Роман. М.: Худож. лит., 1998. 678 с.

6. Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: Опыт атеист. Интерпретации / И. А. Манжигеев. М.: Наука, 1978. 127 с.

7. Родионов В. Г. Этнос. Культура. Слово / В. Г. Родионов. Чебоксары: изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 552 с.

8. Советская этнография / Советская этнография. Л.: Наука, 1948. 344 с.

9. Юшков, Г. А. Ловъя лов: повестъяс да вистъяс / Г. А. Юшков. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. 528 л. б.

Глава IV. Воспоминания

А. П. Сидорова

СЛЕД В ИСТОРИИ НАРОДА

Его детство пришлось на военную пору. Так что характер, серьезное отношение к делу, ответственность начали вырабатываться у Егора Егоровича Загребина еще в ту пору. Жизнь Е. Е. Загребина была наполнена плодотворным трудом. За большой вклад в развитие национальной культуры и профессионального искусства он удостоен почетных званий «Народный писатель Удмуртии», «Заслуженный деятель искусств Удмуртской Республики», «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Е. Е. Загребин лауреат Государственной премии Удмуртской Республики, лауреат премии им. Михаила Петрова, кавалер ордена Дружбы.

Егор Егорович, как я его помню, был яркой личностью. Мне удалось видеть его на сцене Удмуртского драматического театра, где он сыграл немало ролей. Он, как и вся творческая интеллигенция республики, принимал активное участие в проведении Дней литературы и искусства в районах и городах Удмуртии. Писатели, композиторы, художники, журналисты, артисты с удовольствием встречались с сельскими тружениками, рабочими промышленных предприятий. Организовывали выставки, литературные встречи, концерты. И, как очевидец, хочу сказать, что Егор Егорович покорял и сельского, и городского зрителя. Его артистизм, внутренняя культура, эрудиция привлекали слушателя. Впоследствии мы часто с ним вспоминали об этих мероприятиях и сожалели, что эта форма работы с населением сегодня в республике перестала существовать.

Е. Е. Загребин как удмуртский драматург внёс весомый вклад в развитие сценической культуры нашей Удмуртии. По окончании Ленинградского театрального института имени А. Н. Островского он был актёром, заведующим литературной частью Удмуртского драматического театра, а главное – обога-

тил его репертуар новыми пьесами. Этот вопрос являлся одним из сложных в деятельности театра. Его первая пьеса «*Тулыс зор*» («Весенний дождь»), написанная в 1961 году, сразу была поставлена на сцене этого театра. Затем появились драмы «*Тӧдӱы юсь*» («Лебедь белая»), «*Мынам яратонэ татын*» («Деревенский роман») и др. Из-под его пера вышло свыше 20 пьес, лучшие из них в течение многих лет входили в репертуар Удмуртского драмтеатра. За трагедии «*Эш-Тэрек*» и «*Кикы нош силе но силе...*» («Кукушка всё кукует и кукует...»), комедию «*Мусое мынам, мусое*» («Милая моя, милая») Егор Егорович удостоен Государственной премии Удмуртской Республики. При полном аншлаге всегда шла его комедия «*Насьток но Исьток*» («Степани Настя»). А комедия «*Эн кушты монэ, туганэ*» («Не бросай меня, милый») была поставлена на сцене академического театра им. К. Иванова в Чувашии, в Ставропольском краевом театре.

Нельзя не отметить его большую работу по подготовке инсценировок произведений удмуртской классики: романов Г. Медведева «Лозинское поле» (пьеса «*Бугырес тулыс*» – «Тревожная весна»), М. Коновалова «Гаян» (одноименная пьеса, в соавторстве с А. Берладиным), Г. Красильникова «Начало года» пьеса «*Сюлэм куара*» – («Голос сердца»).

Член Союза писателей СССР, Егор Егорович работал также в жанре рассказа как «взрослого», так и детского, психологического и юмористического. Его произведения переведены на русский, чувашский, марийский, мордовский и другие языки. В числе вышедших в свет книг рассказов и повестей мне особенно дорога «*Яратонэ тон, вожанэ...*» («Любовь моя, ревность моя...»), в которой он осветил мою скромную деятельность как министра культуры Удмуртской Республики.

Пятнадцать лет Егор Егорович возглавлял правление Союза писателей Удмуртии. Как отмечает Ада Диева, его заместитель, большое внимание он уделял творческой молодежи. В период его председательства численно увеличилась и качественно выросла писательская организация. Но к этому я бы еще добавила деловитость его команды и сплоченность писателей.

Руководители республики, в частности, А. А. Волков, хорошо знали Е. Е. Загребина и помогали ему. Егору Егоровичу совместно с Зоей Алексеевной Богомоловой в сложные 1990-е годы удалось решить непростые финансовые вопросы: по их просьбе было принято постановление Правительства о государственной поддержке творческих союзов Удмуртии. Подобной поддержки, надо отметить, не было тогда в большинстве регионов России.

Эрудиция, оптимизм и вера в значимость дела, которому служил, – это было кредо Егора Егоровича. Он вошёл в историю республики как талантливый писатель, прозаик, драматург и организатор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загребин Е. Е. Нюлэс куараос. Веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1971. 43 с.

2. Загребин Е. Е. Палэзь зүскиос. Веросьёс, повесть. Ижевск: Удмуртия, 1978. 120 с.

3. Загребин Е. Е. Яратонэ тон, вожанэ...: Веросьёс, очеркъёс, пьесаос. Ижевск: Удмуртия, 2004. 432 с.

4. Загребин Е. Е. Лебеди моего детства: Новеллы, рассказы, пьесы. Ижевск: Удмуртия, 2008. 176 с.

5. Многонациональная сценическая культура Удмуртии: Энциклопедический справочник / Отделение Союза театральных деятелей РФ (ВТО) – СТД Удмуртской Республики; Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН; гл. ред. А. Е. Загребин; сост. А. П. Сидорова. Ижевск, 2014. С. 98–99.

6. Писатели и литературоведы Удмуртии: Библиографический справочник / Сост. А. Н. Уваров. Ижевск: Ассоциация «Научная книга». 2006. Изд. 2-е. С. 49–50.

З. А. Богомолова
ЗАГРЕБИН Е. Е.: ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

Жизнь коротка, а правда
действует далеко и живет долго;
будем же говорить правду!
Артур Шопенгауэр

Все сказано на свете.
Несказанного нет.
Но вечно людям светит
Несказанного свет.
Новелла Матвеева

Всякий раз, когда встречала Егора Егоровича Загребина в свои первые годы жизни в Удмуртии, думала: «Где он рос, кто родители, какова природа, окружавшая его?» Золотоволосый, кудрявый, голубоглазый, он мне казался похожим на Леля из пьесы-сказки А. Н. Островского и оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка»; а когда увидела его на сцене в спектаклях по его пьесе «*Тулыс зор*» («Весенний дождь»), по драме А. Штейна «Океан», поняла, что под этой поэтической внешностью красивого, импозантного молодого человека живет душа поэта и художника, талантливого актера, прошедшего хорошую профессиональную школу – Ленинградский театральный институт им. А. Н. Островского.

Но прежде чем стать известным актером, драматургом, прозаиком, редактором журнала «*Инвожо*», руководителем Союза писателей УР, Е. Загребину нужно было пройти нелегкий жизненный путь, пережить семейную драму, в ранние годы потеть надолго отца.

Но все по порядку.

Егор Егорович Загребин родился 4 июля 1937 года в деревне *Кутоншур* Якшур-Бодьинского района УАССР, когда-то многонаселенной, а теперь состоящей всего из семнадцати дворов.

Деревня оказалась в числе неперспективных и тем не менее живет, и Егор Егорович часто навещается на свою «малую родину». Он сохранил в памяти мельчайшие детали своего детства, даже картину жаркого июльского утра своего рождения (как он говорил шутя). Кругом все благоухало, деревня, окруженная горами и лесом, была словно многоцветная чаша с речкой, многочисленными озерами, с мельницей, с лугами, покрытыми цветами *италмаса*, с ржаным полем, усеянным васильками, с обильными ягодными полянами с клюквой, ежевикой, земляникой... А в речке обилие рыбы, а в лесу – грибов. Это и было настоящее сельское приволье. До сих пор в деревне жив *Гирыш-пруд*, вырытый дедом писателя и носящий его имя.

Запомнились мальчику деревенские праздники, особенно *Гыронбыдтон*, когда односельчане собирались вместе, надевали самую новую красивую одежду. «Эта красота, – вспоминает Егор Егорович, – влияла на меня, но особенно – природа. Я знал название каждого дерева, птицы, зверя; белки, зайцы, ежи, лисы, волки населяли наш лес. Кстати, ни разу на моей памяти не было случая, чтобы волки нападали на людей, хотя в зимнюю стужу, голодные, они подходили к деревне. А сейчас нет ни того леса, ни птиц, ни зверей, его населявших. Все вырублено, хотя недалеко от *Кутоншура* и создан госзаказник».

Многочленная семья Загребиных (семеро детей: шесть мальчиков, одна девочка) жила в родовом доме, построенном дедом Корнилом Григорьевичем, главой большого семейства. В доме было много цветов (фикусы, пальмы), но особенно герани, которая, по народным поверьям, отводит от людей беду, приносит здоровье. Жили безбедно, держали пчел. Это семейное занятие перешло и к Егору Егоровичу: пчелы – его третья муза, любовь к ним – на всю жизнь; это заставляет его всегда быть на природе. Вот откуда истоки и сюжеты его вдохновения для создания книг, рассказов «*Нюлэс куараос*» («Лесные голоса», 1971), «*Палэзь зускиос*» («Гроздь рябины», 1978), «*Тулыв зор*» («Весенний дождь», 1997).

18 февраля 1938 года в жизни семьи все изменилось. Мир перестал быть прекрасным и доброжелательным: отца, Его-

ра Корниловича Загребина, «за антиколхозную пропаганду» арестовали, сначала держали в заключении, затем выслали на отбывание трудовой повинности. Многодетную семью из большого, в восемь окон, ухоженного, утопающего в цветах дома выселили... в баню. Так началась для сестры Маши и шестерых ее братьев – Семёна, Степана, Аркадия, Вячеслава, Николая, Егора (Егор был последним из мальчиков), а также для их матери полоса тяжелых испытаний, полуголодной жизни.

У Семена рано пробудился литературный талант. Он хорошо владел русским языком, писал заметки, корреспонденции в «Удмуртскую правду». Вячеслав служил в армии, был свидетелем Венгерских событий 1956 года; вернувшись на родину, окончил юридический факультет Саратовского университета, работал прокурором. Сестре Марии получить образование не удалось. Брат Степан всю жизнь проработал на заводе «Ижмаш», а Николай окончил Московский строительный институт.

История отца семейства Егора Корниловича Загребина – сюжет для эпического произведения. Это была яркая, незаурядная личность, он отличался от односельчан многим: был достаточно образован (окончил семь классов), трудолюбив, обладал большой физической силой. Слушая рассказ сына об отце Егоре Корниловиче, находила в его биографии, в его злоключениях немало общего с моим отцом. Они – сверстники, оба из благополучной семьи, оказались в водовороте гражданской войны, воевали до конца, правда, по разную сторону баррикад: мой отец – с Чапаевым, отец Егора Егоровича попал по недоразумению после Ижевского мятежа в армию Колчака, прошел всю Сибирь, оказался в Харбине, затем в Шанхае, где работал докером. На предложение уехать в Америку, как это сделали многие его однополчане, ответил отказом – Китай ближе к родине, чем Америка (в одном из городов США до сих пор хранятся в музее исторические документы о Воткинской дивизии, одной из Ижевских дивизий).

Мой отец тоже побывал на чужбине – в Австро-Венгрии, в плену. Вернулся в родную станицу в 1922 году, а Егор Корнило-

вич – в 1924-м. Далее судьба складывалась так, что люди умные, мыслящие, с достоинством, умеющие постоять за себя, вызывали подозрение. Обоих репрессировали. Мой отец отбывал срок наказания в лагере, где и погиб вместе с братом, Егор Корнилович через восемь лет, в 1946 году, вернулся домой, дожил лишь до 53 лет, а мать, страдалница, – до семидесяти трех. Она пережила войну, проводила сына Аркадия, затем Семёна на фронт. Аркадий был шофером и танкистом, сначала воевал в штрафбатальоне (за продажу колхозного керосина осужден на 12 лет), был ранен, дошел до Берлина. Когда он «кровью смыл» свое преступление, отца перевели на завод в Ижевск, вернули дом. Брат Семён успел побывать на войне с японцами (1945).

В памяти Егора Егоровича навсегда запечатлелось воскресенье 22 июня 1941 года. Колхозники проводили праздник на пашке. Казалось, ничто не предвещало беды. Помнит прощание с уходящими на фронт односельчанами: звуки гармоники, песни парней, плач женщин. Эти картины неоднократно воспроизводятся в его пьесах, рассказах.

По мнению Е. Е. Загребина, пребывание советских солдат-освободителей в Европе оказало такое же воздействие на их сознание, как и на русских воинов 1812–1814 годов. Они увидели другую цивилизацию, другой сельский культурный быт: ухоженные дома и поля, где нет камней и сорняков, другой облик крестьянина, несмотря на войну. Вернувшись домой с орденами и медалями, солдаты и офицеры стали покидать колхозы – уходили в город, на завод. Это было началом тех процессов, которые в конечном итоге привели к разрушению колхозов. Однако этот «исход» из деревень не был повсеместным: многие колхозы с возвращением фронтовиков поднялись, ожили, стали развиваться.

Для Е. Загребина наступила пора учебы. И детство, и годы юности запечатлелись яркими эпизодами в памяти будущего литератора. Для писателя в окружающей жизни нет мелочей: нет эпизодов, фактов, встреч, конфликтов, которые не сыграли бы роль катализаторов – память создает своеобразную копилку,

из которой прозаик и драматург черпает всю жизнь драгоценные дары. Не случайно Л. Н. Толстой, А. М. Горький, Ф. В. Гладков – авторы автобиографических трилогий, тетралогий – огромное значение придавали умению воспроизвести эпохи детства, юности, отрочества.

Школа была в пяти километрах от родной деревни, в Соновке. Приходилось ходить пешком в зимнюю стужу, весной – в распутицу, осенью – в дождь. Нередко попадались на снегу волчьи следы, слышался вой... Когда подросли, брали с собой ружье. Но природа, особенно весной, завораживала. С 1946–1947 годов началась посадка лесополос, по заданию учителей дети собирали сосновые шишки, выращивали саженцы. Хотелось рассказывать обо всем, выплеснуть свои впечатления на бумагу сначала в школьных сочинениях, а затем в заметках в газету.

Пионерской газеты «*Дась лу!*» («Будь готов!») еще не было. «Однажды приехал к нам в деревню Степан Павлович Ширококов, – вспоминал Егор Егорович, – подошел ко мне и сказал: «Пойди, солнышко! Напиши о своих ребятах». Он являлся в то время корреспондентом газеты «*Советской Удмуртия*». Это был первый живой писатель, с которым я встретился». Пришлось посылать заметки в «Советскую Удмуртию». И вот однажды произошло чудо: из редакции этой газеты пришел гонорар – 3 рубля. «Моему удивлению и счастью, – рассказывал Егор Егорович, – не было предела. Я купил самые дешевые конфеты «дунькина радость». Пришел домой. Мама не поверила, что гостинец куплен на честно заработанные деньги. Пришлось долго убеждать».

А далее на пути начинающего прозаика (в год писал по три-четыре заметки в газету) встретились журналист, редактор, переводчик Василий Григорьевич Ширококов (1919–1993) и суровый, сдержанный на похвалу критик Михаил Вячеславович Горбушин (1914–1988). Позже, когда вышла первая книга рассказов Загребина «*Нюлэс куараос*» («Лесные голоса»), М. В. Горбушин напишет, что таких рассказов о природе в удмуртской литературе еще не было. Редактировал первую книгу Е. Загребина В. Г. Ширококов, автор четырех книг очерков и рассказов, пре-

красный стилист, тонкий знаток удмуртского языка, «маленькие» рассказы которого о природе написаны в жанре стихотворений в прозе («*Ошмес жилььыртэ ваньмызлы*» – «Родник звенит всем», 1980 и др.). «К сожалению, – говорил Егор Егорович, – современные молодые прозаики не пишут языком В. Г. Широбоква. Потерян свой стиль, допускаем кальки. Заметно влияние на нас европейских и русского языков. Теряем истоки. Может быть, это является причиной того, что не можем создать истинно народный национальный характер, как *Лопшо Педунь*. В русской литературе есть дед Шукарь («Поднятая целина» М. Шолохова), а наш *Лопшо Педунь* живет только в народных рассказах».

Первая моя встреча с Егором Егоровичем произошла в Удмуртском театре зимой 1961 года, на спектакле по пьесе Александра Штейна «Океан». Загребин играл роль морского офицера Ромашова, играл колоритно, выразительно, уверенно, спектакль шел на русском языке, вызвал большой интерес у зрителей – театр трактовал пьесу как психологическую драму. Филологический факультет педагогического института организовал коллективное посещение театра. Мне довелось вести зрительскую конференцию, выступавшие особенно выделили работу Егора Загребина. «Удмуртская правда» широко осветила ход конференции, высказывания студентов, преподавателей УГПИ. С той поры четыре десятилетия слежу за творческой работой актера Удмуртского национального театра, зав. его литературной частью, руководителя секции драматургов, прозаика, драматурга, режиссера республиканского телевидения Е. Е. Загребина. Будучи сначала членом правления СП УАССР, а затем председателем правления СП УР, он немало сил отдает укреплению и пополнению писательских рядов. Доброжелательный, общительный, остроумный, внимательный к собеседнику, он всегда в центре внимания. Его публичные выступления заинтересованно воспринимает любая аудитория: талант актера помогает Егору Егоровичу донести художественное слово до слушателей и читателей. Е. Е. Загребин пользуется заслуженным авторитетом в среде творческой интеллигенции республики. Привожу

запись из своего дневника середины 1970-х годов: «Е. Е. Загребин – рослый, статный, с пышной шевелюрой, с доброжелательной улыбкой, пластичными движениями, с походкой бывалого моряка – это на сцене, на улице производит впечатление красивого, неумемного в своей молодой силе человека. Это не только от актерского мастерства, а от внешней и внутренней сущности его. От кого это? Позже узнала – от отца – видного, крупного (метр девяносто ростом) человека с трагической судьбой».

Рассказы Е. Е. Загребина, переведенные талантливым прозаиком В. А. Болтышевым, достоверно рисуют современную деревенскую действительность, по которой жестоко проехало колесо истории. Если оно до конца не разрушило родное гнездовье, то только потому, что живы еще старики, хранители народных устоев, вроде деда Оле, а разрушение коснулось душ молодых людей, убило в них чувство привязанности к родному дому. Таковы сыновья деда Оле – Митрей и Серга, с их подругами их связывает «безлюбая любовь». Отец же – уважаемый в деревне человек – кузнец, годами творит задорную «музыку»: «... дин-дин-дин. Ни дать, ни взять – плясовая, на гусях». С обидой и горечью обращаясь к сыновьям-шабашникам, старый кузнец спрашивает: «А где дом? Дом где ваш, кукушки?» При живом отце сыновья оказываются без рода и племени. У старика остается последняя надежда на дочь Марину и ее мужа Санко. «Немногословный Санко, – пишет автор, – как-то очень к месту сидел на лавке, поглядывая добрыми глазами на тестя и жену». Таким, как Санко, в будущем и предстоит обустраивать удмуртскую деревню.

Достаточно прочесть рассказ Е. Е. Загребина «Белый зайчик», как обнаружим переключку с рассказами М. М. Пришвина. Язык книг Пришвина К. Г. Паустовский назвал «полным свежести и света». Что-то похожее есть и в языке рассказов-миниатюр о природе Е. Загребина: «И вот тут-то я увидел своего зайца. Белый заяц! С длинными ушами! Он будто выкатился на снег прямо передо мной. Присел возле пня – обрадовался: забарабанил передними лапками. Оглянулся. Подкрался к нашей калитке, прислушался. И, радостный, вскачь воротился к стожку. И он за-

барабанил: туп-туп-туп! Сколько же я ждал, как долго мечтал о нем!» И вот эту-то мечту сам и загубил. Заканчивается рассказ горькими словами: «Может быть, ее, мечты, убитой в детстве, мне так не хватает сегодня». Этот пронзительный по эмоциональному напряжению рассказ написан на одном дыхании. Герой его белый заяц – образ-символ, украшение природы, воплощение ее чистоты и гармонии, безобидный ее обитатель, беззащитный перед миром. В рассказе авторское предостережение: не убивать, беречь свой идеал, своего «белого зайчика». По Пришвину, человек «вырастает» из природы, формируется в ее поэтическом и предметном, и живом мире, он – самая ценная ее часть, и природа охраняет от бед, а посему человек призван беречь свое жизненное и духовное пристанище.

Как-то Егор Егорович сказал: «Литература не может быть бессердечной, доброта делает человека богаче, возвышает его. Надо быть больше на природе, то и будем больше знать о светлом начале и в людях, и в обществе». По мере возможности он следует собственной заповеди, эта важная идея воплощается в повести и в рассказах, составивших книгу *«Секыт аджон»* («Горькая судьбина», 1992), в которой раскрываются драматические обстоятельства жизни главной героини, оставшейся солдаткой.

Прежде чем стать студентом Ленинградского театрального института им. А. Н. Островского, будущему писателю пришлось сделать непростой выбор. Председатель колхоза И. М. Загребин советовал: «Иди, Егор, учиться в сельхозшколе, будешь бригадиром». «А мне, – смеется Егор Егорович, – хотелось стать председателем. Если серьезно, то передо мной встал вопрос: что делать – документы об окончании школы я получил, а паспорт не дали. Где бы я ни учился, должен вернуться в колхоз. Я с детства любил музыку, научился играть на гармошке. Решил пойти в музыкальное училище. Проверили слух – определили на вокальное отделение. Полгода прилежно учился, но, увидев спектакль «Азин», заболел театром. Приняли статистом, а через некоторое время получил рекомендацию в театральный институт».

Однажды Евгения Константиновна Лепковская, руководитель удмуртской группы Ленинградского театрального института, предложила:

– Нет ли, Егор, желания написать пьесу? – Это было уже перед выпуском.

– Желание есть, а умения, знаний не хватает.

– Думай, берись, я тебе помогу.

Е. К. Лепковская в книге «Экзамен каждый день. Запись театрального педагога» (книга вышла в издательстве «Удмуртия» в 1978 году с посвящением «Ученикам моим – моим учителям») вспоминает: «Я все же попросила студента Загребина познакомиться со своими черновыми набросками. Они именно такими и оказались. Но я усмотрела в них «рациональное зерно». И посоветовала Егору не бросать свое начинание... Загребин, естественно, решил продолжать работу. Полностью закончить пьесу не удалось, так как дипломный год загружен большим количеством экзаменов. Но все-таки Егор Загребин завершил большую часть, и удмуртская пьеса зазвучала в Ленинградском театральном институте. Работала я над спектаклем совместно с В. Я. Перевощиковым, бывшим в то время в ассистентуре нашего института... Эскиз пьесы «*Тулыс зор*» («Весенний дождь») был рождением нового национального драматурга (курсив наш, З. Б.) и удачным дебютом Валентины Загуляевой в главной роли. Работа по качеству была признана дипломной».

Егор Егорович прошел большую теоретическую и практическую подготовку драматурга и актера в одном из ведущих театральных институтов страны, где главным направлением в изучении драматургии, сценического, актерского искусства было овладение традициями Щепкина и Островского. Одновременно с ним школу актерского мастерства осваивали и будущие звезды национального театра: Н. П. Бакишева, Б. А. Безумов, В. А. Садаева, Л. Г. Романов, А. А. Блинов и др. Мне довелось встретиться с Е. К. Лепковской на премьере спектакля А. Блинова «*Мултан уж*» («Мултанское дело»). Она искренне гордилась успехами своих бывших воспитанников.

После окончания института Е. Е. Загребин вернулся в родной театр актером и начинающим драматургом. Завершенная им первая пьеса «Весенний дождь» поставлена в театре в 1961 году. Герман Корепанов написал к ней музыку на стихи А. Вотякова. После «Аннок» И. Гаврилова это было второе драматическое произведение послевоенного времени о женских судьбах, действие которого происходит в иную историческую эпоху. В. Я. Перевощиков, художник Г. Е. Векшин поставили спектакль, который был тепло принят зрителями и критикой.

Для молодого драматурга началась полоса поисков, сомнений, удач и разочарований. В 1967 году была написана драма «Тодды юсь» («Лебедь белая») о сельской девушке с неблагоприятной судьбой. В драме ощутима сюжетная переключка с произведениями В. Распутина, творчеством которого в то время увлекся Загребин. Затем создана пьеса «Ошмес» (на русском языке – «Тайна красных ягод»). А пьесу «Моя единственная», поставленную В. Я. Перевощиковым, сам Егор Егорович считает переломной. Сюжет ее близок к сюжету повести В. Распутина «Прощание с Матерой». В спектакле играли прекрасные актрисы: Бакишева, Владыкина, Садаева. Это история о горьких судьбах женщин-солдаток, вдов. В спектакле звучат их песни, полные сердечной муки.

Работая на телестудии, Егор Егорович часто выезжал в районы, видел, как уходила в прошлое жизнь удмуртской деревни. Горько было наблюдать разрушение деревни *Тукмачи*, где родилась Герой Советского Союза Феодора Пушина. «На моих глазах рвалась крестьянская пуповина, связанная с землей», – говорил драматург. Когда в 1965 году появился в печати роман Г. Красильникова «Начало года» (на удмуртском языке), Егор Егорович сделал его инсценировку. На сцене ожили герои романа: Соснов, Световидов, Матвеев, Фаина. Это были современники зрителей. Мне довелось присутствовать на премьере спектакля и видеть, как зал, затаив дыхание, следил за разворачивающимся конфликтом, за тем, как побеждало зло (смерть Соснова), как в конечном итоге моральная победа осталась за ушедшим из жизни старым хирургом.

Но, по словам Егора Егоровича, зрителю нужны были не только трагедии и драмы, он ждал и комедию с музыкой и танцами. Так в 1982 году появился водевиль «Насъток но Исъток» («Настя и Степан»). Успех спектакля (в главных ролях – Вероника Садаева и Борис Безумов) был ошеломляющим. Спектакль играли 300 раз. Не было ни одного района республики, где бы не просили показать во время гастролей театра этот искрометный водевиль, в котором главное – внутренняя и внешняя красота женщины и ее светлая любовь. Так на удмуртской сцене появился новый национальный комедийный жанр.

Поставил спектакль Л. Г. Романов. Об исполнительском мастерстве В. Садаевой и Б. Безумова известный искусствовед В. В. Ложкин в книге «Мастера удмуртского театра» (1991 г.) писал: «Лишь безукоризненная их игра помогла в известной мере поверить в ту весьма условную ситуацию, в которую по воле драматурга попадают герои спектакля». Но желающих посмотреть спектакль было так много, что дирекции театра пришлось арендовать большой зал дворца «Ижмаш» (1200 мест). За билетами выстраивались очереди через всю улицу Горького. Об этом спектакле писала в «Удмуртской правде» (1986, 8 марта) талантливая театральная критик Т. И. Ардашева. И сегодня комедия «Настя и Степан» остается популярной у читателей и зрителей.

За Е. Е. Загребиним закрепилось имя талантливого драматурга, которому подвластны жанры драмы и комедии. Не менее шумным успехом пользовалась и новая его комедия «Не бросай меня, милый». Переведенная на русский язык В. Гуркиным, автором известной пьесы «Любовь и голуби», комедия «Не бросай меня, милый» была принята к постановке в Ставрополе, Чебоксарах. Это комедия о любви, верности и предательстве, о чувстве долга и нравственной ответственности.

В 1969 году Е. Е. Загребин был участником V Всесоюзного совещания молодых писателей. Познакомился с популярным драматургом А. Вампиловым, юкагирским писателем С. Куриловым, слушал выступление В. Распутина. На семинаре обсуждали пьесу Е. Е. Загребина «Портрет» – о «барже смерти» (в переводе А. Клабукова). «Я глубоко изучил трагическую историю «бар-

жи смерти», – говорил Егор Егорович. – В это время была опубликована повесть С. А. Самсонова «Над Камой гремит гроза». Не повторяя фактов, изложенных в повести, я нашел свой сюжет: белогвардейцы на барже обнаружили портрет В. И. Ленина, написанный художником-узником, они превратили его в мишень для упражнения в стрельбе. Это из записок капитана корабля. Однако А. Салынскому, секретарю правления СП СССР, сюжет пьесы не понравился: «Нельзя стрелять в великого человека!» – заявил он. Однако спектакль «Портрет» был поставлен на удмуртской телестудии В. Е. Ивановым (моим товарищем по институту) и показан по республиканскому телевидению. Спектакль удостоен диплома первой степени».

1960–1970-е годы в творческой жизни Е. Е. Загребина, актера и драматурга, были напряженными. «В театр после гибели М. П. Покчи-Петрова пришел С. Т. Смирнов, – рассказывал Егор Егорович, – он заинтересованно отнесся ко мне как к пишущему пьесы. Я же в это время играл во многих спектаклях: в «Холодном ключе» И. Гаврилова, в «Свадьбе» В. Садовникова, в музыкальных спектаклях «Свадьба в Малиновке», «Черный дракон», «Святая рожа», в спектаклях по пьесам А. Н. Островского «Счастье хорошо, а правда лучше». В это время мной в соавторстве с А. Н. Клубуковым была переведена на удмуртский язык драма А. Н. Островского «Светит, да не греет».

В 1973 году С. Т. Смирнов поставил новую пьесу Е. Е. Загребина «*Мынам яратонэ татын*» («Деревенский роман», соавтор – С. Смирнов). Роли исполняли известные мастера сцены: В. А. Садаева, Г. К. Соловьев, Б. А. Безумов, Н. П. Бакишева, В. Я. Перевощиков и др.

В эти годы у Е. Е. Загребина было много творческих планов. Он признается: «На письменном столе – рукописи неопубликованных прозаических и драматических произведений. Некоторые нуждаются в доработке. Написал несколько детских рассказов. Рассказы «Деталь», «Красная тряпка» посланы в журнал «Дружба народов». Написал цикл рассказов «*Зорись синъёс*» («Лучистые глаза») о людях моей профессии. Герои слеплены с натуры. Это «невыдуманные рассказы» о Борисе Безумо-

ве, Анетте Сидоровой, о моем учителе К. М. Баушеве, известном ученом-филологе, преподавателе Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Он был верующим человеком: рассказывали, что К. М. Баушев смолоду и до конца жизни носил крест. Т. Борисов в 1920-е годы предлагал ему стать удмуртским епископом».

Когда наступила пауза в создании пьес, рассказов, Е. Е. Загребин занялся переводами на удмуртский язык пьес А. Сафронова «Странный доктор», М. Варфоломеева «На распутье» и др. К сожалению, талантливый драматург, автор двухсот рассказов, повестей и романов Михаил Алексеевич Варфоломеев (1948–2001) скончался в расцвете творческих сил. В некрологе правления Союза писателей России о его произведениях говорится: «Он сохранил в них мир своего детства, юности, мир радости и веры в добро» [Роман-журнал XXI в. 2001, № 7]. Эту оценку творчества М. А. Варфоломеева можно отнести и к Е. Е. Загребину. В память о безвременно ушедшем из жизни писателе журнал опубликовал его автобиографическую повесть «По путям моей юности».

Стремился Е. Загребин рассказать и о другом замечательном писателе-современнике: «Несколько лет вынашиваю сюжет рассказа о Г. Д. Красильникове. К его 75-летию завершу работу над ним. Тема – писатель и власть, как власть способствовала... гибели таланта. Об этом писал и А. Н. Клабуков».

Создал Е. Загребин рассказ и об актрисе Анне Григорьевне Колесниковой (1916–1947) «Любовь – моя ревность». В справочнике «Писатели Удмуртии» о ней есть такие сведения: «В 1932 году после завершения учебы в школе была приглашена в коллектив Удмуртского драматического театра. На сцене этого театра с большим мастерством играла в спектаклях по пьесам И. Гаврилова, М. Петрова, В. Садовникова, а также отечественных русских и зарубежных драматургов – Н. Гоголя, А. Островского, М. Горького, К. Гольдони и др. В 1940 году А. Колесниковой присвоено почетное звание «Заслуженная артистка Удмуртской АССР». А Колесникова – автор единственной автобиографической повести «*Мон шудо*» («Я счастлива»), изданной посмертно в 1963 году».

В 1992 году в творческой жизни Е. Е. Загребина произошли коренные изменения. Он ушел с должности заведующего литературной частью Удмуртского национального театра, поскольку был назначен главным редактором журнала «*Инвожо*», у истоков которого стоял талантливый прозаик и драматург Никвлад Самсонов.

В мае 1993 года в Москве, в Союзе писателей России, на секретариате состоялось обсуждение журнала «*Инвожо*» (участвовали С. А. Самсонов, Никвлад Самсонов, Е. Е. Загребин). Удмуртский журнал «*Инвожо*» и по содержанию, и по оформлению признан лучшим молодежным журналом России. Как редактора журнала, Егора Егоровича волновал художественный уровень публикуемых произведений. По этому поводу он говорил, что удмуртская молодая литература теряет семантическую значимость слова, язык засоряется «мнимыми» неологизмами, иностранной лексикой. Но этот недостаток не присущ творчеству молодых, особенно талантливых поэтов – М. Федотова, С. Матвеева. У Матвеева «сильное» слово, он умеет выбирать слова-акценты, которые несут максимум смысловой нагрузки. В этом отношении он сильнее В. Романова. По словам Загребина, С. Матвеев близок Н. Гумилеву не только умением ставить слово в нужный поэтический ряд, главное – глубиной мыслей, тайной, которая скрыта за внешней незначительностью. По убеждениям Е. Е. Загребина, из молодых именно С. В. Матвеев не утратит «свою песню».

На XV съезде писателей Удмуртии Е. Е. Загребин был избран председателем правления СП УР и соответственно – секретарем СП России, вошел в состав высшего творческого совета писателей РФ, руководимого С. В. Михалковым.

1990-е годы ознаменовались появлением в удмуртской драматургии нового жанра – трагедии. В национальном театре в 1992 году поставлена эпическая трагедия в двух частях «*Эбга*» П. М. Захарова, в 1997 году – трагедия «*Эш-Тэрек*» Е. Е. Загребина, в 1998 году – его же трагедия «*Кукушка все кукует...*», посвященная столетию со дня рождения Кузебая Герда.

Опытный актер, драматург Е. Е. Загребин и молодой поэт П. М. Захаров каждый по-своему почувствовали, что в национальном сознании народа происходят перемены, связанные со стремлением к самоидентификации: писатели обратились к далекой истории, когда в XII–XIII веках («Эбга») обострились межплеменные отношения удмуртов из-за приоритета власти одного рода над другим; а когда удмурты, объединившись, обрели представление о себе как о народе («Эш-Тэрек»), имеющем право самим решать свою судьбу, они не смогли терпеть посягательств на свою территорию, а значит – и на свободу.

Е. Е. Загребин стремился создать историческую трагедию на основе известных в фольклоре и литературе сюжетов, сосредоточил внимание не столько на судьбе главных героев (*Эш-Тэрека* и *Алсу*), сколько на судьбах народов – удмуртов и болгар, живших по соседству и длительное время враждовавших из-за территориальных притязаний.

Трактовка образа молодого *Эш-Тэрека* совпадает с тем, что говорится о нем не в трагедии Кедр Митрея, а в сказке-легенде: «*Эш-Тэрек* рос крепким и сильным, сообразительным и добрым парнем. Хоть был он ловким и бесстрашным, но по боищ не любил». В трагедии Е. Е. Загребина *Эш-Тэрек* не только силен и храбр, он личность думающая; тяжело переживает отсутствие единомыслия у своего племени, сокрушаясь, вопрошает: «Где же наши вожди? Куда они нас ведут?» Загребин в самый разгар «перестройки» поднял актуальную проблему «власть и народ», «вождь и народ».

Начиная с 1993 года, когда исполнилось 95 лет Кузебаю Герду, его судьба, трагедия личности поэта и ученого глубоко волновала Е. Е. Загребина. В преддверии столетия со дня рождения Кузебая Герда Министерство культуры, Союз писателей УР объявили конкурс на лучшую пьесу о поэте. Поступило более десяти разных по жанру пьес. Предпочтение жюри отдало трагедии Е. Е. Загребина (на удмуртском языке) «Кукушка все кукует». Спектакль, поставленный режиссером А. Вершининым, вызвал неподдельный интерес зрителей, а также удмуртской и москов-

ской критики. Спектакль и пьеса были оценены неоднозначно, о чем свидетельствовали рецензии А. С. Зуевой, А. Г. Шкляева («Удмуртская правда», «Удмурт дунне»). Необъективную оценку спектаклю дали критики из ВТО (Москва). Многих смутило оформление спектакля с уклоном в символику, смещение временных акцентов. Развернулась полемика вокруг характера взаимоотношений Кузубая Герда и П. А. Флоренского, которых судьба свела в Соловецком лагере. Роль Кузубая Герда исполнял известный актер, композитор, бард Г. Бекманов; он был удостоен приза за лучшую мужскую роль.

Трагедия Е. Е. Загребина в национальной и российской драматургии открыла нового героя, причем героя истории не только трагических 1930-х годов, не только как жертву политических обстоятельств, но и героя на все времена – прошедшие и будущие. В образе Кузубая Герда сосредоточены типические черты финно-угорской европейской интеллигенции. Произошло открытие героя, соединившего народное (фольклорное) и культурное, цивилизационное начало в российском и европейском масштабе. Именно таким при жизни был Кузубай Герд.

Я сохранила воспоминания о важных событиях культурной жизни республики, в которых мы вместе с Егором Егоровичем Загребиным принимали участие. Это открытие в 1995 году памятника погибшему в ГУЛАГе писателю М. А. Коновалову в его родной деревне *Акаршур*; участие в торжествах в Можге по случаю 90-летия писателя, посещение деревни *Новая Бия*, где родился народный писатель Удмуртии Т. А. Архипов; поездки в *Малую Пургу* по случаю юбилейных и памятных дат, связанных с именем народного писателя УАССР С. А. Самсонова; поездка в Москву на Пленум писателей России, участие в работе Всемирного народного Русского Собора (VI, VII, 2001–2002 гг.).

Это только малая часть тех значимых литературных событий, в которых в последние годы принимал участие наш замечательный современник – известный драматург, лауреат Государственной премии УР, заслуженный работник культуры России, заслуженный деятель искусств УР, председатель правления Союза писателей Удмуртии Егор Егорович Загребин.

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ
УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Загребину Егору Егоровичу

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
Удмуртской Республики**

426034, г. Ижевск, Удмуртская, 264

АРХИВНАЯ СПРАВКА

26.06.2002 № 3-1653

В документах архивного фонда исполкома Якшур-Бодьинского райсовета имеется личное дело Загребина Егора Корниловича, где в выписке из протокола президиума Кутоншурского сельского Совета от 28 мая 1933г. значится: "Слушали: Загребина Егора Корниловича, 1892 года рождения, членов семьи – 7 человек, активный белогвардеец с 1919 года. В 1924 году вернулся из Китая из белой эмиграции, имел аренду земли до 4 га с 1927 года. В настоящее время работает в П.Т.Ф. (так в документе). Хозяйство зажиточное. Постановили: Загребина Егора Корниловича снять из ПТФ (так в документе), исключить из колхоза со всем семейством и обложить твердым заданием".

В выписке из протокола № 19 заседания президиума Якшур - Бодьинского еросиспокома от 3-5 сентября 1933г. значится: "Слушали: Ходатайство гр-на д.Кутоншур Загребина Егора Корниловича о восстановлении в группу середняков. Введен в группу зажиточных по признакам: аренда земли до 4 га, участник белой армии с 1919г. по 1924г., наем рабочей силы в сельском хозяйстве. Хозяйство экономически мощное. Постановили: Решение сельсовета от 28 мая 1933г. утвердить, в ходатайстве отказать".

В описи имущества Загребина Егора Корниловича от 3 июня 1933 года значится: "Изба – 1, амбар – 1, конюшня – 1, ворота – 1, корова –1, теленок –1, овечка – 1, ягнят – 4..." и т.д., всего 30 наименований, в том числе посуда, одежда, мебель. "Итого на сумму 2421р. 50 коп."

Основание: Ф. Р-359, оп. 2, д. 216, лл. 4, 6, 8.

Документов, содержащих сведения о раскулачивании, составе семьи и конфискации имущества Загребина Егора Корниловича в архивных фондах Якшур-Бодьинского райисполкома, Облисполкома ВАО (УАО) и ЦИК УАССР не обнаружено.

Директор

Гл.специалист

Н.Г.Пушкарева

Т.М.Василькив

На фото: выписка из личного дела Е. К. Загребина, выданная в июле 2002 г. Центральным госархивом УР по запросу Е. Е. Загребина

А. З. Диева, Т. И. Зайцева
«УЛОН ПИТЫРАНЛЭСЬ БЕРГАМЗЭ
КЫДЁКЫСЕН ВАЛАЗ, ШӨДЙЗ...»

Разговор о мастере

А. Д. Татьяна Ивановна, Егор Егорович сярый вераськыны кутскимы бере, юаме потэ, нырысь ик, кычөөн со син азяды пуксе?

Т. З. Горд, яркыт, пиштись! Шудыса верамын. Шонерзэ ке, Егор Загребин нимез кылыку, нырысь ик тодэ лыктэ но син азе пуксе юн, кышкасьтэм, зэмлыкез шара вераны но, малпаськыны быгатись, удмурт литература, культура, искусство понна сюлмысьтыз тыршись адями.

А. Д. Бадзым пуш лулыныз но, мугорыныз но, оглом вераса, озы ведь, Татьяна Ивановна?

Т. З. Озы, котьма ласянь со кужмо вал: мур пушдунне-ез но мур визьмыз, котьма борды куалектытэк но көбератэк басьтиськыны дйсьтись адями. Мон сое тодам вайыны кутскисько ке, озы ик Семён Самсоновез но мукетъёссэ улонысь кошкем гождяськисьёсмес, чёмысь ас азиям юан пуктисько, неужто вань литератураысь вань чеберзэ тй сьорады нуиды, ваньзэ, мар вал умоез; луоз на-а азьвыл кадь литературамы? Оло, уз но луы ни... Соос война аръёсы вордскемын-будэмын, соослэн мукет шөдонзы, улонэз дунъямзы, мертэтъёссы, литературае но соослэн мукет сюрессы вал. «Егор Егорович, Тй асьтэос но “инсьөр катъёслы, Инмарлы оскисько” шуиськоды вал ук, юрттэ сопал дуннеысен удмурт литературалэсь сабырлы, юн-юн шокамзэ улзытыны. Йыг-йыг вামышъяны мед быгатоз со азыланыз но», – озы вераськыса-куриськыса кадь ас поннам куд-ог дыръя ветлйсько мон.

А. Д. Татьяна Ивановна, маин меда герзаськемын та Егор Егоровичлэн сыче адямилыко луэмез? Мон малпасько, солэн пичи дырыз шудыса-сережьяса будон вакытёсыз война аръёсы тупаз. Курадзиз, сютэм улонэз адзано луиз. Со өз чигиськы, кыдаз. Озы тйни адямиез валан, отын ик жалян мылкыдыз но юнмаз. Ваньмыз со Е. Загребинлэн гождяськоназ но пычамын.

Т. З. Озы. Тй туж шонер верады. Татчы номыр пыртыны, будэтыны.

А. Д. Татьяна Ивановна, Тй Россиысь гожъяськисьёслэн огазеяськонзылэн ёзчиез луиськоды, литературовед но Тй. Ма верасалды Егор Загребинлэн гожъяськисьёслэн огазеяськонэнызы герзаськем ужпумъёсыз сярысь, кычэен тодады лыктэ?

Т. З. Мон соин артэ ой ужа, одйг ар правлениын вал ик, соку куд-ог пумиськонъёсы чёш ветлэмъёсмы вань, Зоя Алексеевна Богомолова но куддыр съобраз өте вал. Со вакытэ милям факультетамы «Вуюись» нимо литературной студимы ужаз (али со но куашкамын ини). Егор Егорович милям матысь эшмы вал. Семинаръёс, котырес жёкъёс ортчытъяллымы. Чем гинэ вуылз со студиямы пöртэм пумиськонъёсы. Кычэен тодам вайисько?.. Со огдыре ик куаретыны но, буйгатыны но быгатэ вал, мечак – чик китыр-котыр ветлытэк. Али кадь ик тодйсько на, йöттйз ке йöттйз со мыным «Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек» монографийсьтым куд-ог люкетъёсыз пумысен. Оло мон соку ваньзэ ой но вала, ма сярысь со вераз, али малпасько: кычэ Тй шонер выльллямды, Егор Егорович. Монографилэн аслаз куронъёсыз, уго. Та сяна, мынам со докторской диссертацие вал. Зэмзэ ке верано, докторской диссертациез утён понна, монография поттэмын луыны кулэ... Куддыръя композицизэ но ужедлэсь пуктйськод докторской диссертацилэн куронъёсызлы мед тупалоз шуыса. Но мар паймонзэ, сое Егор Егорович соку ик адзиз, «нёрраз» ке «нёрраз» ини. Ачиз ик бöрысь лыктйз но шуэ, та книгадэ, пе, Государственной премилы поттоно. Мон тачелы чик но дась öвöл, нош йöттйз. Гизь пушкы, пе, йырде ватйськод. Тйни сычэ со вал, огласянь «жезез», куаретоз, мукет ласянь лйятоз, буйгатоз, жутоз. Со кадь адямиос улонын, сюрес вылын туж шер пумисько. «Загребин» вакытёсы писательёс олокычэ но уждрадёс ортчытъяло вал ук. Ми одйг пол Вавоже, Герд лыдзиськонъёсы ветлймы. Выль культура юртазы, туж бадзым залын, маке мында калык люкаськемын. Трос огазеяськем калыкез возыны ведь быгатыны кулэ. Сычэ дыръя мон куалекъяны öдъясько. Актёр луэмез-а

мар-а солы юрттйз, быдэс залэз кутйз, кырмиз, возиз. Нырысь ик вераны кутскиз Герд сярись, собере маин туннэ Герд дуно; мае гинэ уг вера, котькуд кылыз адямилэн сюлмаз пыре кадь, котькудйзлэн синмаз учке кадь. Конешно, калык солы туж зол чабиз, соку мон шораз вожъяськыса но, паймыса но, шумпотыса но учки вал, кыче быгатэ со адямиосын, бадзым залэн вераськыны шуыса.

А. Д. Кыче сямзэ тужгес но выль дунъяськоды?

Т. З. Кышкасьтэм, шара луэмзэ. Пыриьскыса, чеберьяськыса уг улы, выль кузёос доры но аслэсьтыз малпанзэ котыръятэк, пöяськытэк шонерак вераны, вуттыны быгатэ вал. Ас мылкыдзэ радъяса вераны быгатон – ваньмызлы уг сөтйськы. Сюлэм шöдэ, – озыы кароно, тазыы верано вал – но отчы мылкыд (эмоция) пыриьске но, радыз «сöриьске». Егор Егорович быгатэ вал ас малпанзэ бадзым адямиос доры кулэезъя, радъяса вуттыны.

А. Д. Берзэ-азьзэ чакласа уг улы вал, лэся; асэныз мар луоз ай азьланяз шуыса?

Т. З. Мон малпасько, со уг кышка вал. Загребин туж ик öз шугъяськылы – мар монэн карозы, быдтозы-а, ужысь куштозы-а... Со яратэ литератураез, солы дуно ас калыкез, солэн нырысь ик сюлэмшугъяськонэз – одно йыгаськоно, вуттоно кивалтйсьёс доры созэ я тазэ мылкыдзэ, куронэз. Е. Загребинэз мон пыртйсько сычеосыз писательёс пöлы, кин ачиз сярись уг малпаськы, ачиз понна уг выры, литература но культура понна, ас кунэз понна тырше. Собере, выль кивалтйсьёс но адямиос ук. Визьмоез но шараез адями ик соослы но пумен матын луыны öдъя, сое кылыны кутско.

Ми соин Завьяловое но огаз пумиськонэ чöш ветлйм. Отын со вазиськиз чиновникъёслы. Юзыр-кезьыр ик луиськиз вал, одно ик татын-а такем лэчыт вераськон жүтоно вал шуыса. Нош Егор Егорович со дыре иккузёосты ушъяны но быгатйз, соослэсь зечсэс но адзиз, чöш, огинэ кариськыса ужаны но öтиз. Со öз чеберьяськы, öз пыриьскы, огшоры сюлмаськонъёссэ, тыршонъёс-

сэ усьтйз калык азын. Трос пол гинэ мынам солэсь сыҕе кыш-касьтэм сямзэ адземе вань.

Вераськонмес азылантыса, ойдолэ тодамы ваёме Егор Егоровичлэсь интервьюоссэ. Куке но «Удмуртская правда» газетын Алексей Геннадьевич Красильниковлэн «Художнику в условиях рынка на помощь государства лучше не надеяться» статьяез печатласькиз вал. Татын со улэгес кариз-а мар-а пöртэм калыкть-ёслэсь литератураоссэс? «Пичи» калыклэн литератураезлэн, пе, ҕуказе нуналыз öвөл. Туж öз яра, куке Алексей Геннадьевич шуэ, мыным, пе, мöзмыт ини удмурт литератураын, мон, пе, англи пиджак дйсай ни. Таҕе дыръя верам потэ: «Удмуртлэсь будэтэм няньзэ сииськоды ук, удмурт музъем вылын улйськоды». Е. Загребинлэн «Размышления в полночь» зуч кылын статьяез потйз. Солы вазиськыса чылкыт, чебер, зол гожтэмын. Та статьяос былэ пыкъяськыса, ми студенттьёсын занятиос ортчыгъяськом, малы ке шуоно, Е. Загребинлэн кылъёсыз малпаськыто. Собрере мукетыз статья. Пётр Захаров но, Алексей Арзамазов но егитэсь на вал соку, оло чик но эскериськытэк «Путь к себе лежит через Европу» статьязэс печатлазы. Егор Егорович та авторъёслы «Путь в Европу начинается с Родины» шуыса вазиськиз. Та статьяын Е. Загребинлэн радызъя, тупен-тупен, огез бöрсый огез, малпантьёсыз жот-жот усьтэмын. Кин лыдзиз но кин лыдзоз та интервьюосты, валалозы, мар сярый асьмеос али вераськиськом. Та интервьюосысь котькудйз кылыз солэн туннэ но азыло кадъ ик жуа на. Газетъёс нош потэмын 2005–2006 аръёсы. Та вераськонэ туннэ нош ик пыриськем, итйськем потэ. Эшшо огпол верало на, Егор Егорович кышкасьтэм, ас мылкыдзэ вераны но, гожтыны но дйсьтйсь адыми вал.

А. Д. Татьяна Ивановна, Егор Загребин – актёр, драматург, прозаик, публицист, кылысь кылэ берыктйсь, кивалтйсь. Кызы малпаськоды, нырысь ик, кин вал со? Кудйз öр солэн улоназ тужгес но бадзым инты басьтэ?

Т. З. Ваньмыз одйг адыми пушкын эшгъяськыса улэ. Актёр луыса ужамзэ мынам адземе öвөл. Нош произведениосыз, публицистикаез, пьесаосыз пумысен мынам статьяосы вань. Тужгес но

выльи мон солэсь литературной портретъёссэ, очеркъёссэ дунъясько. Асэнъыз ёш ужам эшъёсыз но удмурт интеллигенция сярысь со «*Яратонэ тон, вожанэ...*» книгаез лэн кутсконаз ик Загребин вазиське: мон, пе, та ужме ой ке быдэстысал, асме туж-туж пыкылысал. «Оло улоньсь кошкыса но, лякыт дуннеез ой адзысал». Озы пырыны быгаты ай вераськонэ! Нырысь чуръёсыныз ик со кырма но валтэ лыдзисьсэ. Гажаса валтэ.

Пьесаосыз сярысь ке верано, мон тодйсько на «*Насьток но Исьток*» пумысен пыкылськеммес. Ма шуод, драматургынын солэн туж бадзымесь вормонъёсыз. Егор Егорович шуэ: Тй, пе, куаретйськоды, милям произведениосмы лирической комедия жанрен гожтэмын шуыса. Куке но «театрын комедиос сяна номыр өвёл» шуиськем-а мар-а меда, уг тодйськы ни. Аслым но, бен, лирической комедиос ярало. Загребин нош йыраз возе вылэм, кытын мар шуиськод, кызьы-мае дунъяськод. Тазы но верамез вань: «*Исьток но Насьток*» комедиям калык туж трос лыктэ вал, милиционеръёс сылоно луо вал, адямиос медаз донгаське шуыса. Озы ик, пе, гуртъёсын но, гурт клубе пырон дорын, пе, милиция возмаське вал. Егор Егорович эркакъяськыны но быгатэ вал, пичигем компаниосын сое я тае шлач-шлач вераса лэзёз вал. Но со дыре ик, текстъёсыз миськем дйськут кадь чылкытэсь, кырсеz-пожез солэн отын өвёл. Собере «*Насьток но Исьток*» пьесазэ со азыланьтйз, «*Мусое мынам, мусое*» пьеса гожтйз, кытын возматэ 1990-тй аръёсысь улонлэсь кырсь, пож но серем вакытъёссэ. Одыг пол мон солэсь юасько: «Көнъя арес ни бон Насьтоктылы?» Пукиз, пукиз но шуэ: «О-о-о, мон со сярысь ой но малпаськы». Мон шуисько: «Произведениды быре со секытэн шуыса, но көнъя арес меда ини солы? Көнъя аресын көто луэм, бен, геройды?» – «Ой, та Зайцева, оломае но адзоз ук!» – шуиз но чабкиськиз, интыяз ик тэтгиз. Собере ас пушказ выйиз, мур-мур малпаськиз но, «выль пьеса гожтоно вал ай; мукетыныз пьесаен потоно ни вал», – шуиз. – Кыће пьеса пумысен курадже вал меда? Мар меда пушказ пөзе вал?...

А. Д. Аслаз верамезъя мон валай, со малпа вал Инмарен герзаськем пьеса гожтыны.

Т. З. Мон шөдй – яке пьесаез кутскемын ини, яке маиз ке но пушказ вань ни шуыса. Та дыртыса улонэз... пуксьы но юаськы вал солэсь. Куртчы вылэм гырпумдэ, уг луы. Берло гожтэм текстъёсызлэн шокамезья валано кадъ, со мае ке но туж выльйысьсэ дунъяны кутскиз шуыса. Инмарлы матэ өз кариськы меда?..

А. Д. Туж умой шөдонды, Татьяна Ивановна. «Тюрагай» нимо веросаз со умой гожтэ, кызы войнаын ожмаськись атайзэ Ёргилэн анаез муръё пушкы кырзаса өте. Пересьёслэн верамзыя, кинэ ке вазыса, муръёе кеськид ке, со, пе, кылоз, кыдёкын ке но луиз.

Т. З. Мынам песянае, пе, рельса вылэ выдыса верасько вал: «Тон, сьöd вал нуид, тон ик вайы».

А. Д. «Иворез кема ке но ой вал, атаймы улэпкын бертйз, мон оскисько сыче веранъёслы, Инмарлы но оскисько, вот та темалы пьеса гожтоно», – шуыса верамез вань Егор Егоровичлэн.

Т. З. Литературной студиямы одйгаз пумиськонамы кин ке солы юан сётйз. Нырысь, конечно, со тодаз вайиз Ленинградын дышетскемъёссэ, тумошо учыръёссэ. Юанъёс кагаз вылэ гожъяса сётылйзы. Куд-огъёссэ со палэнтыйз, но одйгзэ бырйиз, кельтйз но шара лыдйиз. Отын таچه юан: «Малэсь тужгес но кыш-каськоды та улонаны?» Көнэ ке малпаськиз но, шуиз: «Кытын ке но нюлэскын яке сюрес вылын одйгнам уродмыны».

А. Д. Жаль, озьы ик луиз, дораз өз, пыд вылаз уродмиз, улчаын. Ма, сюрес вылын шуыны луэ. Вазьгес кошкиз со, шуккет луиз солы котьма ласянь, тужгес но уж ласянь.

Т. З. Мыным потэ, солэн сыче шөдонъёсыз мушъёсын герзаськемын. Мынам песятае муш ке вордйз, со воксё мукет аядми вал, нюлэс аядми. Со инкуазьлэсь куре, мушез ке палдйз, отчыотчы мед пуксёз. Кызы куре, озьы ик луэ вал.

А. Д. Бен. Мынам но атае ньыльдон арлэсь кема муш вордйз. Со но быдэсак инкуазь аядми вал.

Т. З. Учке ай, пиналъёслы нюлэсэн герзаськем веросъёссэ. Кыче яратыса, эсэпсэ шөдыса гожтэмын соос. Басьтом «Сйзь» вероссэ. Сюлме пырыса, лычсузъыса лыдзоно сое. Сйзь кыззэ кока, кока но йырвимез зуркаса, кынарыз бырыса, секыт из

кадь лымы вылэ усе. Со эмъя писпуэз, нумырез поттыны турттэ, но ачиз кулэ. Пичи гинэ верос, но кыче со сюлме пыре.

Е. Загребинлэн тросэз веросъёсыз нюлэс сярись. Жаляса верано, та сярись критикъёслэн туж өжыт гожъямын.

А. Д. Е. Загребинлэн пичи веросъёсыз эссе кадь пото мыным. Отын ведь со аслэстыз адземъёссэ, чаклам-эскеремъёссэ рос-прос мадыны быгатэ. Нюлэскын улйсь пöйшуръёслэсь пытьюссэс но тодма. Кылсярысь, «Котыр лачак коньы пытьюс. Чыжак вылесь на, алигес гинэ съод чук вылтй бызьылллям. Кыз лысьёс чигтылэмын, чыжинъёс куалдытъямын. Кызысь кызэ тэтчаллям, лйял бордысь ватосъёссэс утчаллям...!».

Т. З. Чик но гожъямын өвөл, дунъямын өвөл солэн публицистикаез но. «Гомась шунды» книгаез золэсь статьяосыз пыремын. Тодйськоды на-а, 100 книгаез лыдзөн списоке пыртон пумысен, со зырдыт вераськон жутэ. Мынам, пе, яратоно авторе – Горький вал, но сое быдтйзы; мынам яратоно молодогвардеецъёсы вал, но соосты быдтйзы... **Е.** Загребин, шөдйз, но адзиз ини туалы югдурез, кудзэ асьмеос али гинэ валаны кутскиськом.

Тазы тросгес Егор Егорович сярись вераськыны, бугыръяны кутскиськод ке, шөдоно аслэстыд но, литературалэсь но сирота кылемзэс. Вöзын өвөл визьмо, сюлмаськись, зеч адями. Огдыре ик вöсь но возыт, ас вакытаз сое дунъяны но, шуныт кылъёс но вераны өм быгатэ. Малы ке шуоно, ассэ со ноку но жален öз возьматы.

А. Д. Сое адзано вал озы, со ноку но уз кошкы дунне выльсь шуыса...

Т. З. Тросэз адямиос жаль луон, жаль потон мылкыдзэс калыке адзыто, нош та котьку ассэ чурывт, юн сямо луэмен возьматылйз.

А. Д. Со сыче пуктйз ассэ, солы нокин но номыр но вераны но кулэ өвөл кадь, со уз но лэззы ассэ жаляны. Мечак гинэ маке вералоз.

Т. З. Мыным туж яра вал солэн юморез. Зоя Алексеевна Богомоловаен споръяськон вакытъясазы куддыр сюрыйльско вал мон. Одыг пол Кузубай Гердъя маке эчешыны кутскизы. Зоя Алексеевна шуэ, кылбурчилэн кыкетй реабилитациез, пе, вал на;

Егор Егорович шуэ, мон, пе, ачим ветлэмын Сандармохе. Ну бен жаялэтэк «кокало» огзэс огзы, котькудйз аслэсьтыз шонер луэмзэ вераны турттэ. Таёе «лөдйськем» бөрсьы адямиос куатаськыса ог-огенызы уз но вераське ни. Нош Егор Егорович Зоя Алексеев-налы такси өтиз, мын, шуэ, келя Богомоловаез, собере, пе, жин-гыртод, дораз пыртйид шуыса.

А. Д. Зоя Алексеевна ёемысь ветлэ вал правление, трос пол юрттылйз со Союзлы: аслаз кенеш сётэменыз но, Москваысь Со-юзэн но, асьме Вылй Кивалтэтэнымы кусыпъёс тупатыны быга-тэменыз но.

Т. З. Куспазы ог-огзылы пыриськыса, чеберьяськыса уг ве-расько вал; куарето но, спорьясько уж понна, уж сярыйсь верась-ко, со куспын ик пöртэм-пöртэм малпанъёссэс шараяло, ог-огзы сярыйсь сьулмасько. Малы ке шуоно, соосты уж огъя сьулмасько-нэн возе вал. Собере, соос туж трос гожъясько вал. Туннэ нош журналист яке писатель, суредась яке гожъяськись «самопиа-рен» трогес выре.

Малы меда туннэ «*Эш-Тэрек*» но «*Кикы нош силе но силе...*» пьесаосыз выльысь уг мыно театрын? Малы та ужъёс пуктонтэ-мель? «*Кикыяз...*» авторлэн малпанэз таёе: Герд дырызлэсь вазь вордйськыз, калык сое öз вала, та бордын Гердлэн драмаез, тра-гедиез. «*Эш-Тэрексэ*» ке басьтоно, пьесаезлэн пумыз ведь «вор-саськытэк» кыле. Кызый меда сое режиссёр туннэ пуктысал? Тунсыко ук, озый-а? Егор Загребин пьесаосаз таёе ужрадэз лэчы-томытэ: азьветлйсьлэн яратонэз бырйыны вань-а правоез? Та тема туж интыяз луысал, бадзым инты басьтысал, дыр, выльысь пьесаез пуктысалзы ке. Туж жаль, режиссёръёс уг басьтйсько...

В. М. Ванюшев
АРТИСТ, ПИСАТЕЛЬ, КИВАЛТӢСЬ

Дэри черкогуртысь Ижкаре нуись сюрес вал кадъ со. Тани паллянэ кожон. ГАИ пус пунктэм – отчы пырыны уг яра. Шофёр вёзын пукись начальник паллянэ возматэ – отчы, пе, кожоно. Шофёр валэктэ: пус пунктэмын ук, уг яра! Начальникез вормод-а? Кожизы. Трос ик мыныса өз вуттэ – пумитазы гаишник адзиськиз. Съодо-төдьёё бодызэ урдэ. Шофёр потэ, маке но валэктыны тырше. Уг пёрмы. Соку жик-жик утюгам съод костюмен, съодо-гордо галстукен начальник потэ машинаысьтыз но, янгышам муртэ лйятыса кадъ, боз-боз вазе: «Не узнал что ли? Ничего! Бывает... Я твоему начальству не скажу». Гаишниклэн но бамыз пальышак луэ: «Простите! Действительно не узнал. Продолжайте!».

Та учыр сярись мон куке но кылй Удмуртиысь писательёслэн огазеяськоназы ужам шофёрлэсь. Начальникез солэн соку огазеяськонлэн председателез Егор Егорович Загребин вал. Дышетскемезъя но, Удмурт театрын ужамезъя но, куддыръя огшоры улонын но артист. Мон но огвакытэ кема гинэ огазеяськонлэн кивалтэтаз пыралляй. Умой тодйсько Егор Егоровичез. Куддыръя вунэтылэ вал кадъ, со сцена вылын өвёл шуыса. Люка кенешонэ, оломар но сярись бөтьыртыны кутске. Дугдытыны уг лу ни. «Тй обезьянлэсь кылдэмын-а?», – юа. – «Озы ик медло! Мон Инмарен кылдытэмын». Чем бертылэ вал вордйськем гуртаз – Якшур-Бодья ёросысь Кутоншураз. Отын со муш вордылйз. Куддыръя чечен утылтылйз милемыз но. Ассэ возматаныны быгатылйз котыр ласянь: шудыса, маскаръяськыса вераськыны но озы ик лэчыт ужпумёс кутыны, калыкен вераськыны, кылзэс юаны. Нош ачиз лулысь-сюлмысь быдэсъяз котькуд кутскем ужзэ.

Удмурт театрлэн сцена вылаз шудйз, но тужгес тодмо луиз отын пунктэм пьесаосыныз но прозаен гожтыса поттэм книгаосыныз. Соос пöлысь одйгез пумысь гинэ жот-жотгес вераме потэ. Удмурт театрез, отысь артистъёсты, улэмзы но ужамзы, яратэмзы но вожамзы сярись Е. Загребин 2004-тй арын поттйз бадзым книгазэ. Озы ик нимаське со – «Яратонэ тон, вожанэ...» (2004).

Адзиськом, книгаын печатламын уно пöртэм гожтосъёс. Соос пöлысь учком нырысетйзэ гинэ. «Яратонэ тон, вожанэ...» гожтосэз мон жанрезъя зэмос улон учыръёс вылын кылдытэм, яке эскерись (исследовательской) повесть шуысал. Трос персонажъёс возматэмын отын. Нош быдэсак пырпото но шараясько нылез гинэ – зырдыт мылкыдо, верантэм мусо артистка Анна Колесникова, солэн картэз, утиськон органъёсын ужам но кияз пистолет возыны лэзем Степан Петрович Широбоков, артистка Анна Чубукова но ачиз автор. Гожтйсь мурт тодэ Анна Колесниковалэн умойтэм быремез сярысь. Солэн тодэмез потэ, кызы но малы со озы луиз. Трос артистъяслэсь юалляське. Нокинлэн но жот-жот верамез уг пот. Бератаз солы шуо: «Степан Петровичлэсь юалляськы, со ваньзэ зеч тодэ!». Гожтйсь мурт пöртэм амал утча Степан Петровичлэсь ымзэ усьтйськытыны. Тыршемез юнме уг луы. Аслэсьтыз янгышсэ тодйсь-валась мурт со пумысен юн öпкелемзэ ачиз маде.

Нош кызы но малы Анна Колесников ассэ но кык пиоссэ картэзлэн пистолетэныз ыбыса вие – созэ ни автор шар-шар суреда Степан Петровичлэсь укмыстон арессэ Удмурт театрын пусъён жытын юбилярлэсь но юыны алям Анна Чубукова артисткалэсь калык азын ик мусояськемзэс но Анна Колесниковаез ултйямзэс возматэса. Сое автор жот-жот суреда. Возматэ Анна Колесниковалэсь, туж зырдыт адямилэсь, Иж тыметысь люкмесэ тэтчыса ассэ быдтыны турттэмзэ, но вулы лыктэм кышномуртлэсь сое сазёмытэмзэ но («Ми татысь юыны ву басьтйськом, эн сапта вуэз» шуиз со). Дораз бертыса, кык пичи пиосызлы шумпотэмзэ но, картэз подвалэ пулы васькем вискын, солэсь пистолетсэ шедьтыса, мусокайёссэ но, ассэ но ыбыса быдтэмзэ.

Гожтос пöрмытэмын золтэм ез кадъ. Шöдйське авторлэн Удмурт театрез, отысь артистъясты зеч тодэмез но, драмалэсь законъяссэ зеч валамез но. Гожтосысь котькуд люкет кутске Еврипидлэн «Аида» драмаысьтыз цитатаен. Аидалэсь рользэ спектакльын туж потэ вал шудэмез Анна Колесниковалэн. Гожтосэзлэсь нырысетй люкетсэ Е. Загребин кутске Еврипидлэн «*Медейысьтыз*» таё цитатаен: «*Нош ваньзэ ик адже Инмар атай...*».

А. И. Вепрёв
**ПИСАТЕЛЬ ЕГОР ЗАГРЕБИН,
ИЛИ УДМУРТСКИЙ ШАРЛЬ БОДЛЕР¹**

**Часть первая:
народный писатель Удмуртской Республики**

Как председатель правления Союза писателей Удмуртии, Егор Егорович Загребин большое внимание уделял не только творческой молодёжи, но и писателям со стажем. Так сложилось, что я задержался лет на двадцать со вступлением в писательский союз. Да и в 1990-е годы было не до того: страна, ввергнутая в пучину становления новой государственности и бесцеремонного передела собственности, жила в другом измерении. Казалось, что новое время отвергало всё старое, всё, что было связано с СССР, а творческие Союзы – тем более. Видимо, под свободой слова подразумевая «делай, что хочешь», главное – независимость писателя, художника, любого творческого деятеля от творческих союзов и худсоветов и т. п.

Неожиданная встреча с Егором Загребиным предопределила многое в моей судьбе.

– Подавай заявление в Союз, – сказал мне Загребин, – дело за малым: две-три рекомендации от членов Союза, и мы тебя примем.

Сказал, как отрезал. И это означало, что сказать больше нечего. Надо пытаться вступать. Конечно, вроде ничего особенного в этих его словах не было, можно было и дальше находиться вне творческого союза, так сказать, вариться в собственном соку. Но если эти слова произнёс народный писатель Удмуртии, председатель правления Союза писателей, лауреат государственной премии Удмуртской Республики и кавалер ордена Дружбы Е. Е. Загребин, значит, это имело большое значение. Значит, подумал я, вступление в Союз писателей имеет значение не только лично для меня, но и для писательского союза, для города, ре-

---

¹ Источник: <https://www.chitalnya.ru/work/3050142/>.

спублики, страны, наконец, для моей малой родины. Слова Загребина имели огромный вес.

Заручившись рекомендациями трёх членов Союза писателей СССР и России Зои Богомоловой, Герасима Иванцова и Николая Пересторонина из Кирова (моего земляка), я очень быстро был принят в Союз писателей Удмуртии и России. Надо сказать, что загребинская команда правления работала очень слаженно, профессионально, с огоньком. Чувствовались в её работе традиции, заложенные прежним руководством советского времени, когда у руля Союза писателей Удмуртии стояли попеременно такие известные писатели как Геннадий Красильников, Флор Васильев, Генрих Перевощиков, Семён Самсонов. Умение работать с людьми, с творческой писательской интеллигенцией республики – это главное, что заметно отличало команду Загребина. К тому же отсутствовал дух безграмотного и сиюминутного «новодела», непрофессионализма. Сам Егор Егорович частенько наведывался по тем или иным вопросам к тогдашнему президенту Удмуртской Республики Александру Волкову. Е. Е. Загребина уважали, ценили, прислушивались к его мнению, а за всем этим стояла его энергичная общественная деятельность.

Основная его команда в правлении Союза писателей состояла всего из трёх человек. Сам Егор Егорович, драматург и прозаик; Ада Диева и Василий Глушко – оба поэты. Однажды я пошутил, что Загребиных в этой команде было двое, точнее, – двое Егоров. Один – драматург, другой – прозаик. У меня к тому времени возник такой персонаж из двух Егоров, фронтовиков-инвалидов, в поэме «Топотуха»:

Если двух сложить Егоров,
То получится один –
Генерал из двух майоров!

Однажды, на обсуждении моей двуязычной книги «Картофельное солнце», Е. Загребин вдруг стал рассказывать о своём, наболевшем.

«Для нас, мальчишек военного времени, –заговорил он совершенно неожиданно, и, казалось бы, не по теме, – картофель был действительно солнцем, озарявшим нашу жизнь. Хорошо бы эту находку – «картофельное солнце» – применить в военном или послевоенном контексте будущего произведения, а не в контексте мирной и относительно благополучной жизни».

Вот такой был урок Загребина. Неожиданно посмотреть на то или иное событие сквозь призму прошедшего времени. Данная проблематика и её литературное развитие, как говорят, не заставили себя долго ждать. Не так давно у меня было написано стихотворение (верлибр), где современность я попытался преломить сквозь призму прошедшего. Вспомнил урок Загребина. О творческих муках и не только. Правда, вместо солнца появилась совершенно другая деталь, выхваченная из воспоминаний моего деда, воевавшего в 1941-ом под Москвой.

Часть вторая: удмурский Шарль Бодлер

«Эхо войны» – так называется цикл рассказов в книге Егора Загребина «Лебеди моего детства», вышедшей в издательстве «Удмуртия». Его проникновенный рассказ «Огонь» (в переводе В. Болтышева) начинается так: «От безмятежного детства ровно ничего, почти ничего не остаётся в памяти. Я тоже рос спокойно, без волнений – до инвожо (до июня) месяца. Вот и думаю, о чём бы я мог написать, вспоминая то время? Наверное, только про беленьких ягнят, греющихся у нашей печки зимой, да про маму, которая понять не могла, что можно просто так сидеть на стуле и ничего не делать...».

Прочитал и подумал: а ведь это стихи! Стал читать дальше, перелистывая страницу за страницей, и открыл для себя Загребина – поэта. Удивительное всегда находится рядом, надо только внимательно и со знанием дела посмотреть вокруг себя. Вдруг вспомнил, что однажды Егор Егорович сказал, что он тоже поэт. Я не придавал тогда особенного значения это-

му его откровению, подумал, что Егор Егорович что-то рифмуется, шутя, в тетрадке, но в печать не отдаёт. Знал ли он, что многие его новеллы и короткие рассказы, которые были опубликованы в печати, – это стихи в прозе? Думаю, если покопаться в его писательском архиве, то можно найти немало стихотворений или маленьких поэм в прозе; может быть, соберётся когда-нибудь небольшая книжка, которая увидит свет, и в Удмуртии появится, так скажем, официально *и признанно во веки веков* свой «удмуртский Шарль Бодлер».

Стихотворение в прозе (по А. П. Квятковскому) – это условный термин, введённый в русскую поэтику писателем и поэтом Иваном Тургеневым, в связи с написанным им циклом прозаических миниатюр лирического характера «*Senilia*». До него французский поэт Ш. Бодлер (1821–1867) создал «Маленькие поэмы в прозе» и «Парижский сплин», которые представляли собой промежуточную художественную форму: поэтическое произведение по содержанию и прозаическое по изложению. Этим, собственно, и отличаются небольшие произведения Егора Загребина «Белый зайчик», «Крапива», «Жаворонок», «Скворечники», «Белые лебеди» и т. д. Кстати, не случайно многие из них перевёл на русский язык поэт Василий Глушков. Как и стихи Бодлера, стихи Загребина не имеют определенного порядка, если не говорить о циклах, их следует читать как мысли и рассказы в стиле потока сознания. Французский писатель и драматург Жан-Поль Сартр назвал эту литературно-художественную форму «экзистенциальным взглядом на окружающее».

Вот один из примеров такой формы в творчестве Е. Загребина.

«КАЧАЮТ МАТЬ»

Гонясь по маленькой чаще за белкой, ничего странного не заметил. Тогда было одно желание: не потерять из виду и поймать синевато-серую белку.

Белка – в рюкзаке. Теперь можно сесть на пенёк и немножко отдохнуть. Вот когда так тихо сидишь, начинаешь понимать,

как лес разговаривает. То там, то сям птица тоскливо запищит, рядом с веток, как бы с тяжёлым вздохом, падают комки снега, шепчутся не занесённые снегом длинные травы, стебли. Все голоса мне давно знакомы. Но что это, будто старый человек стонет? В погоне за белкой никаких человеческих следов не заметил. За дровами в этот дальний лес не ездят. А стоны слышны. Чего в лесу не бывает... Встав с пенька, взял ружьё и осторожно зашагал в сторону звука. Если хищник – надо напугать. Если человек – надо помочь дойти до дома. Чем ближе подхожу, тем стоны становятся громче. Вроде как старик стонет «ой-ёй, ой-йы». Наверное, кто-то под дерево попал. Присмотрелся – ни старика, ни зверя нет. И следов не видать. А голос совсем рядом «ой-йы» стонет. «Что такое?» – отошёл в сторону, слушаю. Знали бы вы, что я увидел...

Засыхающую старую пихту ураган вместе с корнем хотел окончательно повалить, но сын и дочь, дети пихты, отстояли мать. Под голову как бы положили пуховую снежную подушку. Лежит пихта на руках-ветвях своих детей, а подует ветер, то, как старый человек, «оё-ёй» стонет. У корня много маленьких пихт. Это, наверное, уже её внучата». (Лебеди моего детства).

Звоню заместителю председателя Союза писателей УР Аде Диевой, говорю, что вот ведь много лет мы знакомы с Егором Егоровичем Загребиным и совершенно не задумывались, что общались не только с прозаиком и драматургом, но и с поэтом.

А она отвечает: «Егор Егорович и начинал как поэт. Первые стихи принёс в редакцию одной газеты, да его какой-то нерадивый работник редакции развернул обратно. С тех пор Загребин писал прозу и никому не рассказывал, что когда-то писал стихи. А стихи, смотри-ка, в прозу просочились!».

Теперь со всей уверенностью можно к той давней моей шутке про двух Егоров – Егора драматурга и Егора прозаика – добавить третьего Егора. Егора поэта. А может, это вовсе не шутка, а нешуточное озарение?

Л. С. Нянькина
«ВАНЬ ГЕРОЙЁСМЕ ГАЖАСА ГОЖТӢ...»

Егор Загребин тодмо прозаиклэн но драматурглэн 2004-тӢ арын «Удмуртия» книгапоттонниын «*Яратонэ тон, возжанэ...*» нимо веросьёсын, очеркъёсын, пьесаосын бичетэз потӢз. Татчы пыремын искусство удысын ужасьёс сярысь дас вить очеркъёс но писательёс сярысь укмыс тодэ ваёнъёс. Автор соосты сужьётъёс шуыса нимама. Та бичетаз ик Егор Загребин «*Эш-Тэрек*», «*Кикы нош силе но силе...*» кык ёзэн трагедиоссэ пыртэм на, вöзаз Ашальчи Окилэн 100 ар тырмонэзлы сйзем сценарийзэ но «*Öпкелён*» вероссэ ватсам. Автор чебер, кие кутымон книга поттыны быгатэм. Николай Быков художниклэн, Юрий Лобанов художественной редакторлэн зеч тыршемзы но синме усъйтэк уг кылё. Бичетлэн лыдыз – сюрс.

Аслаз тодмоосыз сярысь писатель туж шуныт мылкыдын гожтэ. Соосты лыдземъя лыдзем потэ, вылаз ик, соос сыче удмурт шöмоесь. Литератураен, искусствоен тунсыкъясъкисъёслы, озьы ик вань удмурт калык понна «*Яратонэ тон, возжанэ*» книга туж бадӟым кузьым луиз шуыса малпасько. Тодмо адымилен котькуд лэсьтэм вამышез, сямыз-выросъёсыз, ужъёсыз асьме понна дуно но тунсыко луо угось.

Котькуд чеберлыко гожтосьёслэн вордӧськон мугзы, историзы луэ. Соослэн лыдзись доры вуон сюрессы но – асьсэлэн. Та пумысен но куд-ог мукет юанъёсын выль бичетлэн автореныз ваче син вераськоно кариськи.

– Егор Егорович, бичетады пырем тросэз очеркъёсты, веросьёсты газет-журналъёсын печатласькизы вал ини. Табере соос нимаз бичетэн потӢзы. Зечкыласько!

– Тау. Ачим но книгае потэмелы шумпотӧсько. Нош соосты нимаз бичетэн поттыны Семён Самсонов чектӧз вал. 1998-тӢ арын книга дасякум, со куд-ог ужъёсыным тодматскиз вал. Соку Семён Александровичлы Степан Ширококов сярысь «*Байгурезь йылысен*», Михаил Петров сярысь «*Яркыт кизилиос выллем*»,

суредась Георгий Векшин сярись «Катанчи усьтйське» ужъёсы кельшизы вал. Мукет веросьёсме но ушъямез вань. Соосты лыдъыса, Семён Александровичлэн тазыы шуэмез вань: «Тынад туж умой пөрмо адямиос сярись очеркъёсыд. Соосты нимаз книгаен потты, только веросьёсыныд но пьесаосыныд эн сура. Со туж синме йётымон книга луоз шуыса оскисько». Тйни озыы, Семён Александровичлэсь дэмланзэ лыдэ басьтыса, малпанме уж вылын быдэстй.

– Семён Александрович очеркъёстэс пьесаосыныды сураны лэзыймтэ вылэм, нош Тй солэсь кылзйськиллямтэды.

– Мукет дыръя книга оло поттыны быгатод на-а, оло уд ни-а шуыса кышкай. Собере... Кузебай Герд сярись пьесаысьтым геройме мон очеркын сямен ик суредасько ук. Очеркын сямен ик, пьесаын Гердлэн пушлулыз, сямыз усьтэмын. Таёе мылкыдын ик суредамын Ашалычи Оки но. «Эш-Тэрек» сярись ке, со – калык герой, нош калык ас геройёссэ тодыны кулэ. Тодмо адямиос сярись гожтй но собере малпаськонэ уси: «Нош малы аслам мемие сярись уг гожтйськы?» Тйни озыы «Опкелён» верос пөрмытй. Сое но та книгаям пыртй.

– Шаерысьтымы тодмо адямиос сярись гожтэмды валамон, нош Радищев сярись веросты кытысь-марысь кылдйз?

– Радищевлэсь Удмурт шаертймы ортчем сюресэз сярись лыдъыны шедьтй, озыы ик Эграе вуылыкум, музейысьтызы солы сйзем висъетэн тодматски. Отын солэн коёвкоаз но сылэ, кёлан интыез – нараез но вань. Монэ паймытйз но сёлэмме бугыртйз солэн калык понна сёлмаськемез. Калыклы дурбасътэмез понна туннэ кин каторгаостй ветлоз? Мон туж синмаськи Александр Радищевлэн бадъым сёлэмезлы, соин ик со сярись верос гожтй. Радищевез сяна, та веросын удмурт адямиослэсь улэм-вылэмзэс, сямзэс но возматйсько ук. Бен, отын художественной вымыселэз трос, соин ик сое очерк уд шуы ини.

– Гожтосьёстылэсь жанрзэс очерк, верос шуиськоды. Отын пумисько туннэ понна улэп луись адямиос но, улонысь кошкёмъёсыз но. Кулэм адямиос сярись гожтэмъёстэс мемуар шуыса умойгес ой луысал-а меда?

– Мемуар жанр но, ачиз «мемуар» кыл но мыным чик уг кельшо. Мемуар – со огшоры кӧсыт гожтэм маке, нош мон ас гожъямгӧсме веросгӧс шуысал, мон соосты верослы кулэ луись куронгӧсты лыдэ басьтыса гожтй. Одыг кыче ке учыр пыр геройӧсылэсь соослы тупась сямгӧссӧс усьтыны тырши.

Веросгӧс, очеркгӧс, тодэ ваӧнгӧс – та жанргӧс мыным матын, та жанргӧс пыр ик аслӧсытым геройӧсме но возматыны турттй.

– Егор Егорович, улонысь кошкем адями сярись гожтыны капчигес-а яке улэп адями сярись-а?

– Тросӧз очеркгӧсы геройӧсы улэп дырря гожъямын вал. Бен, улонысь кошкемгӧсыз сярись но вань. Соос сярись гожтыкум, эшгӧсы тазы ик син азам пуксӧ, пель сгӧрам вераскем куараоссы кылйсько кадъ...

– Нош очеркгӧс гожъяны кинлӧсь дышетскиды?

– Геннадий Красильниковлэн, Семён Самсоновлэн очеркгӧсы золӧсь луозы вал. Соослӧсь но адгӧем кари, дыр. Собере... газетын ужам но та ласянь юртгӧ. «Советской Удмуртиын» тыршыкум, Виктор Емельянович Жуйков милемлы шуэ вал: «Улэп адымиос сярись вакчи очеркгӧс гожъяны дышетске». Соос борды мон 1980-тй арысен басьтйськи ни.

– Кудйӧ очеркты секытӧнгес сӧтскиз?

– Красильниковез туж гӧч тодйсько ке но вал, со сярись гожтонӧ вӧй вылтй кадъ ӧз мыны. Мечак вераско: чебер верос йӧндырыны ӧй быгаты. Оло, соин но: писатель сярись «Кенеш» журналын ужасгӧслэн куремзья гожтыны пукси. Дыртӧменымгес-а мар-а, табере гожтӧме сюлӧмам туж ик уг лякиськы. Геннадий Дмитриевичез мон Фауст шуыны но шедтй. Ӗйтӧд ини... Бен, Красильников визьмо, бен, со ваньзӧ пыр-почлӧсьтйсь маке. Со коммунист. Со депутат. Со кивалтйсь. Но сыгӧе кужмо адыми но юскиськемын вал ини... Со сярись солӧн эмъюртын гӧч кылын гожтэм «Рваные сны» веросӧз возматӧ. Я, кыгӧе пӧрмиз – пӧрмиз ини.

– Монӧ паймыгӧз Анна Колесникова сярись гожтӧмды: артисткаез улӧпен ноку адгӧемды ӧвӧл ке но, сое сыгӧе яркыт

возьматыны быгатйллямды. Таиз веросты одйг лыдзисьлэсь но сюлэмзэ бугыртытэк өз кельты, дыр.

– «Яратонэ тон, вожанэ...» гожтосме кузьмадэс шуи ке но, уг янгыша, дыр. Анна Колесниковалэсь туспуктэмзэ адзыса гинэ но солы синмаськи вал. Со сярись юалляськеме бере мар тодй – ваньзэ гожтосам вуттыны тырши. Аслым но та кузьмадэсэ пөрмиз кадь потэ.

– Книгадэс кызыы ниман пумысен кема малпаськиды-а?

– «Яратонэ тон, вожанэ...» – книгаге чик тунаськытэк тазыы нимай. Вань улон яратон вылын возиське ук, нош кызыы адзиськом, синтэм-пельтэм яратон куддыръя туж ик зече но уг вутты...

– Егор Егорович, тодэ ваёнъёсады но очеркъёсады одйг адыми сярись гожтыкуды, кыче ке учыр пыр мукет тодмо муртъёслэсь но сямзэс усътыны быгатйськоды. Кылсярысь, Баушев сярись гожтыкуды, син азе туж умой пуксё Миловский, Кузедбай Герд...

– Юри озыы возьматыны ой тыршы, но озыы пишмиз бере, со туж зеч ини...

– Адымиез уд яратйськы, уд гажаськы ке, со сярись гожтыны басьтйськоно-а, өвёл-а?

– Мон вань геройёсме гажаса гожтй. Соос пöлысь кудзы ке мыным туж матын вал, кудйныз сокем öм эшъяське, но ваньзэсты гожтыны тырши озыы, кычеем тодйсько, нош кудзэ улэпен ой тодылы, верамъёссэс лыдэ басьтыны тырши. Кызыы шуи ини, одйг учыр пыр адымилэсь сямзэ возьматыны тырши. Тани кылбурчиос – Романов но Федотов – соос, оло, туж умоен возматэмын өвёл, но мон гожтй озыы, кычеем соосты тодйсько. Кыкназэс ик адымиосты сямен но, кылбурчиосты сямен но яратй, гажай, соин ик соос сярись сюлэмы вöсь луыса гожтй. Ой гажасал ке, гожтоно ой кариськысал. Нош адыми сюлэмад уг лякиськы ке, со сярись гожтыны ой дэмласал.

– Куд-ог удмурт писательёсмы, журналистъёсмы ужьюлтошъёссы сярись туж ик умоен уг гожъяло... Та пумысен мар шуысалды?

– Малы адымиез урод карыса возматод? Гожъям адымиосылэсь мон но куд-ог съёлыкъёссэс тодйсько, нош малы соосты шараялод? Асьмелэн ваньмылэн съёлыкъёсмы вань. Кылчинъёс гинэ но «югытъясызлы» но «пеймытъясызлы» люкисько. Бен, гожтоно адымилэсь солы гинэ тупась тырмымтээ возматйд ке, татысь номыр уродзэ уг адзиськы, но сое но туж сак, быгатыса пусйыны кулэ. Кырсез пушкын бугыръяськыны мылкыды өвёл, мукетъясызлы но со юрзым ужен вырыны ой чектысал.

– Очеркъёстэс лыдземзы бере гожтэм адымиостылэн геройёстылэн мылкыдъёссы кычеесь кылё?

– Татчыозь нокинлэсь пыкылэмзэс ой кылы на, ваньмыз шумпото гинэ кадъ, тау шуо. Нош Сергей Марков сярэсь «Кулонзэ тодыса...» веросме, Алнаш ёросысь Кузёбай гуртэ ветлыса, гурт калыкенызы чош эскерим вал. Соос аспал эшсы сярэсь синвуаськыса но, куд-ог дыръя пальпотыса но тодазы вайизы... Сергей та улонысь ас мылкыд каремезъя кошкиз вал угось...

– Асьтэос кудзэ гожтостэс умоен, тужгес пөрмемен лыдъяськоды?

– Кузёбай Герд, Константин Баушев, Сергей Марков, Анна Колесникова, Лазарь Перевощиков сярэсь гожтэмъясы син азе яркыт пуксымонэсь пөрмизы кадъ пото.

– Егор Егорович, чечы вышкые пуньы тэки куштытэк өвёл. Очеркъёстэс лыдзыкум, син азиям куд-ог фактической янгышъясыз шедизы. Кылсярысь, Островскийлэсь Тоня Тумановазэ Рита Туманова шуыса гожтйськоды, озы ик Цветаевалэсь кылбурзэ шонер цитировать уд кариське.

– Куро люкысь венез но адзиськод тон! Бен, книга дасяку, сакгес луыны кулэ. Ваньзэ йырын возыны уг луы угось...

– Кин уг ужа, со гинэ уг янгыша, оветъ, Егор Егорович. Нош книгадылэн калык доры вуон сюресэз кычэ вал?

– Ачид тодйськод ук, бызьылытэк, сюлмаськытэк, йыбырттытэк, книга поттыны уг луы ни... Мон но со сюресэз ортчи, тани табере книгаме лыдзисъёс доры вуттй. Татчыозь улыса, асме рос-прос гожъяськысь писателен возматыны быгатй ни кадъ потйсько, соин ик коньдон сётйсьёс но шедизы шуыса малпасько.

– Тодмо адямиос сярись очеркъёс, тодэ ваёнъёс удмурт литератураын трос ик өвёл. Азыланыз та выллем ужъёстэс лыдзыны быгатомы на-а?

– Тодмо адямиослэн яратон кусыпъёссы сярись гожтэме потэ. Тани мон кыын Геннадий Красильниковлэн но солэн дусымезлэн ог-огзылы яратонэн пачылмем ысьям гожтэтъёссы. Соос куатьтон укмыс мында люкаськиллям, ява! Со кышно-мурт улэп на... Красильниковлэн чыжы-выжыосыз но со кышно-мурт та учыр сярись гожтыны лэзизы ке, соку одно та уж борды басьтйсько. Илья Зоринлэн яратонэз сярись но гожтэм потэ вылэм. Оскисько: одно маке пörмыто ай!

– Егор Егорович, малпандэс шараяды бере, табере выль ужъёстэс ваньмыз чидатэк возъмалозы ини. Гожтосьёстылэн лыдзисьёс доры сюрессы капчи мед луоз!

Л. И. Тихонова
УЛОНЭЗ ВАЛАСЬ, ЯРАТЙСЬ НО ДУНЪЯСЬ

Писателез но драматургез Егор Загребинэз мон пичи дырысеным тодйсько. Милемыз, школаын дышетскись нылпиосты, «Дась лу!» газетлэсь юнкоръёссэ, чёмысь Иже семинаръёсы но пёртэм ужрадъёсы өтчаллязы. Отысен Егор Егоровичез трос пол гинэ адзылэме вань: жужыт, веськрес, чебер, йырсиез выллань жутэмын, туж жикыт дйсьяськемын. Со милемыз серекъятыса гинэ вераськылйз.

Собере, 10-тй классын дышетскыкумы, со милемыз Александр Баймурзинэн (Саша бёрысь Удмуртиысь калык артист луиз) Удмурт телестудие өтиз. Егор Егорович соку отын ужа ни вал.

Азыпалтыса ке верано, Егор Егоровичен кема аръёс чөже чөш ужаны кылдйз. Егитъёслэн «*Инвожо*» журналазы валтйсь редакторе пуктйзы. Нырысь-валысь со милемлы паймымон но осконтэм вал, кызы артист но драматург журналэн кивалтоз. Но со жог гинэ öраз пыриз, ужез борды жабыр-жабыр басьтйськиз. Милемын, егит ужасьёсын, гурт калыкен пумиськонъёсы но командировкаосы ачиз но чөм гинэ поталляз, куд-ог дыръя кык-куинь нунал но улоно луылйз. Кылсярысь, Алнаш ёросысь Кузёбай гуртын, журналэ материал бичаса, быдэс редакциен потамы, отын көласа ик улиймы. Егор Егоровичен туж шулдыр, ог-огмес валаса ужамы. Со милемыз кулэ интыяз тар-тар тышкаськылйз, ужам ужмес дунъяны быгатылйз, ушъялляз.

Куке Удмуртиысь писательёслэн огазеяськонэнызы кивалтйсь Семён Самсонов улонысь кошкиз, солэн интыяз Егор Егоровичез пуктйзы. Семён Александрович шödэм, лэся, Егор Егорович солэсь ужзэ тыро-пыдо, валаса нуоз шуыса. Зэмзэ но, со кема гинэ кивалтйз писательёслэн огазеяськонэнызы. Секыт но бадъым возэз валаса, визьнодо нуыны быгатйз. Угось солы Семён Самсонов ик «*Инвожо*» журналэз но оскиз.

Егор Егорович туж но туж яратйз улонэз, инкуазез, вордйськем гуртсэ, шаерзэ, удмурт кылмы понна сйлэмзэ чигтылйз. Вылй кивалтйсьёс азын малпанзэ шара, пезь-пезь вераны дйсьтылйз.

Со кышкасътэм, сэзь, дйсьтйсь вал, туала арын Егор Егорович кадь зырдыт но пось сямо воргоронъёсты уг ик тодйськы ни. Кулэ интыын чурит кылзэ но вералляз, гор-гор серекъятыны но быгатылйз.

Гурт калык со доры визь-кенеш басьтыны ветлылйз. Одыг пол Писательёслэн огазеяськоназы Пичи Пурга черкогуртысь Тамара Мохова пыриз, юри, пе, визьмо адымилесь, Егор Егоровичлесь визь-кенеш басьтыны лыктй. Со сяна но трос сыће учыръёсты тодйсько. Чем гинэ дораз пыраллязы гурт пальёсыз, соин соос данъяськылйзы. Нош кёня гурт калыкен пумиськонтьёсы потамын! Лыдъянтэм! Егор Егоровичлесь вераськемзэ гуртоос яратыса кылзйзы, дорысьтызы лэземзы ик өз ни потылы, вылысьтыз вылаз юантьёс сётъязы. Нош кыће яратылйз со пичи пиналъёсты, аслэсьтыз Алёша пизэ музэн тыбыразы топ-топ, умой дышетскы, чырткем буд, ява, пие, шуыса вешалляз, гожъяськыны мылкыдзэс бурдъялляз. Ватытэк вералляз нылкышноослы синмаськылэмзэ, сотэк, пе, кыће произведение вордйськоз, туж косьт но лыдзыны луонтэм мөзмыт пөрмоз.

Егор Егоровичлэн виль книгаез, яке журнал-газетъёсын печатласькем материалэз потэ ке, соосты но со пичи пиналэз сямен вешалляз но чупалляз. Таиз, пе, номер эшшо дуно, матын но узыргес потэ.

Шутэтскон нуналъёс азын Егор Егорович уж дураз котомкаен лыктылйз, соку со кузь сюрес вылэ потылйз, лобыса сямен Якшур-Бөдья ёросысь Кутоншураз бертылйз. Отын сое мушъёсыз но пулэсь лэсьтэм пу коркаез витылылйзы. Гурт калыкен но зеч кусып возылылйз. Ялан соос сярись вералляз, мушъёссэ адымиосты сямен яратылйз, соос бордын лякыт вырыны кулэ шуылйз. Мойымыса но, трос аръёс чоже городын улыса но сюзэмыз солэн гурт пальёсаз бурмемын вал. Отын ортчем пичи дырзэ, мумы-бубызэ, агай-вын-сузэръёссэ, эшъёссэ, секыт аръёсы улэм аръёссэ тодаз вайылйз. Сютэм улон шоры учкытэк, гуртын будэм пияш тодон-валан басьтыны Ленинградэ мыныны дйсьтэм. Отын дышетскемез сярись со чем гинэ милемлы вералляз. Улонын зэмос артист луиз, сцена вылын трос рольёсты шудйз, гожъ-

ямъёсыныз драматургозь будйз. Али ке но кӧня пьесаосыз солэн учкисъёсты шумпотто, малпаськыто но бӧрӱыто. Пьесаос гинэ-а? Нош книгаосыз сярись ке верано, соос сюлэмез бугырто, синвуэз пызьырто, азьло улонэз син азе пуксьыто. Нокызьы но вератэк кельтыны уг луы «Яратонэ тон, вожанэ...» книгаез сярись. Отын со артистъёслэн улэм-вылэмзы но творческой сюрессы сярись гожъя. Сюлэмьы уг поты артистка Анна Колесникова, кызьы со улонысь егитысен кошке... Ма со сярись гинэ-а? Егор Егорович туж трос тодэ вал вашкала артистъёсты, соос сярись ма гинэ милемлы ӧз вералля. Троссэ гожтыса но ӧз вутты, луоз. Потэ на вал солэн бадӱым роман гожтэмез. Сюжетсэ вераса вуттйз ик. Бакча-ям (вордскем гуртэзлэсь кыдӱкын ик ӧвӧл) пе, бертйсько ке, уйзэ кызьы кӧлыны ик уг тодйськы, кӧшкемасько. Басьтэм коркаезлэн выж улаз уйлы быдэ егит ныллэн бӧрдэмез, пе, кылйськылэ. Пель сьӧраз кылэмъёсыз зэм-а, даур-а меда шуыса тодэмез потэмен, та учыр сярись гуртоослэсь юалляськыса потэм но тодэм, куке но со коркан сюан шудыкузы егит нылашез вииллям. Зэм ик но, ачид но, ява, юзыр-кезьыр луод.

Жаляса верано, Егор Егоровичлы кема улыны ӧз кылды, 78 аресказ сюлэмыз ужамысь дугдйз. Нош кыӵе потэ вал улэмез, виль произведениос гожъямез. Кынманы гинэ но со кышкалляз, пыэдэн висись адями дорысь кыдӱке палэнскылйз. Но висён уг юа, аслэсьтыз лэсьтэ.

А. А. Блинов
ЕГОР: К ЮБИЛЕЮ ДРУГА

Я не писатель, тем более не отдел кадров, где фиксируются все данные о работнике, я сокурсник Егора Егоровича Загребина по институту (ЛГТИ им А. Н. Островского), актёрскому факультету (удмуртская студия).

Познакомился я с Егором в 1956 году. Оба мы поступали в Ленинградский государственный театральный институт им. А. Н. Островского. Экзамены в Удмуртскую студию проходили в Ижевске, в помещении филармонии, напротив здания Удмуртского национального театра.

Абитуриентов для прослушивания впускали в аудиторию по пять человек. Мы должны были в обязательном порядке прочитать стихотворение, басню, отрывок из прозы, также спеть, что придет на душу, и сплясать. Наша пятёрка состояла из очень странных, на первый взгляд, удмуртов: Лиля Хунцария, девушка с грузинской фамилией, но лицом и повадками – словно цыганка; Юра Курочкин, интеллигентный, стройный мальчик из Куединского района Пермской области – сын учителей; Роза Кутявина, миниатюрная блондинка «Барби» со вздёрнутым носиком, она отлично пела; Егор Загребин, «разлапистый» деревенский мальчик с непослушной рыжей вьющейся шевелюрой, с веснушками даже на руках, «в меру упитанный, в меру стройный», как Карлсон. Он непрестанно, либо от выработанной привычки, либо от волнения, правой рукой сгибал пальцы левой руки так, что концы их касались и с той, и с другой стороны руки, сантиметрах в пяти от запястья. Попробуйте сами это сделать – у меня не получается. Ну, и Саша Блинов, т. е. я, рост 1 метр 53 см. (все девочки были ростом выше меня, не говоря уже о мальчиках), в ремесленной форме, с лицом, на котором (как говорил потом педагог в Ленинграде) «молоко со щёк еще не высохло». Перед просмотром комиссии все волновались и старались скрыть это. Наконец в аудиторию пригласили и нашу пятёрку. Когда мы услышали команду «садитесь», я точно помню,

что вдоль стены стояли пять стульев, но почему-то я сел рядом со стулом, отчего окончательно зажался. Из комиссии кто-то не на ижевском говоре произнёс: «Помогите ему сесть». Этот «кто-то» оказался будущий наш педагог по мастерству актёра Георгий Васильевич Галафре. Пришёл я в себя тогда, когда уже точно увидел контуры человека, стоящего перед комиссией и что-то произносящего из русской классики: голубые его глаза горели, как искорки, руки, тело, голова слушались и подчинялись смыслу произносимого им текста.

Скучающее лицо преподавателя, ленинградца, оживилось – это Егор читал Гоголя, отрывок из повести «Тарас Бульба». Несмотря на то, что читал эту повесть раньше, я будто слышал данный текст в первый раз, а когда Егор крикнул так, что, казалось, рядом, в саду имени М. Горького услышали: «Стой! Выпала люлька с табаком... Не хочу, чтобы и она досталась вражьи́м ляхам!» – Галафре остановил чтеца. Егор в недоумении сел. Мы все пятеро переглянулись, желая понять, почему прервали, но тут я услышал свою фамилию и тоже встал перед ними, не чувствуя ног, пола и не видя ничего перед собой, кроме неизвестно откуда взявшегося молочного тумана. Тем не менее после экзаменов мы увидели в списках фамилии Блинов, Загребин и еще более 20-ти абитуриентов. Затем всю нашу будущую студию повели для знакомства к министру культуры УАССР. Зайдя в просторный кабинет, либо от слова «министр», либо от вида грузного человека с неподвижным лицом, сидящего «цербером», я стушевался настолько, что снова и видеть стал хуже, и слышать, поэтому помню только обрывки диалога министра с каждым из нас. Видимо, дошла очередь до меня в процессе знакомства, – я почувствовал толчок соседа в бок, а это был Егор, и машинально встал, пытаясь отвечать на вопросы министра:

- Родители есть?
- Да.
- А что, так и собираешься ехать?
- Как?
- Ну... в ремесленной шинели?

- Да.
- Корова у родителей есть?
- Да.
- Да...пусть корову продадут да ...купят тебе костюм.
- Нельзя.
- Почему?
- Детей много.
- Сколько?
- Со мной семеро.
- Пусть пока перебьются... потом купят. Что же ты поедешь в Ленинград вот так?

Я не знал, что ответить.

Егор:

– Купят, Агафон Николаевич, не беспокойтесь... После «аудиенции» у министра Егор спросил меня:

– Ты обедал?

– Нет.

– Пойдем к Вече.

– Куда?

– В Колтоме живёт мой брат Вече, пойдём к нему, чаю попьём.

В Ленинград мы поехали, естественно, все без изменений в одежде: я – в «ремесленной форме», Егор в деревенской одежде, только вместо лаптей у него были ботинки.

Прибыли мы на учёбу в Ленинград. Выйдя из вагона, оказались на Невском проспекте и, – о чудо! От удивления наши рты раскрылись – так ошеломляюще поразила красота незнакомого города. Егор: «Смотри, Саш, будто по коридору сказочного дворца идём. Дома-то какие красивые, да все в один рост». А когда дошли до Фонтанки, увидели голых парней, пытающихся остановить буйных коней (кони Клодта) – не только девушки, мы все засмутились и молча перешли закованную в гранит по обоим берегам спокойную реку. И уже не оглядываясь, шли за встречающим нас человеком в сторону улицы Моховой, где находился наш институт. Внезапно мы дошли до массивных дверей инсти-

туда, который оказался в одном из замечательных, видных зданий. Вестибюль – ба-а-а! Широкие мраморные ступени, ведущие на первый этаж. Поднялись – и уже на площадке первого этажа, на всю стену – зеркало с правой стороны, с левой – квадратный столб, упирающийся в высоченный потолок со скульптурками; на столбе – смонтированное под стеклом расписание занятий, а с той и с другой стороны столба – проходы в аудитории. С площадки первого этажа на второй идет широкая мраморная лестница с широкими мраморными перилами, а на втором этаже, в стенах, смонтированы мраморные скульптуры. И вот в таком дворце мы оказались после нашей глухой удмуртской деревни и неуклюжего города Ижевска на пять лет.

Но вот... сразу же – курьёз. Это огромное зеркало ввело меня в заблуждение. Оно отражало все пространство: мраморный пол, мраморную лестницу, ведущую на второй этаж, расписание на квадратном столбе, мраморные статуи и буквально «сорвавшихся с цепи» молодых беснующихся людей. Сопровождающий оставил нас возле расписания, а сам ушёл, видимо, доложить, а когда я, глаза во все стороны, обернулся в сторону зеркала, то вдалеке увидел контрастно отличающуюся от всех группу людей с котомками и чемоданами, очень похожую на нас. Я долго думал, откуда в таком дворце находятся люди, уж очень похожие на приезжих из тмутаракани жителей, надо же, странно... Я, чтобы никто не заметил, украдкой пошевелил пальцем и понял, что там точно так же шевелят пальцем. Так это же мы! Успокоился, но обрадовался тому, что мою глупость никто не заметил.

В институте, обучаясь и общаясь друг с другом, мы все каким-то образом разделились на группы: мы трое – Загребин, Блинов и, как говорили на курсе, «примкнувший к ним Курочкин»; другая – идеальная стержневая (так как это был период вхождения страны в коммунизм), возглавляемая «показательно правильными» девочками-комсомолками, и третья группа – равнодушная не только к основной, комсомольской, но и к нам, и ко всему вокруг. Таков был наш курс под названием «Удмуртская студия». Если, к примеру, прочитанные комсомолками на-

шего курса книги К. Паустовского, Ж. Превера, Ю. Крымова и других авторов являлись для педагогов предметом их одобрения и обсуждения, то чем интересовалась наша тройка, для педагогов могло стать неожиданностью. И поэтому, что мы читали, чем интересовались, мы не афишировали. Егор читал много из жадности к познаниям, а мы с Юрой тянулись за ним. «Надо же, – говорил Егор, читая Л. Толстого, – палец отрубил сам себе», – заинтересовавшись такой оценкой Егора, и мы с Курочкиным прочитали «Отца Сергия», затем «Поручика Киж», «Гамлета» Шекспира и «Войну и мир». Так я тоже втянулся в чтение и не могу остановиться по сей день. Спасибо Егору.

Но... тогда мы не все понимали в прочитанном: к примеру, в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского Родион Раскольников совершает преступление, убив Алёну Ивановну; а в чём на-ка-за-ние? На этот вопрос нам не удалось получить точного ответа у сокурсников. Да и посторонние нам туманно отвечали. Наша «тройка» затащила в аудиторию педагога по литературе Юрия Николаевича Чирву: «Мы не можем разобраться в наказании у автора, подскажите!» Педагог, улыбнувшись, ответил: «Перечтите еще раз, а может быть, третий и четвёртый раз, только не спешите, сопоставляя событийный ряд и эволюцию героя в романе, изучая характеры и поступки персонажей. Читайте не для галочки, а анализируя». Вот так сказал педагог.

Учиться в институте было невероятно трудно нам, деревенским (вроде бы и «сообразалка» есть, а знаний – тью-тью). Зато по программе обучения два раза в неделю посещали Эрмитаж, знакомясь с изобразительным искусством от древней Греции до наших дней; слушали лекции по философии, эстетике, этике, политэкономии (которая в дальнейшем оказалась нам не нужной); учились танцам разных эпох и народов: мазурке, испанскому, «Яблочку» и др., фехтованию на шпагах, эспадронах; учились драться так, чтобы это было похоже на правду; читали стихи, прозу; занимались актёрским мастерством. Всё старались одолеть, но только не нужду. Нам постоянно хотелось есть.

Стипендия на первом курсе была 14 рублей: на них надо было умудриться одеться, обуться, ходить на симфонические концерты, в кино, купить тетради, грим, ручки, еду и т. д. На последнем году обучения размер стипендии увеличился до 18 рублей (уже легче). У мамы моей пенсия была 13 рублей и буквально «семеро по лавкам». Каким-то образом мама, живя в деревне, отрывая кусок у остальных детей, отправляла, хоть раз в полгода, гуся печёного для сына. Гусь, пока ехал почтой, весь белел от плесени. Но мы, все трое, садились за стол, соскребали плесень и за один присест управлялись с ним – слава Богу, остались живы.

Нева. Сырость. За пять лет учёбы я не помню, чтобы мои ноги не были в слякоти и сырости, как и у всех на курсе – это же Ленинград. Вроде бы я пишу о себе, нет, понятно же – обо всех. Жили мы на Васильевском острове, у самой гавани, в общежитии на улице Опочинина. Дорога туда и обратно тоже отнимала часть стипендии, никуда не денешься. В том же общежитии жили студенты библиотечного института и полиграфического техникума.

Когда успевали девочки из других учебных заведений замечать Егора, непонятно, тогда как мы трое всегда были вместе: на учёбе, в дороге, жили в одной комнате... Тем не менее – стук в дверь, просовывается девичья мордочка, и вопрос: «Гофа дома?». Мы спрашиваем: «Зачем тебе Гофа?». Девочка: «Он мне всячески нувен». Мы: «Его нет, убежал в магазин, скоро вернётся». Дверь закрывается, мы с Юрой «ржём», как кони: «Гофа всячески нувен».

Так в суете и в хлопотах пролетели годы учёбы. Можно было бы рассказать о съёмках в кино, куда потащил нас Гоша для заработков; съёмочный день в «массовках» оплачивался лихо – три рубля за смену. Но внезапно Егор вымолвил: «Меня пригласили на главную роль, на кинопробу, – мы с Юрой притихли, – но... у меня не хватило денег на трамвай и я... отказался». Побалагурив, Егор перестал бегать на массовки, и понятно: съёмки отнимали весь день, а учёба – боком.

Из сказанного выше картина наших взаимоотношений в «тройке» создаётся идиллическая. Это не так. Если Юра Курочкин всегда находил компромисс в общении с нами, мы с Егором очень часто дрались. Повод? Самый пустяшный; к примеру,

играем с Егором в шахматы, играем крайне напряжённо, у обоих характеры, чёткая цель, но стоит мне на доли секунды отвлечься, как с шахматного поля исчезает фигура. Я: «Тут была фигура, куда она девалась?», либо «Откуда у тебя появилась тура, я же ее срубил?» Редко, крайне редко спор заканчивался без драки. Летели и шахматные фигуры, и стулья, валился стол, катались кровати, от нас летели клочья, сутками друг с другом не разговаривали. Но парадокс: с каждой дракой, а потом примирением, мы становились все ближе и ближе, все дружнее и роднее. И так до последних дней.

На занятиях по актерскому мастерству Егор делал заметные успехи. Педагоги почувствовали в нем неуёмный темперамент, и было видно – радовались этому. В «Скупом» Ж. Б. Мольера ему поручили играть роль Гарпагона, мне дали роль слуги его Лафлеша, в «Грозе» А. А. Островского он – Дикой, я – Кудряш, парные этюды – опять вместе, то есть вместе как в быту, так и в учёбе. Питались все вместе. Как-то так выходило, Юра из одной порции пельменей умудрялся варить нам на троих суп, добавляя туда лук и картошку, было сытно и экономно. Сам он гладил нам с Егором постиранные нами рубашки, брюки, очень строго, безапелляционно отбирая наши вещи, чтобы привести их в «должный вид». А вот об экзамене по военному делу, пусть коротко, но расскажу, так как характер Егора, надо сказать, проявился здесь необыкновенно.

Председателем экзаменационной комиссии был сам заведующий кафедрой полковник Малышев, удивительно красивый, умный и молчаливый мужик, военный «до мозга костей». Также членами комиссии были полковник Чернышов, высокий, худощавый и по-военному строгий. К примеру, на своих лекциях он басистым ровным голосом старался деликатно делать замечания студенткам, и вместо окрика: «Прекратите шёпот!» – говорил: «Девочки, тихо-тихо-тихо – там... на задней парте». И третий – полковник Хвостовский, добрый, свойский, который читал нам лекции «про ОВ» (отравляющие вещества) – «ипит, юизит» и другие (иприт, люизит).

Пока студенты готовили ответы на вопросы билетов, три полковника, не скрываясь, обсуждали между собой жизненно важную для них проблему. Как выяснилось позже, видимо, военную кафедру в театральном вузе закрывали. Пользуясь «отсутствием командиров», студенты обнаглели: номер билета, взятого на столе, чётко и громко произносили для того, чтобы слышно было и за дверью. Ответ на данный билет заносил следующий: войдя в аудиторию, незаметно для командиров передавал занесённый ответ готовящемуся студенту, и такой конвейер работал без остановки, до прихода на экзамен майора Хохлова. Это тот майор Хохлов, который всё лето был с нами в лагерях, на практических занятиях (ночных учениях), это тот Хохлов, про которого мы, студенты, сочиняли и пели:

Майор Хохлов однажды в подзорную трубу
Увидел двух доярок и закусил губу,
И кое-что еще, чего б кусать не надо...
И кое-что еще, о чем здесь петь нельзя.

.....и т.д. (еще пять куплетов, о чем писать нельзя).

Пели студенты после отбоя. Жили в палатках в небольшом военном городке, в лесу, на финской границе, недалеко от реки Вуоксы. Концерт слышен был всем в воинской части, так как наступала тишина, а звук разлетался далеко. Песню остановить было невозможно, хотя по приказу командира дневальный, забегаая в палату, запрещал пение, но... как только дневальный уходил, палатка снова как ни в чем не бывало продолжала петь, подхватив «пение» из других палат. Каким-то образом узнали, кто авторы этой песни, ну, и началось: «как стоите в шеренге?», «как подтягиваетесь?», «почему опоздали?» и т. д. Мы тогда кое-как дождались конца лагерей, но... вернёмся к экзамену: майор зашёл в аудиторию тогда, именно тогда, когда Загребин начал «готовиться» к ответу на вопросы в билете. Шпаргалку передать не смогли, Хохлов «рентгеном» пронизывал

вал входящего и выходящего, особенно готовящегося Загребина. Егор, не будь промах, оказывается, распихал подготовленные им самим шпаргалки-ответы по всем карманам, даже под резинки в носках, и начался поединок. Майор смотрел только на Егора, а Егор – на майора, а руки Егора при этом делали следующее: медленно забирались во внутренний карман пиджака (одна рука ползет, другая помогает); зацепив там что-то, то есть шпаргалку, руки делали движение из кармана – доли секунды хватило Егору увидеть текст – не тот, рука вернула это что-то обратно, глаза продолжали не выпускать взгляд майора, рука медленно опустилась уже во внутренний карман пиджака, доли секунды – проверка, опять не тот билет (при этом, глядя в упор на Хохлова, Егор позволил себе «подумать»). Затем рука медленно начала опускаться под стол, а нога так же медленно подниматься; рука Егора нащупала между носком и ногой что-то, взгляд сказал «то» – бумажки между дрожащими пальцами поднялись к парте и спрятались под экзаменационными листами. Егор, глядя на майора, как удав на кролика, взял ручку с парты, пододвинул листы так, чтобы писать было удобно, прочитал на листке первые предложения, сделал вид, что глубоко думает, глядя на Хохлова, средним пальцем левой руки подталкивая ручку (он так обычно писал), начал писать ответ на вытянутый билет. Ци-ирк! Майор ведь мог встать, подойти к Егору, вынуть из-под листа шпаргалку, однако майор этого не сделал! А почему? Либо манипуляции Егора не были замечены, либо сам майор с интересом наблюдал за находчивостью будущего артиста. Егор полностью переписал текст со шпаргалки и смело вышел к доске. Экзамен был сдан. «Дуэль» Егора с майором до сих пор у меня в памяти. Да, Егор был уникален.

Возбудимость его актёрская поражала не одного меня. Как я писал выше, Егор играл Дикого в дипломном спектакле по пьесе Островского «Гроза». Роль возрастная. Ему педагоги утвердили грим, причёску. После спектакля руководитель нашего курса, похвалив всех студентов за приобретённые знания, воплощённые в образах, обрушился на Егора. «Загребин, – сказал он, – почему

вы своевольничаете, где ваш грим?». Егор, еще не разгримированный, ответил: «На мне». «А почему, – спросил он, – лицо ваше было молодое и красное?» Егор ответил: «Не знаю». Педагог: «А давайте проверим, так как мне было неудобно перед комиссией и зрителями». Рита Ульянова, студентка наша, подтвердила сомнение педагога: «Знаете, когда он вскипел и крикнул Кулигину: «Ты что, татарин? Татарин ты?!» – он, словно кумач, был красный, и вместо пожилого Дикого, я видела Загребина». Егор опять покраснел: «Ты, что, Рита, не видишь, что я в гриме?» – всей пятернёй провёл по лицу, и четыре борозды от пальцев ярко выделились сверху вниз, на щеке, от виска к приклеенной бороде. Педагог подошёл к нему, надел очки и разглядел – действительно грим.

Получив прекрасное образование в Ленинграде (не зря этот город называют «Пти Пари» – Маленький Париж), в одном из лучших вузов страны, дающем не только диплом, но и настоящие знания в области актёрской профессии, Удмуртская студия (2-й выпуск), вернувшись в Ижевск, оказалась в совершенно неожиданных для неё предлагаемых обстоятельствах. Наши предшественники, то есть выпускники первой Удмуртской студии, целиком захватившие к этому времени власть в театре – и худсовет, и парторганизацию, и административное руководство, – делали в театре что хотели и как хотели. К примеру, явиться на репетицию, не зная текста, или опоздать на неё, прийти со вчерашнего перепоя (они говорили «с бодуна») было для членов труппы в порядке вещей! Они так вели дела, что половина выпускников из нашей студии вынуждена была уйти из театра. Всё, чему нас обучали в институте, в театре оказалось архаикой. Даже упоминание имени Станиславского вызывало ехидство и цинизм. Не выдержав существующих в театре порядков, из него ушли Василий и Эдуард Ивановы, Курочкин, Петров, Малых, Полякова, Хунцкария, Васнецова, Ухова, через два сезона – Блинов, затем Загуляева, Загребин и Садаева, – больше половины Удмуртской студии. Подумать только, сколько потратило государство на обучение этих артистов! Уму непостижимо! Кто ответит за это? Да никто!

Поскольку в театре не было профессиональной режиссуры (а чиновник, к сожалению, этого не понимал), качество спектаклей оставалось на уровне (не будем оскорблять слово «самодельный») народного театра. Но государство его субсидировало как профессиональный Удмуртский государственный национальный театр. Наш курс выпустился и влился в труппу театра в 1961 году. С ним быстро разделались, и с того времени по сей день (сегодня – 2020 год) заметных творческих изменений нет, как не было грамотных спектаклей, так их нет по сей день. По этому поводу я разговаривал с одним из представителей руководства Удмуртии, от которого могла зависеть судьба театра, но получил короткий ответ: «Это Ваше мнение, оно личное». А знаете – да! Это моё мнение, личное, шокирующее многих чиновников. Сформировалось оно благодаря моим педагогам из Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, актёрского факультета, затем режиссёрского: К. Ф. Степанова-Колосова, Р. Р. Суловича, Г. А. Товстоногова – великих педагогов и режиссёров нашего столетия.

Когда мы вернулись в Ижевск, театр сразу нас отправил с дипломным спектаклем «Стряпуха» на гастроли по всей Удмуртии. Ни гостиниц, ни домов колхозника на нашем маршруте не было (театр не продумал). Ночевали после спектакля где попало; к примеру, в Малой Пурге Егор договорился с директором клуба переночевать в его кабинете. За день проехав огромное расстояние из одного района в другой в кузове бортового грузовика (автобуса не было), отыграв спектакль, мы смертельно устали, легли на диваны и сразу уснули. Спать пришлось недолго. Егор включил свет и вроде бы застонал. Я открыл глаза – и понять ничего не могу. На его белой простыне, словно земляника на поляне, врассыпную двигались красные пятна. Егор: «Са-аш, клопы!» Я тоже вскочил – на моей простыне еще больше. Мы быстро собрали в комок простыни, выбежали на улицу и выбросили их на траву. Вернувшись, сели на диван и не знали, что делать. Егор говорит: «Давай на пол ляжем». Легли, выключили свет, но минут через 15 с потолка они начали капать прямо на лицо,

на майку, на ноги – эти красные химеры. Снова включили свет, смотрим: и пол, и потолок – в полчищах плоских, красных и неувловимых кровопийц. Мы осмотрели одежду друг у друга, поплелись в клуб, легли на собранные со спектакля кулисы прямо на сцене и так провели ночь.

Вернемся к Егору, к его работе артистом. Был случай: приехали из Москвы куратор, неглупый чиновник Министерства культуры РСФСР А. Жиров и грамотный критик Ю. Фрид. Посмотрели спектакль в Удмуртском театре, собрали коллектив и сказали: «Мнение у нас о просмотренном спектакле едино, в вашей труппе есть артист по фамилии Загребин, так вот, если бы все артисты играли, как он, спектакль мог быть гениальным». А другой сказал: «Помните, Станиславский учил: не идите на поводу у зрителя, театр должен вести его за собой. – А у вас в раздевалке, уезжая домой в деревню, зритель говорит (я, чтобы не забыть, записал) «Се-ре-кям», значит, «посмеялись».

Думая о Егоре, приходится постоянно сравнивать, сопоставлять, вспоминать. Егор, получив прекрасное образование в лучшем вузе России, стал профессиональным актёром и мог составить основной стержень актёрской труппы в Национальном театре Удмуртии. Да. Мог бы! Но, как говорится, «бы» мешает. Когда он ушел из актёрской труппы, стал завлитом театра и работал успешно. Умело, грамотно подбирал пьесы для репертуара, сам писал их, мне предложил поставить пьесу «Бугырес тулыс» («Тревожная весна») по роману Медведева, и работа над ней шла так, как должна идти работа в театре единомышленников. Вокруг пьесы сплотились художник Г. Векшин, композитор Н. Шкляев, группа выпускников следующей студии: С. Марков, О. Чужанова, Ф. Будица, П. Романов, В. Ворончихин и другие, а поставленный нами спектакль гремел многие годы, принося зрителю радость, удовольствие актёрам.

Когда Егор вынужден был уйти из театра совсем, он не оказался, как писал В. Маяковский в поэме «О Влаसे-лоботрясе»: «под забором вроде борова, лежит он грязен и оборван...». Писатели Удмуртии выбрали его, Егора Егоровича, своим руководителем,

так как Загребин к этому времени стал уже маститым писателем и драматургом. Вот кто по праву, профессионально, мог руководить в Удмуртии профессиональным театральным искусством, то есть быть министром культуры. Он был для этого подготовлен всесторонне и, к примеру, директоров в театры назначал бы не по «образу и духу своему», а с позиции владения профессией.

Егор подарил мне книгу *«Гомась шунды»* («Пылающее солнце») – книга вышла на удмуртском языке, но есть там статья на русском языке под названием «Быть или не быть?» – о чиновнике. Написал Егор её смело, честно. О том, что Егор самозабвенно, с большой любовью занимался пчёлами – знают все.

А вот последняя деталь, о которой я не упомянул. На курсе никто к нему не обращался: Егор, Загребин, или ещё как-то... Педагог по иностранной литературе рассказал студентам о творчестве Бернарда Шоу, добавил детали, связанные с его внешностью, – и все девушки почему-то повернули носики к Егору, с того времени и стали называть его – «Шоу»...

Как-то зашёл я к нему в кабинет, он сидел мрачный, мой приход к нему обычно он отмечал каким-нибудь шутливым восклицанием, а тут – молчит. Причем молчит долго, затем он спросил: «Са-а-ш, скажи, почему Пушкин написал: «Все говорят – нет правды на земле, но правды нет и выше»? А если помнишь, заканчивает своё произведение так: "А Бонаротти? Или это сказка тупой, бессмысленной толпы. И не был убийцей создатель Ватикана?" Почему?»

А. Ш. Абдулаев **ГРУСТЬ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ**

Книгу «Лебеди моего детства» подарил мне Егор Егорович Загребин с тёплыми пожеланиями сразу после её выхода. Небольшого формата, она пахла свежей типографской краской, удобно лежала в руке. Книга стоит у меня недалеко на книжной полке, и когда мне нужно что-нибудь достать из шкафа, я непроизвольно натыкаюсь взглядом на неё, она не прячется за толстыми корешками других изданий. Послесловие к ней написала литературовед Зоя Алексеевна Богомолова.

В своей книге Егор Загребин хотел без лишних настроек, без прикрас и вымыслов показать в простой форме некоторые сложности нашего бытия. И надо признать, это у него получилось. Короткие тексты проникнуты глубиной познания человеческого характера. В них проявляется писательская мудрость.

В годы Великой Отечественной войны деревенские ребята быстро выросли, тяжёлый крестьянский труд не предполагал праздности, но всё равно находилось время, и игры затевались на прогретых весенним солнцем полянах. Егор Егорович, оставшись наедине, возвращается в своё детство. Мелькают черно-белые картинки родимого дома, стоящая недалеко кудрявая береза, где-то в глубине бездонного неба плывут медленно вместе с облаками белые лебеди. Это не падение в ущелье памяти, а, скорее, возвращение в своё светлое детство через мудрость прожитых лет. Писателя никогда не оставляли думы о людских судьбах, о крестьянах, живущих на своей исконной земле и корнями вросших в неё. О любви и ненависти, о добре и зле. Мимо таких тем не проходил драматург и писатель Егор Загребин.

Классик советской литературы Михаил Шолохов как-то сказал, что в романе «Тихий Дон» через образ Григория Мелехова он хотел показать «обаяние человека». То же самое мы видим в произведениях Загребина: он показывает своих героев в различных жизненных ситуациях, и они ведут себя все по-разному, а по-другому и не должно быть. Человеческая жизнь – это не штамп или некая каноническая

структура. В ней – человек с его многоликой гаммой противоречивых чувств, и здесь автор, не погружаясь в сутолоку связей, как бы со стороны всматривается в происходящее и делает свои заключения. В этом несомненная ценность произведений Егора Загребина. Творчество драматурга, писателя всегда служило на благо удмуртской и русской литературы, оставляя заметный след.

Я познакомился с Егором Егоровичем Загребиним в конце 90-х годов прошлого столетия. Готовилась новая книга, и я приехал в Ижевск решить некоторые вопросы с республиканской типографией, что на Пастухова, 13. Стояло лето, было тепло, солнце ярко светило прямо в глаза, когда я шёл от автостанции. Решив все дела в типографии, поспешил в Союз писателей Удмуртии. Накануне по телефону мы договорились о встрече с Егором Егоровичем. Быстро поднимаюсь по лестнице и, переводя дыхание, открываю дверь.

– Заходи, заходи. Поджидаю тебя, – слышу голос из другой комнаты. Перешагиваю через порог и вижу писателя с копной рыжеватых волос. Он приветливо улыбается и рукой показывает на стул. Живыми глазами всматривается в меня.

– О чём пишешь? – с интересом задаёт вопрос Егор Егорович.

Я рассказал о новой книге, о том, что она о Чернобыле и людях, которые там побывали на ликвидации катастрофы. Егор Егорович утвердительно кивнул головой и сказал, что нужно писать о таких исторических событиях ясно и правдиво. Тогда мы проговорили более двух часов, и когда слабая тень из окна проникла в кабинет, я заторопился обратно на автостанцию.

После этого у нас было много встреч и разговоров, я всегда внимательно прислушивался к тому, о чём говорил Егор Егорович. В нём была заложена человеческая мудрость, и она не показная, а тихая, идущая от крестьянских корней, напитанная светлой родниковой водой.

«...А на этом писать заканчиваю. Постаревшие мои глаза увлажняют горькие слёзы...», – такими словами заканчивает писатель и гуманист Егор Загребин произведение «Любовь моя, ревность моя...».

В. И. Красовская
О ЕГОРЕ ЕГОРОВИЧЕ ЗАГРЕБИНЕ

Егора Егоровича Загребина вспоминаю всегда с теплой улыбкой, потому что он был великодушный, улыбчивый человек, ценящий юмор, талантливый писатель, сценарист, артист, председатель Союза писателей УР.

На улице Советской в д. № 1, на втором этаже у Союза писателей была своя «жилплощадь», свой кабинет, разделённый на две части. В первой комнате за компьютером хозяйничала Ада Диева – ответственный секретарь. Она аккуратно, по полочкам, раскладывала всю документацию СП, принимала посетителей. Вторую комнату занимали Егор Егорович и его заместитель Василий Николаевич Глушков. Эти люди притягивали к себе такой доброжелательностью, что кабинет никогда не пустовал. Егор Егорович обычно сидел в дальнем углу комнаты перед длинным столом, слева на стене висел огромный портрет Флора Васильева, дальше шли книжные шкафы, заполненные произведениями литераторов Удмуртии.

Егор Егорович встречал посетителей комплиментами, шутками, дружескими подковырками. Ада организовывала чай, начинались и душевные беседы с юмором, и серьёзные разговоры о достоинствах и недостатках новых книг, какие из них надо обязательно прочитать. Говорили о планах работы СП, о встречах с читателями в библиотеках города. К чаепитию у Егора Егоровича присоединялись сотрудники журнала «Кизили» Алексей Алексеевич Ельцов и Ульфат Шайхутдинович Бадретдинов. Редакция «Кизили» располагалась в том же здании.

Сюда хотелось прийти ещё и ещё. Ведь в Союзе писателей были добрые друзья и советчики. Здесь же собиралась на заседания Федерация женщин Удмуртии под руководством Зои Алексеевны Богомоловой. Вспоминаю эти встречи – и сердце щемит от сожаления, что прошло то благодатное время, что распалась Федерация женщин УР, что ушли из жизни и Зоя Алексеевна Богомолова, и Егор Егорович Загребин. Поминаю их в своих утренних молитвах в числе дорогих мне людей. Я благодарна Егору Егоровичу за доброе отношение, за искреннюю критику моих стихов, за дружескую поддержку. Низкий поклон!

Г. А. Склярова
ОН ЗА ВСЕ БОЛЕЛ ДУШОЙ

В Воткинское городское литературное объединение «Слово» я была принята в 1995 году его руководителем, членом Союза журналистов СССР Иосифом Самуиловичем Розенбергом. В период посещения занятий в ЛИТО получила громадные знания, начала работать над изданием своих сборников стихов «Кольцо Любви», «Сокровенное», «Песня души», «Воткинск осенью, зимой, летом и весной» в содружестве с фотографом Е. Сахаровой. Эти книги были к 2006 году изданы. В 2006 издала новую книгу – «В объятьях времени» (в Ижевске, в типографии «Книгоград») и показала её председателю Союза писателей УР Егору Егоровичу Загребину. Полистав книгу с большим вниманием, он остановил взгляд на фотографии, где я стою с баяном в оркестре народных инструментов (Ягульская средняя школа, Кизнерский район). Увидев мою фамилию под фотографией – Перевозчикова Галина, улыбаясь, сказал: «Галина – наш человек!».

Первое впечатление от общения с Егором Егоровичем у меня осталось располагающе-приятное. Он был общительный, очень эмоциональный, всегда полный энергии интересный человек. Мне запомнилась встреча с Егором Егоровичем, когда он посетил городское ЛИТО «Слово» в г. Воткинске на День Поэзии, где мне было сделано предложение о вступлении в Союз писателей УР. Я собрала нужные документы, книги, изданные к тому времени, и на отчётно-перевыборном собрании (в 2014) была принята.

Известие о его смерти для меня стало неожиданностью, как-то не верилось в это... Егор Егорович был настоящий патриот Удмуртии, помогал начинающим поэтам в издании книг, болел душой за качество удмуртской литературы, особенно детской, призывал работать над детской тематикой.

Сразу после вступления в Союз писателей УР я приступила к изданию детской книги «Счастливый кораблик» (2017, Ижевск, «Книгоград»). В 2017 г. на основе детских стихов из «Счастливого кораблика» были изданы две книжки-раскраски для детей младшего возраста «Зимний лес».

Ю. А. Сакерин
СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Встреча эта произошла более шести лет назад. Я ехал с огорода по объездной дороге в сторону Ижевска. В автобусе увидел знакомое лицо: это был Егор Егорович Загребин. Я его сразу узнал, мы несколько раз встречались на проводимых Союзом писателей мероприятиях в библиотеке им. Некрасова, в Удмуртском театре. Когда протянул руку и произнёс «Егор...», он добавил: «Егорович». «Юрий Алексеевич, – представился я. – Мы с Вами недавно на мероприятии в библиотеке встречались». – «Да-да, припоминаю», – сказал он поставленным сценическим голосом и, слегка улыбнувшись, крепко сжал мою руку.

Мы разговорились. Речь шла об удмуртской литературе, искусстве, и этот разговор был обоим интересен. Егор Егорович, много знавший, долго работавший председателем Союза писателей Удмуртии, оживился, приподнял голову. Мы ехали, беседовали, приближались уже к городу. Я спросил: «Егор Егорович, можно ли сравнить помощь государства писателям в советское время и сейчас?» Егор Егорович в своей энергичной манере, громким голосом ответил: «Ну, никакого сравнения! Конечно, помощь в советское время была гораздо больше, многообразнее». Я не знал, конечно, всех нюансов, но в детстве многие произведения удмуртских писателей читал с удовольствием, они мне нравились.

Мне запомнилась эта встреча с Егором Егоровичем. Дай Бог, чтобы таких людей и писателей, как Е. Е. Загребин, в удмуртской литературе было больше.

Г. В. Романов
АССЭ НОКУ ВЫЛЭ ӨЗ ПУКТЫЛЫ

Та пичи но ошмесо шаерамы трос-а бен туж дано но визьмо адымиосмы? Кылем даурлэн кутсконаз, 30-тй аръёсы, уноез соос (Кузубай Герд, Трокай Борисов но мукетъёсыз), со вакытэ улэм гожъяськисьёслэн чагиськемъёссыя быдтэмын яке кыдёкысь улосъёсы-лагерьёсы келямын вал. Соос пöлы мон но, Егор Егорович но шедьыны быгатысалмы. Со мынэсьтым одйг ареслы гинэ пинал вылэм. Кöнялыке бергес вордйськеммы умоен берытскиз.

Егор Егоровичен ми Пастухов урамысь Печатья юрт дорын тол но, гужем но чем гинэ пумиськылйськом вал. Со котьку шумпотыса но мыняса дорам лыктэ, монэ Геня шуэ вал, мон сое – Егоза. Огпол но йырзэ кур өз карылы, юморез юн вала вал. Ог-огмес ми землякъёс-гуртоос карылйм, малы ке шуоно Эграе Якшур-Бодья черко гуртэтй сюрес кошке бере, ми одйг ёросысь кадь потйськом вал.

Зэм но, солэн вылтйяськон-чеберъяськон сямыз ноку өз пытылы. Ми соин оломар сярись но вераськиськом-бöтьыртйськом вал. Мон котьку сямен юасько вал мушъёсыд кызы толйизы, бырыны өз шеде-а шуыса. Со быз-быз куараеныз, кыл сётэм кадь, шуоз вал: «Мон тыныд, Гени, одно ик выль кыскем чечы ваё ай...».

Берлозэ мон гажано эшме адзи кыдёкысен. Бабушкина улычаётй «Металлург» санаторий пала вamyшъя вал. Кузь плащ тыбыраз, песьтэрен-рюкзакен. Со дыре сыче ветлон вöлмиз уго. Калык солань-талань уно ветлэ. Кеськыны ой дйсьты. Со понна али но асме тышкаськисько. Туж йöно, жужыт мугоро воргорон вал угось. Пöртэм кенешъёсын солы котьку кыл сётó вал. Трибуна сёры потэ ке, залын чал-чал луэ. Люкаськемъёс возъмало тунсыко но визьмо верамзэ. Пумаз со адымиосты серектытыны но быгатэ вал. Ужасьёсыз сярись но сюлмаськиз, тужгес но улон инты сётон ласянь.

Зуч кырзанын кызы шуо, сю аресъем пересь сярись одйг поэмаын гинэ уд гожты. Чөпак со тупа Егор Егоровичлы. Со улонамы, шаерамы чебер пыты кельтйз. Со понна солы музъемозь йыбырттйськом.

П. К. Чернов
ЖАДЁНЭЗ ЭН ВАЛА, ЕГОР ЕГОРОВИЧ!

Мон та учыр сярись гожтй вал ке но ини, татын нош ик со бордысен кутскеме потэ.

Тазыы луиз. 1957-тй арын, Москваысь университетлэн ньылетй курсаз выжеме бере, мон толзэь пала «Комсомолец Удмуртии» – «Удмуртиысь комсомолец» газетын ужай. Арня ёрос Балезино районэти поръяй, отысь уно материал вутти, бõрысь газет бамъёсы мынам кõня ке репортаже, корреспонденцие, зарисовкае печатласькизы. Одйг статьяме Ижлэн сьõраз потатэк гинэ гожтй. Редакция ньыль-вить толзэь мында ини удмурт кырзанъёслы сйзем вераськон нуэ вылэм. Со Е. Загребинлэн, соку Ленинградьсь театральной институтысь студентлэн, статьяысеныз кутскем. Кырзанъя но эктонъя ансамбльлэн программаз, гожтэм автор, ваньзэ-õвõлзэ кык гинэ удмурт кырзан пыртэмын, радио пыр чем дыръя «сяськаен шу, сяськаен шу» выллем шенгыль кырзанъёсты кылылоно, композиторъёс калык гуръёсты уг люкало.

Со вераськонэ мон но пыриськи. Соку ик тйни Егор Загребинлэсь нимзэ тодй.

Куинь ар ортчыса, ми соин Ижевскысен рос-прос тодматскимы ини. Али та сярись малпаськисько но аслым ачим уг оскиськы: Егорлэсь нимзэ нырысетй кылэме дырысен ньыльдон ар ортчем ни. Ньыльдон ар!

Со куспын милям Егор Егоровичен оломаиз но вал. Куддыр, укыргес ик жõк сьõрын пукылэмъёсмы бере, зыгыртйськыса кырзаллямы но, кытйяз керетылймы но, чемысь сьулмысьтымы вераськылймы но, нош огпол но сьõраз õм потылэ: кыкнамы ик кусыпмы выльысь лякыны луонтэм медаз тэшка шуыса кышкамы, дыр. Туж чем озыы луылэ ук: дасо аръёсын эшъяськыса улэм адямиос но огнуналэ асьсэлы сокем секытэсь кылъёс сачкытъяло – кусыпъёссы пыраклы сõриськыса кошко. Ай соиз уг тырмы – ог-огзэс адземпотостэм карыны кутско яке ог-огзылы воксё тушмонъёс луо.

Егор Егоровичен милям, тйни, өз но тэшка. Ма, кытйяз огшаплы сйяллыз ик – созэ но ватыны уг яра, кожасько. Сыће учырѐс ог-огмес маке пумысь лекатэм өз потылэ – соиз яке таиз произведение, соиз яке таиз югдур, соиз яке таиз гожъяськись шоры пөртэм учкеменымы. Ми соин, огѐзоос ке но, огкадь пөсьсэ-кезьытсэ адџыса, кузьытсэ-курытсэ омырџа будэмын ке но, пөртэмгес югдурѐсын дышетскемынымы-кыдаменымы-а, эшшо кыће ке мугѐсын-а, дуннеысь литература шоры но, асьме удмурт литература (гожъяськисьёсыз вераса) шоры но огвыллем ум учкылйське. Валамон, џем дырџа малпанѐсмы огвыллемесь луо.

Сыће учырѐсы юрттылйз на Егор Егоровичлэн сямыз но. Со ассэ керџег шуэ ке но, монэн џошатыса, сое уртчымон пөсектытыны капчи ик өвөл. Отын солэн, гондыр быдџа мугорызлэн кужымез сяна, инкуазен пичиысен эшџаськемез, вань улонэз муш бордын выремез, али но трос нуналѐссэ кырынбурын ортчытџамез шөдйське на.

Ми Егор Егоровичен огазын өм ужалэ. Кыкнамес но писательёслэн огазеяськемазы кутэмзы бере гинэ одйг уже вуимы, шуыны луоз. Со ай огвакытэ писательёслэн огазеяськемзылэн кивалтйсьезлэн воштйсьез вал. Соку џем гинэ пумиськылоно луылйз отын но, мукет азьёсын но, кытын ортчылйзы литературраен герџаськем ужрадѐс.

Вань со арѐсы ми ог-огмылэсь литератураын кызы ваньшџаммес чакласа уймы, мон Загребинлэн выль спектакльёсаз ветлылй, со мынэсьтым троссэ гожъямѐсме лыдџылйз. Ваньмыз ик солы өз кельшылэ, дыр: тазэ гожъясьлэсь (бен сое лыдџисен џош басьтыса) курыны шуг: кулэз но өвөл. Шонерак вераса, мыным но солэн вань пьесаосыз өз кельшылэ: соослэн пуштроссы мынэсьтым сюлэмме мур-мур өз бугыртылы. Нош озы но шөдйськылйз-адџиськылйз: соос профессионаллэн кыныз гожтэмын.

Дырын-дырын газетѐсын-журналѐсын Егор Егоровичлэн веросьёсыз печатласькылйзы. Ваньзы сямен соос инкуазлы сйземын луылйзы. Мон соосыз мылысь-кыдысь лыдџылй – инкуазь сярись произведениосыз лыдџыны яратэмьсытым

гинэ ой, автор аслэсьтыз адземъёссэ усьтэмысь но. Тодйсько на, макем пыриз йырам «Сйзь» веросэз. Отын автор гожтэ, кызыы толалтэ, нюлэскын калгонъяз, сйезез синйылтэ. Тылобурдо, жадёнэз валатэк, кыз ваез кока: пычейёсыз утча. Нош собере витъымтэ шорысь лымы вылэ усе. Мадись со доры мынэ но сое кияз кутэ – сйзь лымы вылэ усе. Сйзь кулэм ни, лэчыт ныр йылаз пичи гинэ вир шапык.

Собере (кыче арын вал, уг тодйськы ни) журналын Егор Загребинлэн «Горд зустари» веросэз потйз. Соиз монэ чылкак «зуркатйз». Лыдземъёс сое тодазы возё на, оло, озыы ке но, мон солэсь пуштроссэ вератэк уг чидаськы.

Автор маде асэныз луэм учыр сярысь. Война бере секыт аръёсы, улонзэ ожытлы ке но капчиятон понна, лэся, со дышетсконзэс жамдэлы уретыны малпа: доскаез чюшылон зустариез кыре поттыса ватэ. Нош дышетйсь, кин озыы йыртэмаз шуыса вала но, Ёргиез ассэ ик зустари шедьтыны косэ. Дораз бертыса, пияш апаезлэсь вуж горд дэрэмзэ кеся но школае нуэ. Отйяз югдур шуак умойтэм пала берыктйське. Ёргиез эшгёсыз исало, азьвылзэ зустариез со лушказ шуыса. Пияш (бен али автор ини) оgez эшез шоры ас ваем зустариеныз шоналске но, соизлэн оглюкетэз, кысьтыз мёзмыса, борддоре ошем Сталинлэн портретаз салиське – «дуннеысь вань калыкъёслэн атайзылэн» чап ымныраз; ай соиз гинэ уг тырмы – рама борды кугза. Пинальёс йонтэм кышкало. Вылаз ик гудыръяса-чилекъяса зорыны одъя. Соку мискинъёс партаос улэ ватско. Дышетйсьсы озыы дауртэмзылы пайме, но Сталин эшлэсь синкылиен бёрдэмзэ адзыса (зустарилэн вуэз портрет кузя вияны кутскем уго), ачиз но шулзектэ. Пукон пуктыса, егит дышетйсь зустариез басьтыны турттэ вал, нош со купын классэ физкультураен дышетйсь пыре, артэ гуртысь зуч воргорон. Соку ик бадзым вождлэсь горд зустарие портретсэ но парта улысь ватскем нылпиосыз синйылтыса вазе: «Што это та-кое? Кто это сделал?!».

Паймоно кадь: егит дышетйсь семен ик, ваньзэ номыр сычөтаче луымтэ улсы кельтэм интые, фронтэ ветлэм, арлыдаз пы-

рем воргорон та учырлы «политической» дунъет сётыны тырше. Бен, бёрысь со но, сое кыдёке уг вёлмыты ке но, аслыз табыш басътэ: Загребингёс доры ветлыса, Ёргилэн песятаезлэн чечы кузьымезлэсь (сое кузьым шуыны луэ ик ке) уг пыкиськы.

Верослэн пуштроез кузьгес луиз ке но, мон сое озыи ик кельто. Мон сое, палэнысь адыми, шумпотыса но мылпотыса гожтй. Отын ваньмыз интыяз – сюжетэз но, детальёсыз но, мукетыз но. Асьтэос чаклалэ ай: макем огез учыр мукетыныз герзаськемын, бёрысь мынйесез одно ик азьло верамысьтыз кисьтйське, эсьма, тйни, пиналгёслэсь Сталинэз ултйямзэс чиданы вормытэк сямен, куазь но гудыръяськыса-чилекъяса зорыны кутске, ма, быдэсак сильтёл жутске. Собрере кыче сюлэме-йыре кыле быдзым вождьлэн «синкылиен бёрдэмез».

Бёрысьгес мон сыче учырёс сярись кылылй но, лыдзылй но: я, пе, соиз Сталинлэн портретэз шоры коттэм кагазэн ыбе (со вакытэ резинкаез золтыса ыбылйсько вал), я книгае шуккем тусбуйзэ пасяло, я мар – кыче но учырёс луиллямтэ. Кудог адымиосыз зэмзэ но со понна тюрьмае пуктылйллям. Пичи Ёрги, валамон, со сярись уг тоды на, но со мёйюслэн верамысьтызы жеч тодэ, кызыи песятаезлэсь агайзэ войналэсь азьло Сибире келяллям, соин ик ассэ но, вань семьязэ но отчы келялозы шуыса кышка.

Таин валче таке учыр сярись вератэк кельтыны уг быгатйськы.

Тупаны но кулэ, ява: та чурёсыз гожтыны басьтйськеме бере ини чик витыимтэ шорысь ки улам кык-куинь ар талэсь азьло потэм «Московские новости» газетлэн номерез сюрис (соку сое басьтйськомы вал). Солэн одйг бамыз сйземын тодмо адымиослэн пинал дырысьтызы укыргес ик тодазы кылем учырёссылы. Анатолий Собчаклэн сюлмаз-йыраз пыраклы кылем, кызыи огез эшсы, ез кенер вамен потыкузы, кизэ ши борды йёттэ. Собчак солы сёсырмем интызэ горд галстукеныз биняны дэмлам но ачиз ик юрттэм. Галстукез озыи сантэмамзэс адзыса, дышетйсьсы воксе шулзектэм но Собчаклэн атаезлы (малы ке но солэнэзлы гинэ) со сярись фронтэ гожто шуыса кышкатэм.

Гожтонзэ сий-дано демократ тазыы йылпумъя: «С тех пор я на всю жизнь невлюбил догматическую идеологию».

Соку ик олокөня юанъёс кылдо: со малпанэд берло гинэ өз вордйськы меда, собере сыће гинэ учырысь, ай сыће пинал арлыдын, сокем бадзым йылпумъянэ вуод меда, та учыр вылын тон али чеберъяськыны, астэ пичиысен ик сокем-сокем визьмо вылэмед ни шуыны уд турттйськы меда?

Нош Егор Загребин тазыы шуэ: «Быдэс мугоры юскиськиз-посьвуаськиз. Быри, малпасько. Ачим но быри, мемие но, апайме но быдтй на. Сталин эшлэн кымысаз кот зустариен лэземе понна, огмес но уз жалялэ. Сибире келялозы».

Котькыће чөшатонъёс чуко, шуиллям вашкалаос. Мон татын пичи но чөшатыны уг тыршиськы Собчакен Загребинэз. Ма, созэ, оскисько, тй ваньды сямен валады. Нош визьсынасьёс мынь-мынь потозы ке – чок. Мынам веран кылы одйг гинэ: тйни кызыы пөртэм синмын учкыны луэ одйг выллем учыръёс шоры ик, тйни кызыы, трос аръёс ортчем бере, соосыз берыкъяны-валэктыны луэ.

«Горд зустари» веросын Ёрги понна ваньмыз умоен быре ке но, дышетскон арлэн пумыз сое пыд йылысьтыз погыртэ: «Нина Фёдоровна Быдзым Вормонлэн, война быремен но дышетскон ар йылпумъяськемен зечкыла. Собере кыкетй классэ потэмъёслэсь нимтулъёссэс вера. Мынам но нимы кылйськиз: «Егор Загребин нырысетй классэ ик кыле».

Йыртэм-пыдтэм пегзи мон соку Гирыш чыпет пала. Эгыр сутон доры вуыса, кызыпу сулъёс вылэ сультрак уси но коскаса-коскаса бөрдй.

Кызыы зол кутске, автор вероссэ озыы ик зол йылпумъя. Но мынэсьтым сюлэмме – выльысь шуисько – тужгес юн бугыртэ солэн пуштроез.

Малпаськыто монэ Егор Загребинлэн со выллем пуштрое мукет веросьёсыз но – кылсярысь, «Ческыт но, курыт но» ужес. Оло, соин но озыы луэ: кызыы гожтй ни азьпалангес, пинал-егит дыръямы ми соин огкадъгес адзонэз адземын. Мон уг паймы, милиям ёзъёсмы пöлысь ик каньылгес улэмъёслы соос сокем зо-

лэсь өз йотылэ ке но – милесьтым егитгесъёс сярысь уг ик пот-таськы ни.

Тани таёе азыкыл нерге гожтэме бере мон Егор Егоровичен ваче вераськоно но кариськи на.

П. Чернов. Егор Егорович, тон егит дырысеныд ик пьесаос борды басьтйськид. Луэ-а сое валэктыны, Ленинградьсь театр институтын дышетскеменыд но Удмурт театрын ужаменыд гинэ?

Е. Загребин. Тазыы луиз. Ленинградын Валентина Загуляеваен, Геннадий Соловьевен, Леонид Романовен но мукетъёсын-ныз ёш дышетскыкумы, милемлы пьеса утчано луиз. Куинетй курсозь отрывокъёс но мар гинэ шудймы, нош куинетй курсысен дышетйсьмы – курсэз нуись – шуиз: «шедьтэлэ удмуртсэ». Асьме дорысь милемлы лэзизы вал пьесаос, но соос театрын мынйзы ни. Дышетйсьмы соос пёлысь огзэ но кутыны соглаш өз кариськы: тйледлы, пе, бертыкуды съорады ваёно сыёе спектакль, кудйз дорады өз мыны на, али но уг мыны, сое, пе, калыктылы возматыны мед быгатоы. Василий Яковлевич Перевошиков ёап Ленинградын стажировка ортче вал, кык ар отын улйз. Со мыным вазиськиз: Егор, тон, пе, веросъёсын вырыськод ук – пьеса борды но басьтйськы ай, оло, маке пёрмоз. Тйни озыы кутски мон «*Тулыс зор*» пьесае борды. Со вакытэ трос вераськонъёс потылйзы пленэ шедемъёслэн бертылэмъёссы пумысь. Мон но адзем кароно кожей-а, мар-а. Нош со адзем карон гинэ өз луы ини – пьеса быдэсак лэсьтйськиз удмурт материал вылын. Василий Яковлевич но юрттйз, милям дышетйсьмы Евгения Константиновна Лепковская но (со ачиз но гожъяськиз). Со туж вала вал теориез. Мынам ужелы со огъя ёр сётйз. Кыкназылы ик соослы туннэ но тау карисько.

«*Тулыс зорлэсь*» кык картиназэ Ленинградын пуктймы, отын ик возматймы. Паймизы соку: сыёеез вылымтэ на.

Нош нырысетйез уж пёрме ке, бёрсяз выльёсыз но кошко. Бертэм берам туж-туж пьесаос котыр выри ини. Азылантй инкуазылы сйзем веросъёс гожъянме но. Таиз борды малы мон кутски? Тятяе мушкась вал. Колхозлэн муш бакчаез кыдёкын вал, гуртысьтымы кык километрын. Мынйськод тазыы отчы – нюлэс ачиз вера ини, пйшур-а тонэ өте, тылобурдо-а.

П. Ч. Бератаз тон публицистика бордысь куштйськид-а яке өд гинэ выры ини-а соин? Али ке, та берло ньыль-вить-куать аръёсы, выльысь со борды берыктйськид. Бен, мон валасько, журналлэн төроез (пөрмытэ ке) ас журналэзлы трос гожъяно луэ, малы ке шуоно, кытйяз авторъёс кулэезъя уг гожто яке чик но гожтыны соглаш уг карисько, укыргес ик туалла вакытэ. Нош соин гинэ валэктысалыд-а тон та югдурез?

Е. З. Меёак вераса, мон публицистикаен, оло, сокем ой но вырысал, нош куддыр гожтытэк чиданы уг луы. Тани, шуом, удмурт кыл сярысь – озьы но верасько, тазы но. Театрын ужакум, мон малы публицистикаен ойгес выры? Соку калыклэсь палэнынгес уйськиз. Журналист луыса, али трос адямиосын пумиськылйсько – сое ваньзэ вератэк йоныз өвөл. Калыкен пумиськылйськод, соин вераськылйськод ке, ваньмыз со тынад шапыкен-шапыкен люкаське. Трос бен уг гожъяськы, но люкаськем бераз гожтытэк уг луы ни.

П. Ч. Егор Егорович, кемалась тон мадид вал, кызы гожтйд нырысетй заметкадэ. Уно аръёс ортчыса, со учыр тыныд «Ческыт но, курыт но» веросэдлэн пуштротаз пыриз. Оло, шонергес луоз, веросэдлэн фабулаезлэн сюрлыез луиз шуыса. Мон, шол, созэ ачид пырак усътытэк но шөдй: аслам гожъяськон сямь сыёгес уго. Мон ваньмаз сямен ужъёсам аслэсьтым адземме, аслэсьтым кылэмме, ас вылтй ортчезэ, ас сюлэм пыртй потэмзэ гинэ сэрттйсько-пертчйсько но лыдъисъёсылы вуттыны тыршйсько, ваньмыз со соосыз малы но солы дышетоз, оло, соослы тунсыко йөтоз малпаса. Ма, асьмелэн гинэ озьы уг луы ини – дауре шорысь литераторъёс пöлын вöлмемын өвөл, дыр, таёе веран (яке валан-а): вань улытояз-ужатозяз писатель ас улэм-вылэмзэ (оло ассэ) гожъя. Та кылъёслы тон нялтас-а, пумит-а кариськысалыд?

Е. З. Сизьымдон процентэз, мар гожтэмын, ас вылтй кошке, куамын процентэз со гожтэмысь тупатъямын-волятэмын. Пузэ но тани басьтйськод ке, со материал гинэ, сое чебер карон понна кытйзэ лусъёно, кытйзэ вандоно, кытйзэ волятоно. Гожъяны пуксьыку но тодэ ваиськод: ага, монэным сыёе учыр вал,

сое гожтоно, сое верам потэ ини. Но котькуд материалэз, кызы шуи, лусъё, волято, бергато. Куддыр одйг ужез ик кык-куинь пол гожтытэк өвёл. Нош вань сыче учыръёс но – пьесаос гожтыку, тани «*Эш-Тэрекез*» ик яке «*Насьтокез но Исьтокез*», отын сизымдон процентэз малпамын, куамын процентэз улонысь басьтэмын (яке тодэм-валамысь-а). Мынам озьы луыса кошке. Мон бадзымесь ужъёс ой гожъя. Пьеса тани куатьтон-куатьтон вить бамозь вуэ. Характерез возматыку, котькуд фразын маке но малпаськод ини. Малпамез трогес луэ пьесаосын. Нош веросьёсын сычөөз сомында өвёл.

П. Ч. Таиз юанэ азьвылысьтыз потэ, нош озьы ке но, мон сое көберасагес сётйсько. Мылыд өз ке жутйськы яке со тыныд гольтрес йётйз ке, Егор Егорович, тон солэсь палэнтйськыны быгатйськод.

Нош юанэ таچه. Удмурт гожъясьёслэн кусыпъёссы огшорыесь өвёл. Азьвыл но ой вал. Али мон та югдурлэсь выжыоссэ утчаны уг турттйськы, чөшеннамылэсь кусыпъёмес гинэ йотылэме потэ. Асьмелэн олокычөөсь но вакытъёсмы вал, нош озьы ке но, кусыпъёмсы чылкак тэшкаса ноку но өз кошкылэ, али но тани умоесь. Ойтөд, кызы-мар луылыз тынад мукет литераторъёсын, кудъёсыныз мон нырысь ик ой тупалля яке нырысь-валысь тупаса вылысь но бератаз тупамысь дугдылй – созэ мон тазы валэктысал: мынам соосын кусыпъёсы сокем сörиськылйзы, соосыз валче эшъёсмы тупатыны тыршыса-тыршыса но мынам номыр лэсьтэме өз луылы ни. Кызы тон та шоры учкиськод? Асме ке верано, мон тупаммылы шум гинэ потйсько.

Е. З. Бен, Петр Константинович, ма быдза со философия – ог-огеныд тупан, ог-огеныд вожвылъяськон, ог-огедлы вожъяськон. Тани тон пöртэм редакциосын, пöртэм удысьёсын ужад – газетъёсын, радиоын, телевидениын, журналын... Мон кытйяз вожъяськисько вал тыныд. Но мынам ноку но одйг адямиен но жугиськеме өвёл. Куддыръя гинэ лöпшалляме вань. Али дырозь одйг муртэн гинэ, кудйз монэ ушъялля-ушъялля вал, мон солы зэмлыко кылъёс верай но, кусыпмы воксё уродмиз.

Сямы, тодйськод – зырдыт но, керзег но луылйсько. Но мон мукет адямиез но, асме но валаны тыршисько. Куддыр кинэн ке керзеггес вераськи ке но, чуказеяз ик солы киме сёто.

Мон тодйсько сыће вакытэз но, куке асьмелэн огвадеслы кусыпмы сörösькылйз. Нош мон котьку шодылй огъя югдурез но, тынэсьтыд мылкыддэ но, малпангёстэ но. Зэм, тон котьку ик ас малпангёстэ мыным өд усътылы.

Адыми кинлы ке урод лэсьтэ ке, со уродэн берыктйське аслыз ик. Котьма тон кар, тыныд урод лэсьтэмед бöрысь ас вылэ ик вуэ. Кытйяз ум валаське асьмелэсь калыкен умой кусыпгёсмес. Сое валаны, дырыз дыръя дунъяны кулэ, нош асьмеос чемысь ум валаське, ум но дунъяське. Бöрысь гинэ валаськомы, йырбермес кормаськомы но малпаськомы: «Э-э, умойтэм лэсьтймы». Нош озы но адыми доры мыныса өпкелыны ум быгатйське: асьмелэн кутыса возисьмы вань, лэся. А мукет интыюсын озы өвёл. Тани Москваослэсь мынам олокöня пол ог-огенызы ваче вуылэмзэс адзылэме вань – эсьма, кыће гинэ кылгёс ог-огзы вылэ уг кисьтало, нош чуказеяз, учкиськод но, соос Литераторгёслэн юртазы пуко ини, ог-огзы азын өпкелё, собере ваньзэ сое сюмык винаен гылтыса лэзё, асьмелэн озы уг луылы. Асьмелэн бен татчыозь кыће ке клубмы но өвёл. Ма, мукетгёслэн но өвёл – артистгёслэн, суредасьгёслэн, музыкантгёслэн... Оло, быдэс удмурт калык понна одйг ке но сыће инты тупатоно-лэсьтоно вылэм. Ог-огмылэсь юрттэт ум куриське, нош вожьяськон сяммы зол.

П. Ч. Ярам, ойдо выльысь литература ужгёс вылэ выжомы, гожъясьгёслэн кусыпгёссы, мынам оскемъя, литература ужгёс пöлы, литература процессе пыро ке но. Оло, соос ваньзы-огенызы люкиськонтэм герзаськемын шуоно-а.

Мынэсьтым, тазыы лыдзисьгёсын я литераторгёсын пумиськылонгёс дыръям, кытйяз юалляло: тани тон (Тй-а) гожъяд но гожъяськод очеркгёс, статьяос, веросьгёс, повестьгёс, вань романэд но – кыће жанр тыныд аслыд тужгес ик кельше?

Мон валэктйсько: котькуд жанрлэн монэ бордаз кысись маиз ке вань, нош мон асме укыргес ик эркын но каньыл

шөдйсько повестъын. Асьмеос та вераськонмылэн кутсконаз ик тон пöртэм жанрjьсын ужаськод шуыса пусйимы ни, нош кыче жанрын тон астj укыргес ик эркын но каньыл шөдйськод, Егор Егорович?

Е. 3. Шонерак вераса, огез но сокем каньыл уг шөдйськы: мон секытэн гожъяськисько. Собере мон азьтэмгес адыми, чем дырjя жöк сjöры пуксеме уг поты – котьма кар, кыче ке но муг шедьтjсько: туннj куазь укыр шулдыр, яке зоре, мылкыд урод, çуказе телевизор пыр умой футбол мынj – пуко ай жытазе сое учкыса. Дась ке öвöл материал, весь озьы çыжаськисько. Мон али но пырак вераны кышкаськогес, мон профессионал шуыса. Кызьы шуj Ю. Олеша – «ни дня без строчки», – мынам озьы уг пöрмы на. Но мон куддырjя асме кужмысь косjсько ни: тон гожъяськись ке, гожъяськыны кулj. Соиз ласянь бен туалала егитjьс монj но ортчизы. Тани созj я тазj Писательjьслэн союязы кутjськомы, но соос гожъяськемысь воксö дугдо.

Юамедлы, котьма ке но, тазьы шуысал на, Петр Константинович: туж секыт ке но пjеса гожтыны, нош мынам азьтэм куненым но дас куинь пjеса гожтjмын, со бордын мыло-кыдогес ужасько. Озьы ик инкуазьлы сjзем пичиесь веросjьс бордын. Шумпотыса соосыз гожтjсько, нош творчество шумпотон луыны кулj, малпасько мон.

П. Ч. Асьмеос, кызьы шуо, базаре мынjсьöс öвöл ни – базарьсь бертjсьöс. Öйтöд, ачид сярись пырак вераны уг дjсьтjськы, нош мынам мылкыды куддыр туж секыт луj. Базарьсь бертон вакыт вуэмьсь чик но öвöл – котькинлэн, котьмалэн та югыт дунне вылын ас вордjськон вакытjз, сясьякаян вакытjз, кисьман вакытjз, тöлзöн вакытjз. Монj жожомытj соиз: асьмеос гожъяськыны öдjян вакытj литературалэн (литераторjьслэн) данjз туж бадjым вал, нош берло куать-сизьым арjьсы со зjрак усиз. Асьме син азьын усиз. Сое учкыны но чиданы секытлjсь но секыт – со дан весь усе но усе на ук, öйтöд, ку усемьсь дугдоз. Оло, чик уз дугды. Оскем потj вылэм, кукке-соку дугдоз ик шуыса. Нош асьме кадj литератураослы бер уз луы-а? Jзуч кадj бадjым лите-

ратураос, котьма ке но, уз бырелэ, нош асьме выллем пичи литературеос жутйськыны уз пörмытэлэ ни.

Та малпанме эшшо азыланьтоно на. Я бең, гожъясьёслэсь ужъёссэс потталоно, соослы тырыны но коньдон уг тырмы, отйяз ке, оло, воксё уз шедьы ни. Нош соослэн сй-данзы мукет ласянь но усе ук. Яке сое уськыто, шуод-а. Тани алигес мон ветлй удмурт калыклэн кунлык басытэмез дырысен 76 ар тырмемезлы сйзем сйё-дано кенеше. Монэ отчы «вылйос» өз өтчалэ – удмурт-тьёслэн огазеяськонзылэн төроез. Мон отысь чылкак кык литераторез гинэ пумитай – асмэ но со нуналэ кун приемия басытэм Василий Ванюшевез. Кенешлэн президиумаз но соос пöлысь оgez но ой вал. Мон сямен, сыче югдурез туала кивалтйсьёс яке валам-тэысьтызы кылдыто, яке юри.

Е. З. Озы шуыны вазь на.

Асьмеды асьмеос али озы пуктймы, лэся. Тани олокыче но комиссиосын луыло вал писательёслэн кивалтйсьёссы. Туэ ум адзиське соосты. Яке ум возматйське-а. Куке маке верано вал, писательлы котьку кыл сетйськылйз. Горький дырысен озы кыстйськиз – али уг ни.

П. Ч. Малы?

Е. З. Малы ке шуоно, нырысь ик куашкатэмын ачиз Союзмы (СССР). Асьмеос но Писательёслэн союззы шуиськомы ук – нош сыче зэмоз Союз но солэн ужез но уг ни шөдйськы. Горький выллем зэмоз писательёс но кужымзыя өвөл ни, вылды. Кошкизы Красильников, Самсонов... Нош выль төромес мон соосын чöшатыны уг быгатйськы. Кивалтон биньгозызэ лябгес возе на. Кызы астэ пуктод, озы ик кивалтйсьёс но асьме шоры учкозы.

П. Ч. Ойдо асьмеос тазы кенешом. Пырак верано – берло дыре асьмелэн кивалтйсьмы сьöлыка. Но вань асьмелэн суредасьёслэн председателызы – солэн сыче сьöлыкез өвөл, со кивалтйсьёсын но огъя кыл вылэ вуылэ. Нош, озы ке но, республикалэн вордйськем нуналэзлы сйзем өтчамысь ик мон сое ой адзы. Ой вал отын артистйёслэн председателызы но. Президиумын, Мамонтов сяна, культура удысысь одйг ужась но ой вал.

Анатолий Васильевич но ай, оло, отчам бере «Италмасэныз» сцена вылэ потыны кулэысытыз гинэ отчы жимиз.

Е. З. О-о.

П. Ч. Я, шуом, удмуртёсыз туалла вакытэ уг отчало ни, нош малы отиллянтэ Олег Алексеевич Поскребышевез ик – со республикаысь калык кылбурчи ук?

Е. З. Петр Константинович, асьмелэн гинэ озыы өвөл – Москваын но шудыны шудо, но литератураез, искусствоез, быдэс культураез уг дунъяло ни, уг данъяло ни.

П. Ч. Туж сюлэмшугъятэ монэ литературамылэн будйсь ужасьёсыз но – созэ тани ачид но пусйид. Сое но, нырысь ик, та кылдэм югдурен валэктыны луоно. Нош соин гинэ валэктыса, тырмыт уз луы, дыр. Тани мон басьтйсько «*Писатели Удмуртии*» книгаез. Отын асьме ёзъёсмы куамын-ныльдон мурт, оло, нош ныльдонэти аръёсы вордйськемъёслэн лыдзы ожытгес ни, витъгонэтиослэн – эшшо но ичигес, куатьгонэтиослэн – чылкак көня ке гинэ. Бен, мон валасько, ныльдонэти аръёсы вордйськемъёслэсь лыдзэс война кулэстйз, куатьгонэти аръёсы вордйськемъёс литературае рос-прос пырыськыса өз вуттэлэ на. Нош озыы ке но, урод тенденция адзиське ини.

Е. З. Асьмеос будыку, сыче тулкым вал. Удмуртёслэн гинэ озыы ой вал – зучъёслэн но: басьгом тани Вампиловез ик, Раппутинэз ик, Шукшинэз ик. Ма, быдэс дуннеын озыы: писательёс, кудъёссэ али классикъёс пöлы пырто, куамынэти аръёсы вордйськемын. Соос куатьгонэти аръёсы гождяськыны кутскизы ини, зучъёс бöрысь соосты «шестидесятники» шуизы. Тани асьмеос со «шестидесятникъёс» пöлы шедимы.

П. Ч. Тани мон тыныд, Егор Егорович, эшшо кык факт верало. Туэ республикаысь литература кун премизэ сетйзы Петр Петрович Любомировлы но. Көня ке ар талэсь азыло со радио кылзйсьёслы паймыса но данъяськыса вераз вал: мон телерадио комитетэн кивалтыку, пе, радиоын артысь кабинетъёсын ужазы Гай Сабитов, Леонид Емельянов, Николай Васильев, Генрих Перевощиков, Владимир Самсонов... Вераз монэ но. Соку, шуиз

на, Гай Сабитович гинэ Писательёслэн союязы кутэмын вал ай, нош бõрысь вань верам адымиосыз отчы кутйзы.

Мукетыз факт. Куатьтонэтй аръёсы Иркутскын, егитъёслэн газетазы ужамъёс пõлысь кызь тямыс мурт Писательёслэн союязы пырем. Кыкелзлэн нимъёссы укыргес ик тодмо – Александр Вампилов но Валентин Распутин – али гинэ ачид но соосты поттад...

Е. З. Вячеслав Шугаев но...

П. Ч. Созэ уг тодйськы.

Е. З. Тани кемалась ик õвõл, Писательёслэн союязы кутйм тямыс-укмыс муртэ. Авансэн кутйм но соосты буйгатйм. Нош асьме дыръя пырыны шуг вал, куд-огез пырыны õз но быгатэ. Курон бадзымгес вал. Нош ужпум со бордын гинэ õвõл. Мон оскисько: ортчоз кõня ке дыр – выль тулкым жутскоз. Милям «Инварож» журналмы егитъёс понна потэ бере, мон соосын ём пумиськылйсько. Гуртъёстй но ветлйсько. Гожъяны мылкыд карисьёс õжит õвõл. Соосты лобаны ке дышетйм, соос асьмеды воштозы. Но пиос õжитгес. Нош литератураез котьку воргоронъёс нуо вал. Собере кылбур гожъясьёс, проза гожъясьёс сярысь, шõдскымон ичигес.

Улон ке воштйськиз, асьме республикаез воксё ке õз быдтэ, журналъёсты õз ке пытсалэ, нош ик шуисько, литературалэн выль тулкымез жутскоз на. Мон сыёе осконэн улйсько.

П. Ч. Асьмеос татчыозь тазы пумиськыса, Егор Егорович, куспамы туж õжит вераськылймы – кызы тон ужаськод, кызы ачим ужасько... Табере тани юри вераськиськомы. Но та вераськеммы лыдзисьёслы (журнал бамъёсы потэмез бере) соос азын юри вераськемлы медаз кельшы вылэм.

Е. З. Дышетэм кадъ...

П. Ч. Юри вераськем кадъ медаз адзйськы.

Е. З. Петр Константинович, таёе вераськонъёс – со ведь дышетон гинэ õвõл: аслэсьтыд мылкыддэ тон вераськод, мон аслэсьтымзэ усътйсько. Нош писательёслэн вераськемъёсысьтызы, гожъяськемъёсызтызы сямен ик, лыдзисьёс маке но мед басьтозы. Сотэк малы вераськод-гожъяськод?

П. Ч. Я, асьмелэн вераськонмы жожгес пөрмиз кадь. Пу-мыз сыҕе медаз луы шуыса, мынам тазыы вераме потэ. Выльысь ачим бордысен кутско. Татйяз мыным тросэз шуыло: кушты тон со гожъяськондэ – адзиськод ук, кыҕе али югдур, вылаз ик висьылйськод. Мон соослы номыр пумит уг вазиськы, нош поннам малпасько: уг, монэ гожъяськемысь яке султонтэм висён, яке кулон гинэ дугдытоз – мон пумозяз мыно. Тынад со ласянь кыҕеесгес малпангёсыд, Егор Егорович? Тазалыкедлы татчыозь сокем уд жожтйськиськы кадь?

Е. З. Мынам, Петр Константинович, жожтйськон интыюсы, оло, вань, но мынам жожтйськон сямы өвөл. Мон асме калыклы куанерен возьматыны дышемын өвөл. Милям выжымы сыҕе ой вал. Виси ке но, мон асме уг висиськы шуо, коньдонэ ке но өз луы, асме узырен возьматыны туртто. Улон сокем секыт, нош мон сое жожтйськеменым эшшо секыт кари ке – уг, уг... Мынам сыҕе сямы өвөл.

Нош гожъяськон пумысь верано ке, кызы ачид шуиськод, асьмеос коросэ пыреммы бере гинэ дугдомы. Асме ке басьтоно, монэ өжытэн коньдон тыремзы но, өжытэн поттамзы но уз дугдыты ни. Веранэд вань ке, тон сое пушкад возыны уд быгаты – висись луод. Асьмелы озыы косэмын-сётэмын та дунне вылын: мед гинэ быгатом асьмеос ужаны, асьмелэн ужаммы мед пөрмоз, инмар кужым мед сётоз – берло шокчытозь.

П. Ч. Азыланыз но тыныд тазалык но азинлык, гажано Егор Егорович.

Е. З. Туж бадзым тау. Аслыд но, Петр Константинович.

А. З. Диева СОКРОВИЩЕ НАЦИИ

Про Егора Егоровича Загребина своими воспоминаниями поделился художник, лауреат Первого Всесоюзного конкурса художественного творчества трудящихся, лауреат премии имени Алексея Холмогорова, заслуженный работник культуры Удмуртской Республики Анатолий Фёдорович Загумёнов. Родился он 18 июня 1938 г. в деревне Якшур Якшур-Бодьинского района. В Доме культуры размещена галерея созданных А. Ф. Загумёновым художественных портретов знаменитых людей района – участников войны и труда, заслуженных хлеборобов, учёных, учителей и врачей, работников культуры. Когда я приехала в Якшур-Бодью, мы с Анатолием Фёдоровичем направились в музей. Нас встретила Надежда Михайловна Кутявина, специалист по учёту музейных предметов. Я увидела много портретов на стенах просторного зала. «Всё это я выставляю для того, чтобы рассказать, для чего это делается; здесь портреты не только Егора Загребина, а всех заслуженных людей, причём и работников администрации, – так начал свой рассказ Анатолий Фёдорович. – Заслуга их большая: благодаря им, с их помощью мы такой Дом культуры имеем, и такой музей не в каждом районе есть. У нас очень интересные выставки бывают. Также Егора Егоровича выставляли, его литературу. Одному это никак не осилить. Всё это благодаря нашим музейным работникам. Вот это священник, основоположник местного процесса просвещения Александр Платонович Ардашев, – показал Анатолий Фёдорович, – эту икону Егор Загребин видел даже в мастерской. Тогда он сказал: «Даже не у всех профессионалов получается икону писать, а ты, Анатолий Фёдорович, художник-самородок».

А. З. Эта икона – мое особенное поклонение и дань памяти Александру Платоновичу Ардашеву. Он открыл церковно-приходскую школу. В 1937 году его расстреляли. Этой иконой поклоняюсь Егору Егоровичу Загребину, его роду, сыну. Благо-

словляю и себя утверждаю как художник, так как меня оценили и в церкви. Ведь прежде чем писать, благословение получаешь.

К 90-летию района руководитель группы компаний «Коммунальный комплекс» Пётр Сидорович Дедюхин установил символический памятник человеку ударного труда – последнему кочегару. Ижевские скульпторы делали. А почему Егору не поставить? Это вполне реально, это не «маниловские» мечты. Заслужил человек это – родина его здесь!

У меня пейзажей очень много. Любой пейзаж берите для выставки, к примеру, «Весна на родине Егора Загребина». Любая выставка без пейзажей не смотрится, да и люди не выдержат, если будут одни портреты. Где-то пауза, отдушина, два-три пейзажа, потом снова будет продолжение. Нужно Егора отметить у нас, именно у нас. Загребина, Садаеву можно в театре выставить. Везде они приемлемы будут. Портрет, который я ему подарил, как сказал Алексей Егорович, висит у него в кабинете.

А. Д. Анатолий Фёдорович, а свой портрет Вы написали уже?

А. З. Нет, ещё рано. Да я завалил уже девочек работами. Не то что мои работы, а сама эпоха просит прошлого.

И тут присоединилась Надежда Михайловна:

– Анатолий Фёдорович воссоздаёт историю. Пейзажи, которые увидите в галерее, это наши места родные, и люди, которые знают это место, для них это очень трогательно. Они стоят и говорят: да, я здесь когда-то бегал, это наши поля. Получается, что кто-то фотографирует историю, кто-то пишет, а Анатолий Фёдорович рисует, создаёт в своих работах. И эта история – те поля, портреты, герои, известные люди, – для нас это очень ценно, и для музея тоже. Мы гордимся, что у нас есть такой фонд.

Анатолий Фёдорович смотрел на ближайший от него портрет Егора Егоровича.

А. Д. Анатолий Фёдорович, для Вас кто – Егор Загребин?

А. З. У Виктора Астафьева есть книга «Посох» – обращение к творческой молодёжи (кстати, я с ним дважды виделся). Егор Егорович пишет: «Толи, ты мастер, художник-самородок». Он заставил меня поверить в себя. Поверьте, это очень нужно. Согла-

ситесь, так ведь? Я по этой бумажке отчитался. Эта бумажка для меня – «Посох». Я волновался, потому что Егор Егорович человек уже известный был, но он согласился, чтоб я его портрет написал. Он мне не диктовал, как рисовать, а советовал по-доброму. Для меня это доверие очень важно. Для меня Егор – «Посох».

А. Д. Когда первый раз встретились с ним?

А. З. Первая моя встреча была не с Егором, а с его фамилией. Когда в Сибири жили, каждое лето в отпуск ездили. На обратном пути на какой-то остановке в киоске я купил альманах «Между Волгой и Уралом». Там были рассказы Егора Загребина, как он мёрзлую картошку перекапывал, тогда все жили на этом. Рассказ «Крапива»... Вот, думаю, из Удмуртии, такие рассказы написал. Это первая моя встреча с его творчеством. В 1972 году я вернулся из Сибири на родину. Приехал, устроился оформителем, в школе труд вёл и уроки рисования в младших классах. А в каком году встретил Егора первый раз, точно не помню. У меня уже машина была, и мы с художником Александром Егоровым ездили на родину Есенина в Константиново своим ходом. Это был туристический маршрут довольно-таки приятный. И на Ваганьковском кладбище в Москве были, я даже земли горсточку с могилы Есенина взял.

У нас была художественная мастерская, я приходил туда. Однажды вижу – оттуда выходит молодой человек с портфелем, лицо ярко-румяное, рубашка ярко-розовая, волосы рыжие-рыжие! Да такая шевелюра! Думаю, ёлки-палки, куда я езжу к Есенину!.. Конечно же, я сдружился с ним. Не раз провожал на машине до деревни. У меня была мечта попасть в Художественный фонд, потому что там ведущие художники были. Я работал тогда в Летнем саду в Ижевске. Фонд находился напротив цирка. Встречались там с художниками, в том числе с Алексеем Павловичем Холмогоровым. Я и Егору говорил: вот бы туда попасть. А потом действительно – Алексей Павлович меня взял в производственный цех. Я думаю, это не без участия Егора Егоровича было, он Холмогорова знал лично. Туда и с дипломами-то не каждого брали. Попал я «в струю», работал около семнадцати

лет, до пенсии. Это была моя школа, моя академия. В 1975 году проходил Всесоюзный фестиваль творческой молодёжи, и мои работы попали аж в Москву, в Центральный выставочный зал. Я все три тура прошёл, мне вручили медаль – я стал лауреатом. Мне везло на хороших людей. Даже на Астафьева. До этого читал детские его рассказы, и деревню его Овсянку не раз проезжал. И всё это я говорю к тому, что надо и Егору Егоровичу музеей создать.

Я рассказываю одновременно и про него, и про себя. Я отчитываюсь теперь. Отчитываюсь чем? Работой. Чтобы утвердить мой Посох, чтоб закрепить его. Я обязан многим Егору Егоровичу. Спасибо ему!

А. Д. Он, наверное, лучшим Вашим другом был?..

А. З. Он, по-моему, со всеми дружил. Он ведь ко всем шёл с добротой. Есть хорошие люди, умные, но они не любят людей, себя только выставляют. А он ко всем шёл с добротой. Помню, как-то он с трибуны выступал, говорил, что Загумёнов – творческий потенциал вашего района. Я сперва не понял, подошёл к Саше (А. Г. Шкляеву): потенциал-то, говорю, я понимаю, а вот... Он же шутник был, чудила. А юмор у него приятный, с добром! А сколько он приезжал с лекциями в нашу гимназию, писатели с ним приезжали.

На портрете Ардашева снова остановлюсь. Не раз приезжали родственники его. Помню, правнучка маленькая стул подставила, гладила портрет. И я тут стою, мне очень приятно было. Этот портрет далеко меня пронёс. Опять-таки благодаря Егору. Он меня вдохновил: «Ты самородок, ты художник». Эта бумага – мой Посох. А внизу – «Сябась!» Это приветствие, восторг, восхищение. Почему я это написал? Потому что я выполнил работы по его бумажке. Раз меня сын его обнимал за портреты, я думаю, и Егор был бы доволен.

А. Д. Как живой он тут...

А. З. И все так говорят. Спасибо. Он философ тут, думает. Я даже подписывать не стал: пусть человек думает вместе с ним. А шевелюра какая красивая! Седой, но красивый! Вот что для

меня Егор. И опять-таки, для чего это делается? Повторюсь. Почему не закрепить Егора при культуре нашей? Он имеет законное право, жизнью своей доказал. И на выставках всегда говорю, что памятник надо поставить ему.

А. Д. Анатолий Фёдорович, Вы – художник, он – писатель. Что сблизило вас?

А. З. Это добро. Всё, что несёт в жизнь. Эти рассказы. Настолько они убедительные! Читаешь этого же Астафьева или Чехова. Но столько охватить!.. И у Загребина рассказы такие же. Книгу «Лебеди моего детства», наверное, видели?

А. Д. Мы с Егором Егоровичем вместе её составляли, выбирали, какие произведения включить в нее, какие – нет, и над заголовками, и над названием книги тоже вместе думали...

А. З. И вот опять благодаря Егору мы встретились. Опять-таки добро продолжается. Это гордость нации! Вот в этих словах смысл нашего разговора.

Я был на открытии мемориальной доски Е. Загребину в Мукшах. Впервые увидел сына, Алексея Егоровича. Он очень корректно говорил. Я прислушивался к людям. Первая мемориальная доска Василию Широкову, вторая – Егору Загребину. И вот какой-то умник портрет Егора внизу, после текста поместил. Я там ничего не сказал, но это грубейшая ошибка!

У Анатолия Фёдоровича дома было выставлено несколько картин, они очень яркие, красочные! Идёт Егор Загребин, рядом подсолнухи, маленькая речка и его родимая деревня. Что удивительно, Егор Егорович молодой, в национальной одежде. Художник сумел передать яркое сияние глаз, такие они живые и устремлены куда-то вдаль. И над ним летят лебеди!

А. З. Язык живописи – он сложный. Всё сразу никак не скажешь. Вот я искал: здесь писатель, здесь гражданин Удмуртии. Смотрит в будущее, думает об Удмуртии. Теперь меня уже знают, все преподаватели удмуртского языка просят: «Анатолий Фёдорович, сделайте нам портрет Егора Егоровича». Сейчас, сами знаете, – всё на фотографиях. Вот и сравнивайте: фотография или портрет художника. Каждый художник сделает по-своему. Внеш-

нее сходство ещё не всё, надо передать характер. Это образ, художественный образ. Помню, был юбилей у Александра Григорьевича Шкляева. Егор Егорович вёл вечер. Я рассказал про Сашу, про своего земляка. Егор, конечно, и как актёр держал всю программу. Хохоту было! Потом был шведский стол. И здесь своим поставленным голосом Егор Егорович периодически произносил «Сябась!» Вот это я и стараюсь передать.

Эта картина в стадии завершения. И композиция найдена, и пейзаж. Писал я её по вдохновению. Библиотекари предложили книгу «Лебеди моего детства». Эти лебеди не случайны. У Юры Лобанова в гербе тоже лебеди. А что такое лебеди? «Капчи, чылкыт, сюлмо (Лёгкий, чистый, сердечный)». Это благородство. Кому-то если не понравится, я буду отстаивать. И что это гордость нации, говорит всё: и оформление рамы, дух национальный, и рубашка не случайная на него надета. Он не позирует, а просто идёт и тут же даёт мне понять: «Толя, ты художник, решай сам». Он не диктует, не навязывает мне, как рисовать. Написал же: «Толя, ты художник», вот я и поверил в себя. Вот это и есть для меня Егор Егорович Загребин.

Е. Е. Загребин – студент Ленинградского института

*Е. Е. Загребин с товарищами по учёбе у фасада
Александринского драматического театра в Ленинграде*

Е. Е. Загребин на военных сборах Ленинградского ВО, конец 1950-х гг.

Е. Е. Загребин в одной из ролей в театре

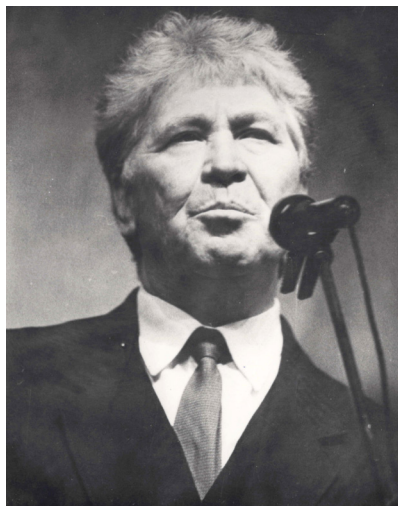
Е. Е. Загребин, читка пьесы, конец 1970-х гг.

Е.Е. Загребин (1980-е гг.)

Е. Е. Загребин на субботнике у нового здания студии телевидения на Песочной, 13, 1980-е гг.

Е. Е. Загребин на встрече с читателями, 1990-е гг.

Е. Е. Загребин в разные годы

Е. Е. Загребин в Союзе писателей

*Е. Е. Загребин выступает на заседании правления
Союза писателей Удмуртии (2010-е гг.)*

В Мукушинской средней общеобразовательной школе Якшур-Бодьинского района состоялась научно-практическая конференция, посвященная творчеству Егора Загребина – народного писателя Удмуртии, члена Союза писателей России и бывшего председателя Союза писателей республики.

В мероприятии приняли участие депутат Государственной Думы ФС РФ, сын писателя Алексей Загребин; председатель постоянной комиссии Государственного Совета по науке, образованию, культуре, национальной и молодежной политике и спорту Татьяна Ишматова. Также участниками конференции стали педагоги и учащиеся школ, воспитанники детских садов Якшур-Бодьинского и Малопургинского районов, представители органов власти, руководители района, писатели и журналисты, работники культуры и искусства.

Приветствуя участников, Татьяна Ишматова отметила, что хотя Егора Егоровича уже несколько лет нет рядом с нами, его дела продолжают, а написанные им произведения радуют читателей и зрителей. «Моя первая встреча с Егором Егоровичем состоялась еще в юности, уже тогда меня поразило его умение держать внимание аудитории, – рассказала Татьяна Ишматова. – Ему не нужен был микрофон, ему не нужна была сцена. Он был настоящим оратором, артистом. Если соперечивал – от всей души, если высказывал свою позицию – честно, открыто. Он внес значительный вклад в развитие удмуртской драматургии и литературы в целом, а сколько бы еще мог сделать».

После пленарного заседания в Мукушинской школе, где учился Егор Загребин, в память о выдающемся выпускнике была торжественно открыта мемориальная доска, а после этого в ходе работы секций участники конференции обсудили актуальные вопросы развития удмуртской культуры.

*Художник А. Ф. Загумёнов и литературовед А. Г. Шкляев вручают
А. Е. Загребину портрет отца (с. Якшур-Бодья, 2021 г.)*

Глава V. Из дневника писателя

Е. Е. Загребин

О МУЗЫКЕ К СПЕКТАКЛЮ «ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ»

Впервые я увидел Германа Афанасьевича Корепанова в 1961 году. Был теплый сентябрьский вечер. Режиссер первой моей пьесы «*Тулыс зор*» («Весенний дождь») Василий Яковлевич Перевошиков пригласил меня на прослушивание музыки к спектаклю. В театре был выходной день. Композитор должен был прийти к 17 часам. Я и Василий Яковлевич на прослушивание явились на полчаса раньше назначенного времени. Не скрою – волновался... Может ведь быть и такое: придет композитор и извинится перед режиссером – не согрела, мол, пьеса, не уловил главной мысли автора, и написание музыки не нашлось вдохновения.

Возьму паузу, расскажу о рождении пьесы «*Тулыс зор*».

Я учился в Ленинградском театральном институте им. А. Н. Островского (1956–1961 гг.). Это была уже вторая национальная студия в Ленинграде. Первая удмуртская студия была организована вскоре после Великой Отечественной войны (1946–1951 гг.). Когда мы учились на четвертом курсе, к нам пришла Евгения Константиновна Лепковская, преподаватель актерского мастерства. В течение пяти лет она обучала удмуртских парней и девушек первой национальной студии актерскому мастерству. Она так любила своих питомцев, что готова была их всех усыновить и удочерить, содержать их у себя на квартире. Почти что так и было. Послевоенное время, дорог каждый кусок хлеба. Стипендия маленькая. Из дома родители не могут помогать. Сами там живут впроголодь. И чтобы как-то уж облегчить существование, помочь студентам, Евгения Константиновна приглашала то одну, то другую пару ребят заготовить дровишек для титана. И угощала, чем только могла.

И вот такая милосердная, заботливая Лепковская на предпоследнем курсе появилась у нас. Полюбили мы ее за материнскую любовь к нам.

Как-то Евгения Константиновна говорит мне:

– Егор, не хочешь ли попробовать свои силы в драматургии? Слышала, что ты пишешь рассказы.

Засомневался я. Трудное это дело – написать пьесу. Да и никакого опыта в создании пьесы нет. Жизнь я знаю слабовато – десятилетка и институт. Живу в общежитии. В комнате пять человек: два чеченца – Руслан Хакишев и Хамид Садаев, и наших трое – Александр Блинов, Юрий Курочкин и я. Не только чтобы пьесу написать, но и к урокам готовиться проблема – шум, говор, гости. Особенно часто у чеченцев бывали руководители республики, известные артисты, как Махмуд Эсамбаев (всемирно популярный танцор), нет-нет да заявлялся по-гусарски подтянутый Джохар Дудаев (летчик-полковник), родители, братья и сестры, да просто знакомые.

Но предложение преподавателя актерского мастерства Лепковской засело у меня в голове так крепко, что я начал посещать библиотеку им. Герцена. И как-то раз натолкнулся я на такую фразу: «Приехал я с фронта домой, а встретить меня некому... умерли родители».

И будто меня током ударило. Да это же наш Яков, свой, деревенский, знакомый. От этого предложения начал я писать пьесу «*Тулыс зор*». Вскоре написал первую картину пьесы – возвращение Ильи Богатырева в родительский дом. Показал Василию Яковлевичу Перевощикову. В то время он стажировался на режиссера в театре им. А. С. Пушкина у Вивьен, известнейшего режиссера страны. В. Я. Перевощиков одобрил мое начинание и в ту же ночь перевел на русский язык. Показали, т. е. прочитали Е. К. Лепковской.

– Будем работать, – заключила она.

Первый акт пьесы «*Тулыс зор*» показали на кафедре актерского мастерства. Было много преподавателей и студентов из других национальных студий.

– Мне очень понравился удмуртский язык, – сказала преподаватель французского языка. – Слова такие мягкие, душевные, как это?.. мон-н, тон-н, яратон-н...

И кто эти слова сказал?! Потомственная дворянка из Петербурга, не снимавшая с руки белоснежных перчаток, в любую погоду державшая открытый зонтик над головой.

– Я с вами совершенно согласна, – сказала Елизавета Тиме, бывшая артистка Императорского театра, ныне преподаватель актерского мастерства мордовской национальной студии. Это та самая красавица, которая одолжила свое вечернее платье Председателю Временного правительства Александру Федоровичу Керенскому, однокласснику Владимира Ульянова (будущего Ленина).

Пришел Герман Афанасьевич точь-в-точь в 17 часов. Загадочно улыбаясь, посмотрел на меня. Поздоровался и деловито сел за рояль. И полилась музыка, увертюра к спектаклю.

Когда Герман Афанасьевич играл, я не смотрел на него, а сидел сосредоточившись, глядя в одну точку на полу и думал: «Ему ведомы все горести и ужасы бытия моего многострадального народа. Только такой композитор может передать ту глубину переживаний героя пьесы, который потерял все и вся: и родных, и любимую жену. Его же все считали погибшим. Был в плену, шаггал по этапам из лагеря в лагерь, но у каждого живого существа одно гнездо – дом, где он родился. И думал я, что лишь мой народ, столь склонный к страданиям, мог вынести всю тяжесть этой страшной войны. И мой герой Илья Богатырев, способный к страданию, обязательно встретит светлый мир, победит тьму нашего существования. И через музыку Германа Афанасьевича, можно сказать, распознал всю героическую мудрость народа. В спектакле были две песни: грустная песня – плач Тони, бывшей жены Ильи Богатырева, и жизнерадостная песня Геры и Маши.

Так уж устроено в нашем грешном мире, что только на основе страдания и осознания природы жизни бывает исцеление и человека, и природы. Все живое радуется весеннему дождю. Это очистительный дождь. Это оживляющий дождь. И так глубоко мог почувствовать только талантливый композитор.

Когда я слушал заключительные аккорды к спектаклю, мне казалось, это гимн нашей жизни. Это не дождь в прямом смысле, а небесная благодать в нашей душе.

Это о музыке Г. А. Корепанова к спектаклю «Весенний дождь». А если говорить обо всей музыке моего любимого композитора, есть в ней тайна... как неразгаданная улыбка Моны Лизы, есть такая тайна природы в его симфонии, тайна звучания в опере «Наталь», тайна и осеннее сияние полей в песне «*Бусъе-сын шобырскизы*» («Покрылись туманом поля...»).

Так уж у нас устроено, что любой талант в нашем обществе, казалось бы, воспринимают благосклонно, но лишь тогда, когда надо говорить, к примеру, о композиторе народу, особенно в дни премьеры. А надо бы говорить и в дни будничные, ибо моему любимому композитору надо было воспитывать двоих детей. Ему, большому художнику, приходилось жить в долг... на мизерные подачки Минкультуры, а когда напишет большое музыкальное полотно, вычитали налоговую сумму из гонорара.

Нет, никогда талант в России при жизни не ценился. Жили впроголодь, умирали впроголодь. И сие явление существует, к сожалению, и поныне.

КРАСИВА ВО ВСЁМ

Я просто-напросто убеждён: она из тех передовых женщин, которыми восхищались и восхищаются во все времена, в каком бы веке они ни жили – Мария Волконская, Вера Толстая, Ашальчи Оки...

Красавица-дворянка последовала на каторгу, в далёкую Сибирь за своим мужем; Вера Толстая отдала всю свою жизнь детям неграмотного, тёмного удмуртского народа, да так полюбила их, что и после своей земной жизни не покинула, завещала похоронить её на можгинской земле. А третья моя героиня Ашальчи Оки в 30-х годах прошлого века не предала, не назвала близких единомышленников великого сына удмуртского народа Кузубая Герда, а затем прошла весь кровавый путь Отечественной войны 1941–1945 гг., оперировала, спасла тысячи солдатских жизней.

И вот моя героиня Зоя Богомолова – из тех же идеальных женщин, она более полувека служила удмуртской культуре, литературе, педагогике... Её многогранная, неутомимая деятельность проявлялась во всём. Она создала Федерацию женщин творческих профессий. К ней потянулись врачи, учителя, библиотекари, любители поэзии. И каждое заседание Федерации проходило толково, умно, всегда решались проблемы сегодняшнего дня. Общась с художниками, находила те верные слова, которые помогали им в смутные 90-е годы. Особенно тогда, когда власть имущие города хотели отобрать их мансарды, мастерские. Зоя Алексеевна стучалась во все двери, убеждала, умоляла, что без мастерских художник не может творить. Очень переживала из-за раздробленности, зависти художников друг другу, из-за их групповых симпатий, разделения на «своих» и «чужих». В результате чего они страдали и сами, и Союз художников.

Благодаря Зое Алексеевне Союз писателей УР остался единым. А хулители находились и среди писателей. Зоя Алексеевна Богомолова, человек большой культуры, добрая, с мягким характером, не терпела раздоров, споров, унижения. В таких ситуациях она становилась решительной, напористой, защищала

ту точку зрения, которая была, на её взгляд, справедливой. Говорила, что удмуртским художникам слова многое предстоит ещё сделать, чтобы вернуть былую славу литературы 50–70-х гг. XX века. Тогда блистали такие поэты, как Михаил Петров, Степан Широбоков, Николай Байтеряков, Флор Васильев, Олег Поскрёбышев. И, конечно, талантливые прозаики 30-х годов – Кедр Митрей, Григорий Медведев, Пётр Блинов, «шестидесятник» Геннадий Красильников... Говорила о будущей удмуртской литературе, о проведении семинаров молодых авторов, о Днях литературы в районах республики.

Радовалась успехам удмуртских поэтесс Людмилы Кутяновой, Аллы Кузнецовой, Татьяны Черновой, Галины Романовой. Может быть, потому и верила, что в XXI веке удмурты опять вернуться к матриархату. Она гордилась своими аспирантами, которые успешно защищали кандидатские, докторские диссертации.

Сейчас кому не лень ругают советскую власть, советскую литературу, готовы выбросить за борт всю историю. Всё это идёт от бескультурья. Советская власть дала малым народам, в первую очередь, образование, работу, создала национальную интеллигенцию, открывала театры, студии, ансамбли; удмуртский народ обрёл государственность.

То, что сейчас происходит в нашей стране с литературой, печально. Литературу стали меньше читать, литературой не интересуются первые лица государства, не платят гонорары, не издаются книги. Сами авторы ищут деньги для печатания своих рукописей. Конечно, всё это печалило Зою Алексеевну Богомоллову. Ведь из-под её пера выходили большие, толстые книги о ведущих писателях Удмуртии – М. П. Петрове «Река судьбы», о Кедре Митрее «Опалённый подвиг батыра» и самая замечательная книга о Кузебае Герде «Как молния в ночи». Я бы эти книги сравнил с лучшими книгами из серии ЖЗЛ.

Зоя Алексеевна Богомоллова ежедневно трудилась за письменным столом. Издала десятки книг. О композиторе Г. М. Корепанове-Камском, о «чепецком соловье» С. П. Широбокове, о прозаике М. А. Коновалове, о «последнем из могикан» удмуртской

прозы Г. Д. Красильникове, о себе – «Всюду – жизнь», о современных филологах – «Время и слово». А сколько написано рецензий, предисловий, послесловий к книгам, творческих характеристик-рекомендаций молодым авторам, вступающим в Союз писателей СССР, России, сколько проведено «круглых столов», посвящённых творчеству писателей, поэтов.

Зою Алексеевну Богомолу помнят все студенты во всех уголках Удмуртии, где мне пришлось побывать за последние годы.

«Как она там? Затаив дыхание, мы слушали её, – говорят преподаватели школ. – Говорила так, словно ручеек журчит. Знала много афоризмов, стихов из русской и зарубежной классики. И после неё не хочется преподавать литературу сухо, ведь всегда перед нами образ Зои Алексеевны Богомоловой, красивой душой и телом».

Вы гордость наша, Зоя Алексеевна. Мы Вас очень любим!

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОВЕСТИ «ЯРАТОНЭ ТОН, ВОЖАНЭ...»

Герой данной повести интересуется загадочной судьбой актрисы Анны Колесниковой. Почему она жила всего лишь 31 год? В беседе с другими артистами он узнаёт, что Анна покончила жизнь самоубийством, даже стреляла в своих детей. Но никто ничего не говорит о подробностях, возможно, из-за страха, а возможно – из-за национальной традиции.

Герой повести догадывается, что в судьбе этой женщины отражаются сложнейшие проблемы 40–50-х годов XX века, тем более, что её муж был, оказывается, сотрудником госбезопасности, он удмурт.

Неоднократные попытки побеседовать с ним не дают никаких результатов, ибо он ни слова не говорит о своей бывшей жене. И только на своём девяностолетии, после того, как разошлись официально приглашённые гости, Степан Прокопьевич решает, наконец, выплеснуть то, что накопилось у него на душе за прошедшие десятилетия.

Детство Анны было очень трудным прежде всего из-за упрямого характера отца. Только благодаря случаю раскрывается её артистический талант, что тотчас же было замечено журналистами. Её путь от необразованной девчонки до исполнительницы главных ролей мировой классики был удивительно стремительным (три-четыре года), ей не могли не позавидовать соперницы по сцене.

Свадьбе Анны тоже не могли не позавидовать, так как её муж – военный, золотопогонник, красавец. Имеет вес в обществе. У них двое детей. Их любовь помогает раскрыться литературному таланту Анны Колесниковой: она начинает писать повесть... Но что же произошло? Герой повести внимательно слушает Степана Прокопьевича, старается за его словами-оправданиями понять всю сложность противоречий той эпохи.

Особо любопытно то, почему Анна Колесникова обожествляет образ Медеи Еврипида. Видимо, это тоже не случайно.

В следующих главах повести подробно описывается последний вечер, после чего Анна решается на роковой шаг. Действительно: когда твой муж публично оскорбляет тебя на глазах окружающих, к тому же заигрывая с твоей соперницей (Анна Чубукова всегда старается отбивать распределённые режиссёром роли), страстная натура актрисы больше не выдерживает унижений, и она повторяет поступок брошенной греческой царицы.

Лучше бы она сыграла роль Медеи в театре, чем реализовывать свои драматические страсти в реальной действительности сталинских времён.

МИЛЕМЫН – ИНМАР (Удмурт литература пумысь малпанъёс)

1

Литература – калыклэн ымнырыз, синучконэз, культураез, сыће ик узырлыкез, огъя азинконэз, дунне вылын интыез. Нош литератураез өвөл ке, со кыч калык. Солэн өвөл на нокыће нациез, кунэз.

«Удмурт литература кылдйз Быдзым Горд Октябрь бере». Тйни сыће валэктонъёс пыр мон школаез пырпотй. Берлогес ини тодй Григорий Верещагинлэсь, Кузёбай Гердлэсь, уно учёнойёслэсь, священникъёслэсь нимъёссэс. Соос удмурт кылын гожъяськиллям ини Октябрьлэсь далай азьвыл. Табере тодйськом, удмурт грамматикалы 230 ар тырме ни шуыса.

Тани чөш ик юан кылдэ: мар-о, зуч учёнойёс юнме шорысь удмурт грамматика кылдытйзы-а? Удмурт калыклэн ноку но ой вал-а кылбуръёсыз, выжыкылъёсыз, мадёнъёсыз, оглом вераса – книгаосыз?

Табере, уно дауръёс ортчыса, сое кылдытыны быгатысал, шуиськом, калык но (коллектив). Сыће валан туэ но возиське на. Шонер-а меда со? Калык кырзан, калык выжыкыл шуиськомы ке, мар-о, соосты жök сьöры пуксьыса, ческыт мусур юыса гожъязы шат? Корка жутыку, веме лэсьтыку, таће кылбур пöрмытылйзы шат?

Ум люкиське, ум люкиське,
Ноку но ум люкиське...

XX-тй даурын гожтэм, Н. Смирнов академиклэн ужъёсызъя тодйськом: тани таће кырзан-веранэн удмурт выжыосмы пумиталлям ай Киев Русьысь Владимир эксэез. Солэн удмуртъёс доры вуэмез сярсысь вакчияк мадён таће. Булгар кунэ аслаз дружинаеныз вуэ Владимир князь но отысь калыклэсь юа: уд вералэ-а, кытын, кудпалан уло кут нуллйсьёс? Булгар выжыос суронлэсь

вурем пыдкучтан нулло ни вылэм. Отысь калык шугъяськыны кутскем. Кут нулльсьёс доры эксэз лэземзы уг поты. Соос уго Булгар эксэйлы выт тыро вылэм. Ёуч эксэй нош сое аслыз кароз ук. Соку булгаръёс таёе выжыкыл вераллям: отчы эн ветлы эксэй, ведналозы.

Визьмо эксэй кылзымтэ. Ожгарчиоссэ кут нулльсьёс доры валтэм.

Вашкалаосмы соосты сыёе шумпотыса, сыёе жингырес кырзанэн (Смирнов академиклэн гожтэмезъя – гимнэн) пумиталлям, эксэй кут нулльсьёслы эмеспи луэм: төролэсь нылзэ кышно басьтэм.

Ма, синмаськытэк синмаськод куюамзылы, чебер, визьмо кылъёслы:

Ум люкиське, ум люкиське,
Ноку но ум люкиське...

Таёе яркыт гимнэз кылдытйсь калык нёшто пашмыса, пеймыт нюлэсьёсы, нюр интыосы ватскыса улйз? Нёшто солэн шуръёсаз, тэльёсаз өз улэ бадзымесь чорыгъёс, дуно куо пйшуръёс? Нёшто солэн бусыосаз өз гыалэ йыды-чабейёс? Нёшто соос Кам шур кузя өз вуылэ мукет бадзымесь кунъёсы, узыр шаерысьтызы вузъёссэс мукет интыосы өз нуллэ? Нёшто «пашмем» калыклэн ой вал быдзым крезез?

Малы меда лек сямю ёуч эксэй дорысь пегзем одйгез визьмо воевода Андрей Курбский князь узыр улйсь выжыосмы сярис паймыса гожъяз?

Сюрс арлэсь азыло вашкалаосмылэн бадзымесь каръёсы – Арча, Иднакар, Дондыкар но эшшо трос тодмотэм каръёс – выйлллям ини. Нёшто сыёе бадзымесь каръёсын улйсь төроослэн ой вал крезъчиоссы, нимысьтыз кылбурчиоссы? Нёшто ой вал удмурт книгазы, туалы кылын – письменной культуразы?

Малпасько: ваньмыз со вал. Кыёе вал соослэн алфавитсы, созэ ини учёнойёс усьтозы. Волжской Булгарие пырись калыкъёслэн (вашкала бигер выжыослэн) тюрк алфавитсы вы-

лэм бере ини, оло, удмуртгъёс но, соослэсь адзем карыса, книгаос гожъязы? Нош вашкала удмурт книга вылэм ини шуыса, али ке но мадён кылемын: сое, пе, кунян ньылйз. Ньылйз меда? Ачиз ик Иван Грозный эксэен жугем калык музъем пушкы өз ваты меда?

Котькыче калыклэн котькыче дыръя азыветлйсьёсыз, валтйсь төроосыз, батырсьёсыз, вöсьясьёсыз вал. Тйни сыче валтйсь адымиослэн вал асьсэлэн крезьчиоссы, кылбурчиоссы. Соос вöсьяскон дыръя, гырон-кизён вакытэ, сюангёс ортчытъяку, куно пумитаку, нимысьтыз кылбургъёс малпаллязы. Колхоз гинэ огъя луэ, нош автор коллектив ымныро уг луы. Ма, алигес гинэ кырзан сборникъёсы гожъяллымы ай, «Зеч лу шуид но тон кошкид, параходэ пуксьыса...» калык кырзан шуыса. Öвöl вылэм. Отын калыклэн ымнырыз чик но вылымтэ, со – одйг адымилэн, граждан ож дыръя шаереныз, яратонэныз люкиськем тöдды офицерлэн Никифор Корниовлэн бöрдонэз, мöзмонэз, куректонэз.

2

Удмурт выжымы Инмар сётэмъя ужась но лякыт калык. Со ноку но быдзйяськыса өз улы. Ас пöлысьтыз ик жужам, сяськаям кизилиоссэ но «быдзым» шуыса вераны, гожъяны керпотылйз. Кузёбай Гердэз но Григорий Верещагинэз «кизилие» поттон понна быдэс даур кулэ луиз.

XX-тй даурысь удмурт культуралэн азинскемез 85 процентлы, оло, 90 процентлы но, литературалэн азинскеменыз герзаськемын. Удмурт литература данъяське Г. Верещагинлэн, Кузёбай Гердлэн, Ашалычи Окилэн, М. Петровлэн, М. Коноваловлэн, Г. Медведевлэн, Т. Архиповлэн, С. Широбоковлэн, Г. Красильниковлэн, Ф. Васильевлэн, С. Самсоновлэн, Р. Валишинлэн, В. Романовлэн, М. Федотовлэн кылдытэм романгъёсынызы, повестьёсынызы но кылбургъёсынызы.

Кылем арын Москваын потйз «калыкгъёслэн поэзизы» антология. Сое дасясь кылбурчи Лев Костюков удмурт поэзиез туж вылй дунъя, нимысьтыз висъя.

XX-тй дауре удмурт литературалы кузь вамыштыны юрттйз зуч литература: А. Пушкин, М. Лермонтов, С. Есенин. Зуч литературалэн «дышетоназ» укыргес но шодйськиз кызетй, куамынэтй аръёсы: кылбуръёсын но, драматургиын но, романъёсын но.

Сое адзыны луэ И. Гавриловлэн пьесаосызъя, Н. Байтеряковлэн кылбуръёсызъя, К. Гердлэн романъёсызъя.

Удмурт литература XX-тй даурлэн кутсконаз удмурт калыкмес огазеяны юрттйз. Чеберлыко удмурт кыл табере одйг кылын вераськытэ Ватка но Калмез, Вало но Чупчи палась удмуртъёсты. Диалектъёс вань ке но, асьме удмурт калыкез со мордваосты но мариосты сямен кыклы уг люкы.

Чеберлыко удмурт кыл кылдытон бордын трос тыршиз К. Герд. «Зарни шунды жужалоз» кылбуреныз со вань калыкмес сайкатйз, солзсь асваланзэ жутйз. Аслаз поэзиеныз, гуртъёстй ветлыса калык кырзанъёсты гожъяменыз, со туж бадзым уж лэсьтйз.

Номырин но уд коралты: литература кыл быдэс нацимес огазеясь луэ. Со понна тыршизы но тыршо удмурт писательёс.

3

Куд-огез туннэ удмурт литератураез ултияны выре, быдэс историез но «виль синмын», вильысь воштыны турттэ. Школаын дышетскисьёсты воксё йыромытйзы ни вуж улонэз «вильдйсьёс». Соос ултияса гожъяло граждан ожысь но Быдзым тыложысь куд-ог геройёс сярись но. Александр Матросов кадъёс, пе, амбразурае, улэмзы потымтэысь, мугорынызы пытсалязы. Соос, пе, нылпи юртын будэм пиос, соин ик улон номыр кадъ өз потылы. Эх, тй, бумага саптасьёс, туалэ эксэйёслэн ляльчиоссы!

Зэм, асьме кунамы азьло кивалтэм эксэйёсты (И. Сталин, Н. Хрущёв, Л. Брежнев но мукет со выллемъёсты) котькугес но сапталязы. Алиез кивалтйсь ассэ котьку тодйсь-валасен возматыны турттылйз.

Котькуд виль эксэйлэн историез виль сямен гожтыны тыршеменыз ик, мон сямен, Быдзым кунмы курадзыса, ёрмыса улэ.

Тазыы вырыса, азьлозэ саптаса, луоз шат калыклэн зэмос историез сярсы нод-нод вераськыны.

Вужез шоры серем пыр учкыса гожъямъёс, азьло улонэз чүшисъёс асьме пöлын но шедьыло. Тани удмурт культура но литература сярсы малпанъёссэ шарая удмурт депутат Алексей Красильников «Удмуртская правда» но «Инфо-Панорама» газетъёсын. Интернет вакытэ, дуннеын вань калыкъёс огазеяскон дыре кулэ на меда, пе, пичи калыкъёслэн, ханты, башкир, удмурт кадъёслэн культуразы? Соин гинэ уг тырмы, китай культура вылэ но омырске. Со понна англо-американской культуразе юн данъя. Мон, пе, пересь нэнэелэн «зыбкаысьтыз» потй но, вылысьтым пиджаке ёркыт потэ ни. Мон, пе, англи кылын книгаосты лыдзйсько. Соос, пе, мыным матын. Та кылъёсты вера удмурт писательлэн пиез, Удмурт Элькунысь Кун Кенешлэн Наукая, дышетонъя, культурая но егитъёсын ужан политикая комиссияныз кивалтйсь депутат. Сизьымдон ар чөже Удмурт кунэз кылдытйсьёсты, кивалтйсьёсты, писательёсты, асьме шаерын ужась калыкъёсты ултйян өвёл меда со? Мынам ноку но атае сярсы алама кылъёс вераны кылы ой берыктйськысал. Нош со атайзэ Совето властьлэн «ляльчиез» вал, шуэ. Сыңе мылкыдын, пе, книгаос гожъяз. Ма, тй вылысь пуксьыса лыдзэ вал атайдылэсь синмаськымон удмурт кылын гожтэм веросьёссэ, повестьёссэ, «Арлэн кутсконэз» романзэ. Ой, Геннадий Дмитриевич Красильников нокинлы но ляльчи ой вал.

Бен, сое ляльчи карыны турттйсьёс шедьылйзы, но со Марисов кадъёслы но, ляльчи кариськыса, докладъёс өз гожъя. Со котьку улйз но, гожъяз но визьмо йырыныз, пöсь сюлэменыз. Зэмос литература ноку но, нокинлэн но ляльчиез ой вал, уз но луы. Со нокыңе эксэйлы но уз вöсяськы, глобализация лыктэ шуыса но уз пыдесъяськы. Аслаз творчествоныз зэмос писатель «огъя улонэ кыстйськонлы» пумит султоз.

Вылй кивалтйсьлэн верамезъя, литератураын, пе, али «ымнырзэс льöль буёлъёсын буям воргоронъёс но нылкышноос гинэ кылемын на». Государство, пе, шедьтйз ини аслыз егит «дусымъёс». Ма, ми зеч адзйськом, кыңе дусымъёс со шедьтйз. Али-

гес тодмо луиз: Иж городлэн дано гражданинэз ним сётэмын Владимир Тяптинлы. Нош малы соку со гожъяськисез кылбурчиос ас радазы уг пырто? Сычеос огшоры калыклы кулэ меда?

Удмурт литература сярсы «сюлмаськемды» туннэ туж но туж шодйське. Дасо аръёсын ми книга поттыны ум быгатйське ни. Ортчыт секыт йотэ егит авторъёслы. Кин соослы юрттоз? Кунгож сьорысь узыр мешок Сорос, яке асьме адыми? Красильников верамъя, ожыт лыдъем калыкъёслы литература но, культура но кулэ өвөл ни. Мар кароно? Улоно яке быроно? Яке выль кужымен, лек сямын жот-жот гожъяськыны пуксёно?

Мон малпасько, жот-жот гожъяськоно. Нокинлы ляльчи луытэк. Тйни сыче мылкыдын гожъяське прозаик Генрих Перевощиков. Со алигес поттйз «Шелеп» («Жестокосердие») книгазэ. Гожъямъёсынызы шумпотто егит нылкышноос но. Кылем арын Лидия Нянькинаез но Любовь Тихоноваез Россиысь Писательёслэн огазеяськоназы кутйзы. «Азвесь даурин» улэм поэтъёслэсь ужзэс азыланьтэ Сергей Матвеев.

Удмурт литератураын котькудйзлэн аслаз жажыез. Ваньмызлэсь нимтулзэс бй вера, вожзэс медаз поттэ.

Литература – калыклэн луыз. Со өз ке луы, калык но быроз. Дунне вылын улэ 800 сюрс пала удмурт калык. Со улэп! Со литература кылдытэ, журналъёс, газетъёс поттэ.

Милемын – Инмар. Милемды Интернет но, глобализациен кышкатон но уз дугдытэ. Ми асьме калык понна ужаськом. Милем лул-сюлэмамы калыклэн луыз.

МАЛЫ ВОРДЙСЬКО КЫЛБУРЧИОС?

Кылбурчилэн аджонэз сьораз ветлэ шуи ке, уг янгыша. Со угось азьзэ-берзэ учкыса-чакласа уг улы, соин ик янгыш бӱрсый янгыш лэсьтэ, собере соос вылаз аджонэн усё. Кылбурчилэн нош со сярысь одно верамез потэ. Огшоры ӱвӱл – гурен чирдыса верамез. Малы ке шуоно кылбурчи дунне бергамез-шокамез лул-сюлмыныз шӱдэ.

Нош кылбурасьлэн улонэз вӱй вылтй кадь кошкысал ке, чирдысал на меда?.. Уз, кылбурчи ноку но нӱкы вӱйын нянь сиыса, зарни-азвесь пӱлын пыласькыса улыны уз чида. Со сыӱе интыысь пегӱоз. Солы угось дунне вылын котьмалэсь дуноез – огогеныд тупан, ог-огдэ валан, ог-огедлы жеч лэсьтон. Латин кылын вераса – гармония. Нош дуннеын ӱемысь байлык, пӱяськон, ултйян, вӱсь карон кузёяське. Кылбурчи курадӱе. Курадӱе но кырӱа. Кырӱа но нош янгышӱес лэсьтэ.

Кылбурчи вань мылкыдыныз югыт доры кыстйське бере, со ӱемысь азыпалысьтыз пиштйсь тылсиез адӱе. Сыӱе дырӱа сое но кыӱе могӱетӱес но, кыл-веранӱес но уз дугдытэ. Котырысьтыз ваньзэ вунэтыса, югыт доры уй бубыли сямен лобӱе. Син пӱет тылси борды бурдӱессэ сутэ, пӱсь тылжӱу усё.

Кин янгыш? Кылбурчи со сярысь уг малпаськы. Чирдэ но чирдэ, лул-сюлэм курадӱонзэ кисьтэ но кисьтэ. Кырӱа но нош янгышӱес лэсьтэ.

Малы меда дунне вылэ кылбурчиос вордйсько? Алла Кузнецова одйг кылын гинэ шуысалыз: «Кырӱаны!» Со угось туж трос пол мур гуэ усыйлйз – кырӱаз. Мугорзэ кезыт тӱл сутыйлйз – кырӱаз. Пыд улзэ сьӱд кый сьӱлталляз – кырӱаз. Жамдзэ шумпотон тылси пӱлын но пыласькыйлйз – кырӱаз. Нош коньдонэн, улон интыен узырмиз но – кырӱанэз уриськиз.

Мукетӱёсыз шумпотысалзы, пересьмон-уймон вакытам ке но адыми сямен уло ни шуысалыз. Нош Алла Кузнецова узырмоннысь но аслыз сюлэм висён шедьтйз. Сюлэм висёнэз вӱзы мугор висёнэз кутскиз на. Ваньзэ сое кылбурчи вормыны ӱз ни быгаты.

Мар бен, кылдэмлэсь уд ортчы. Туж жаль, кырӱанлэн но пумыз вань.

Алла Кузнецовалэсь уриськем гурзэ мукетӱёсыз мытозы.
Нош малы меда дунне вылэ кылбурчиос вордйсько?

КИН-О ТОН, КЫЛБУРЧИ?

Кин-о со сюрес урдсытй, куро жыжыос пöлтй, голык пыд мынэ? Кинэ, мае со утча? Лыз сяськаосыз? Ышем эшсэ? Малы волыт сюрес кузя уд мынйськы? Кин тон сыче? Пыдйылчи? Тöлопу? Картэм кикы? Мар сыче нукуртйськод? Ай бур киыныд шонаськод? Зэм но, кин тон? Оло кылбурчи, оло, крезьчи?

– Эй, кин-о тон?! – öз кылы, кыдёкын. Азылань но азылань вавышьгяса, оло, бус пöлы ышиз, оло нош, кесэго-кесэго пилемтёс пала тубиз... Кин со? Ишан? Вужер? Ма, кин ке но со вал ук! Адями? Оло адями лул? Малы мон сое адзй? Оло со воксё но вужер, ишан öвөл. Со – мынам висись йырысьтым малпанэ? Но со вал ук, вал! Адзй... Нёжто озыы кыр бусыетй калге ачиз Кылдысин? Лек калыктьёсын уллям Инмар? Зэм но, кинлыгес кельше вал? Синмо-пелё мурт тодмасал но, вылды. Табере мон янгышай ке, эн тышкаське. Мон сое табере ачиз Пушкин но, ачиз Кузубай Герд но шуи ке, воксё эн пайме. Ай, оло, бöрдйсь кикы Алла Кузнецова но вал? Собере шуныт коркан улонэз адзйлымтэ зуч кылбурчи Николай Рубцов? Зуч кунысь уллям кылбурчи Иосиф Бродский?

Малпанэ уси. Секыт, курыт малпанэ. Зэм но, мынам со висись малпанэ гинэ ке вал? Но улон но туж ик пöртэм öвөл – ваньмыз йырчукинтэмын. Кин туннэ луэ кылбурчи, суредась, крезьчи? Кунлэн оскымон юрттйсез? Солэн пыкътэтэз? Сюрлыез? Яке... бадзым кунмылы кулэтэм пыдйылчи?... Кыззы азыланяз улыны? Вылысь укноысь уськытскыса, гуньдыны? Шыпак гинэ пурысь шыр сямен улыны? Шыпак гинэ коросэ выдыны? Юри калык адзймон шузияськыны, юыны? Шайтанэз но Инмарез но тышкаськыны? Эксэйлы пумит жутскыны?

Нокыче куара-ланга но öвөл. Асьме кунын чалмыт.

Мултэс чашетод – шузиосты возён корка шедёд. Эксэй дырысен ни озыы: кылбурчи синазькыль кариське, вииське.

Кытчы нуэ милемды секыт адзён? Кытчы валтэ тонэ, кылбурчи, акшан вакыт?

***

Туала зүкүртйсь вакытэз данъяса гожъясь вузчиос, ымду-разы дыльды потымон кесясько: «Нокыче огазеяськонъёс (союзёс) азьло ой вал. Уйзы, гожъяськызы. Пушкин но, Репин но, Мусоргский но союзёсты өз тодылэ. Малы тйледлы СССР-лэн кылем-мылем ёзэтэз?

Сылэ ай, сылэ, дыльдыдэс пазясьёс, али властьлэсь тэркы бервылзэс нюлйсьёс, шуэм потэ. Юри тодылымтэ улэ аналкыса-атй крокетйськоды, визьды-а со кузя?

Господа, пыдбер нюлйсьёс, усточиослэн огазеяськонъёссы дас укмысэти дауре кылдйзы ини, литературалэн но искусство-лэн зарни но азвесь нимаськись вакытаз. Соку жужазы арти-стъяслэн ВТО-зы, «Зуч суредасьёслэн Эштоссы», крезьгурчиос-лэн «Могучая кучказы» но писательёслэн «Средазы». Нош ваш-кала Грециин виль даур кутскемлэсь азьло – Платон но Ари-стотель котыре огазеяськылйзы. Кунгож съёрын кылдылэм со-юзъёс али но вань.

Пөртэм удысьёсья союзёсы пырылйзы самой умой-ёсыз, вань калыклы тодмо кизилюс. Азьветлйсьёс котыре кариськылйзы егитъёс. Малы соослы, дворян выжыысь ворд-скем муртъёслы, союзёс кулэ луылйзы меда? Визьзы но, конь-донзы но тырме ук вал. Соослы уг тырмы вал ог-огенызы кене-шон, ог-огзылы ужам ужзэс лыдзон, зеч кыл.

Литературае но искусствовое сюрес лёгислэн адзонэз сыче ини – тэтэ карон. Одйг пинал но тэтэ карытэк, штани пыдэсаз лэзьытэк, чир-р! поттыса, шумпоттыса өз бызьылы на. Озы ик одйг писатель но тэтэ карытэк кизилие өз жутскы на. Тани али-гес Бальзаклэн улэм-вылэмез сярысь лыдзи. Дасо ар чоже аслэсь-тыз ёрзэ утчаз, гожтэм улаз кушем ним пуктылйз, берло гинэ де Бальзак гожтйськыз ни. Со – Бальзак! Көня пөртэм салонъёсти (огазеяськонъёсти) ветлйз, көня дышетскиз, көня лек но каньыл кылъёсыз кылылйз.

Марзан асэрказ марзан уг луы. Нырысь сое утчало, шедьтэм-зы бере лусъё, вушто, тусбуй сёто.

Нош асьмелэн Ыуч кунын, укмыстонэтй арысен кутскыса, Союзъёсты ултйяло, мыскыл каро. Коньдонэн уг юртто. Малыез валамон: ас калыксэ ыбылйсь Ельцинлэсь режимзэ писательёслэн Союззы өз зечкыла, пумит султйз. Но одйг кадь чышкем йырсиен ветлйсь Президент уг ни кивалты. Нош югдур уг воштйськы. Кышкыт уж со, куке государстволы кулэ уг ни луо писательёс, суредасьёс, крезьгурчиос. Улонэз, господа, коньдонэн гинэ уд мерта! Кырзасьтэм, лыдзиськисьтэм калыкен, конешно, капчи кивалтыны. Туннэ солэсь льготаоссэ чүшод, чүказе Чубайс кадьёс мукет кузыйм дасялозы.

Бен, туалэ Ыуч кунын творчество утемын өвёл. Нокыче закон кутэмын өвёл. Писательёслэсь, крезьгурчиослэсь огазеяськонъёссэс, серем карыса, сур юисьёслэн, пуны возисьёслэн огазеяськонъёсынызы чошато. Маин, пе, тй висъясъкиськоды. Ёвёл, ми сур юисьёслэн огазеяськонзы өвёл. Сое тй, кивалтйсь господаос, туж умой валаськоды. Кужмо литературатэк, сյолме пычась кырзанъестэк страна но өвёл. Котькуд адями Францие я Германияе уг вуылы. Нош Франция шуыку, син азе пуксе Виктор Гюго, Оноре де Бальзак; Германия шуыку, син азиям султо Гёте, Ремарк; собере гинэ ни кивалтисьёс Бонапарт, де Голль, Бисмарк, Аденауэр. Быдзыйм Ыуч кун шуисько ке, адзисько Пушкинэз, Толстоез; собере гинэ тодам лыкто Пётр Первый, Сталин.

Ыуч кунысь калык ноку но коё-воё өз улы. Со понна зуч калыклэн данъяськымон, быдэс дуннелы тодмо писательёсыз, музыкантъёсыз, суредасьёсыз вань. Каратаев, Андрей Болконский, Корчагин, Зоя Космодемьянская – тйни кинъёс асьме кунмес тушмонлэсь утизы. Тйни кинъёслэсь егитъёс адзем карылйзы. Атакае мыныкуз, егит солдат зёпаз Сергей Есенинлэсь кылбурен книгазэ донгылйз. Ожмаськонъёс вискын «Катюшаез» кырзалляз.

Литература, тау Инмарлы, ноку но, нокыче дыре но сое улыны дышетйсьёсты өз кылзылы. Литературалэн вождьёсыз ноку но ой вал, уз но луэ, коть ачиз «калыкъёслэн атайзы» Иосиф Сталин мед луысал. Зэмос писатель государстволэн «ляльчиез» ноку но ой вал. Сое умой адзиськомы Радищевлэн, Пушкинлэн,

Лермонтовлэн, Есенинлэн, Кузубай Гердлэн, Ашальчи Окилэн улон-вылонгъёсыя, гождьямгъёсыя.

Туала Зуч кунын литература но искусство удасын ужась самой куанер улйсь адыми, вузчи ке со өвөл. Лушкаськонэз, адыми данэз нумырен ке уг чошаты, чагыр экрангъёсы бандитгъёсыз ке геройлыко сямен уг возьматы – сыгё писатель туалы режимлы кулэ уг луы.

Бен, Москваысь писательёслэсь Союззэс куке но Культура министерствоен чошатылызы. Сола тупась огазеяськон али мед луысал. Писательёслэсь огазеяськонзэс мыскыл карыны турттйсьёс СССР ванен герзало. Бен, мон туж жалясько, куректйсько, нуналлы быдэ тодам вайылысько со вакытысь умойзэ. Нош умоез туж трос вал. Писательёслэн асьсэлэн издательствозы вал. Уно миллионгъёсын зеч книгаос потылызы. Классикгъёсылэсь книгаоссэс басытон понна, черодын сылыськод вал. Страналы со издательствоос вераны луонтэм пайдалык сётылызы. Нош табере издательствоос узыр пуйыосын таламын-басьямын, табышез солэн кисыяз мынэ, налог выллемез гинэ государстволы.

Бен, кызы мон тодам вайысько, дуннеысь самой кужмо, самой бадзым странаез – СССР-ез, озы ик нуналлы быдэ тодам вайылысько Москваысь писательёслэсь бадзым Союззэс, отын ортчись съездгъёсты. Трос зечез вал со огазеяськонгъёсын: зуч кылэ берыктыса книгаоссэс поттылызы удмурт, бигер, башкир, чуваш но трос мукет калыкгъёсысь писательёс. Табере со берыктон уж аналтэмын. Кин кызы улэ, номыре ум тодйське. Котькудйз ас понназ, аслаз заборез сёрын улэ. Нимысьтыз шутэтскон, гождьяськон юртгъёс вал. Писательёслэн огазеяськонзы пыр квартира сётылызы. Сыгё улон сэреггъёс удмурт писательёс дасоосын басытйзы. Табере шуге-леке усем писательлы нокигё юрттэт өвөл. Трос өвөл, өвөл но өвөл шуыны луэ.

Бадзым странама куашкамен валче, куашкатэмын вал бадзым огазеяськонмы. Нырысь ик Союзысь палдызы инмар выжысь писательёс, «Апрель» кылдытйзы. Собрере Москваысь, собере Татарыысь писательёс. Малпало вал князьёс кадъ улыны.

Но... сыҗе улон ноку җече өз вуттылы. Табере йырберзэс кормало, огъя правооссэс утён понна, огинэ нуись сюрес утчало. Асьсэлэсь мылкыдзэс веразы ни бигеръёс, «Апреле», яке Россиысь писательёслэн огазеяськоназы палдэмъёс пöлысь визьмоосыз.

Дунне вылын котъмае ыштод, музъем узырлыкез, ваньбу-рез, нош вань калыкмес огазеясь Җуч кылмес ке ыштймы, соку ини пудо-живот сямен бöксыны гинэ кылэз на.

Куд-ог республикаосын, областьёсын огъя Җуч государство-лэсь законъёссэ тйяса, писательёслы юртто. Юртто стипендиен, писательёслэн огазеяськонзылы, сэрегзылы тыриськонлы льгота сётйське. Книгаос пото, ужам понна гонорар тыриське. Писательёсынызы тужгес но данъясько Аллахлы вöсяськись республикаосын: Татарин, Башкирин, Кавказ котырысь республикаосын; таче областьёсын: Орёлын, Смоленскын, Хабаровскын, Белгородын, Волгоградын, Кузбассын.

Нош асьмелэн кызы? Тау Президентлы, Александр Александрович Волковлы, тёпак милемды пытсаны уг сёты на. Нош пытсаны мылкыдо кивалтйсьёс шедё, җучъёс пöлын гинэ өвөл, асьме выжыысь потэм кивалтйсьёс пöлын но. Удмурт калыклэсь мылкыдзэ санэ басьтытэк кельто. Котькинлэсь азыло гольык с... глобализация шуонэ дырто. Җеч улонлы оскемысь дугдыны шугез өвөл. Җеч улонлы оскыны, нюръяськыны кужым кулэ.

Бен, огазеяськонъёслэн (усточиослэн союзъёссылэн) тушмонъёсыз өвөл уд шуы. Соослэн тодэмзы уг пот асьме калыкмылэсь вазен улэмзэ. Созз удмурт калыклы кельтэ – кулэ-а солы театр, кулэ-а солы литература но искусство? Кулэ-а асьме пичи но дуно Удмурт кунмы?

Одйг «ящике» учкыса, кышкасько, асьме нылпиос бандитъёслэсь трос уз висъяське. Со луоз сюреслэн пумыз – тупик. Ми, писательёс, крезьгурчиос, суредасъёс, улонлэн сыҗе пумызлы пумит.

Җуч кунын котькыҗе президент мед луоз, котькөнә таланто адымиез адзонтэм мед кароз – со уз быгаты кылбурчиез, крезьгурчиез, суредасез луло валскын шайгуэ ватыны. Митэк ачиз страна шайгулы пöрмоз. Писпу йылысь сьöd кырныжлы гинэ шöй кулэ. Но ми шöйёс өвөл. Милемлы, творчество удысын ужа-

сьёслы, закон кутыны кулэ. Тйни со сярсы сьолмасько Зюч куньсы уно, туж уно сюрс адямиос. Нёшто тй уд кылйське милесьтым бёрдэммес, милям депутатъёсмы Светлана Смирнова, Николай Сапожников, Евгений Богомольный?

***

Нош кылбурчиос улонысь кошко но кошко. Кин ке вылысь укноысь уськытске, кин ке машина питран улэ шеде, кинэ ке виё... Уй но нунал калык понна гожъясь кылбурчиос самой пичи пенсия басьто. Соослэн ужам ужзы стаже уг пыры... Уллямын, палэнтэмын асьме странаысь кылбурчи Иосиф Бродский, синву пыр пичи пенсия басьтэмез сярсы вералоз вал Алла Кузнецова.

Кин-о со нош ик сюрес урдсытй, куро жыжыос пёлтй, гольык пыд мынэ? Кинэ, мае утча? Кин тон сыче? Пыдйылчи? Тёлопу? Картэм кикы? Кыззы тынад нимыд? Кин тон луиськод? Суредась, крезьгурчи, кылбурчи? Кин-о тон, Кунлэн оскымон юрттйсез? Солэн пыкъетэз? Сюрлыез? Яке Кунлэн кулэтэм, уллям адымиез?

Асьме кунын чалмыт. Куара-ланга сётйсь өвёл.

ФАУСТ¹

ФАУСТ. Туж мөзми мон, бес.
МЕФИСТОФЕЛЬ. Мар кароно бен, Фауст?
Сыче тйлед, дыр, сётэмын вапум.
Сое нокин өз на ортчы.
А. Пушкин. «Фаустысь» сцена

1

Ленинградсы театральной институтын дышетскыкум, берпуметй курсыен (1960) артистлэн ужезлы милемыз дышетйз мусо, визьмо Евгения Константиновна Лепковская (солэн «Экзамен каждый день» книгаез асьме издательствоын потйз). Одыг нуналэ со лыктйз но шуэ:

– Тани мон удмурт прозаиктылэсь Геннадий Красильниковлэсь «Смена» журналысь «Человек редкой души» вероссэ лыдйи. Туж умой, сюлмысь гожтэмын. Нош тй лыдйиды ни-а?

Ми, удмурт студийсь студентъёс, кылтэм-ымтэм, лэся, луимы – «а» но, «б» но верась өвёл. Чалмыт пукиськомы. Нокин ай лыдйымтэ. Милемлы, валамон, возыт потйз. Шекспирез, Мольерез, мукетъёссэ быдйым драматургъёсты «ортчемъяським», асэныз итали драматурген Эдуардо де Филиппоен сокугес гинэ пумиськонэ ветлйм, ай Саша Блиновен Филипполэн юэм стаканысьтыз графиньсь ву лэзьыса юим, со кадъ ик усточи мед луомы шуыса, нош удмурт писательлэсь «Вож весьсэ» но, мукет гожъямъёссэ но ум тодйське. Бертймы ке, лыдзомы ай, кожамы, вылды. Собере вылтйяськон сяммы но асьмелэсь бадйымгес ни вал. Юнме уз шуылы вылэм мастерствоя мукетыз дышетйсьмы Георгий Галафре:

– Эх, вы, маленькие зверьки...

Векчи пинё йырйиськись пойшуръёс ик вань. Ог-огмес яратыса, ог-огмылы юрттыса өм улэ. Сцена вылын ми тйлесьтыд золгес, ми тйлесьтыд умойгес шудйськомы кожамы. Оло, соин но, вылды, Удмурт театре бертыса, тросэз кир-

¹ Кенеш 2003. № 7.

пазь пазьгиськимы, коньдоно интыосы кошкылймы. Ленинградын вить ар сюкась но нянь вылын улыса, куддыръя воксё сютэм курадзыса, нош ик – огъя улонни но куатътон манет уждун?... Ма, со ултйян но серем карон ук! Озы ке но, Вероника Садаева, Валентина Загуляева, Геннадий Соловьёв, Леонид Романов но Юрий Яковлев быръем сюрес-сэс өз куштэ, табере – яркыт кизилиос! Туннэ таиз понна но Инмарлы тау кароме ни. Милям гинэ озы уг луы: трос кузя дышетскыло, нош сцена вылэ өжыт кылё. Соизлы пöртэм мугъёс шедё.

Шонерзэ вераса, институтын дышетскыкумы, асьме шаерысь куноос өзгес вуылэ – Покчи-Петров сянаез – одйг драматург но, крезьчи но, писатель но. Нош милемлы, «векчи пинё пöйшуръёслы», соосын пумиськон туж-туж кулэ вылэм...».

«Человек редкой души» веросэз мон Лепковскаялэсь курыса лыдзи. Соку дыръя мон, «*Тулыс зор*» пьесаме йылаз-пумаз вуттыны вылысь, Лепковская доры, солэн квартираяз «визь утчаны» ветлылй. Огнам ветлыны керпотысал, вылды, но институтамы стажировкае тодмо удмурт артист Василий Яковлевич Перевозчиков ыстэмын вал. Тйни со ик «*Тулыс зорме*» Лепковскаяен ёош Ленинградысь институтын спектакль пуктыны басьтйськиз...

«Человек редкой души...» быдэс верос лякыт сямо Соснов хирург вылын возиське. Синмаськымон эмчи, зеч адыми. Паймытйз со монэ, сюзэмме бордаз кыскиз. Ма, мыным гинэ та верос өз кельшы, соя Ярославльысь Фёдор Волков нимо академи театрысь артистьёс «Мосфильмын» куать люкетэн кинокартина дасяллям. Табере со фильмез асьмес но адзйны быгатйськомы.

Г. Д. Красильниковен пумиськемелэсь азъвыл мон солэсь «*Тонэн кылысько*» повестьсэ лыдзи на. Таиз гожтэмез укыргес но кельшиз. Главной героез Алексей Курбатов аслэсьтым но колхозын ужамме тодам вайытйз. Гурт калыкез яратйсь, огшоры колхозникен ёош ужам писатель гинэ со сярись сыче сюзлме пычась, данъясь кылъёс вераны быгатоз:

«Рядовой...

Со вазь султэ. Толалтэ куазь пеймыт на, самой ческыт умен изён вакыт. Нош со султэмын ини, көлйсь семьязэ сайкатытэк, корка пуштйз каллен гинэ лёгаське. Дыртытэк мисьтйське, сиське, ужан дйськутсэ дйсьяса, тйрзэ е висказ донгыса, урам кузя ваське. Нылпиосыз султо но анайзылэсь юало: «Атай кытын?» – «Атайды кемалась ужаны кошкиз ини...» Гужем куазен воргорон шундыен чюш султэ. Озыы толалтэ зар кезьытэн, гужем чюшкась пөсен, сйзьыл векчи кыдырась зор ултй со, огшоры рядовой колхозник, уж дураз мынэ. Учкелэ солэн вамышъямез шоры: со уг дырты, но шаплы мынэ; кизэ мултэс уг шоналты, кулэтэмезлы уз берыктйськы, чик юнме шорысь кылзэ уз вера – ужась адыми, со аслыз ачиз дунзэ тодэ. Толалтэ куазен мамыкен сырем пурьсь фуфайкаен, гужем пөсен – дэрэм коже, бадзьмесь, чурдэктэм киосын, шундыя но тол шорын сутскем, тёлам ымныро – сыче со, огшоры рядовой колхозник. Вамышъя со музьем вылтй дыртйсьтэм, кузё вамышжёсын, нокытын но ассэ муртэн уг адзы. Музьем вылын со ас дораз кадь: ваньмыз солэн киосыныз лэсьтэмын. Мае но уг быгаты со лэсьтыны! Туннэ со бригадирлэн нарядэзъя гырыны-кизьины мынэ; чюказеяз, тйр кутыса, выль юртлы коржёс лусжёз, собере лопаткаен суй гудэ, нош кулэ ке, машина вёзы султыса, нянь кутса, шурез чыпе, сюрес лэсьтэ. Бадзьм дан тыныд, кибашлы адыми, огшоры рядовой колхозник! Тынад киосыд вылын сыло та бадзьм музьем вылысьтымы тулкымжаськись ю бусыос но буртчин турыно возжёс, тынад тыршеменыд йыло пудо уллёос, тынад быгатэменыд ужало машинаос. Бадзьм дан но сй-бур тыныд, тыршись адыми, – рядовой колхозник!».

2

Геннадий Дмитриевич Красильниковен монэ тодматйз солэн самой матысь эшез Семён Самсонов. Писательёслэн

огазеяськонзы Советской урамысь бадžым юртысь куинетй этаже интыяськемын вал (ма, туннэ но отын ик).

– Галечка, здравствуй. Мастер на месте? – ос пала йырзэ шонтйз Самсонов.

– Тише. Он занят. Срочно статью заказали, – шыпыт вераськемъяськиз печатлан машинка съорын пукись гордмыт буюм йырсиё нылкышно.

– Семён?! – кабинет оссэ паськыт усьтыса отиз жужыт мугоро, таза ёзо-виро, съод йырсиё воргорон.

– Їошен пырыны луоз-а? – питрес очкиен адыми доры вамыштйз Семён Александрович.

– Сэре «на троих» уд чекты-а? – кит-кит серектйз ожыт куайыны кутскем воргорон. – Зеч малпанэн лыктйды ке, пыре.

Секретарша Галина (озыы валатскыса вуи ни) печатланы кутскиз. Тачыртэм куараез лябомытон вылысь, жужыт адыми кабинет оссэ пытсаз.

– Тодматске, – мон шоры возьматйз Самсонов. – Лёгор в квадрате, егит драматург, артист Загребин.

– Красильников, – киме юн-юн кырмиз со.

«Киыз бен таидлэн дуриськисьлэн кадь», – малпай поннам. Красильников киме уг лэзыы, очкиосыз пыр синъёссэ ик кынъыртыса учке. Мае отысь утча, мае адžемез потэ? Оскымон-а та пияш, овёл-а шуыса чакла, лэся. Синъёсме уллань лэзи.

– Эшед удмурт сямо, возьдаськонэз вала, асьме адыми, – пуконъёс вылэ пуксьыны отъыса, капчи мылкыдын вераз Красильников. Ачиз «Огонёк» журналэз усьтйз но кроссвордысь юан сётйз:

– Максим Горькийлэсь «Варвары» пьесазэ кыче тодмо режиссёр пуктйз? Фамилиез дас одйг буквалэсь.

Ленинградысь Бадžым драмая театрын «Варвары» спектаклез дышетскыкум ик учки бере, тык-мык луйтэк, «Товстоногов» шуи.

– Точно! – пинал мурт кадь лоптйз Красильников. – А тодйсько ведь вал, ё-к-л-м-н, кыдэ бертэ ни, лэся.

Красильников соку ик режиссёрлэсь фамилизэ кросс-ворд вылэ бадзым букваосын гожтйз.

– Коллега! – вазиськиз со мыным. – Мон ведь быдэ вуон азиям асме артистэ дасяны малпам вал. Экзаменьёс сётыны ветлй. Быгатонэ өзгес тырмы, лэся, өз кутэ.

Эшезлэсь артистэ пырыны ветлэмзэ кылыса, Самсонов чылкак паймиз.

– Шудйськод, дыр, Егоршаез исаськод. Дас арлэсь кема эшгьяськиськом ини, ог-огмес ньылдэм нин пуппыез кадь тодйськом, нош татчыозь номыре өд поттылы, *ёлки-молки!*

Ныр вылысьтыз очкизэ уллань лэзьыса, Красильников Самсонов шоры кескич-кескич сингёсын учкиз.

– Семи, Вало шур йылэ вуылд-а? Отысь тōды кечез адзид-а?

– Ө-өй, өй вуылы, сюлтэм коскыен но өз нискылатэ, ачид артист вылэмед шуыса пелям кочо но өз кочырты, – котыргьяса бышкылйз Семён Александрович.

– Кылйд-а, Егор, ассэ эш каре, верамелы нош уг оскы. Тон, Егор, оскиськод-а?

Мон пельпумгёсме гинэ жуткасько, я огез, я мукетыз шоры ыгы сямен учкылйсько.

– Мар уд вераськы? – юа ни Геннадий Дмитриевич.

– Таёе-таёе адымилы кызьы уд оскы, – шуи мон.

– Геннадий Дмитриевич пальпотыса Семён Александрович шоры учкиз. Кылзы, пе, учкы, пе, соку, малы мон артистэ дышетскыны өй шедьы. Этюд, пе, тйледлы возматом.

Геннадий Дмитриевич, куакгёс пōлтй мынйсь мурт сямен, ымныр вылысьтыз векчи улвайёсыз палэнтылэ, пограм писпуос вамен кузь вамышгьяса потылэ. Нюлэс шорысь куаке вуиз но, писпу сьōры ватскыса, туж сак кылзйськиз, нокин адзись өвōл-а шуыса кадь утчаськиз, собере кышкатэк вамыштйз но, муш чурка пытсэтэз усьтыса, отысь чечыё рамкаез жутйз. Мушгёс сое леканы өдгьязы: ымныраз сачкытгья, штани, дэрэм улгёссэ зыра, чидатэк тэтча, гондыр сямен бурсэ.

Мон горыны кутски, Семён Самсонов но серемзэ възьыны өз ни быгаты: Артист! Артист!

«Чечы лушкан» этюдэз Красильников милемлы, конешно, өз възьматы – поттылйз гинэ. Самсонов соку паймемзэ вераз. Таиз ни мынам фантазие, син азиям пуктэм суредэ. Озыы ке но, Красильниковлэн улон-вылоназ сыће учыр зэмзэ вылэм. Берлогес ни, театрын ужакум, Иван Иванович Кудрявцев, Удмурт театрысь тодмо артист, Красильников сярысь шуылоз вал:

– «Кыће бадзым драматургез театрмы ыштйз. Артистлы дышетскысал ке, сыће пьесаос гожтысал – вань театрёс пуктысалзы. Ваньмыз монэн сэрен, ми соин чош вадьсаськимы. Геннадий туж пинял (озыы небыт вералоз вал), възьдаськись, очкиен, жужыт, векчи, суйёс-пыдъёс зиры вылын возисько кожало. Нош мон секыт ожез ортчемын, матрос пормаен. Соин ик актёр мастертвоя дышетйсь монэ бырйиз.

Артист шонерзэ вералоз вылэм. Красильников но Кудрявцев зэмзэ жужытэсь, тусбуязы но, вераськон манеразы но маке огъяез вань.

Геннадий Дмитриевичез нырысьсэ адзыкум, со удмурт литератураын генерал выллем ни вал, векчи пйшуръёс пöлын – арыслан, зйб-зйб, дыртйсьтэм, аслыз оскись, лякыт. Пöртэм бадзым кенешонъёсын пукылэм адями: со уго Россия Федерацилэн но, Удмурт Элькунмылэн но депутатсы, писательёсмылэн Тöрозы, «Знак Почёта» орденэн пусъемын. Со мыным соку туж шудо, улон шоры капчи, серемпыр учкись адямиен адскиз. Кызы бен шудо уд шуы: Литературной институтэз 1957 арын йылпумъямез бере вордскем Алнашаз бертыса, вакчи дыр куспын ваньзэ сямен бадзым ужъёссэ гожтйз. Куамын вить аресъем Красильников паськыт сюрес вылэ (озыы малпаз, дыр, вал) отысь потйз: Ижкаре выль калыкен тодматскыны, произведениосаз выль геройёсты пыртыны, выль шудэз утчаны лыктйз. Но... но... но... шедьтйз меда со, Алнашын сямен, гажано, яратоно геройёссэ, Курбатов, Кабышев, Соснов кадъёссэ? Красильников сярысь мадёнме мон А. С. Пушкинлэн пьесаысьтыз Фаустлэн но Мефистофельлэн кылъёссы бордысен кутски. Малы нош Гётелэн «Фаус-

тэз» бордысен ой кутскы? Гётелэн Фаустэз ялан мае ке но утча, нюръяське, всяк улэмез потэ, лул-сюлэмзэ дьяволлы вузаны дась – со котьку егит мед луоз, нош Пушкинлэназ Фауст туж-туж жадемын ини, сюлмаз мөзмон гинэ кылемын на. Мынам Фаустэ – со ачиз Красильников өвөл меда? Кин сое, алнаш өрзи пиез («кинъёс» шуимы ке, шонергес, дыр, луоз), вордскем карыстыз, зарни гурезьёс сйзъыса, тыло, съод чыно каре вуттйз? Кин солэсь Ижкарын кужмо бурдъёссэ тйяны, лябзытыны юрттйз? Эшъёсыз-а, бадзым кивалтйсьёс-а, ачиз-а? Ой, шуг, таёе юанъёслы туж шуг огласянь гинэ валэктыны.

1970-тй аръёслэн кутсконазы писательёслэн огазеясконазы пыри. Ульчаын зоре, уйпал төл, котмем писпу куаръёсыз ишкаллыса, ымныре сачкытъя.

Геннадий Дмитриевич ужан кабинетысьтыз бадзым укноез азын мөзмыт малпаськыса сылэ. Ымныр вылтйз секыт синкылиос васько, өйтөд, кыёе куректонэз вал мынам Фаустэлэн, но со пыремме ик өз шөды кадъ. Берлань потыны вамыштй.

– Эн кошкы ай, Семонмы вуоз, – шуиз со, ачиз озы ик, мөля вылаз киоссэ кечат-вамаат карыса, Шекспирлэн Гамлетэз сямен «Быть или не быть?...» юанэз сэрттэ-пертчэ.

– Кыззы учкиськод тон та шимес куазь шоры? Оло, Семилы кадъ ик, тыныд но котькыёе куазь мило и дорого?

– Ойтөд, – мар вераны ёрмыса шуи. – Таёе куазен пуныос выж улэ ватско.

– Мөзмыт, туж мөзмыт... Оломар луэ монэным... Ваньмыз куашка: тазалыке, гожъяськонэ, адямиез гажанэ...

Тодйсез тодэ, кытын улйз Геннадий Дмитриевич, – Горький урамын, бадзым магазин вылысь квартираын. Син азяды пуктэ таёе суредэз: писательёслэн Союзазы ужамез бере Красильников дораз бертэ, сиське, бырйисьёслэн гожтэтъёсынызы тодматске (со 1961–1975 аръёсы депутат вал), көня ке шутэтске но гожъяськон жөк съобраз мынэ. Магазинысь холодильник дымбыр-йыг карыса ужаны кутске, дугдыкуз озы ик дымбыртэ – выж зурка, шкафысь тусьты-пуныос жингырто, ручка улысь букваос тэтчалло, кырыж-мерыж пуксё. Сыёе дыръя мын но ужа! Уд, малпанъёстэ мур-мур люканы нокыззы но уд быгаты.

Нош куд-огез али но юало: малы, пе, Красильников Ижка-рын дас одйг ар чоже улытозяз (1964–1975) бадзым произведе-ниос оз гождя ни?

Кыкетй мугез, мон сямен, тани мар: Геннадий Дмитриевич нокинлы оз йыбыртъя, оз пыриськылы, выль кивалтйсьёс ся-рысь чебер кылъёс оз вералля, соослы докладъёс оз гождялля. Нош выль кивалтйсьёс писательёс шоры, ой, кыче пыриськыса учко вылэм.

Зоремысь уг дугды. Уйпал төл укное йыгаське. Кошкеме уг поты. Ярам ай, Семён Самсонов вуиз. Ма но со вераськеммы бере Геннадий Дмитриевич шуэ:

– Егорыч, магазинэ поталод шат? – мыным дас манетсэ мыче. – Коньяк басьты.

Семён Самсонов вить манетсэ йылтэ. Нуназезэ сиськымтэ-ысьтыз, пирожкиос вайыны косэ.

– Погоди, кукейзы вань ке, кык-куиньзэ басьты.

– А мыным минералка, – косэ на Семён Самсонов.

Пукиськомы. Пичи-пичи юиськомы. Красильников пирож-кизэ оз но оскалты, курегпузэн куртчиз. Мон пайемме верай, шуисько:

– Киристятя, коньякез курегпузэн куртчо шат? Коньякен шоколад мынэ.

– Тодйсько, алама озыы, муслы алама. Номыр кареме уг луы, дышемын, воземпие, – монэ исасько каре Красильников.

«Киристятя» но «воземпие» шуэммы пумысен вакчияк ва-лэктытэк уз лу. Кышно ваён азын Геннадий Дмитриевичлы шудэм-серектэм улсын огнуналэ шуисько:

3

– Не муми мынам, не буби мынам, куриьско тйледыз сюанам тятя интые лыктыны.

Лыктйз ведь, съобраз Семён Александрович Самсоновез но Семён Андреевич Перевошиковез өтем на. Тйни со дырысен ма-тэгес луимы, серемпыр та кылъёсыз но вераллямы.

Соку ик тодй Геннадий Дмитриевичлэсь бадзым крезьчиен Герман Афанасьевич Корепановен опера гожтыны кутскемзэс. Инъетлы, пе, «*Вуж юрт*» повестез луоз. Ариослы ачиз кылбуръёс гожтоз. Нырысь-валысь чигнам ик вылэм, мон, пе, кылбурчи өвёл, но Герман Корепанов котькуд удмурт писатель кылбурчи луэ шуыса оскытэм. Сокугес ик зуч драмая Короленко нимо театр «*Арлэн кутсконэз*» романзыя Иосиф Прутэн чош гожтэм пьесазэ пуктйз. Солэсь азьвыл Сарапулысь театр но Удмурт театр «*Вуж юрт*» повестезъя спектакльёс возматъязы ни вал. Иське, драматургиын опытэз вань ини, öйтöд, мар люкетйз, нош опера гожтытэк кылиз.

Пьеса пöран сярись вераськыкумы, öсэз пичигес усьтыса учкись луиз. Ми кинзэ валаса но öм вуттэ. Но чүказез та сярись партилэн Удмурт обкомаз но тодйлям ни...

Та мае возматэ? Соку дыръя вапумез, писательёс куспын вожвылъяськонэз, огзэс огзы вузанэз, чагиськонэз, Красильниковез кызы ке но дәриен саптаны выронэз. Но Геннадий Дмитриевич чылкыт, жужыт гурезь вал – пыдзы, кизы со вылэ тубыны öз сузылы.

4

Усем мылкыдэз жутыны туж секыт. Котькуд зеч адымылы секыт, нош писательлы дас пол секыт. Отын но, татын но огодлы пырыськыса, йыбыртъяса улон кузёяське. Кивалтйсьёс пöлын – уката ик. Толло холуйёс тубат кузя тубо но тубо. Чорыг йырысеныз сисьме, шуэ калык. Мöля вылаз ньыль-вить зарни кизилиен ветлйсь Брежневмы бордысен кутскыса, асьме Удмурт обкомысьтымы нырысетй секретарьмы Марисов дорозь. Сыче кивалтйсьёс сöзулзэс чупась ляльчиосты вöзазы вордйзыбудэтйзы. 1990-тй аръёсы со ляльчиос быдэс кунмес киултйзы. Кытчы соос асьмеды валтйзы – туннэ умой адзйське ини.

Асьмелэн Марисовмы но ассэ эксэй кадъ возиз. Адзонтэм карылйз удмуртъёсыз, уката но гожъяськись эшгёсты.

Одйг нуналэ писательёсты – ог дас муртэ – Марисов доры өтизы. Быдэс нунал дасяськи – как же, котькуд нунал нырысетй секретарь доры писательёсты уг өтё. Эрказъяськон сямыз сярысь кылылй ни бере, мыным туж тунсыко потйз, кызьы со ми азын ассэ возёз.

Милемыз пумитаз идеология секретарь Надежда Ивановна Смирнова. Ачиз ик Марисов доры пыртйз. Жök сьöрын огназ пуке зöкодем, сокем егит уд шуы ни, воргорон – нырысетй секретарь Марисов. Надежда Ивановна солы небыт куараен, пыриськыса вазиськиз:

– Тани, Валерий Константинович, дорады писательёс лыктйзы, тйледын вераськыны, тйлесьтыд зеч кылдэс кылзыны.

Марисов, кузь жök шоры кыыныз возьматыса, пуксьыны өтиз. Пуксим. Витиськомы зеч мылкыдын верам кылъёссэ. Но Марисов пуке, номыр уг вера. Чалмыт. Надежда Ивановна сюлэмшугъяськыны öдъяз ни. Нош ик азывыл дасям кылъёсыныз кутскиз. Вераса öз быдты – нырысетй секретарь лек мынектыса шуиз:

– Надежда Ивановна, тй соослэн кузёзы, тй кыин ик биньгозы. А мон мар?

Надежда Ивановна чеберъяськыны кутскиз – озыы но озыы, пе, тйлесьтыд кылдэс витё.

Мыным ваче пумит Олег Алексеевич Поскрёбышев, Семён Александрович Самсонов, Флор Иванович Васильев пуко, вöзам – Трофим Архипович Архипов но эшшо кык-куинь писательёс.

Марисов кезыт сингёсыныз ми шоры учкиз но туж бадзым иворез кадъ вераз:

– Я, мар мон тйледын вераськом?

Нош ик чалмыт луиз. Марисовлэсь сокем ик кыдёкын уг пукиськы бере, пырак синмаз учкисько. Мон сое, котьма ке но, бадзым, визьмо кивалтйсен лыдъясько вал. Валай, Валерий Константинович огмес но уг яраты, улонэз со кадъ нокин но уг тоды шуыса малпа. Кутскиз огшоры, ваньмызлы тодмо кылъёсты вераны. Сыгё каллен, дыртытэк, бадзымесь висъёс лэсьтылыса. Азиям ачиз Сталин пуке кожалод (со кемалась öвöl ни ке но). Мае мон солэсь витисько, малы солэсь котькуд кылзэ кылзйсько?

Мон гинэ өвөл, ваньмы. Малы со ассэ сокем эркин возе? Нош ми – оло, жилььям муртѳёс... Со – дышетѳсь, нош ми – нырысетѳ классэ ветлѳсьёс.

Олег Поскрѳбышев султѳз но олома сярѳсь но вераны кутскиз. Марисов ултѳям пыр егитѳёс вылтѳ ортчиз. Видите ли, пе, егитѳёс нравственностьсэс ышто. Почта ящикѳсьсыс газетѳёсты суто. Олег Алексеевич лѳптѳз:

– Озы, озы, Валерий Константинович! Мон тани «Лоскутное одеяло» гожтѳ.

Марисов кырыжак серектѳз но Трофим Архипович Архипов пала вамыштѳз.

– Лыдѳзи мон тынэсьгыд «У реки Лудзинки» романдэ. Нырысь пал мон Лудзинкаез бадѳым, пароход ветлымон мур кожам вал, нош соид курег пыдѳюмылозь но өвѳл вылэм.

Озы со калык писателез, солэсь бадѳым романзэ ултѳяз. Флор Васильевлы но «ѳеч кыл» сюриз:

– Флор, кушты ни со кылан-бурандэ. Мар со стишокѳёсыд? Гожѳя заводын ужасьёс сярѳсь романѳёс.

Собере выжиз национальной кадрѳёсты бюджетон вылэ. Тани, пе, мон кѳня муртэ адямие поттѳ ни. Верало Эмилия Тимофеевна Габдулхаковаез, Шарканысь кивалтѳсез. Азьвыл со Мишкиноысь хозяйствоен кивалтѳз, табере – ёросэн. Олег Поскрѳбышев шуэ, мон со сярѳсь очерк гожтѳсько.

– Олег Алексеевичлэн малпанэзлы пумит өвѳл, – мон но ымме усьтоно кожай, – Эмилия Тимофеевна совхозэн умой кивалтѳз, но алигес солэсь жалѳыр васькѳсь синвуоссэ адѳи.

Эккой, малы меда ымме усьтѳ.

ѳѳок сѳѳрын пукись Марисов султѳз, кѳсыт ымнырыз тѳды дэра выллем луиз, горд виштыосыз потѳзы. Мон пала вамыштѳз.

– Я, я, вера на, кызы со, кытын бѳрдѳз? – пинь пыртѳз юаз.

Мон, пась ым, озы но озы шуыса валэктѳсько. Телестудиян ужасько бере, мынѳмы, пѳй, Шарканэ, ю-нянь октэмзэс возьматыны. Мишкино гуртэ потѳмы. Тѳни отысь бусы шорын Эмилия Габдулхакова сылэ но бѳрдэ. Вылѳ кивалтѳсьёслэн, обкомлэн, конкретно тѳляд косэмдыя, пѳй, вож ѳегез араллям. Табере вань ѳегзы ярантэм, му вылын сисьмем.

Марисов жок сьораз мынйз но, вис лэсьтыса, жок вылаз мыжгиз:

– Мон солы приказывать ой кары, мон солэсь требовал, требовал, требовал!

Куинь пол «кури!» шуыса кеськиз. Быдэс мугоры юзыр-кезьыр луыса кошкиз.

Тйни сыче «требовал» шуонъёс, косъяськонъёс, кышкатыяньёс ик гуртъёсмылэсь туссэс-буйзэс өз быдтэлэ меда? Калыкез пыдйылчи өз карылэ меда? Сыче «требую» шуисьёс ик гурт калыклэсь ужан мылкыдзэ өз кысэ меда? Малы ке-а гурт калык музъемез шоры, дорез шоры мурт синмын учкыны кутскиз.

Тйни сыче кивалтйсьёс, музъем ужасьёс сярись гожтыны малпа вал Геннадий Дмитриевич Красильников. Но малпанзэ быдэстыны өз вуы ни.

5

Туала дыре литератураез «выль синмын» дунъясьёс шедё. Соцреализм амалэн гожтэм произведениос пöлын бугыръясько ни: таиз верос хрестоматие пыртымон, тазэ романэз дышетены уг яра. Писатель колхоз улонэз, колхоз шоры учконэз кырза-вера. Ульчаын капитализм, нош тй «*Вуж юртын*» улйськоды на. Со выллем уйбыртонъёс висись йыръёсын кылдо, сыче йыръёсын, кудъёсыз асьсэ песятайёссэс но песянайёссэс, соослэсь улэм-вылэмзэс, ужъёссэс адзонтэм каро. Тани Егор Гайдар ик. Пересь бубиз дас куать арескысен революция понна жугиськиз, книгаос гожъяз, шудбур, эрик понна улонзэ сётйз, нош нунокез ваньзэ мыдланьтйз.

Мон сямен, зэмос мастерлэн лэсьтэм-гожтэм арбериез – всяклы. Нокыче юри малпам «-измъёс» соослэсь зечлыксыс уз сапталэ, солэн дуныз – мертантэм.

Геннадий Красильников сярись гожтэмелэсь азьвыл «*Вуж юртсэ*» выльысь лыдзыса потй на. Та уженыз уго Красильников студент писательёс радэ йыг-йыг султйз. Кыче зол со гожтэмын, кыче зол солы ним сётэмын – быдэсак символ! Красиль-

ников со юртысь кузёосты курла: Зоя но Макар Кабышевъёс ас понназы гинэ уло, калык синъёслэсь ватскыса, ваньбур люкаса. Нош туннэ «*Вуж юртлэн*» маиз воштйськиз? Зоя но Макар Кабышевъёс азбар пушказы укнозэс уг ни чого – куинь этажъем коттеджъёсын уло, шара лушкасько, адымиосты виыло, «*Вуж юрт*» соосты уг жокаты, Макар сямен писпу улэ пачкаса уг быро – кунэн кивалтйсьёсмы туннэ соосты валтйсь кужымен адзо.

Ортчозы аръёс, дауръёс, нош «*Вуж юрт*» алмаз сямен я одйг сэрегын, я мукет сэрегын кисьтаськоз. Алмаз – со алмаз ик кылёз.

Туэ тани Зоя но Макар сямен улыны тыршисьёс доразы шелеп вайыса уг ни даурто, айшетазы сю сюрс доллар коньдонэз бинялтыса, Кремлетй бызбыло (А. Чубайс). Со сярись Ельцинлэсь мугорзэ возьмась Коржаков аслаз тодэ ваён книгаяз гожтэ.

Г. Д. Красильников сярись гожтыны пуксьыкум, нырысь ик тодам лыктйз «Человек редкой души» верос. Нялтас верало: та верос арлэн пумаз нимысьтыз премиен пусъемын но авторезлы «Смена» журналын эшлыко шарж лэсьтэмын вал.

Геннадий Красильников удмурт сямен «*Арлэн кутсконэз*» верос гожтэ. Со верос ик «*Арлэн кутсконэз*» романэзлы ошмес син кадь луэ. «Человек редкой души» веросэз лыдъеме дырысен сое удмурт сцена вылэ вуттэме потыса улй. Инсценировкаме «*Сюлэм куара*» нимын Удмурт театр возьматйз. Жалысько, Геннадий Дмитриевич сое өз адзы ни...

Удмурт литератураын Красильников ноку возьматылымтэ ужпумез но жутйз: зеч сямэ эмчи Соснов но монъяськись Световидов. Кык пöртэмесь адымиос: адымиез яратон (Соснов), ас уждэ гинэ тодон, ачид сярись сюлмаськон (Световидов).

Югыт дунне вылын улйсь адыми – таза-а со, өвёл-а – кулонлэсь кышка. Улэмез потэмен эмъяське, Инмарлы оскыны кутске, черке пырыса вöсяське. Геннадий Дмитриевичлэсь вöсяськемзэ адъеме өвёл. Котькуд визьмо адыми сямен ик, Инмарез, зечезлы осконэз сюлмаз возиз ик, вылды, но калык пöлын өз возьматылы. Берло улон аръёсаз Красильников но кулон, улон пумысен кылпум поттылйз ик. Котькыче таза, пе, медло адыми, пумыз одйг – кулон. Нокыче ваньбурен, зарниен сое уд пöя, утиськыны уд бы-

гаты. Быдзым зуч писательёс Лев Толстой но Максим Горький кулон сярый муресь произведеннос гожтйзы: нырысетйез – «Иван Ильичлэн кулэмез», кыкетйез – «Егор Булычов но мукетъёсыз».

Геннадий Дмитриевич, висемзэ шөдыса, вылды, тодмо удмурт хирурген Семён Иванович Ворончихинэн пумиськылйз, соин кенешылйз. Тйни озьы кылдйз быдзым удмурт хирург сярый очерк. Гуртысь механизаторъёсты, агрономъёсты, скал кыскисъёсты, дышетйсьёсты, председательёсты сяна, Геннадий Дмитриевич эмъясьын ужась адямиосты гажалоз вал. Соснов выллем эмчиос, асьсэлэсь сюлэмзэс жалятэк, адямилэн улонэз понна нюръясько. Красильников котькуд книгаысьтыз геройёсыз пыр асьмелэсь юа кадь: «Нош тынад, лйдзись эше, кыче сюлэмьд? Зеч-а, урод-а?».

Геннадий Дмитриевич эмчиосты яратэменыз ик, вылды, кузпал но эмъясьёс пöлысь шедьтйз. Зинаида Степановна – со «Арлэн кутсконэз» романысь Фаина Петровна öвöл шат? Фаина сямен ик, мединститутэз йылпумъяса, Алнаше вуэ. Нош ачиз Зинаида Степановна Кез ёросысь Сюрзиын будэмын.

Геннадий Дмитриевич яратэ вал книгаез: озьы но, тазы но бергатэ, сокугес потэм книгаезлэсь буёл зынзэ зынъя, суредъёссэ учке. Вылтуссэ чебергес, лйдзисез бордаз кыскись кароно вылэм. Кагаз но вольыт мед луысал... Книга одйг арлы уд поттйськы бере, вылйыз но юнгес медло. Та книгаез библиотекаосын гинэ медаз лйдзе, бусыын ужась механизатор но нуназеямез бере кияз медкутоз...

6

Сюлмы вöсь луыса лйдзи Красильниковлэсь больницаын кылльыкуз «Рваные сны» зуч кылын гожтэм вероссэ. Красильников «кык кылын» гожъяське вал.

Малпасько, больницаысь потонзлы оскытэк, «Рваные сны» веросаз Геннадий Дмитриевич асэныз вераське, юанъёс пуктылэ.

«...Неужели же главное дело его жизни осталось там, позади? А он все живет так, будто ему дано еще совершить. А ведь сорок

пять пробило, и даже чуточку больше.. По сути, жизнь прожита, осталось невеселое доживание того, что еще отпущено... У него уйма планов, замыслов, чертовски хороших и удачных, поверьте! И вдруг кто-то бьет в станционный колокол: бам-м! бам-м! бам-м-м! Кондуктор входит в купе и ошарашивает: готовьтесь, скоро вам выходить. Зачем? Почему? Ведь ему так было хорошо в этом уютном, теплом купе. (Наконец-то! Хватит, наездился в свое время и в тамбурах, и на подножках, и даже на крыше товарняков). Ему показалось, что он проехал всего лишь какую-то половину пути, а может, и того меньше. Так все это неожиданно и страшно: «Вам скоро выходить». Кругом, за окнами вагона, – темень, дождь и адский ветер, там уже нет жизни, а вся она, жизнь, осталась здесь.

...Прежде он жил своей страстью, своими успехами, наконец, своим талантом.

...Рано они собрались его отпевать, рано!».

Педлон, вагон укно съорын, – пеймыт, зор-кот но адысь выллем тёл. Больницаын шимес чалмыт. Куара сётись өвёл. Красильников критикъёслэсь ушъям кылъёссэс тодаз вайиз. Алигес Леонид Соболев шуиз: «Адыми визьме ваньбур сярэсь малпан юн кырмиське но солэсь сёлэмзэ сөре, улонын трос ласянь адзиське астэ гинэ яратон. Асьмелэн ужмы – бадзым яке пичи хирург кариськыса, со лэсянтэм поськыюсты вандылон».

Чэапак та сярэсь гожтэмын Геннадий Красильниковлэн тунсыко «*Вуж юрт*» повестез. Нош Литература институтысь Замошин профессор шуиз: «Геннадий Красильниковлы семинарын удалтйз. Асьмемыз со лякытак гинэ китймы кырмиз но удмурт крестьянинлэн Макар Кабышевлэн «*Вуж юртаз*» пыртйз. Со бордысен тйни асьмеос семья куспын кылдэм социальной драмаез адзись луим. Собере, Кабышевлэн коркасьтыз потыса, синмаськымон удмурт музъем вылысь колхоз бусыюсты но возъёсты учким».

Венгриысь профессор Петер Домокош но ушъям: «Егитгес писательёс пöлысь тужгес но син шоры йötэ Геннадий Красильников. «*Тонэн кылисько*» повестяз со али дыре ваньмыз понна

туж кулэ луись ужпумез жутэ» (П. Домокош, Венгрия). Красильниковлэн Михаил Петрович Петровен кенешемез тодаз лыктйз:

– Мар-о, пияш, дышетскон сярысь уд малпаськы-а? Кылыд мынэ ни кадь, номыр уд шуы. Ми тонэ Горький нимо Литературной институтэ дэмласьком. Одыг интыын пукыса чакмод ини. Мынод-а?

Син азяз пуксё студент дырысь аръёсыз, эшгъёсыз. Куасэн нискылангъёс, жок съорын пукылэмгъёсыз. Шулдыр егит дыр! Кытын тон туннэ? Ау!.. Вазись өвёл...

Кыче шумпотэ вал Геннадий Дмитриевич Роман Валишинлэн веросьёсызлы.

– Осконэ со. Зэмос писатель, – шуылоз вал.

Шумпотылыз Корепанов-Камскийлэн крезьгур удысын воронгъёсызлы: «Италмас» балетгэзлы, «Любушка» опереттаезлы. Капчи мылкыдо дыръяз, Красильниковэн кырзамзэс тодаз вайыса, Геннадий Михайлович Корепанов-Камскийлэн ымнырыз кыче шудо луэ вал: «Литинститутлэн общежитияз вал со учыр. Ёс доры лачак студентгёс люкаськиллям, ява! Кылэмды вань-а солэсь яратоно кырзанзэ «Пиос но будо но, пиос но кошко но, нош ик со интые пиос будыло?...».

Пиос будо, мынам яратоно писателе, литератураын тон кадез өвёл ни. Интыяд нокин отчы өз тубы на. Уз но тубы. Воштйськиз кунмы, воштйськиз калык, гурт улон...

Книгаосыд, геройёсыд котьку ми пöлын луозы. Берпум удмурт бырытозь. Нош ми бырыны ум малпаське, ми дауръёсын уломы.

ПУТЕШЕСТВИЕ В РОДНУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Загадочные люди жили около большой реки Камы. Без слов пели песни. Или, в крайнем случае, что увидят в природе, о том и поют. Это было время «первобытного коммунизма», когда между людьми существовала кровная, родовая связь. Первобытное общество состояло из нескольких десятков людей – мужчин, женщин и детей. Основным их занятием были охота, рыболовство. Добычу распределяли равномерно между собой. Все взрослые женщины считались женами всех взрослых мужчин, и наоборот. О том времени, о золотом веке, о рае остались только сказки, как погибли *Алангасары*. Они были наивными, бесхитростными. Но они пели, подражая природе, птицам, зверям, ветрам. С приходом эпохи матриархата женщина-мать, связанная детьми, стала приручать зверей при своем жилище. Она не могла далеко ходить за мужчинами. Это было начало развития скотоводства и земледелия. Женщина растила детей, пела им свою колыбельную песню «*Изъ, изъ, нуные, / Зарни бугоре...*» («Спи, спи, дитятко, / Золотой комочек...»). Опытная женщина руководила, приказывала. Возникла власть женщины и подчинение ей. В крепких удмуртских семьях матриархат сохранился до сих пор.

В патриархально-родовую эпоху появились старейшины (вожди – *Töro*). Большую часть продуктов они оставляли себе, не делились с простыми членами общества. Так возникли слова «мое, моя», затем частная собственность, неравенство. *Töro* считал себя душой, организатором, а исполнителей его приказов – телом. Отсюда начинается почитание предков, культ предков. О них складывались легенды, сказки. Были эти легенды добрые и злые (см. книгу «Сказки и легенды удмуртского народа»).

Потом возникает культ главных сил природы: солнца с его светом и теплом, тьмы (ночи), леса, воды. Добрый Бог – солнце, злой – тьма. В удмуртской мифологии силам природы посвящены десятки сказок, легенд, песен.

Не в пору ли правления *Töro* появляются профессиональные певцы-музыканты (легенда о *Зуе*), поэты, восхваляющие

Тёро? Словесные произведения первоначально передавались устно из поколения в поколение.

Могли ли удмурты встречать Киевского князя Владимира песней-гимном (как утверждает академик Смирнов) в X веке такими словами:

Не расстанемся, не расстанемся.
Никогда мы не расстанемся..
Лишь тогда расстанемся,
Когда листва утонет в воде до дна,
Лишь тогда, когда камень всплывет наверх.

*(Ум люкиське, ум люкиське,
Ноку но ум люкиське.
Куар ву пыдсы выйытозь но,
Из ву вылэ лоптытозь).*

Этот гимн живет до сих пор, исполняется профессиональными коллективами при расставании с дорогими гостями. Мог ли этот гимн сочинить «колхоз»? Таких древнейших текстов-песен у удмуртов множество. Это еще раз говорит о том, что словесные произведения создавались авторами, а не коллективно.

У каждого народа есть прошлое, в том или другом виде присутствующее в современности: в песнях, легендах, знаках-символах, орнаментах. Не зная «темного прошлого», нельзя созидать настоящее и будущее. Это прекрасно понимали основатели удмуртской литературы Григорий Верещагин со своим стихотворением «*Чагыр, чагыр дыдыке...*» («Сизый, сизый голубок...») и Кузебай Герд – автор стихов «*Зарни шунды жужалоз*» («Золотое солнце взойдет»). Основой любой национальной литературы является устное народное творчество. Без знания бытовых песен, причитаний, заговоров, сказок, загадок, пословиц и поговорок, метких выражений не состоится настоящий писатель. Опираясь на прошлое, создаются произведения.

Особенно после Первого Всесоюзного съезда писателей (1934), как грибы после теплого дождя, проросли народные та-

ланты по всей земле советской, в том числе и в Удмуртии. Это Михаил Коновалов, Григорий Медведев, Михаил Петров, Трофим Архипов, Игнатий Гаврилов, Василий Садовников, Афанасий Лужанин, позднее – Петр Блинов и Филипп Кедров.

Но многим не суждено было заниматься любимым делом. Одни погибли в советских концлагерях, подобно первому председателю правления Союза писателей Удмуртии Кедр Митрею. Это также и Михаил Коновалов, и Григорий Медведев, и основоположник национальной литературы Кузубай Герд. Другие сложили свои головы на фронтах Отечественной войны: Петр Блинов, Филипп Кедров, Филипп Александров, Юрий Шаврин, Евграф Баранов. В начале войны Союз писателей Удмуртии вообще был закрыт. М. Петрова, М. Лямина, С. Широбокова, И. Гаврилова, И. Зорина, Ашальчи Оки призвали в армию.

В послевоенные годы председателями правления СП УР были М. Петров, А. Бутолин, Г. Д. Красильников, Ф. Васильев, С. Самсонов и др. Каждый вносил свое. Они не дали удмуртскому писательскому содружеству исчезнуть, сохранили честь и совесть нашей писательской организации, которая зарождалась в самом начале 1920-х годов. Это было время отречения от своего прошлого, традиций, обрядов. Но К. Герд, Ашальчи Оки, М. Петров не пошли по такому пути, они оставались верными своему народу. Настало время созидания. И каждый писатель считал своим долгом помочь партии и народу поскорее наладить жизнь на своей земле. Нет, они не были лакеями у государства. Хотя их пытались учить, как писать и как жить. Литература, слава Богу, никогда, ни в какие времена не терпела указчиков. У настоящей литературы нет вождей – будь это даже сам «отец народов» Иосиф Сталин. Не потому ли погибли К. Герд, К. Митрей, М. Коновалов, Г. Медведев?

Поэты, писатели были и остаются передовым отрядом интеллигенции. Блестяще это доказали авторы, творившие в 1960–70-е годы: Геннадий Красильников, Николай Байтеряков, Степан Широбоков, Флор Васильев. Литература этого периода войдет в «золотой фонд» не только удмуртской, но и российской

культуры. Это было торжество, пик развития национальной литературы (прозы и поэзии). На высоком уровне проходили Дни удмуртской литературы и искусства в Москве, Туле, Харькове, Ставрополе и др. Свято чтят память о покинувших этот мир Кузубае Герде, Михаиле Коновалове, Григории Медведеве, Петре Блинове, Филиппе Кедрове, Ашальчи Оки, Геннадии Красильникове, Николае Байтерякове, Степане Ширококове, Флоре Васильеве, Романа Валишине, Владимире Семакине, Семене Самсонове, Владимире Романове, Михаиле Федотове, Германе Ходыреве... Созданы книги воспоминаний о К. Герде, К. Митрее, М. Петрове, Г. Красильникове, Д. Яшине, С. Самсонове, С. Ширококове, Ф. Васильеве. Издаются сборники их произведений в серии «Память Удмуртии». В 2003 году в Москве вышла антология прозы и поэзии. Главный редактор издания известный русский поэт Лев Котюков сказал: «Мы больше всех авторов включили в антологию поэзии удмуртских поэтов. Удивляет их способность чувствовать природу, оживлять ее».

Как и чем живут поэты и прозаики Удмуртии? Какова сегодня литературная атмосфера? Есть ли молодая поросль, свежие голоса? И «как слово наше отзовется» у продолжателей, молодых создателей удмуртской литературы? Останется ли в грядущем вообще понятие литература? Что с нею станет? Сложный вопрос. В таких случаях говорят: время покажет. Даже великая книга Библия не дает ответы на все вопросы. Выживет ли вообще человек на земле? Когда на земле царит хаос, торговля всем и вся, вместо души люди озабочены желудком. Вместо души – доллар. Вместо Христа Антихрист правит балом. Потому как никогда нужно слово Бог. Потому и нужны «инженеры человеческих душ» – писатели... А покамест мы работаем. Писатели – это борцы с несправедливостью и злом. Для нас нет горя чужого, беды сторонней.

Чем жив сегодня родимый мой край и его народ? Все, что волнует народ, тревожит нас. Не об этом ли пишет народный писатель Удмуртии Генрих Перевошиков в недавно выпущенной книге «Жестокосердие»? Не эти ли темы поднимают в сво-

их романах Кирилл Ломагин, Олег Четкарёв, Петр Кубашев, Римма Лаптева, народный писатель Удмуртии Вячеслав Ар-Серги и др.? Разве наши поэты не продолжают развивать тему экологии души, земли, природы? Сильна наша женская интимная лирика, основателем которой является Ашальчи Оки. Это поэтессы Людмила Кутянова. Татьяна Чернова, Галина Романова, Алла Кузнецова (рано погибшая). Рядом с ними – Любовь Тихонова и Лидия Нянькина. Мужскую поэзию сегодня достойно представляют народный поэт Удмуртии Анатолий Леонтьев, Александр Белоногов, Вениамин Ившин, Петр Захаров, Алексей Ельцов, Сергей Матвеев. Манит певучий стих А. Белоногова, своеобразно раскрывает свой внутренний мир А. Леонтьев, есть лирическое чувство у А. Ельцова. Особо хочется сказать о Сергее Матвееве, продолжающем традиции «серебряного века». Народный писатель Удмуртии Владимир Емельянов, переводчик его стихов на русский язык, отмечал: «Стихи Матвеева написаны мастерской рукой, поэзию его трудно анализировать, его стихи символичны».

Петр Захаров и Виктор Шибанов не уступают в своей поэзии постмодернистам и этнофутуристам. Их поэзия мудра. Но меня волнует не их восприятие жизни – волнует их отстранение от народной поэзии, гармонии души. Я ничего не имею против всякого «изма». Но нет ли в их стихах псевдофилософствования о жизни? Что ни говорите, литература всегда при всех «измах» останется идеологизированной. Принимая лучшие стороны наших молодых поэтов, мне трудно понять их философствование. Но они, как говорится, сегодня «на коне». В этом смутном, кровотокающем времени остерегаюсь я только одного: как бы их ученики, будущие поэты и поэтессы, еще не поняв и свой внутренний мир, и мир людей, не увлеклись сложением слов, рифм, ибо ученики стараются равняться на мэтров.

Итак, в удмуртской литературе есть и будут взлеты и падения – это диалектика жизни. Есть и были смутные времена в России. Были довольные и недовольные писатели. Были и есть трудности с изданием книг. Союзу писателей Удмуртии – 70 лет.

За это время в писательской организации всякое бывало: победы и разочарования, конфликты и согласие. Но все это несущественно. Мы смогли сохранить союз единомышленников. В нашей организации 16 человек русских писателей, 46 – удмуртов. Мы живем дружно, у нас нет разногласий. Удмуртские писатели не забыты нашей властью. Три члена Союза писателей носят самое высокое звание «Почетный гражданин Удмуртии» – Зоя Алексеевна Богомолова, Михаил Тимофеевич Калашников, Олег Алексеевич Поскребышев. 13 человек являются народными писателями Удмуртии, двое награждены орденом «Знак Почета» – Александр Григорьевич Шкляев и Петр Кириллович Поздеев, двое награждены орденом Дружбы – Фома Кузьмич Ермаков и Зоя Алексеевна Богомолова. Звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» имеют Александр Егорович Белоногов, Семен Карпович Карпов, Генрих Ксенофонтович Перевощиков, Егор Егорович Загребин, Вениамин Никонорович Ившин.

Удмуртия богата талантливыми русскими писателями. Это Олег Алексеевич Поскребышев, составляющий славу не только Удмуртии, но и России. Его стихами восхищаются композиторы и пишут на его слова песни. Владимир Иванович Емельянов родился в городе Армавире. Он народный писатель Удмуртии. Более 40 тысяч строк перевел с удмуртского на русский язык. Анатолий Илларионович Демьянов – поэт, прозаик и переводчик. Прозаик Валерий Александрович Болтышев родился в Витебске БССР. Пишет повести и рассказы. Зоя Алексеевна Богомолова – критик, литературовед, родилась в Оренбургской области. Надежда Петровна Кралина – фольклорист, литературовед-переводчик, родилась в городе Вольске Саратовской области.

Торжества, посвященные 70-летию Союза писателей Удмуртии, прошли по всей республике: в клубах, школах, библиотеках. Дни литературы провели в Игринском, Киясовском и Шарканском районах.

Дорогие читатели! Окажите нам честь встречаться с вами, разговаривать, дарить свои произведения и радоваться этим встречам.

СЮ КНИГАЕЗ ЛЫДЖОН ПУМЫСЕН (БЕР ЖЫТАЗЕ МАЛПАНЪЭС)

Толшор толэзь пумын «Независимая газета», Интернет печатлазы Президентэ кандидатлэсь Владимир Путинлэсь статья-зэ: «Россия: национальный вопрос».

Кема нуйтытэк верало: Сталин бере калык кусыпъёсья шара, лэчыт гожъясь-верасьёс но ой вал. Выли кивалтйсьёсмы пöлысь шуисько.

Та гожтэмам мон Жуч кунмы, жуч калык но мукет калыкъёс сярысь нимысьтыз висьяса уг ик даурты. Мыным, удмурт книга гожъясьлы, матын потэ В. В. Путинлэн чеберлыко литература, калыкез дышетон, жуч кылэз утён пумысен верамъёсыз.

«Зарни сю» книгаез котькуд грамотаез тодйсь лыдзыны кулэ», – шуэ Владимир Путин. Тани кызы со вера аслаз статья-яз: «Асьме калык котьку лыдзиськисен лыдъяськылйз. Ойдолэ ортчытом тодмо авторитетъёс пöлын юалляськон но сю книга-лэсь список радъялом, кудъёссэ одно ик лыдзыны кулэ школаез йылпумъясь котькудйз дышеткись».

Кызы валаськоды ни луоз, В. В. Путин книга лыдзонэз кунлэн уженыз лыдъя. Таё малпан кемалась «кисьмамын» ни вал. Книга лыдзисез, уката но гуртын улйсьёс азьтэмъяськись, ужтэк улйсь шуыса пыкылйзы. Нош писателез – тунеядецен. Тани асьме кылбурчимы Алла Кузнецова тыро-пыдо пенсия но басьтыса öз вуы. Ужан стажед уг тырмы, шуизы. Нош Нобель лауреатэз, Иосиф Бродскийез, Ленинградьсь, Архангельскьсь одйгаз пеймыт «сэреге» келязы, берло воксё – кунгож сьöры.

Сю книгаез лыдзон пумысь ке, та амалэз Америкаысь университетъёсын кылем даурын, 20-тй аръёсы кутйллям ни. Тйни сыёе амал куд-ог университетъёсазы али но возиське ай.

Сю книгаез студент зубрить уг кары. Аслаз мылдызъя лыдже. Кун экзаменын лыдзем книгаосыз пöлысь кудйзъя ке сочинение гожтэме луэ.

Кылем даурысь 50-тй аръёсы таё выллем амалэн ми но госэкзаменын сочинение гожтылймы ни. Кылсярысь, мыным

туж кельшизы вал «Молодогвардейцы» романысь Сергей Тюленев, Любовь Шевцова, Ульяна Громова. Соослы синмаськыса ик сочинение но гожтыны тырши. Али кыче жаль пото пинальёс: сыче усто романэз, унь-мань карыса, мар гинэ но өз гожъялэ... Туала вакытысь либеральёс, соослэн гыжжалъёссы быдтыса куштйзы мынэсьтым самой умой писательме, Максим Горькиез. Яратйсько солэсь «Макар Чудразэ», «Старуха Изергильзэ», «Челкашэ», аслаз улэмез сярэсь повестьёссэ, пьесаоссэ.

Синвуэ потыса, жаляса, олоко́ня пол лыдзылы Дмитрий Мамин-Сибиряклэсь «Студёной шур дурын толъён» кузьмадэссэ. Пересь вогул чылкак огназ кыле, кионъёс кесяло солэсь пойшурасть пунызэ, берпум атассэ гинэ но зичы нуэ.

Агайёсы гуртэ берто ке, одно ик лыдзон книга ваёзы вал. Школаын дышетскыкум ик яратй Лев Николаевич Толстоез. Нырысь ик лыдзи солэсь «Кавказской пленник» нимо бадзым вероссэ. Олоко́ня пол лыдзи, ява, сокем яраз. Али но син азиям уло Жилин но Костылин, пинал нылаш Дина. Пленэ сюремъёсты со жаля, сюдэ, пленысь пегзыны юрттэ.

Сю куатьтон аръёс ортчиз ни со дырысен. Номыр өз воштйськы. Жилин но Костылин кадъёс пленэ али но шедьыло. Азыло кад ик мынэ война, озьы ик пленэ шедьыло зуч солдатъёс. Берлогес лыдзи ини «Севастопольские рассказы» книгазэ, «Хаджи Муратсэ», «Анна Карениназэ». Кылбурчиос пöлысь, конешно, самой матынэсь потозы вал Николай Алексеевич Некрасов «Дед Мазаеныз», «Коробейникиеныз» (али но орган кутйсько ке, уг вунэтйськы сое), «Кому на Руси жить хорошо» поэмаеныз. Вакчияк вераса, Некрасов трослы матын потэ вал «зуч поэзиысь шундылэсь» Пушкинлэсь но. Нош али туж, туж яратйсько Сергей Есенинлэсь кылбуръёссэ, наизустъ тодйсько, синвуос пыртй кырзасько. «Выткался на озере алый свет зари...» («Куиськиз ты вылын зардонлэн льöльлыкез...»), «Не жалею, не зову, не плачу...» («Мон уг бöрд, жаль уг поты мыным»).

Удмурт кылын нырысетйез лыдзем книгае мынам – Арк. Багайлэн «Тютю Макси» поэмаез. Кыче со капчи кылын гожтэмын: шуныт нöкы кадъ, выль кыскем чечы кадъ потйз.

Аркадий Николаевич Клабуковлэн (Багай – со кушем нимыз) пиналгёслы гожъям кылбургёсыз уг вужмо. Солэн мусо удмурт кылын кылдытэм чургёсызлэсь дышетскизы, будйзы пиналгёслы гожъясь кылбурчиосмы: Герман Ходырев, Вениамин Ившин, Иосиф Иванов, Семён Карпов, Владимир Михайлов...

Öжыт öй ветлы мон чебер музъем вылтй, но самой чебер потэ мынам удмурт шаере. Ноку уг чйдйськы мон солэсь нюлэсопалэзё, ошмесо, шуро, вырйыло интыосызлэсь. Ноку но уг акыльты мон зыл-зыл, малпаськытйсь удмурт кырзәнгёсызлэсь. Пичи дырысенем яратйсько

Мемие гурзэ эстэм, дыр, но,
 Мургётйз чыныз потэ, дыр.
 Корказь выжыяз потэм, дыр, но,
 «Пие бертэ» шуэ, дыр.

Озы мон дасо ятыр кырзәнгёслэсь пуштроссэс, нимгёссэс кырзаны-вераны быгатйсько. Нош мынам бадзым апае, Мание, вань удмурт кырзәнгёсты тодэ вал. Гурт поннамы со кырзән мытйсен ветлйз.

Малы мон та сярысь верасько? Калык кырзәнгёс, калык верангёс, выжыкылгёс, кылбурангёс анай йöлын адями лулы пычало. Мемиед кырзэз ке, со тыныд выжыкыл вераз ке, тон ноку соосты уд вунэты. Атаед тонэныд чöш тйрен ужаз ке, тон вань улытозяд тйр возыны быгатод. Бадзым агаед книга лыдзйз ке, тон солэсь адзем карыса лыдзйськыны кутскод. Тятя монэ мушез утылтыны дышетйз. Мон 35 ар чöже ни муш возисько...

Шаерысьтым гуртгёсы вуылыкум соослэсь улэм-вылэмзэс, чеберлыкез валамзэс, ульчае пырыку ик адзöно. Тол вылтй тани Эгра ёросысь Сепе вуылй. Отын вордскем Афанасий Лужанин кылбурчизылэсь сю арессэ пусйизы. Мар монэ сокем-сокем паймытйз? Нырысь ик, клубзы азысь лымылэсь лэсьтэм олокыче но теремокгёс, муш чуркаос, кремльысь кадь башняос. Со сяна, яратыса, асьсэлэн карыса, Афанасий Лужанинлэн

кылбуръёсызъя гожтэм кырзанъёсты быдэстэмзы, пичиослэн кылбур лыдземзы... Но самой зол монэ паймытйз... мйы арлыдо кышномурт, Глафира Лукъяновна Корепанова. Война аръёсы мукет гурт школаысь дораз бертытояз, со Лужанинлэсь «Осотовецъёс» поэмазэ учкытэк вераны дышетэм. Тйни со кышномурт люкаськем калык азе потйз но бадзым поэмаысь люкетсэ наизусть вераз. Солэсь адзем карыса, вылды, пиналтъёс но туж умой кырзазы-веразы.

Гуртъёсы вуылыкум тыршыско библиотекаосы пыраны. Учкисько, вань-а отын мынам гожтэм книгаосы, вань-а отын эшъёсылэн книгаоссы, вань-а отын зуч но удмурт классикъёслэн книгаоссы? Ёжыт. Кёт ик жож луэ. Книга жажыос бушесь ке, мар утчаса отчы лыдзись мыноз?

Быдэс Зуч кунын кыче золэсь, кыче визьмоесь кылбурчиос, прозаикъёс вань. Но соослэн ужъёссы государстволы кулэ өвёл. Тани Тй но, Владимир Владимирович, тол вылтй писательёсын пумиськон ортчытйды. Нош кинъёс отчы өтемын вал? Писательёс-шоуменъёс, детектив гожъясьёс: Татьяна Устинова, Дарья Донцова, «блестящий» Михаил Веллер кадъёс. Ёйтёд, кин Тйледлы соосын пумиськон радъяз?.. Нош зэмос писательёс, Валентин Распутин кадъёс ой вал со пумиськонын.

Ойдолэ берытском «Зарни сю» книга сярысь вераськонэ. Малпаськоды, тйляд та чектонды туж капчиен улонэ пычалоз-а? Егитъёс, дышетскись пиналтъёс урызак лыдзиськыны кутскозы? У-уз, гажано Владимир Владимирович. Малы ке шуоно, тйляд «пальпотйсь Фурсенко» кадъ министръёсты чеберлыко литератураез кулэтэм предметэн лыдъяло. Со интые физкультура, ОБЖ, региональной компонент пыртыны чекто. Куд-ог со выллем пособиосты лыдзыны шедьтй. Сокем мон шумпотй со опусъёслэсь: ёскеме ик потйз. Зуч кыллы, анай кыллы сйзем предметъёс «пачкатэмын»...

Бадзым учёнойёс, тодмо адямиос ЕГЭ-лы пумит мылкыдъёссэс веразы. Со, пе, Латин Америкаысь дышетскымтэ калыклы гинэ тупа. Но Тй малы ке со зырдыт вераськонэ од пырыське. Табере ЕГЭ-лэн «емышъёсыз» чыжекто ни. Москваысь МГУ-э пы-

рись абитуриентъёс сюосын янгышъёс лэсьто. Пичигес справка гинэ но гожтыны уг быгато. Грамотазы чутэ.

«Зарни сю» книгаос сярысь... Верай ни, библиотека жажыос бушесь шуыса. Берло кызь ар чоже гурт калык лыдзиськемысь дугдйз. Адями кӧттыр сярысь сюлмаськылйз. Уката но кылем даурысь 90-тй аръёсы. Дырыз дыръя дышетйсьёс, эмъясьёс уждун гинэ но оз басьтылэ. Тйни озы кызё аръёс ыштэмын. Литература, культуралэн одйгез валтйсь ёзэз, аналтэмын вал.

Таин валче тодам лыктэ Эсэнэйсыстымы пичигес библиотека. Гуртмы куамын вить корка гинэ вал. 1950-тй аръёсы ми доры мединститутысь студентъёс ужаны ыстэмын вал – соос библиотека усьтйзы. Куинь сюрс пала книгаос кузьмазы. Пичиез но, бадзымез но соку лыдзиськыны одъяз. Итымын кутсаськыкумы, нуназеян дыръя, Губей Митюш «Правда» газетысь тунсыко материалэз шара лыдзё. Пиналъёс книга лыдзё. Кин соку дыръя лыдзиськиз, али но книгаен эшъяське. Мынэсьтым гожтэм книгаосме лыдзёло. Кудйзогез Мукшиысь библиотекае книгалы ветло.

Мон номыре книгаен уг чошаты: нянен, омырен, ошмес вуэн гинэ ке шат. Книга ноку уг пересьмы. Солэн лулпушкыз котьку егит. Тани Ашальчи Окилэн пичи гинэ книгаез. Отын 36 гинэ кылбуръёсыз. Но соос озы гожтэмын – ноку вунонтэм. Всяк кырзалозы. Со пичи книгаысь сйче шунит лыктэ, меми бордысь кадь.

«Книгалэн сяськаян дырыз ортчиз»,– шуыло лулпушез дунъяны валасьтэмъёс. Табере, пе, книгаез кинематограф, интернет воштйз. Озы меда? Кыче сюбег малпан. Техника ноку адями кылэз оз вошты на.

Алигес телевизор пыр пичи пияшез возматйзы. Солы ньыль арес гинэ. Яратэ интернет шудонъёсыз. Одйг пол озы шудыкуз, асьсэ укно вылысьтызы адзем тол суредэз, но чебер писпу куарлы тупасьсэ, компьютераз пуктэм. Учкыса-учкыса акыльтэм но, чиньыосыныз чюшыны турттэм. Укно вылысь суредэз пось чиньыосыныз шунтыса быдтылэм. Нош интернет бамысь суредзэ чюшемез уг луы. Соку пияш вань кужмысьтыз мониторе шуккем но, кизэ сӧсыртэм.

Книга возисьтэм адями, меми, визьмо пинал уз будэты. Пичи пиналэзлы өз ке лыдзы, кылбур ке өз вера, өз ке кырза, тод ни: пиналэз визьмо уз буды. Малы ке-а городын улйсь мемиос нунызылы кылбуръёс лыдзо, кырзало-верало, нош гуртын улйсь мейёс асьсэ пиналгёссылы кырзало-верало меда?..

Э-э, дасо аръёс талэсь азьлогес статьяды мед потысал былэм, Владимир Владимирович. Оло, гуртысь калыклэн, дышетйсьёслэн, мейей-дядяйёслэн ымныр вылазы, сюлмазы пычамын луысал кадь потэ улонэз яратон мылкыдзы.

Лыдзиськисьтэм калыкен узыр страна лэсьтыны луоз меда? Солы номыр кулэ уз луы. Со номырлы уз оскы. Тани тйляд гожьямды бере, Владимир Владимирович, калык öжытак ке но оло визьмаськоз. Лыдзиськыны кутскоз. Нош книга лыдзисьтэм муртэ институтгёсы но, зеч ужгёсы но уз кутылэ ни уго. Ойдолэ, иське, визьтэм улсы аналскыса ум ни улэ. Лыдзиськом! Книгаез мемимес кадь яратом!

Глава VI. Стихи, посвящения

В. Н. Глушков
ЕГОРУ ЗАГРЕБИНУ

Конечно, ты достоин оды
И самых-самых звучных нот.
Твои писательские годы
Удмуртский оценил народ.
За пыл горячий, дар природный,
За дерзкий вызов всем чертям.
И потому ты стал «народный» –
Своей Удмуртии дитя.
Ты и родник, ты и колодец,
И кутоншурский сладкий мёд,
Обворожительных поклонниц
Талант твой и с ума сведёт.
Ты как удмурт с душой былинной
Для пьес, театра, новых книг...
Способен даже рой пчелиный
Собрать в свой улей в один миг.

04.07.2007

С. В. Вострокнутов
ПАМЯТИ Е. Е. ЗАГРЕБИНА

Он был патриотом, художником слова,
Писательской братии добрым отцом.
В тяжёлые годы мог снова и снова
Для нас оставаться достойным лицом.

Не только писателя трудное бремя
Он принял однажды с открытой душой:
Известно любому – в нелёгкое время
Быть лидером всё-таки подвиг большой.

Он правде в глаза посмотреть не страшился,
И к ней же других, не страшась, призывал.
При этом до тризны в искусстве трудился,
И многим плечо подставлял!

Август 2020 г.

Н. Н. Закирова
«КИКЫ НОШ ВЕСЬ СИЛЕ НО СИЛЕ...»¹

Скажи, кукушка, сколько лет отмеришь
И что успеть успеет человек?
Что сможет он и что посметь посмеет
За свой короткий или длинный век?
Для справок Википедия ведётся.
Здесь информацию найдёшь о вся и всех.
В сеть Интернета нам войти придётся
На букву З. (И светит нам успех).
Из Кутоншура наш Егор Егорыч
(Удмуртской АССР Як-Бодьинский район).
В тридцать седьмом родился, дальше в гору
Стал восходить парнишка бойкий, он
На берега Невы отправился отважно,
Где Ленинградский театральный институт.
Актёрствовать начнёт на родине и важно,
Что режиссёром тоже станет тут.
Для телевидения вложил трудов он много.
Сдружился с Мельпоменой неспроста...
И драматурга славною дорогой
Прошёл, служа ей верой-правдой лет полста!
Союз писателей Удмуртии лелеял,
Пятнадцать лет его он окормлял:
Таланты бережно поддерживал и сеял
Национальный дух в культуре! Изумлял
«Весенним дождиком» и «Тайной красных ягод»,
«Кукушкой», «Портретом», «Горькою судьбой»,
«Тодьы юсь» и «Ошмес»... Смеяться можно, плакать,
Ведь всё пронизано добра со злом борьбой.
Воистину народный он писатель!

---

¹ В переводе с удмуртского языка «А кукушка всё кукует...» – название пьесы Е. Е. Загребина

Удмуртский Чехов и Островский наш,
Отец этнографа, политика создатель,
Единственный, неповторимый! Высший пилотаж!
Активный и весёлый, строгий и задумчивый,
Удачно срежиссировал он свой репертуар!
Естественный, простой и мудрый, хоть заслуженный,
Не падкий на рекламу и пустой пиар!
Кукуй, кукушка, много лет Егору!
Как многое успел Писатель, Человек!
Ему столетья в памяти, конечно, в пору:
В двадцатом начал, а сегодня двадцать первый век!

Н. Ю. Дмитрошкин
ВОСПОМИНАНИЕ О ЕГОРЕ ЕГОРОВИЧЕ ЗАГРЕБИНЕ –
председателе Правления Союза писателей УР

«Союз писателей» – табличка
О том вещает на дверях,
И сердце бьётся в клетке птичкой,
И робость прячется в глазах.
Шагаю всё же в помещенье:
Большой довольно кабинет...
В свой адрес слышу обращенье,
Мужчина крупный, много лет.
И взгляд прямой, как луч рентгена,
Неужто видит всех насквозь?
Возникла мысль почти мгновенно,
Сомненье тут же пронеслось.
Спросил тогда: «Ты кто, откуда?
И у тебя какой вопрос?»
Я отвечал уже нетрудно:
«Рабочий я, стихи принёс».
«С Гродецким часом ли не дружен?» –
Ударил, как по голове...
«Мы далеки по роду службы», –
Промолвил быстро я в ответ.
Он продолжал спокойно, твёрдо:
«Ваш «Генерал» недавно был,
И так настойчиво и гордо
Принять в Союз жену просил.
Я отказал ему. Того не будет...
Пока живой и на посту...
Сейчас кругом продажность в людях,
Открыл Гродецкий дверь не ту...».
Подумал я: «Мужик-то камень,
Правдив, открыт, принципиал!».
На стойкость выдержал экзамен –
За то его я уважал!

10.12.2018

Л. С. Анисимова
УЗ БЫРЫ УДМУРТ КЫЛМЫ¹

Уз быры удмурт кылмы.
Выжыез сись ке писпулэн,
Пушйыса со уз буды.
Кужмо төлгёс пыд йылысьтыз
Капчиен погыртозы.
Писпу юнма выжыеныз,
Нош кылмы калыкеныз.
Выжыез юн ке өз луы,
Уз луы солэн кужмыз.
Со выжыез юнматыны
Кулэ вуос кисьтаны.
Пичиысен өд ке кисьта,
Уз луы будэтыны.
Утялтыса будэйд ке,
Адзод солэсь емышсэ.
Асьме бере будйсьёс но
Мед кизёзы тысьёссэ.
Со тысьёссы пушйылыса
Мед будозы юнмаса,
Шаермы мед сяськаяськоз
Улонмес шулдыртыса.
Писпуосын кадь калыкен но
Тыршыса ке ужамы,
Ужъёсмы азьлань кошкозы,
Уз быры удмурт кылмы.

12.02.2022

---

¹ Стихотворение посвящается к 85-летию Е. Е. Загребина.

Ю. Н. Никитин
ЗАГРЕБИНУ ЕГОРУ ЕГОРОВИЧУ
в день рождения с пожеланиями здоровья,
удачи и творческих успехов!!!

Знойный день звенит над нами,
Атмосфера, словно медь.
Голубое небо манит
Разбежаться и взлететь.
Если сердце без опаски
Бьется, просится летать,
И любить, и верить в сказки –
Нет нужды его держать!

04.06.2013

ЗАГРЕБИНУ ЕГОРУ ЕГОРОВИЧУ
в день рождения с пожеланиями здоровья,
удачи и творческих успехов!!!

Зачем нужны поэты в этом мире?
А чтоб творить и в облаках витать,
Грустить и, струны нежной лиры
Руками трогая, мелодии рождать.
Едва поэт струны слегка коснётся,
Бескрайняя любовь родится вновь,
И чувство нежной радости проснётся,
Наполнив душу без остатка, до краёв.
Ужель поэты только те, кто будет

Поэмы и сонеты рифмовать?
О, нет! Поэты те, кто мир разбудит,
Энергией наполнит, чтоб летать!
Творцы, дающие в подарок людям
Умение и думать, и мечтать...

04.07.2014

А. Г. Шкляев
ЕГОР ЗАГРЕБИНЛЫ

Таиз но эше вамыштэ ни
Улон вырылэн бамалтйз.
Ќемгес но ъемгес келялля ни
Ортчем сюрессэ син азьтйз.

Вал, дыр, уссылон дыръёсыз но,
Ѓутскон дыръёсыз но вал, дыр.
Егит кужымзэ люкаса со
Мынэ но лобзе но вал, дыр.

Портэм ужъёсын кыдаса со
Шудзэ но данзэ но шедьтйз,
Ма, атаезлэсь ужъёссэ но
Ќз вунэты – весь азьланьтйз.

Шумпотонъёссэ вераны но
Вордскем палъёсаз дыртылйз,
Дуно муш умортооссэ но
Вордскем палъёсаз пуктылйз.

Вордскем палъёсын, со шуэ,
Тужгес чечыё сяськаос,
Вордскем палъёсын, со шуэ,
Тужгес лякытэсь калыкъёс.

Отын со, кужым люкаса,
Задор вамыштэ улонтй.
Мышсэ учкылйсь горд шунды кадъ
Тубе со улон бамалтй.

*Мукши гурт,
август, 1999*

Глава VII. Произведения Егора Загребина в разных переводах

JEGOR ZAGREBIN

Jegor Jegorovitš Zagrebin (04.07.1937 Udmurtian Jakšur-Böd'jan piirin Kutonšur – 10.07.2015 Iževsk) oli näytelmäkirjailija, näyttelijä, prosaisti ja toimittaja. Hän valmistui Leningradin teatterinstituutista, minkä jälkeen hän työskenteli jonkin aikaa muun muassa näyttelijänä Udmurtian draamateatterissa. Vuosina 1992–1999 hän toimi nuorisolehti Invožon päätoimittajana.

Kirjailijana Zagrebin aloitti nimenomaan näytelmillä 1960-luvun puolivälissä. Hän kirjoitti kaikkiaan yli kaksikymmentä näytelmää. Tragedioista Eš-Terek ja Kiky noš veš šile no šile («Käki kukkuu aina yhä vain») hän sai Udmurtian valtionpalkinnon vuonna 2001. Zagrebin kirjoitti myös mainioita komedioita kuten *Nastok no Istok* («Nastok ja Istok») ja *En kušty, mynam tugane* («Älä jätä minua kultani»), joista tuli hyvin suosittuja. Zagrebinin näytelmiä on käännetty monille Venäjällä puhutuille kielille ja esitetty monissa teattereissa eri puolilla Venäjää.

Zagrebin sai kansalliskirjailijan arvonimen vuonna 2004. Hänen tuotantonsa pääaihe on rakkaus kotimaata kohtaan ja tavoitteenaan hänellä on oman kansan valtavan henkisen rikkauden osoittaminen. Zagrebin johti Udmurtian kirjailijaliittoa vuodesta 1999 kuolemaansa asti.

Zagrebinin tuotannosta on suomennettu *Punainen taulurätti* novellikokoelmaan *Murskautuneet tähdet* (suomentanut **Esa-Jussi Salminen**). Siihen Zagrebin on saanut mahdutettua melkoisesti sekä tragediata että komediaa. Se pohjautuu ilmeisesti kirjailijan oimiin muistoihin kouluajan alusta sota-aikana.

Punainen taulurätti (1990)

GORD DSYSTARI (КРАСНАЯ ТРЯПКА)¹

Minusta tuntuu, etten paljoakaan erehdy, jos kerron, että kun kävin ensimmäistä luokkaa vuonna tuhatyhdeksänsataaneljäky

¹ Suomentanut Esa-Jussi Salminen (перевод на финский язык магистра философии, докторанта Туркуского университета Эса-Юсси Салминен г. Турку, Финляндия).

mmentäneljä, meillä ei ollut lainkaan vihkoja. En tiedä, miten oli kaupunkilaisten lasten laita, mutta meidän kylässä meistä kukin raapusti (en voi käyttää ilmaisua kirjoitti) siihen, mitä sattui löytämään. Musteen sijasta meillä oli käytössä mustilla hiilillä sotkettua vettä, ja kynän virkaa toimitti teroitettu hanhensulka. Joskus ei ollut näitäkään: milloin hanhensulka haurastui hetkessä ja katkeili, milloin taas kirottu musteenvastike kaatui. Lapsella on lapsen mieli. Vaikka vatsassa kurni nälkä, ei lapsuutta voinut elää leikkimättä ja juoksentelematta! Railakkaan leikin loppu oli aina sama: suurisuisen astian korkki avautui ja nokivesi tahri kaiken pilalle repun sisällä. Äiti torui ja opettaja laittoi häpeämään, koska kaikki kirjoitusyritelmät joutivat pois heitettäväiksi.

Kerran opettajamme Nina Fjodorovna toi vanhan kirjan, ja ette voi kuvitellakaan, miten huolella hän repi sen kappaleiksi. Sitten hän jakoi siitä jokaiselle yhtä paljon sivuja. Oi, miten me silloin kirjoitimmekaan! Kun yritin saada aikaan opettajaa miellyttävää jälkeä, kirjoitin painamalla kynääni kaksin käsin (minun on myönnettävä, että en ole vieläkään päässyt tästä huonosta tavasta, vaan kun alan kirjoittaa nopeasti, yritän työntää vasemman käden nimettömällä oikeaa kättäni). Asettelimme kirjan rivien väliin kauniita kirjaimia ja sanoja: «Meidän elämämme on onnellista ja hyvää. Kirjoitamme sileisiin vihkoihin. Autamme kukoistavaa kolhoosiamme menestymään. Saamme ainoastaan arvosanoja neljä tai viisi...»

Nina Fjodorovna valoi meihin vilpittömästi uskoa, että tulevaisuudessa elämä helpottuu ja muuttuu paremmaksi. Me kuuntelimme häntä suut auki. Vasta nyt minä olen alkanut miettiä ja ihmetellä, mistä ihmeestä tuolla nuorella naisella (hän opetti vasta ensimmäistä vuotta valmistuttuaan juuri opettajaopistosta) oli niin suuri luottamus tulevaisuuteen. Hän asui vierashuoneessa vanhan naisen luona eikä saanut edes tarpeeksi syödäkseen. Opettajani oli kotoisin Mukšista, joka on viiden kilometrin päässä meidän Kutonšurin kylästä. Niinpä hän toi aina Mukšista viikoksi kerrallaan ruokaa itselleen. Ruoka oli yhtä kuin peruna. Leipää oli silloin syötäväksi hyvin vähän. Nina Fjodorovnalla oli yhdeksästä niinisuikaleesta tehdyt virsut, kirjavat udmurttilaiset sukat sekä paita hänen opiskeluajoiltaan. Hänen

kanssaan me kirjoitimme joka päivä sellaisia ilmaisia kuin «Suuri Stalin», «Kukoistava kolhoosi», «Onnellinen elämä» ja «Voittamaton puna-armeija».

Meiltä loppui paperin korvike, joka oli revitty kirjasta ennen valkeiden koivujen vihertymistä. Eihän sitä kuitenkaan jouten voinut olla. Kouluakin oli jäljellä vielä noin viikko. Nina Fjodorovna kertoi satuja ja lausui runoja. Kun hän kerran taas lausui, kyyneleet valuivat hänen silmistään. Hän ei pyyhkinyt niitä vaan jatkoi:

*Miksi sinä, äitini,
Veljen kuolemaa suret?
«Minne kaatui Senjani?»
Aina tauotta hoet.*

Nina Fjodorovna kääntyi ikkunaan päin ja hänen olkapäänsä kohoilivat...

Ensiksi Kosta Vitja alkoi niiskuttaa ja sitten itkeä. Me tiesimme, että hänen isänsä oli kaatunut Stalingradia vapautettaessa. Kohta Mani ei enää kestänyt vaan peitti kädellään suunsa ja valitti niin että ruumis vapisi. Sitten alkoi itkeä Granja Ursosta, sitten Venja ja lopulta koko luokka. Kenen veli, kenen isä, kenen setä oli kaatunut taistelussa verenhimoisia petoja vastaan...

Ymmärrän, että haluatte tietää, miksi olen antanut kertomukselleni nimeksi «Punainen taulurätti». Tarinani punainen lanka kietoutuu siis seuraavasti:

Nina Fjodorovna toi kouluun kellertävänvalkoisen kovan liidun. Se riittäisi kokonaiseksi viikoksi. Aloimme jälleen kirjoittaa mustalle taululle iloisesta ja onnellisesta elämästä. Mutta miten lämmintä olikaan ulkona! Valkoiset perhoset lentelivät ja linnut lauloivat. Mieli halasi niitylle ja joen rantaan. Yhtään ei enää tehnyt mieli istua luokassa. Kun eräs oppitunti oli päättynyt, otin salaa taulunpyyhkimisrätin, survoin sen taskuuni ja menin pihalle. Etsin paikkaa, mihin voisin sen viskata. Ajattelin, että paikan täytyy olla sellainen, ettei mikään koirakaan löytäisi rättiä. Näin roskia aidan vieressä ja savikkaa niiden ympärillä. Sinne aioin heittää rätin. Katsoin taakseni vilkuillen ja

varmistin, ettei kukaan nähnyt. Kätkin rätin nopeasti. Sitten menin pihalla leikkivien kavereideni luo varta vasten vihellellen ja esittäen joutilaana kuljeksivaa. Lapset eivät huomanneet mitään, eikä kukaan kysellyt mitään. Menin tunnille kuin pyhimys. Näinkin voi käydä: Nina Fjodorovna pyysi minut ensimmäisenä taululle. Kirjoitin suurin kirjaimin kaiken, mitä hän käski. Koska en ylettänyt korkeammalle, harakanvarpaani koristivat vain taulun alaosaa. Kirjoitustilani kävi yhä pienemmäksi. Nina Fjodorovna ei lopettanut vaan sanoi aina vain uusia sanoja. Niin hän sitten käski pyyhkimään sen, mitä olin ensimmäiseksi kirjoittanut. Mutta milläpä pyyhkit, kun taulurättiä ei ole! Olin pyyhkimäisilläni taulua kämmenelläni, mutta opettaja ei sallinut sitä.

– Lapset! sanoi Nina Fjodorovna. – Missä on meidän taulun-pyyhkimisrättimme?

Toverini istuivat hiljaa. Mitä he voisivat sanoa, kun eivät tiedä mitään?

– Kuka on järjestäjä? kysyi Nina Fjodorovna.

– Jorgi Zagrebin, piipitti Kosta Vitja.

– No, minne rätti on kadonnut? Nina Fjodorovna katsoi minua ovelasti.

En pystynyt puhua pukahtamaan kerrassaan mitään. Olisinpa keksinyt jotain, mutta kieleni oli kangistunut ja suuni tuntui kuivalta. Tunsin, kuinka poskeni lehahtivat punaisiksi, ikään kuin niitä polttaisi. Aina kun punastun, tuntuu siltä, että veri valuu kasvoihini.

– Koska Jegor kerran on tänään järjestäjä, hän kipaisee hakemassa kotoaan rätin, sanoi Nina Fjodorovna leppoisasti. – Mutta me muut emme sillä aikaa ole jouten. Minulla on hyvin kiinnostava satu. No, mitä nyt Jegor, miksi siinä seisot? Mene. Koko luokka odottaa sinua. Muista se.

Tänä päivänäkään en pysty sanomaan varmaksi, ymmärsikö opettaja, mitä olin tehnyt. Minusta tuntuu, että viimeistään siinä vaiheessa, kun punastuin, hän aavisti. Hänen silmiinsä tuli silloin nimittäin niin ovela katse, ja hänen huulilleen ilmestyi pidätetty hymy. Tuolloin opettajani ei ollut seitsemäätoista vuotta vanhempi itsekään, mutta hän oli jo ehtinyt omaksua maalaisjärkeä kasvatustapoihinsa.

Minä en todellakaan olisi tunnustanut mitään, vaikka minut olisi haukuttu ja käsketty nurkkaan. Minusta olisi silloin tullut vain vielä pahankurisempi. Olin vain painanut pääni alas ja mulkoillut silmäkulmieni alta. Siinä ei ollut kyse uhmaamisesta. Ajattelin silloin, että sankarin pitää olla sellainen. Sota oli käynnissä. Ajattelin, että samalla tavalla seison sitten, kun joudun niiden petojen käsiin. Se oli eräänlaista mieltymystä sankaruuteen. Jos leikkien tuoksinassa saimme iskun huuleen tai nenään, emme me itkeneet. Pyyhkäisimme vain verisen kohdan kämmenellä, ja ei kun eteenpäin! Muuten olisi saanut lempinimen «mammanpoika» tai «itkupilli». Nyt minua voitaisiin haukkua varkaaksi. Siksi varmaan poistuinkin luokasta juoksu-jalkaa ja kiisin kotiin. «Minä en ole kajonnutkaan teidän rättiinne!» sanoisin ja heittäisin tuomani rätit pöydälle. Eihän itseään sovi saattaa häpeälle alttiiksi! Muutoin saa lempinimekseen Rätti-Jorgi.

Onneksi kotona en tavannut sen enempää äitiä kuin isosiskoakaan. Puolenpäivän aikoihin aikuisia ihmisiä ei juurikaan kylässä näkynyt. He uurastivat pellolla tai metsässä.

Löysin valurautapadasta muutaman pienen perunan ja söin niitä ryystäen päälle hapantunutta maitoa. Vaikka en saanut vatsani täyteen, olo tuli siedettäväksi. Iäkkäät tietävät, että silloin sai harvoin kokonaan jauhoista valmistettua leipää. Kun leivottiin leipää, jauhoihin sekoitettiin peltokortetta tai savikkaa. Tällainenkaan leipä ei meillä riittänyt kuin laskiaiseen asti. Siitä eteenpäin, sitten kun lumi oli sulanut, keräsimme pelloille jääneitä edellisvuotisia perunoita. Hienonsimme niitä ja söimme perunajauhopannukakkuja. Kiitos sinulle, perunajauhopannukakku! Kuinka paljon ihmisiä silloin pelastitkaan kuolemalta...

Menin vaatehuoneeseen. Käyttökelpoiset vaatteet olivat orsilla, ja riekaloituneet oli heitetty nurkkaan. Käsiini sattui tätini loppuun käytetty punainen mekko. Revin tuon mekon kuvatuksen riekaleiksi ja työnsin kankaanpalat housujeni taskuihin. Olin iloinen, että olin löytänyt punaista kangasta. Ajattelin, että kohotan kankaanpalan ylös kaikkien nähtäväksi, ja kaikki toverini ymmärtävät, että Jorgi ei ole varas!

Niin lohdullisin mielin nousin ylös koulun portaat ja kastelin rätini läpimäriksi vesiammeen alla. Kirjoittakaa ja pyyhkikää niin paljon kuin sielu sietää! Siinä olisi rättiä koko viikoksi vielä.

Kun tulin luokkaan, lapset melusivat, juoksivat ja leikkivät. Oppitunti oli vastikään loppunut. Nina Fjodorovna oli mennyt opettajainhuoneeseen.

– Katsokaa, hei, katsokaa, Jorgi on tullut, hihhihi! pienikokoinen Sanka kalkatti. – Toitko kenties taulupyhkeen?

– Toin! Esittelin punaista rättiä nostamalla sen korkealle. – Katsokaa, katsokaa kunnes silmänne väsyvät!

– Juu, juu, näytä paremmin. Sanka pyöri kiusoitellen ympärilläni. – Sinä siis varastit ja kätkit sen edellisen pyhkeen? Niinhän minä vähän ajattelinkin.

– Jorgi on VA-RAS, Jorgi on murhaaja! Jorgi paljasti itse itsensä! Venki kiusoittelee naureskellen.

– Mitä, minäkö olen varas? Tässä sinulle! Huitaisin läpimärällä kankaanpalalla tarkoitukseni läiskäyttää Venkiä sillä... Venki ehti kuitenkin kyyristyä, ja rätti lensi kohti seinälle kiinnitettyä toveri Stalinin muotokuvaa. Märkä punainen rätti osui suoraan maailman kaikkein suurimman, kaikkein rakastetuimman opettajan otsaan ja jäi roikkumaan kehykseen takertuneena. Kaikkien lasten päät kääntyivät. Maailman kaikkein viisaimman ihmisen muotokuva oli vinossa rätin iskusta. Hän katsoi minua hyvin vihaisesti aivan kuin aikoi syödä minut. Tuntui kuin hän kohta ryntäisi lattialle ja ravistelisi minua niskasta. Mutta rakas Josif Vissarionovitš ei pudonnut maahan. Hänen elottomista silmistään alkoi vieräa kyyneliä. Hän itki punaisia kyyneleitä. «Kuinka hirveästi minä häntä loukkasin», mietin ja aloin täristä. Tuntui kuin ruumiini kutistuisi ja hiukseni kovettuisivat piikkilangaksi.

Katsoin tarkemmin ja ymmärsin, että punaisesta kankaasta tipahteli punaisenharmaita vesipisaroita ohutta langanpätkää pitkin lattialankuille.

Silloin olisin halunnut paeta harmaana hiirenä nurkassa olevan reiän kautta kellariin. Olisin kätkeytynyt sellaiseen paikkaan, että minua ei löytäisi kukaan, ei edes yksikään kissa tai koira. Oi, jos olisin ollut varpunen, olisin lentänyt ulos avatusta ikkunasta! Etsikää, ottakaa kiinni vapaana lentävä taivaan lintu! Mutta minä olin luokassa. Alkoi näyttää jotenkin pimeältä. Silmät varmaan temppuivat.

Katsoin ulos... Koko taivas oli peittyneet sysimustiin pilviin. Jostain, ehkä Sosnovkan kylästä päin, kuului jyrinää. Ammuttiin suurella tykillä. Avattu ikkuna alkoi heilua naristen. Menin sulkemaan sitä, mutta olin vähällä tulla imaistuksi ulos. Sain vain vaivoin pidettyä itseni paikoillani ja suljettua ikkunan. Kylänraittia pitkin rynnisti myrsky kuin niskuroiva varsa. Se lennätti yläilmoihin edellisvuotisia lehtiä ja roskia kuin näyttääkseen kahlitsematton voimansa. Äkkiä se tuli koulun katolle ja pisti tanssiksi. Koko koulurakennus keinui. Talon hirret narisivat ja vaikeroivat. Kattolaudat räsähtelivät poikki. Myrskyvarsa hyppäsi alas, jyskytteli rintakehällään seinähirsiä ja läksi hirnahdellen kohti metsää kuin suuttuneena siitä, ettei ollut saanut tuhottua rakennusta.

Mutta koulun sisällä oli aivan pimeää. Vain salamien kirkaassa välkkeessä näkyi punaisia kyyneliä itkevän suurmiehen hapan naama. Kun jyrisi niin että maa tärähteli, miehen koko ruumis värähteli. Kun kerran tuollainen peloton kansanjohtajakin vapisi, mekin kaikki piilouduimme pulpettien alle. «Herrani Jumalani, älä hylkää minua, varjele Jumala», rukoilin itsekseni.

– Lapset, älkää pelätkö. Pian musta pilvi lipuu ohi ja aurinkoäiti tulee taas esiin, Nina Fjodorovna tuli luokkaan ja lohdutti meitä. Kun hän näki meidät pulpettien alla, hän taisi pysähtyä hämmästyksestä jonnekin ovensuuhun. Miksi hänen nauriita itkien pyytävät oppilaansa olivat noin pelästyneet jyrinää ja salamointia? Kylässä varttuvat lapsethan tottavat jo varhain sään vaihteluihin. Hehän paimentavat lampaista ja lehmiä niityillä pienestä pitäen.

Kun Nina Fjodorovna tajusi, että me tuijotimme herkeämättä seinälle, hän kääntyi vaistomaisesti kohti seinää. Hänen jalkansa näyttivät menevän heikoiksi joko siksi, että hän näki vinossa olevan muotokuvan ja punaisen rätin sen päällä, tai siksi, että tuuli läimäytti oven kiinni. Hän yritti pysyä pystyssä ja nojautui ovenkarmia vasten. Kun Nina Fjodorovna oli jonkin aikaa seisoa toljottanut, hän hieroi oikealla kädellään silmiään kuin karkottaakseen unennäön ja asetti sitten tuolin seinää vasten. «Hän haluaa suoristaa muotokuvan», minä oivalsin.

– Mitä tämä tällainen on? Kuka tämän teki?! kuului jälleen luokkaa vavisuttava jyrinä.

Nina Fjodorovna oli vähällä pudota tuoilta pelästyksestä. Niin kovasti hän säikähti. Hän laskeutui alas tuoilta seinään tukeutuen.

Me käperryimme pieniksi kuin vihaista haukkaa pelkäävät kananpoikaset ja pidätimme hengitystämme.

– Kuka tämän on tehnyt? Ja sitä paitsi... Nina Fjodorovna, miksi lapset ovat piiloutuneet pulpettien alle? Istukaa heti paikalla pulpetteihin!

– He taisivat pelästyä ukkosta, Nina Fjodorovna sanoi kuin koululainen. – No niin, lapsukaiset, tulkaahan pois pulpettien alta. Myrsky on jo mennyt ohitse...

Oliko todella mennyt? Nyt liikunnanopettaja korvasi sekä kovan jyrinän että salamoinnin ja rankkasateen.

Aleksandr Mihailovitš oli opettanut meille liikuntaa vasta joulukuusta alkaen palattuaan haavoittuneena sotatantereelta. Hän oli koko talven ohuessa päällystakissa ja kulki kovillakin pakkasilla kumisaappaissa. Se ei johtunut mistään näyttämisen halusta vaan puutteenalaisesta ja köyhästä elämästä. Me pidimme tästä sotilaasta, joka oli kotoisin venäläisestä kylästä, mutta meillä oli myös tapana nauraa hänelle ja pilkata häntä. Kun hän ei itse ollut paikalla, kutsuimme häntä Kanankantajaksi. Huhujen mukaan hän oli varastanut kanan kylän laidalla asuvalta Odotjalta. Sitä ei kukaan tietenkään oikein uskonut. Odotja ei ollut ainoa, jolta katosi silloin kanoja. Myöhemmin kävi ilmi, että hilleri oli kulkenut navetoissa isännöimässä.

Aleksandr Mihailovitš seisoj ojenuksessa ja kiristeli hampaitaan, koska hän oli niin vihoissaan.

– No, kuka tämän teki?! On parempi, että tunnustatte, koska muuten en päästä teitä kotiin! Mihailovitš seisoj paikoillaan kuin pylväs.

– Aleksandr Mihailovitš, ei sillä tavalla tarvitse... Sehän oli varmasti vahinko..., Nina Fjodorovna sanoi takellellen, koska hän sääli meitä.

– Vai vahinko?! Mitään ei tapahdu vahingossa! Aleksandr Mihailovitš raivosi. – Vain luoti voi vahingossa osua sotilaaseen... Kuka tämän teki, minä kysyn?

Ajattelin, että hän pitäisi minun takiani koko luokkaa auringonlaskuun asti, joten päätin puhua.

– M-minä olen syyllinen, sanoin pyyhkien kyyneliäni. – Ulkona oli aivan kamala tuuli ja ikkuna oli auki... Niin se sieppasi rättini ja...

– Tuuli siis puhalsi? naurahdi tämä venäläinen opettaja paljastaen tekohampaansa. – Sanoitko tuuli? Hm...

Aleksandr Mihailovitš suoristi kansojen suuren isän muotokuvan. Vielä tuolilla seisoen hän sanoi:

– Lapset, voitte mennä. Mutta sinä, Zagrebin, jäät tänne!

Toverini läksivät, ja minä jäin. Koko kehoni jännittyi. Ajattelin, että tämä on minun loppuni. Tämä olisi loppuni, mutta samalla tuhoaisin myös äitini ja sisareni. Meistä ketään kohtaan ei tunnettaisi sääliä, koska olin antanut toveri Stalinille märästä rätistä otsaan. Meidät vietäisiin Siperiaan. Vaikka olin pieni, olin jo kuullut yhtä sun toista. Olin kuullut, kuinka isoisäni setä Rodion (jota kylässä sanottiin vain Rodjaksi) oli sidottu kuin karhu ja viety syvälle Siperiaan. Olin kuullut kerrottavan, kuinka hän oli anellut naapureiltaan ja suurelta Jumalalta armoa, rukoillut ja itkenyt. Hän oli pyytänyt saada tulla ammutuksi omassa pihassaan. Viranomaiset kuitenkin veivät hänet, potkivat kylkiin, sitoivat kiinni, heittivät rattaille ja veivät pois...

«Jumalani, älä hylkää minua. Suojele meidän elämäämme», rukoilin itsekseni.

– No, mitä sinun kanssasi pitäisi tehdä?! Aleksandr Mihailovitš herätti minut ajatuksistani. – Ilmoittaako piiriin?

– Ei ole tarpeen, ei tarvitse piiriin, vaan ruoskikaa täällä... Minä itkin kaikkeen valmistautuneena. – Minä kestan kaiken, kunhan ette lähetä piiriin...

– Ymmärrätkö, Nina, mitä tällaisista tekosista on seuraamuksena? Luoti tai karkotus. Eräältä toimittajalta jäi lehdestä huomaamatta yksi virhe. Kirjaimen t sijaan oli painettu r. Vaikka lehden kaikki kappaleet vedettiin takaisin, tuota toimittajaa ei enää ole. Tätä tarkoittaa se, että johtajan muotokuvan raameihin osuu punainen ja likainen rätti.

Silloin jostain lensi koivun oksalle harakka. Kun se näki minut ikkunan takaa, se rupesi kovasti räkättämään. «Tuossa se on, tuossa! Niin sille käy, niin!» se tuntui sanovan.

– Sillä lailla, Zagrebin! Minä en aio ilmoittaa piiriin. Tiedän, mitä se sellainen on. Mutta paina kalloosi: sinä et heittänyt rättiä. Ikkuna oli auki ja ukkosen aikana rätti vain joutui sinne. Sanon näin kaiken varalta. No, luulen kyllä, että kaikki selviää. Mene.

Vain pimeästä vankityrmästä vapautteen päässyt ihminen ymmärtää, miltä minusta silloin tuntui.

Koska minua hävetti mennä kylänraittia pitkin, kuljin puutarhojen takaa. Voi kuinka linnut lauloivatkaan! Miten kaunis sää olikaan! Hemptä kukat olivat nousseet niitylle. Ja mitä tekikään satakieli: se näppäili ja löi ruoskalla! Sitten se alkoi huilutella loputonta säveltään. Mutta mielialani alkoi laskea kävellessäni. Satakielikään ei enää tuntunut satakieleltä. Se tuntui kiusaavan minua kuin harakka.

Kotona en tavannut ketään muita kuin isoisäni. Hän näki myrtyneen naamani ja kysyi:

– Mitäs nyt, anna kuulua, antoivatko kakkosen arvosanaksi?

– Sanopa, isoisä, kysyin suoraan, miten sinä olet elänyt maailmassa näin kauan?

– Varjele! Millä tavalla minä sinua häiritseen? kysyi ukkini.

– En minä siksi kysy, isoisä, sanoin. – Kuinka paljon onkaan sotia, mutta sinä olet hengissä. Miten sinä kansalaissodan aikana jäit henkiin? Ihmiset kuolivat, mutta sinä et.

– Mitäs, minä olin ovela, pukinpää. Isoisä hymyili. – Minä otin jokaisen vallassaolijan vastaan huutamalla «uraa»! Jos kylään tuli punaisia, sidoin punaisen kankaan länkiin. Jos taas tuli valkoisia, minä olin ensimmäisenä avaamassa porttia kylään. Meillähän, poika pieni, oli kaksi lehmää ja kaksi hevosta, mutta kulakeiksi ei meitä syytetty eikä meitä lähetetty Siperiaan kuten monet muut. Sillä tavalla minä yritin elää. Isoisä katsoi minua hyvin tarkkaavaisesti. Hän nähtävästi yritti päästä selville, miksi moisia kyselin. – No nyt anna tulla, mitä sinä olet puuhastellut, hunsvotti!

Kerroin kuinka olin heittänyt punaisen rätin suuren Stalinin muotokuvanpäälle, ja minustavaikuttisiltä kuin isoisän harmaantuneet hiukset olisivat muuttuneet vallan hopeisiksi. Hän katsahti ikkunaan, kun kuuli portin teljen kalahtavan. – Miliisi, hän säpsähti. Sitten hän

otti pienestä raudoitettusta arkusta ikonin esiin. Minä katsoin sitä ja näin, että jumalankuvan sijaan siihen oli liimattu lehdestä Stalinin kuva. Kuvassa kansojen isä katsoi hymyillen käsivarsilleen nostettua tyttöä.

Isoisä komensi minut uunin päälle. Itse hän otti kutsumattoman vieraan vastaan polvistumalla. Kun hän kuuli oven avautuvan, hän alkoi laulaa ja koputtaa voimakkaasti otsallaan lattiaa:

*Minun suojeelijani,
Suuri jumalani,
Ystäväni Istalin,
Ota pois minun ja myös Jorgin kertyneet synnit.
Kaiken minä teen sinun vuoksesi,
Suuri isäni.
Minä autan tuhoamaan sinun vihollisesi.
Älä hylkää, suojele, jumalani, suuri jumalani,
Varjele elämäni.
Olkoon minun navetassani
Joka vuosi eläimiä,
Lampaita kuin mehiläisparvia,
Hevoset kuin sateenkaari.
Suojele meitä kaikelta tuholta, jumalani,
Meidän syntisiä sielujamme. Sinä näet
Kaiken, sinä kuulet kaiken...*

– Kornil Grigorjevitš, ketä Te oikein rukoilette? ihmetteli liikunnanopettaja.

– Mitä, miten niin ketä? Isoisä levitteli oikein käsiään. – Kaikkein suurinta jumalaani.

– Ketä, ketä?! Aleksandr Mihailovitš kysyi ja katsoi nyt Stalinin kuvaa.

– Jumalaani. Minähän sanoin jo. Hirveiltä pedoilta suojeleijamme. Kiitos sinulle, minä sanon hänelle. Voiton päivänkin minä vielä näin. Eläköön meidän jumalammekin vielä pitkään. Kun kasvoini, uhrasini terveyteni aikaisemmille tsaareille, mutta nyt rukoilen häntä, Istalinia.

– Lopeta tuo, ukkoseni! liikunnanopettaja kovisteli ukkiani kärsimättömällä äänellä. – Vielä kehtaat vitsailla?! Tai vielä pahempaa, pidät minua pilkkanasi? Katsos, Kornil Grigorjevits, meillä on puhuttavaa!

– Oi, opettaja! Isoisä pyyhkäisi pölyn polvistaan ja nousi ylös. – Kun meitä seitsentoistavuotiaasta alkaen pidetään pelossa, niin kyllä siinä tottuu. Enää en edes pelkää. Minähän olen jo kahdeksankymmentä. Ei ole kauheaa kuolla.

– Äläs nyt, ukko. Aleksandr Mihailovitš viittasi kädellään siihen tyyliin, että tämä asia oli loppuun käsitelty. – Onko lapsi kotona?

– Ei vielä, mokelsi isoisä. – Mitä hänestä?

– Ikäviä hänestä, Kornil Grigorjevits. Miten se nyt onkaan udmurtiksi? Niin, hän on villi. Tänään hän vahingoitti johtajan muotokuvaa rätillä. Tästä hyvästä ei pajata meidän kummankaan päätä. No, antaa sen olla. Minä en sano kenellekään sanaakaan, koska säälin teitä. Ymmärrätkö, ukko?

– Oi voi, toki elämä itse on opettanut meidät olemaan vaiti, opettaja... Juotteko teetä?

Aleksandr Mihailovitš ei istunut pöydän ääreen juomaan teetä. Hunajalahjaa hän ei kuitenkaan voinut vastustaa. Sen hän otti.

Viikon kuluttua koululaiset koottiin niitylle joen rantaan. Juuri vihertyneet koivut seisoivat riveissä. Mekin seisomme riveissä. Mieleemme lentelivät kuin perhoset niityllä. Nina Fjodorovna onnitteli Suuren voiton, sodan loppumisen sekä kouluvuoden päättymisen johdosta. Sitten hän lausui toiselle luokalle päässeiden nimet. Minunkin nimeni kyllä kuultiin: «Jegor Zagrebin jää ensimmäiselle luokalle.»

Pakenin siinä samassa päätä pahkaa Giryšin padolle. Kun saavuin hiilenpolttopaikkaan, romahdin koivuriukujen päälle ja kouristelin itkusta. Niille vuodatin pahan mieleni ja voihkin ääneen.

ЙОШКАР ЛАПЧЫК (КРАСНАЯ ТРЯПКА)¹

Школыш мый 1944 ийыште каенам. Яндар тетрадь тунам лийын огыл, садлан кӧра мо кид йымак логалын, тушан возенна. Чернила олмеш – вӱд дене йӧрыман шӱч, ломыж, вурс пера олмеш – кӱзӧ дене пӱсемдыме комбо пыстыл. Тудыжо чӱчкыдынак тодышталтын але чернила ате кумыкталтын да йоген лектын. Нужналыклан кӧра чӱчкыдынак шужен коштмо, туге гынат йочак кодынна да модашат жапым муынна. Мемнан юарлымына эре ик семынак мучашлалтын: лопка «умшан» ате почылтын да чернила котомка пундашыш йоген. Ава вурсен, туныктышо во-жылтарен.

Икана туныктышо Нина Фёдоровна тошто книгам классыш конден, кажне кагаз лаштыкым чаткан кушкед луктеден да мыланна пуэден. О-о, кузе ме тунам возенна! Мый комбо пыстылым кок кид дене кучен серенам – туныктышылан келшаш тӧченам. Варажым тыге возаш тунемалтын. Печатлыме корныла коклашке возкаленна: «Илена сайын да веселан. У тетрадьыш возена. Мемнан ончыл колхозланна полшена. «Нылытан» да «визытанлан» веле тунемына. Кугу Сталин. Сеҗен кертдыме Йошкар Армий...»

Нина Фёдоровна мыланна тидым эре ушандараш тыршен. Тыгак ончыкыжым сайын илаш тӱнгалына манын ойлен. Ме, удыр ден рвезе-влак, тудлан ушаненна гынат, чот ӧрынна. Кызыт шарналтем да ӧрам: кушеч латшым ияш удырын тыгай кугу ушан лийын? Тудо коваж дене илен, каныш кечылаште Мукши шочмо ялышкыже ача-аваж дек паренгылан коштын. Йыдалым, тӱрлӧ шӱртӧ дене пидме чулкам да школыш коштшо удыр-влакын гай тувырым чиен пӧртылын.

Кенжеж каникул деч арня ончыч возышашлык чыла кагаз пытен, налаш нигушеч. Но паша деч посна от шинче вет, сандене Нина Фёдоровна йомакым каласкален да почеламут-шамычым мыланна лудын. Ик гана тудо шортын колтыш:

¹ Перевод на марийский (луговой) язык журналиста Семенова Василия Михайловича.

Тый молан, авай,
Эргыч колымылан
Эре шортат?
«Арсением куш йомын?» –
Манын, тый йодат.

Тидым ойлышат, окна велыш савырнен шогале. Тудын вачыже чытырналт кайыш.

Эн ончычак Витя нерым шупшыльо, икмыняр жап гыч тудат шорташ пиже. Ме паленна: тудын ачаже Сталинград вокте не кредалмаште колен. Витя почеш Маня шортын колтыш. Вара Граня... Веня... да пүтынь класс!

***

Май тўналтыште Нина Фёдоровна пенгыде нарынчалге порым кондыш. Ме ынде пиалан да весела илыш нерген саде пор дене доскаш возкаленна. Но тунемме ялтак шуын огыл: уремште шокшо игече шоген, лыве чонештылын, кайык муреншўшкен. Олыкыш, энгер воктек куржын колтымо шуын, а классыште шинчаш йокрок ыле. Ик кечын мый йыштак доска ўштмў лапчыкым кўсеныш чыкышым да переменыште кудывечыш лектын ошкылым, лапчыкым садер коклаш кудалтышым. Да тугай верыш, нигў ынже му манын – тушто шўкшак киен да коншудо кушкын. Вара пуйто нимат лийын огыл – классыш пўртылым. Урок тўнале. Мо онгайже: Нина Фёдоровна мыйымак эн ончыч доска дек лукто. Мый лўмынак, доскаште вер вашкерак пытыже манын, чыла предложенийым кугу буква дене возышым. Вер пытышат, Нина Фёдоровна чыла возымым ўшташ кўштыш. «Весым возена», – мане. А ўшташ лапчык уке. Кидкопам дене ўштнем ыле, но тунуктышо чарыш.

– А лапчык кушто?

Классыште шып.

– Кў дежурный?

– Егорка Загребин, – Витя йўкым пуыш.

– Егор, тый от пале кушко лапчык йомын? – Нина Фёдоровна чоян гына йодылдале.

«Шойышташ мо?» – шоналтышым мый, но логарыш комыля пижын шинче. Чурием тул гай йўла.

– Тый дежурный улат гын, мөнгет куржтал тол да лапчыкым кондо, – шыман гына Нина Фёдоровна кўштыш. – А ме тиде жапыште иктаж-могай пайдале пашам ыштена. Мый, йоча-влак, тыланда ик йомакым каласкалем... Егор, алят тыштак улат? Мий, кай... Пўтынь класс вуча.

Ом пале: туныктышо лапчыкым мыйын шылтымем тогдаен але уке, кызыт ынде шкежат ом шарне. Тудо йошкаргымем шекланен шуктен. Тидыжым мый тудым ончалын, умылышым: тудын шинчаже чоян онча да шкеже изишак шыргыжеш. Лучо мыйым лукыш шогалтыже ыле. Вуйым кумык чыкен шогалам да санга йымач ончен шогем ыле. Мый тунам ўшаненам: чын пёръен лач тыгай лийшаш. Сар каен. Мемнан пленыш логалше салтакна-влак фашист-шамычым лач тыге ончат манын шоненам. Кредалыт, нерым да сангаштым пудыртат, но огыт шорт, лач сусыр палым кидкопашт дене йыгалтат да адак ончыко кредалаш куржыт. Вес семын лиеш гын, шотдымылан, лўдшылан шотлат. Тунам иктаж-мом шолышташ шонымашат лийын огыл, а теве мыйым гын кызыт ворлан шотлаш лиеш. Класс гыч куржын лектым да мөнгө чымалтым. Лапчыкым мый шылтен омыл манын, чылаштым ўшандарынем: мөнгө гыч лапчыкым кондем, тек чылан ужыт – мый вор омыл.

Пиалешем, мөнгыштө ны авам, ны акам уке ыльыч. Кечывалым нуно пашам ыштеныт.

Кочмем пешак шуэш. Чойн көршөкыштө икмыняр изи паренгым муым, эрыктен кочкым да кўчымө торыкым йўым. Мутат уке, мўшкыр темын огыл. Кинде уке. Коншудо да урвоч гыч ыштыме оварче веле. Эр шошым пасушто ўмаште кўнчымө деч вара кодшо паренгым погенна, эрыктен, тудым туржынна да оварчым ыштыме. Тидлан көра веле тўжем дене калык илен лектын тунам...

Чуланыш куржын лектым. Кашташте сай вургем кечен, а ик лукушто тошто вургем киен. Акамын шукертак чиен кош-тмо йошкар тувыржо кидыш логале. Ужашым кушкед нальым да күсеныш шуральым. Шоналтышым: «Классыш пурен шогаламат, йошкар лапчыкым вуй ўмбалнем рўзалтем – тек чылан ужыт: «Егор вор огыл!»

Школыш куржын колтышым, лапчыкым умывальникыште нўртышым.

Перемен ыле. Классыште йўк-йўан шокта. Нина Фёдоровна учительскийыште лийын.

– Ончыза, ончыза, Егорка пўртылын! – Санька пўтынь клас-слан кычкырале. – Ала лапчыкымат конден?

– Конденам! – лапчыкым нўлтал ончыктышым. – Ончыза, ончыза!

– Ну-ка, ну-ка, сайынак ончыкто! – Санька йырем пўрдеш. – Муыч тугеже лапчыкым?

– Егорка – вор, Егорка – вор! – игылтеш Венька.

– Мый – вор? Теве тылат! – лапчык дене тудым лупшалнем ыле...

Но тудо ўрдыжыш лие, а лапчык пырдыжыште кечыше Сталинын портретше велыш чонгештыш да тушанак пижын кечалте. Чыланат шўрын лийше портретым шекланат, иктат ик мутымат ок пелеште. Сўретлыме пўрўен мыйым пеш шыдын онча. Тудын шинчаж гыч пуйто шинчавўд йога, тыглай огыл, а йошкарге. Йошкар лапчыкше ночкыс.

Мый чотак лўдым. Коля лийын кайышем да иктаж рожыш шылын вочмем шуын – тек мыйым кычалыт, но ынышт му. Але кайыкыш савырнен почмо окна гыч чонгештен лекташ ыле. Тунам вара эрыкан кайыкым кучен ончыза. Но мый верем гычат тарванен ом керт, пуйто пудален шогалтеныт. Уремыш гына ончем. Кавам шем пыл петырыш, Сосновка велым йўк-йўан шокта. Окна почылт кайыш. Мый тудым пыкше гына петырен кертым. Школ оралте ўмбалне тале мардеж тарваныш – теве-теве тошто оралтым сўмырал шуа, шонет. Нойыш, коеш, чодыра велыш каен колтыш.

Чылажат пычкемышалте, лач волгенче дене веле коклан-коклан волгалт кая да пырдыжыште кечыше портретым волгалтара. Кўдырчө кўдыртымылан кōра портретат тарванен колта. Лўдмō дене чыланат парт йымаке пурен шична.

– Рвезе ден ўдыр-влак, ида лўд. Кўдырчө вашке эртен кая, кече уэш лектеш, – классыш пурышат, Нина Фёдоровна мемнам лапландара.

Мемнам парт йымалне ужат, өрō – молан ме кўдырчө да волгенче деч тынар чот лўдынна? Ме ялысе улынас, тунемалтын тыгай игечылан.

Нина Фёдоровна пырдыж вельш савырныш. Портретыште йошкар лапчыкым ужмекыже, өрō. Шенгелныже омса петырыме йўк шоктен кодо, да уло капшыге чытырналтыш. Икмын-яр жап гыч портрет йымаке, пырдыж воктек пўкеным шындыш – портрет гыч йошкар лапчыкым корандынеже да тудым тōрлатен сакынеже улмаш.

– Тиде мо тыгай? Кō тыге ыштен? – физкультурым туныктышо пōлемыш пурен шогале.

Кўдырчө кўдыртыш. Нина Фёдоровна пўкен гыч изиш гына ыш камвоч. Пырдыжым кучен, кўварваке волен шинче.

Шўлаш тоштде, ме тугак парт йымалне шинчена.

– Кō тыге ыштен?... Нина Фёдоровна, йоча-влак молан парт йымалне шинчат? Ўдыр-рвезе-влак, парт йымач кызытак лекса да веран-верышке шичса!

– Кўдырчө деч лўдыныт... – Нина Фёдоровна умылтара. – Йōра, йоча-влак лекса да шке верышкыда шичса! Кўдырчө эртен кайыш...

Кўдырчө эртен мо? Физкультурым туныктышо тудын дечат шучкыракын чучо.

Ме паленна: Александр Михайлович сарыште кредалын, но сусыргымылан кōра мōнгō пōртылын да школышто физкультурым туныкташ тўнгалын. Теле мучко вичкыж шинельым чиен коштын, эсогыл чот йўштыштат кирзе кемым чиен. Ковыраланаш огыл, а нужналыклан кōра. Ме тудым пагаленна, но шенгечынже вор манын игылтынна. Ялыште калыкын ойлымыж почеш, тудо Одотьян ик чывыжым шолыштын да шолтен

кочкын. Варажым пален налыныт: чывым тудо огыл, луй шолыштын улмаш.

Александр Михайлович чотак шыдешкен, эсогыл пўйжө дене кочыртатен.

– Ну, кө тыге ыштен?! Вигак ойлыза лучо, уке гын, нигөмат мөнгө ом колто!

– Александр Михайлович, тыгежак ок күл... нуно лўмын огыл вет... – Нина Фёдоровна мемнам арален налын.

– Ах, лўмын огыл?! Уке гын, кузе лапчык портретыш логал кертын?! Сарыште пуля веле шижде салтаклан логал кертеш! Кө тыге ыштен, манам?!

– Мый титакан улам, – шинчавўдым ўштылын, мый вашештышым. – Тале мардеж ыле, окна почылт кайыш... Лапчыкым мардеж тушко пуале...

– Мардеж тугеже пуале? – воштылале Александр Михайлович. – Мардеж, манат?.. Хм...

Тудо Сталинын портретшым төрлатен сакыш да мане:

– Йоча-влак, чыланат каен кертыда. А тый, Загребин, код!..

Чылан лектын кайышт, а мый кодым. Шкеже лўдмем дене пўжалт пытенам. Пытышым, шоналтышым. Ынде авам ден акамланат логалеш. Нигөм огыт чамане – чылаштым Сибирьыш колтат. Паленам: кочамын изажым лач тушкак колтеныт. Родо-тукумын ойлымышт гыч весымат паленам: чот шортын, шинчавўдым шуко йоктарен, Юмылан кумалын да кудывечешак лўен пушташ сөрвален. Тидлан уполномоченный-влак тудым лач кыренит веле, орваш пыштеныт да каторгыш нангаеныт.

– Ну, мом тый денет ышташ? – тыгай шонымаш деч лугыч ыштыш Александр Михайлович. – Районыш увертараш?

– Уке, уке, районыш увертарыме ок күл, лучо мыйым кырыза... – мый шортам – мый чытем... Районыш ида увертаре...

– Умылет, Нина, тыгайлан мо лиеш? Пуля але ссылке. Ик редактор шке газетыштыже ик буквам путаен савыктен. «Т» буква олмеш «Р» пурен шинчын. Пўтынъ тиражым коранденит гынат, редактор уке лийын. Сталин онын портретыштыже йошкар лапчык кечымылан мом ышташ лиеш?

Ала-кушеч дыр уремыште куэ укшыш чаңа толын шинче да варгыжаш пиже, а мыланем тудын варгыжмыже тыге шоктен: «Теве тудо, тебе тудо! Тыгак тудым!»

– Палет, Загребин, районыш ом увертаре. Мо лиймым кызытак палем... Но иктым шарне: лапчыкым тый кудалтен отыл. Окна почылтын да мардеж дене лапчык портретыш логалын. Тидым весе-влак пален налыт гын, мыят тыгак умылтарем... Но чыла сай лиеш манын ўшанем... Мий, кай...

Пуйто казамат гыч мыйым луктын колтат – тугай шижмаш ыле.

Урем дене мӱнгӱ ошкылаш вожылынам, пакча дене каenam. Кайык-влак мурат! Игече сай шога... Пеледыш пеледалтеш, а шўшпык кузе сӱралын шўшкалта. Мыйын ошкылмемат шуын огыл. Шўшпыкат шўшпык огылла чучын, чаңа семынак мыйым игылтеш, шоненам.

Мӱнгыштӱ кочам деч посна нигӱ уке ыле. Мыйым ончалын, вигак йодо:

– Мо, адак «кокытаным» нальыч, каза вуй?

– Каласе, кочай, кузе ты ош тўняште тый тынар шуко илет?

– Ой, Юмыжат! Ноен пытенат мо мый денем?

– Уке, паша тыште огыл. Тынар сарым эртенат, тый илыше кодынат. Граждан саржым кузе илен лектынат?

– Мыйже чоя уламыс, каза вуй тый, – коча воштылале. – Олаште йошкарге-влак улыт гын, мыжерыш йошкар лапчыкым ургенам, а ошо-шамыч толын лекмеке, ял капкам почаш лектынам. Кок ушкална да кок имньына ыле, а кулак шотеш возен огытыл. Молым тебе кулак семын Сибирьыш колтылыныт. А мыйым уке... Тыгак илен лектынам, – мыйым тўткын ончале, молан тыгай мутланымашым тарватышым манын шоналтыш докан. – Тый мом тугайым ыштенат?

Йошкар лапчык нерген каласкален пуышым. Пуйто тудо эшеат чалеме. Капка йўкым колын, окнаш ончале. Лўдмыж дене шондык гыч юмоңам лукто. Ончал колтышым: Юмын сўрет олмеш тушеч Сталин онча – газет гыч пўчкын лукмо портрет.

Кочам мыйым конгамбак поктен колтыш, а шкеже ўждымō
унам сукен шинчын вашиле:

Сталин мемнан он,
Аралыше тый мыйын,
О Кугу Юмо,
Мыйын да Егорын сулыкшым касаре.
Мый тылат чыла ыштем,
Кугу Ачана.
Тыйын тушманет-влакым
Чылаштым пытарем,
Мыйым коден ит кай,
Илышем арале.
Вўташтем тек кажне ийын
Вольык шочынак шога:
Омартасе мўкш гай
Шорык шуко лийже.
Имнят чомам ыштыже.
Арале мемнан, Кугу Он,
Мемнан сулыкан чоннам.
Тый шкеат тидым палет,
Тый шкеат тидым ужат...

– Корнил Григорьевич, кōлан тыге кумалат? – пурен шогал-
ше Александр Михайлович йодо.

– Кузе кōлан? Кугу Юмылан.

– Кōлан-кōлан? – туныктышо уэш йодеш, шкеже Сталинын
портретшым онча.

– Юмылан. Мемнам аралышылан. Мыланна Сенгымаш ке-
чым кондышылан. Тек тудо шуко ила. Ондак кугыжа-ачалан та-
залыкым тыланенам, ынде тебе тушманым сенгышылан.

– Тый, шонгыен, тыгай мыскарам ит ойлышт. Але мыйым
воштылат? Ончал, Корнил Григорьевич, сукарам кошташ ынже
перне!

– Э-э, шергакан туныктышо! – пулвуйжым пурак деч почкал-
тышат, кочам кынел шогале. – Латшымше ий гыч мыйым сука-

ра дене лүдыктылыт, тунемалтын ынде. Кандашле ийымат те-
мена вет... Колымаш деч ом лүд...

– Йөра-йөра, шонгыен, – кидшым лупшале Александр Ми-
хайлович. – Уныкат мөнгыштө?

– Уке эше, – пенгыдын пелештыш кочам. – Мо тудын дене?

– Тудын ойго, Корнил Григорьевич. Койыш-шоктышыжо ху-
лиганын гай. Таче йошкар лапчыкым онын портретышкыже ку-
далтен. Тидлан ны тыйын вуетым, ны мыйыным огыт ниялте.
Да йөра ынде, мый тидын нерген нигөланат ом йоло. Умылы-
шыч, шонгыен?

– Э-э, кузе умылаш огыл... Илыш чылалан туныктен вет...
Чайым йўат?

Александр Михайлович чай йўаш тореш лие, но пөлек шо-
теш кочамын мўйжым налын кайыш.

Арня гыч школ линейкына энгер воктене чумыргыш. Йыр-
ваш куэ кушкеш. Чыланат пайрем шўлышан улыт, пуйто мўшкыр
темше, чыла уло. Нина Фёдоровна Кугу Сенгымаш дене чылаш-
тым саламлыш да тунемме ий пытыме нерген увертарыш. Ко-
кымшо классыш вончышо-влакын лўмыштым лудын пуыш. Но
нунын коклаште мый уке улам.

Ойгыренак, мый Гирыш энгер вельш куржым да йўлымө ве-
рыш шунгалтын, мўгыренак шортын колтышым.

ТЫЛ (ОГОНЬ)¹

Тетя годшы тыр жеп гишан нимат ашеш кодде. Мынь ладнан, тыргыжланыдеок инвожо (июнь) тылзый якте кушкынам. Вот и шанем, тый жепым ашбындарен, мам мынь сирен кердам? Векат, мамнан камака сага телым бирбышы ош патявлэ гишан да нимат бштдыдеок покеныштты такеш шынзаш лимым ынгылен керддымы бышке авам гишан.

Атямым палыделама ганьок. Ош армишты служымыжы гишан тиды «тудармишты» ылын. Мынбын пукшышем, мынбын пукшышем – авам.

Ныллы икшы ин, вырсым увертарымы кечын, мынь ныл иаш ылынам. Ти аяран инвожон кечын Гырон быдтон колхоз айо – уден пытарымы айо – эртаралтын. Ку пытаришы «вырсы» манын келесен, ам ашбындары. Тидым веле аштем, кыце куштышы, мырышы эдемвлэ трук шагал колтевы... Тагышец-анят шим пыл лакты, юалгы лин колтыш. Тынэмок кого юк доно хыдыртыш нелын хыдыртыш.

Мынь паян шырашем качкын пытарен шым шокты, кыце авам кидем гыц кычен, мынбым токына шыпшын кен. Теве тынам пытари гана бышке сырем анжыктышым: магырем, пырылам, саслем – ну токына кемем ак шо!.. Ти жеп якте мынь бышкымым ам ашбындары, а тишты, колхоз чельныкышты, пиш шуку улы: гармонь шакта, самбырквлэ мадын-мадын куштат. А кого падышты пай шолеш. Тютьявлэ пренявлэ вылны шынзат, пуйырым подыл колтат да шаявлэм хытырат.

Тор лиаш гынь – хытыренбит...

Юр вашт токына якте ашкедынна – ик кушкы шыртынаат кодде. Цила начкым кыдашмыкы, ала лывакы шылнам да кок тылзеш амален кенам. Лач тенге. Тый кок тылзым нигыцеат ашбындарен ам керд, райзы омын гань – сола марывлам фронтыш ыжатымы.

¹ Перевод на горномарийский язык канд. филол. наук Федосеевой Надежды Александровны, г. Йошкар-Ола.

***

Август кыдәлнй ирок мыйн пиш ирй шижбнәм. Тагышец-
анят пәлйдымй юквлә шактенйт. Мыйн эче амалем веле манын
шаналтен шоктышым, кыце шүмбелемйн, Архатын, юкшым ко-
лын колтышым:

– Ави, ядам, церпет литрым лыкай. Тәнгвләэмлән ладнан-
гаш. Мыләнемәт... келеш.

Пиш тыр лин колтыш. Вуйта сәндәлбкшәт шүләш цәрнен.
Вара – әвәмйн пиш ойхан юкшы:

– Эргем, ма линәт? Йәнгем доно шижәм – пуреш агыл тыйн
тәнгвләэт доно толынат.

– Ави, шолтыметым пуай. Вара цилә ынгылдарем.

Дә пәлйдымй юк:

– Аркадий, тыйн монденәт? Әвәтлән ик шамакымат. Ынгы-
лышыц, уке?

Тидй мыйн кызйт тенге ашбндәрем дә техень ышан
шамаквлә доно сирем. А тыйнәм мыйн киэнәм дә колыштынам.
Йәлбн руш йылмблән өрынәм веле.

– Иктә-ма лижй, смотри – ни тй сола, ни ти сола ак код.

– Ситә! – сйгйрәлбй мыйнбйн Архатиэм.

Изин-олен мыйн платяшкы ванжышым: хангавлә логйц
шелбк вашт цилә каеш.

Стөл лошты кымытын шйнзәт. Кымытынат кыйыргышы
шим упән ылыт, циләштйн лицәштй йылгйжеш – мәмнән той
самоварна гань калялт шйнзбнйт. Покшалны мыйнбйн нюнюэм
– бзәм. Мыйн тйдбм пиш когон яратем. Тйдб – шофёр. Халаш-
ты крәсиным, бензиным шыпшта. Тагачат, векәт, кышкы-гйнят
крәсиным нәнген.

Теве әвәм самогон ямдарым лыктеш дә стөл вйлән шбндә.
Бйшкежб төнгылбш камака сага шйнзеш.

Шүмбелем ямдарыштышы әрәкәм шун кружкавләш опыш
дә тагыце-анят пйсбн бйшкбмжбнбм ыдырал колтыш. Техеньбм
ужмыкыжы, әвәм «осто» веле маньы.

– Эргем, – келесѣш тѣдѣ икманярышты, – кынам тѣнь те-
хень линят? Вет луаткандакш ият эче шоде, уже тенге йѣят...

– Ивләм шотлаш жеп агыл, әви. Остатка гәнә, әнят, тиштѣ
икон лѣвәлнѣ шѣнзем, – пиш шѣп вәшештѣш Архатъ.

– Осто! Ма, тѣньѣм фронтыш нәнгеят гыце? – әвәм тѣнгѣл
гѣц кѣньѣльѣ. – Попы! Мам тѣнь тает? Келесѣ, эргем, малын
тәмдән лицәштѣдә сылык? Малын сѣнзәдә пыдырана?

– Ит келесѣ, – мѣнгәлтѣш шѣмбел. – Ке, әви, вольыкым
йѣктѣ. Мә вадеш кенә. Тѣнәм цилә ынгылдарем...

Әви ак ке. Эргѣжѣ доно ма лиәлтмѣм ынгылынежѣ дә анжа.
Мам тѣдѣ тая? Тәнгвләжѣ гѣц лүдеш?

– Ке, әви. Вара...

Кымытынат эче ик кружка рәдѣ йѣэвѣ, ыжар лукум
пырылевѣ. Толшывлә иктѣ-весѣштѣ вѣкѣ анжалевѣ.

– Анжы, юкымат ит лык! – тѣнгәльѣ иктѣ, ныгыды сѣн-
зәвынан, но шѣмбел цәрѣш:

– Эче ик гәнә пырет!..

Дә пиш когон шѣдѣн стѣл вѣкѣ анжен.

Әли – шѣдѣн агыл?..

***

Ти шайыштмашым тѣнгәлмем годым мѣнь бѣшкѣләнем
келесенәм – ик шамакымат шанен лыкташ агыл, тѣрѣм веле.
Совсемок тѣр лиәш гѣньѣ, әнят, ти шайыштмашыжат нималан.
Тидѣ гѣц пасна простарак. Дә куштылгырак. Эчежѣ ти историн
участниквлә логѣц иктят живой уке...

Шачмы вәрѣш кәнәш кемѣ годым вуй цаклыдеок тѣ сола
монгырышкыла сәрнәлеш. Сола шѣнзә. У левәшвлә йѣлгѣжѣт,
өлицә мыч бѣрвезәшвлә аравам кыдалыштыктат. Мѣнят тетя
годшы жепѣш пѣртѣләм. Әвәм сукалтен шагалын, Йымын Әвән
иконжы анзылны шалга дә ыдылеш. Йымын Әвә эргѣжѣлән
ышым пыртыжы манын, тѣдѣм дә йәлѣмәт бѣнжѣ ямды манын,
сарвала.

Сагажы юк лыкдеок мѣньѣн шѣмбелем шѣнзѣ.

– Эргем, Йымы анзылны шамакым пу дѣ паштекем пачаш-пачаш келесѣ. Попы: ти солам мѣнь ам тѣкѣл.

– Ам тѣкѣл, ѣви... – лач тѣрвѣвлѣ доно веле келесѣш бѣзѣм.

– Ти сола тагачат, иргодымат дѣ соок ѣшке вѣрѣштѣжѣ шалгаш тѣнгѣлеш. Ик сулыкан верцѣн сѣндѣлѣк вѣшештѣшѣм кычышашлык агыл.

– Мѣнь тѣдѣм пижѣктен ам колты дѣ тѣнгвлѣэмлѣнѣт ирѣкѣм ам пу... Аминь!

– Пижѣктен ам колты дѣ тѣнгвлѣлѣнѣт ирѣкѣм ам пу... Аминь!

– Теве тѣлѣнет крестѣ. Пуля гѣц, тыл гѣц, шим пѣшѣвлѣ гѣц тек мѣньѣн эргемѣм перегѣ, – пѣжгѣлтѣш ѣвѣм дѣ ѣшкѣмжѣн ши крестѣжѣм бѣзѣмѣн шѣшкѣжѣ сѣкен пуш. – Тѣдѣм нигынамат ит кыдаш, эргем. Ваштылаш, мыскылаш тѣнгѣлѣт – тайы...

***

Теве тишец мѣнь изи годшы жепем доно айырлем. Тенгелѣ мѣнь вуйта колам: мам веремѣм шыпшат? Тѣрѣк пѣшѣ гѣц тѣнгѣлѣм ылы... Мѣнь тенгеок тѣнгѣлѣм ылы: кым бѣрвезѣ, ик кружка самогон гѣц ыдыралын, бензовозвлѣшкѣштѣ шѣнзѣнѣт дѣ пашкуды солам йылаташ кыдалыныт... Но мѣньѣн тенге сирѣмем шон, кыце мѣнь тидѣм ужынам. Капка доны шалгышы машинѣвлѣ, ти лѣдѣшлѣ хытырымаш дѣ мѣгѣрѣшѣ ѣвизѣм – цилѣ мѣнь анзылнем дѣ мѣнь кѣргѣштем ылеш.

Векѣт, шайыштмашым тенге тѣнгѣлѣш яжорак лиѣш ылы: Бодѣя – Шаркан корнышты пу ялан Хѣдѣр тѣоти шалген. Ѧли – рѣшотка гач анжалтышвлѣ. Кѣртни пандывлѣ гач кым мыжыр сѣнзѣ йѣлгѣжеш дѣ ынгылынежѣ: кѣ содыки вуйнаматан? Пу-пуд Хѣдѣр? Заправкым вуйлатышы? Мѣньѣн Архатѣ бѣзѣм?..

Ик шамак доно, тетя жеплѣн мычаш толын. Церот доно шайышташ тѣнгѣлѣм. Техень шаялан мѣ тыменьшѣ ылына.

***

Играшты крәсинѳм йәстәрѳмѳкѳ, Архать Изи Бодья докыла кузен дә кѳне орол гань эдемѳм ужын колтен. Эчежѳ тѳдѳ пел ялан ылын. Кокшыжы – пу протез. Архать шагалдеок кыдал, корны тѳреш инвалидѳм шуэн коден кердде. Тидѳ тѳдѳн шоферын овуцажы ылын. Овуца семѳньок кѳзѳтәт бѳштен.

Кынам нѳнѳ Мукшинский шѳргѳ лош кыдал пыренѳт, пу ялан эдем бѳшкедурешѳжѳ мѳнгәш тѳнгәлѳн дә йѳлмѳжѳ доно жәләен цопкен.

Махань дела ылмым Архать ядын.

Вуйжы гѳц пиш тоштемшѳ картузым шыпшыл валтенәт, тѳотя бѳшке какша вуйжым ниәлтен дә йойын йѳрәлтен:

– Тагачы мәмнән солашты гырон быдтон. Вараш кодам, це-це...

– Мѳндѳр ма? – ядын Архать.

– Уке-е-е. Изиш веле кодын, уже тѳштѳ. А мѳнь тѳштѳ бухгалтер ылам, – эчеәт йѳрәлтен тѳоти дә вургымла кидшѳм вѳктәлтен.

– Архать, – вәшештен Архать дә жава лапа гань уштѳ дә лывыргы кидѳм кормежтен.

Пупыд Хѳдѳржәт лишѳцѳн жавала чучын. Ышма – пѳлѳш якте, нер – ляпцәкә, кок раж веле каеш, пѳлѳш – падкагыль. Техень пѳлѳш цилә утым колеш, а ышма – утым попа.

– Тѳнь бѳшкежѳ кышец ылат?

– Эсенеи гѳц, – вәшештен Архать.

– Во-он ма... А школыш кыш кыргызталынат? Бодьяшкы әли мә докына?

– Тә докыда.

– А малын мѳнь тѳньѳм ам пәлѳ?

– Мѳнь каждый кечѳн токына каштынам.

– А-а... Патыр! Техень здорова ватервлә мыч килт каштеш ма... Тѳнь эдем, мѳнь тенге келесем ылы. Тѳотим шуэн кодыделат, шѳнденәт. Тау, – Пупыд Хѳдѳр эчеәт кидшѳм вѳктәлтѳш, но ти гәнә Архать вуйта тѳдѳм ужде. Тѳржѳм гѳнь, тѳоти шукужок бѳш шыпш.

– А тѳнь кыце шанет, мѳнь тѳньѳм хыналаш ѳжам гѳнь, мам келесет, пурѳ эдем? Тагачѳ мѳмнѳн айо. Айда! Школышты тыменьмѳ тѳнгвлѳэтѳм вѳшлият... Ёдырвлѳ мѳмнѳн... ух! Сѳнзѳштѳ донок сѳгырѳт, сулыккланаш шыпшыт, ха-ха... Кенѳ, ѳ? Хыналыктем! Ужам, тѳнь эдем ылат, Архатѳ!..

Архатѳлан потикѳ дѳ Ёжѳл. Тѳотин ѳйланѳмыжѳ тѳдѳм вѳштылыктен: вет шонгы тангаталан томажѳ лишкѳ канден кодѳшты. Тѳдѳ пу ялжѳ доно Ёнежѳ шыгылытатыл. А пыдалашыжѳ гѳнь...

Ну яра, Ёымы тѳдѳ сага, эдемѳм шѳндѳлѳл кеѳш – кого сулыкшок агыл. Халашкѳ шачмын кеѳш келеш, седѳндон рушѳрнѳн вады векѳлѳ кемѳлѳ, вара ирокок штык ганѳ, шѳдѳмѳ семѳнь...

Кѳтѳкѳн келесѳш гѳнь, Архатѳ Пупѳд Хѳдѳрѳм капкажѳ яктеок шыпштен канден. Тѳотим шѳдештѳрѳш агыл манѳн, сагажѳ изиш подылын дѳ тѳнгвлѳжѳ-пѳлѳмѳвлѳжѳм ужаш талашен. Дѳ нѳнѳ доно тенге яжон вѳшлин, ѳйдвашт вѳк. Яжѳ празнык ылын. ѳнѳт, утыракшат вѳрештѳн...

Ирок ирѳ ѳштѳ гѳц шижѳн. Тѳгѳн-ѳнѳт сеньѳкѳштѳ. Вара шанен дѳ мужедѳн – кѳ доны. Вѳшештѳш Ёшкеок толын, пел ялан Пупѳд Хѳдѳр доны ылеш.

– Нѳ, Ёрвезѳ, росолѳм ѳѳндѳл, Ёлѳж. Вует каршта сѳй, хе-хе!

Архатѳ карка хѳлѳ шѳлѳлтѳдеок ѳѳн колтыш.

– Ма? Пе-пе? А? Цецаш пе-пе-м вѳртышты поктен колтенѳ, – талашен Хѳдѳр. – Мѳньѳн папиѳм вес ѳтѳдерѳм жѳлѳйѳде...

– Ирок – ик каплыкѳмат агѳм, – келесен Архатѳ.

– Вот кыце? Правильно, молодец! Пѳшѳ – пѳтѳришѳ вѳрѳштѳ. М-м-м... Кыце келесѳш: маханѳ пѳшѳ. Вот мѳмнѳн колхозышты кок трактор улы. А крѳсин ак ситѳ. Имнѳвлѳлѳн веле Ёнѳнем. Пѳшѳ агыл – качѳ сѳнзѳвѳд. А мѳлѳндѳжѳ, ѳй, манѳр шуку... м-м-м!

– Крѳсин келеш ма? – ядын Архатѳ.

– Келешѳт... Ой, Ёрвезѳ, келеш. Вет тенгечѳ Ёшкеок сѳрѳшѳц! Ат ѳшѳндѳрѳ ма?

– Тенгечѳ? А манѳрѳ келеш? – Архатѳ ѳшѳндѳрѳш – тѳржѳм гѳнь, тенгечѳ сѳрѳмѳжѳм агыл, а вуйлатышѳн попымыжѳм:

уты литрвлӓ погыненйт. Списываяш келнежы да иктӓжылӓн выжалышаш, сулыкыш пырыдеок...

– А маняры... Шукырак – жорак. Ужат, ти колхоз верц пыт цацем, цӓрӓ вуян линӓм. Йӓлжы вет ышкылӓнӓшты ыдырат, а мӓнь цӓвӓи порода гыц ам ыл. Мӓнь – пролетари!

– Тенгежы маняры? Ик машинӓ, кокты?

– Коктат уты ак ли! Коктымук вет сӓренӓт, ане... Только анжы, Архатъ, шолыштмы мӓлӓнем ак кел! Шолывлӓм мӓнь ышкеӓт ужын ам керд да... ам яраты! Вуйлатышывлӓ ярыктат гынь – тӓнӓм. Келесы, кышты тӓнь ылет? Ти ӓрнян пырен лӓктӓм.

***

Колхозлан крӓсинӓм выжалаш вуйлатышы кымытлан шӓден – Архатълан ышкылӓнжы, тӓдӓн сек лишыл тӓнгжы Ленька Захаровлан да заправщиклӓн. Тидын годым чӓдӓрӓк попаш шӓден: крӓсин отчет семӓнь агыл гынят, но вырсы кемӓ жеп, нимат ынгжы ли...

Ты кечӓнок кыдалышт толыныт. Но Пупыд Хӓдӓр йӓрӓлтӓлын да кидвлӓжым веле шӓрӓлтен, оксам иктӓ кок ӓрняшты пуаш сӓрен: касса охыр, колхозын оксажы ак ситы, техень пӓшӓвлӓ. Ик ӓрняшты гынь веле.

Эче шот доно ынгылен шоктыде, кыце нӓнӓм, овыдавлӓм, намыс гыц пасна алталенйт, ырвезывлӓ токышты сылык пӓртӓлӓнӓйт. Вуйлатышылан мам келесымӓлӓ? Вет кок цистерна крӓсин – шутя гыце?!

А окса таки лӓкде – ни ӓрняшты, ни тӓлзӓшты. Пупыд Хӓдӓр кайзыде. Тыргыжланымыжы гишӓн Архатъ вӓк шимем шӓнзӓн. Вуйлатышын сӓнзӓэшжы кайзаш цацыде. Керек-кыце цацы гынят – курымеш ат шыл: тӓды ышкеок уӓжӓн. Кымынныштымат.

– Ну, тӓнгвлӓ, кышты тӓмдӓн оксада? Тама-ӓнят мӓнь нӓнӓм ам уж.

– Ынгыледӓ, колхоз бухгалтер... тӓды сӓрен, – лӓдӓнрӓк тӓнгӓлын Архатъ. – Кеӓш, виднӓ, вӓрештеш.

– Мане, кыдалышт тол, тӑнгем, ти пӑшӑм ыштӑ. Изиш шытырланы. Ёшке верцет шытырланы. Мӑнь, иктӑ-ма лиэш гӑнь, ытлем, а вот тӑнь... Пӑльдӑ: окса ак ли – судыш кедӑ. Рунервлӑ! Кӑм алталынедӑ?! Тюрмӑш, штрафбатыш кемӑдӑ шон? Кедӑ! Вырсы жепӑн горючийӑм траскайшывлӑлӑн ма лимӑ гишӑн кедӑ лиэш дӑ шаналтедӑ. Ӑ?

Архат дон Лёнька солаш кенӑт. Пупыд Хӑдӑрӑн капказы анзылан шагалыныт.

Пӑртанцыл вуеш нӑньӑм ӑдӑрӑмӑш вӑшлин.

– А Хӑдӑр уке ылеш. Тӑдӑ халаш кен.

Тӑдӑ когонжок алтален мыштыде. Тӑдӑн тусарен анжалмыжым цаклен, Архат сарайвуйыш кузен кен.

Мӑндӑр лыкышты, Ёшке анзыланжы шеньӑкӑм шагалтен, Пупыд Хӑдӑр шалген.

– Ит лишем! – саслен тӑдӑ. – Окса уке! Совсем уке! Киндӑм, киндӑм выжаленӑ – тӑнӑм!

– Шеньӑкетӑм шу, гад, – изи юкын келесен Архат.

– Ит лишӑлем, попом! – Хӑдӑр шеньӑкшы доно кок гӑнӑ воздухыш шыралы.

– Тӑ керемӑм ужат? – Архат вӑрӑ гӑц кечӑлтшы сӑпӑм анжыктыш. – Пӑсӑн вет кӑпшылтем!

Шеньӑкӑм шӑргӑшыш роалтен, тӑдӑ Ёшке докыжыла кердӑн шыпшылын дӑ тӑотям онг гӑц хватен.

– Тидӑ паштек тӑнь донет мам ыштӑмӑлӑ, гад? Попы!

Пупыд Хӑдӑр мацала гань кечен.

– Лёня! – Ёнгӑжӑжӑ гач сӑгӑрӑлын Архат. – Тидӑн доно мам ыштӑш тӑнгӑлынӑ?

– Эче ик ӑрням пуэӑ. Оксам ак канды – сӑкенӑ!

– Кольыц, пырхавонгы? Тидӑ тӑлӑнет эдемӑн остатка шамакшы.

Но ик ӑрняштӑ Хӑдӑр вӑреш Архат докы ватерӑшкӑ вуйлатышын вӑтӑжӑ толын.

– Борис Моисеевичӑм арестуенӑт, – олен келесӑш тӑдӑ. – Колхоз бухгалтер ӑяклен. Борис Моисеевич иктӑм келесӑш: анжал шоктымы агыл. Тӑдӑ вӑлнӑ – анжал шоктыдымаш веле. Ёылам ада тӑрлӑ – цилӑ кодшыжы тӑлӑндӑ вӑрештеш...

Пырмыжы гыцат олеракын тьды лакты. Нелы тырым шелмы юк лозштарыш: заправщик столым мышкынден.

– Ну ма? Арестуймешкышты тенге шынзаш тынгальбна ма?

– А мам ыштымыла? – ядын Ленька.

– Йылаташ! Сола хала йылаташ, келтымаш! Ни свидетель, ни доказательство!

– Солавляжы ма доно вуйнаматан ылыт... – тырлалалмыкы келесыш Архатъ.

– Вуйнаматанвля! – роал пуш заправщик. – Вуйнаматанвля, вуйнаматан агылеп, шывал шындем! Шыргым роат – тарваш чонгешта. Живой коднет гынь, туан аватым выжалет.

– Тынь – выжалет! – ыш тырхы Архатъ.

– Кольшт тынь, самырык пионер! Тынь ти шаметым ышке сагаэт коды! Йылам тынгальмет годым тьдым анжыкташ келеш ылын. Вет цила ти лыгалтмаш – тынь гишанет!

– Мынь гишанем?

– А тынь кыце шаненат? Мынь верцем гыце? Тынь цилам – Борис Моисеевичымат, мамнамат ушенат! А ынде – анжемада! Яра... Икманаш, тенге: цила таяш манын, цила йылаташ келеш. Мамнам вярештмешкышты. Шынзына да цецаш...

– Ленька, тынь ма юкымат ат лык? – лош пырыш Архатъ. Ленька доно ныны им дон шыртты гань ыленит: кышкы Архатъ – тышкы Ленька, кышкы Ленька – тышкы Архатъ. А ынде?

– Ам палы, Архатъ, – коктеланен келесыш весы. – Торок келесем – шыдешкет, ам келесы – седокат шыдешкет. Палет, мынь ам луд. Кызытат тебе... Ынгылдары, малын тынь ти пел ялан гадым жалает?

– Мынь тьдым ам жалайы! Тынь вот мам ынгылы... – попен ситарыш Архатъ да шыпланыш.

Тьды шаналтен колтыш, кыце сола йыла. Орыктарышы паша: ти лудышла картин – та опкы, та уанымашым ядымаш – тьдын жалайымым лыкде. Пупыд Ходорын жава гань лицажы цила муден...

Уке, ну кыце тенге! Вет маняры тьды, Архатъ Загребин, ти лыквля йыде школышкы, ик классышты тыменьшы тангвляжы

сага школ гыц кыргызталын. Ик эдемләнәт тбдб хурам бштбде, ик худа шамакымат келесбде... А бнде... Теве кым пбртбштб окнявлб валгалтыт – лампывлбштб шолыштмы крбсин йыла. Яжо, соты... Тбштб шбнзбт, ладнан сыкырым качкыт, тидб верц бнде тбдб, Архатб, тблбшбшлык... Ну уке!

Теве техень шанымашвлб доно тбдб бшке машинбжбн ру-лышыкы шбнзбн...

***

Кечб шбргб шайыкы шблмбкб, ойхы доно темшб тбнгвлб Эсеней гыц халашкы кыдалыныт. Теве тиштб шайыштмашым пбтбрбш келеш ылы. Но блымбш бшке сембнжб йога.

бвбмбн ыдылмыжы солам переген коден, но эргбм переgebде. Ббзбмлбн луаткок им пуэнбт дб Колымашкы колтенбт.

Тбнбмок нбллб икшб ин шбмбелем фронтыш колташ яд-машым сирен. Штрафной батальоныш айыренбт. Кокшы гбнб шушыргымыжы паштек, «вбр доно сылен нблмбкб», танковый школыш колтенбт: вет шофбр ылын. Цилб Европа гач кредбл лбктбн. Румыни, Чехословаки, Австри верц кредблбн, Берлин якте шон... Ик гбнб агыл тбдбн танкшы йылен. Ик гбнб агыл тбдб вблнб комбинезонжы, гимнастеркыжы йыленбт. А шала-хай велнбшб кбшбн, кышты вырсы гач бвин ши крестбжбм на-малын, нимат лиде...

Ббзб токына нбллб шбмшб ин веле, шошым, толын. Сусу пар доно празныкым бштбшбш ылы, дб тонна сыкыр веле агыл, роколманаат ылде. Сакой шуды гыц лембм качкылдална, дб бви мблбннб келесбш: «Эргбвлбэм, Ванькагуртыш Тарья ку-акат докы сбрнен толдай. Нбнб мб гбцнб изиш яжорак блат».

Теве мб ббзб доно коктын нырвлб гач, шбргбвлб гач аш-кедбнб: Ванькагурт мб дорцынна иктб луцкы уштыш брдбжтб ылеш.

Пблгомашты ик пблат уке. Мбмнбм жблбен, кечб ббрбктб. А пблгомашты, кбшнб-кбшнб, вуйта шылдырышты доно лашашым шактыт, тырбывлб ырдымактат.

МЫнь ти ЁвЁртЫшы Ёкквлä вЫкЫ анжем дä цилä гишан мон-
дем – Ёшке шужышы пäгäрем гишан, Ёзäм гишан. Но трүкЫштЫ
цäклен колтышым, мыньЫн Архатем уже мындЫрнЫ ылеш. Теве
тЫдЫ кырык вуйыш кузыш. Шагальы. Мынь пäлем: тЫдЫ тЫ
сола монгырышкыла анжа.

– Ёзä! – саслем тЫдЫлän. – ТЫшкЫлä агыл! Мäмнän Тарья
куакинä тЫштЫ ак ЁлЫ!

Ёзäм цЫтЫрäl колтыш. Вара сäрнälЫ. Дä мылänем
кидшЫм ЁрзälЫ...

ТЫштЫ ЁшкетшЫ шалгымыжы годым ма гишан тЫдЫ ша-
нен, нигынамат ядделам. Вырсы йылен пЫтЫмЫ гишан ма?
ÄвämЫн шаяжы семЫнь йылыдымы сола Ёлä ма? Äль, Йымы
перегЫжЫ, тЫдЫн ЁлЫмäшЫм йылатышы тЫ тыл мыньЫн эче
потикä дä изи ЁлЫмäшем öрдЫж гЫц кемЫ гишан?

Ёзäм шалген дä кидшЫм Ёрзен. А тЫдЫ вЫлнЫ дä йЫрвäш
тырин тянгыра мырыжы, ЁвЁртЫмäшЫн дä цäшЫн мырыжы,
йонгалтын.

НУЖ (КРАПИВА)¹

Хала тѳирѳштѳ, паркын шѳѳргѳшкѳ ванжымы вѳрѳштѳ,
шуку халык каштеш. Тамахань-ѳнят изи Ырвезѳш тѳнгвлѳжѳ
гѳѳц киѳн кодын:

– Лѳша-а! – сѳгѳрѳ тѳдѳ! – Миша-а!

Тѳдѳѳн юкшы рѳшкѳлтеш дѳ пачаш пачаш: «А-а-а! А-а-а!»
манеш.

Трѳк шайылнем пѳлѳмѳ юкым кольым:

– Кольштыма, Машенька, махань юк рѳшкѳлтмаш!

Шайыкыла анжалым – пашкудем Ышке Ыдѳржѳ доно. Здо-
ровайышна.

– Юк Ынде тѳнгыран рѳшкѳлтеш, – попем мѳнь, – тел год-
шы гань агыл.

Шалгалална, хытырална.

– Мѳ Ыдѳрем доно нужлан кенѳ, лемѳм шолтыненѳ, –
келесѳш пашкуды. – Кечѳвѳлеш тол.

– Тау, толам. Только нуж лемѳм, просты, ам яраты.

– Коли? – ѳрѳн пашкуды. – Тѳнь, векѳт, тѳдѳѳм нигынамат
качделат!

Мѳнь юкымат ам лык. Мѳндѳрнѳшѳ палнышы вырсы
ивлѳ гѳѳц мѳнь докем ѳшѳндѳрѳмѳшвлѳ толыт.

... Ирок ирѳ кѳньѳлѳн, мѳнь пѳштѳрѳм нѳлѳм дѳ ѳнгѳр
сирѳш ѳль шѳѳргѳш нужлан кем. Томана сага дѳ Ырѳнѳштѳ
кушшы нужым мѳ уже качкын колтеннѳ. Якшаргышы хан-
ган кивдвлѳэм ѳшѳндѳрем. Ышке сѳнзѳвѳдемѳм ѳшѳндѳрем,
нуж гѳѳц шолтымы охыр лемѳм стѳл вѳкѳ шѳндѳшѳ ѳвѳмѳм
ѳшѳндѳрем.

– Вырсы... – попен ѳвѳм.

Тѳнѳм, изи годым, «нуж» дѳ «вырсы» мѳлѳнем ик ынгылы-
машкы ушненѳт – тама-ѳнят пышкылшы, шѳдѳн, жѳлѳйѳдѳмѳ,
тѳдѳ гѳѳц эдемвлѳ ѳрлен мѳгѳрѳт дѳ нелѳн шѳлѳлтѳт...

Ынде мѳнь юкемѳт ам лык: пашкудем мѳнь гѳѳцем сѳмѳрѳк
ылеш, вырсым ужде, кыце мѳлѳннѳ икѳнѳ-иктѳнѳм ынгылаш?!

¹ Перевод на горномарийский язык Н. А. Федосеевой.

ТЪЫРИ (ЖАВОРОНОК)¹

Ирӱи шошым. Ныр вӱлнӱи лым киӱ гӱннят, кырык неркӱвлӱштӱи дӱ корны тӱриштӱи, шокшы вӱрӱштӱи, тошты тумыш гань рок шылен лӱктӱин. Кечӱи лӱлтмӱи тӱреш мӱ Колька тӱнгем доно пешӱрӱим нӱлӱин, мӱндӱр, солана гӱц иктӱи вӱц уштыш ӱрдӱжтӱи ылшы, нырыш шылен лӱкшӱи корнывлӱштӱи роколмам капаяш кенӱ. «Цӱшӱим камака вӱлнӱи ак кӱчӱӱеп», – тенге попат мӱ донна пӱшӱи яратышы эдемвлӱ. Нырышты эче иктӱт нимат тӱкӱлде манын, мӱ цӱшлӱн уаненӱ. Лишӱл нырвлӱштӱи уже кок-кым кечӱи изирак тетявлӱ каштыт, а мӱ Колька доно содыки школьник ылына...

– Нырошурский кӱневичӱштӱи эче иктӱт ылде сӱй, – попа Колька.

– Ане, яжо, пӱтӱришӱи линӱи гӱнь, – уанымаш доно мелӱн лим тӱнгем докы.

– Школышкы роколма тарам нӱнгенӱ, роколмам кышты моына гишӱн хваленӱ, тӱнӱм йӱлӱт кыргыжыт.

– Тек, – попем мӱнӱ. – Таяш ана тӱнгӱл, цилӱн качнештӱи.

– Вычал, эче ӱшкежӱи мона! ӱнят, нима гӱц пасна пӱртӱлӱнӱ.

Такеш агыл мӱнӱ коктелӱненӱм. Нырыш толмыкы, мӱ шуку жеп цилӱ векӱлӱ анжылтынна, вара мӱнгеш-анеш келгӱи лым мычкы каштынна – ик рокат шылен лӱкде. «Неушто охыр пешӱрвлӱи доно пӱртӱлӱш вӱрештеш?!» – ик юк доно манаш лиӱш келесӱшнӱи мӱ.

– Айда кок монгырыш айырленӱ, – келесӱш Колька.

Тӱдӱи лыман нырышты шылен лӱкшӱи рокым пӱтӱришӱи кӱчӱл мон дӱ сӱгӱрӱлӱин:

– Э-эй! ӱги, пӱсӱнрӱк тиш тол!

Мӱ ӱштӱи рокым кашар кӱртнивандывлӱи доно пыргедӱш тӱнгӱлнӱи.

– Роколма, эче иктӱи, эче!.. – сусу пар доно сӱгӱрӱлӱи Колька. – Яжо роколма тара лиӱш!..

Ти сусу вуйта цилӱ пӱртӱм шижтӱрен.

¹ Перевод на горномарийский язык Н. А. Федосеевой.

– Тъыри! – цаклыдеок чонгештен лăкты мѣньѣн ышмаэм гѣц. Мѣнь ѳрѣн шагалынам, клоной пѣлгомьш анженăм, тѣрин цѣтѣрнăлтшѣ юкшым колыштынам дă ти кекѣм атямѣн яратымыжы гишăн шаненăм. Лиăлтѣн, тѣдѣ мѣньѣн авим тѣыри манын, дă мѣнь тѣдѣн тѣыри гишăн мырым мырымыжым шѣрен колынам. Ёнде атямѣн ти мырыжым ави мыра. Шѣнзеш, вадеш камакам олта, тыл вѣкѣ шанен анжа дă мыра, мыра. Мăмнăн тѣотивлăнăн ѣнянѣмăш улы: камака трубашкы сѣгѣрăлăш гѣнь, ѳжмѣ эдемет керек-кыце мѣндѣрнѣ ылеш гѣнят, тѣньѣм колеш. А ати кѣзѣт пиш мѣндѣрнѣ: тѣдѣ тѣштѣ, вырсышты, тѣдѣн дорц тагынамшен сирмăш уке. Седѣндонат, анят, авăм виш амасаан камака анзылны мыра, уана: мырым атям колеш...

– Тѣнь ма ышма кăрен шалгет? – сѣгѣрăлмѣжѣ доно кѣрѣн шуш мѣньѣн шанымашвлăэм Колька. – Айда, тăрвăнѣл, кечѣ уже кѣшнѣ, анжы веле, корны лязѣрген кеă.

– Роколма, роколма – иктѣ, весѣ... – Мѣнь вуй лѣктăлде рокым пыргедăм... Теве пешѣр нелемѣ – токы кеаш жеп, мă Колька доно лязѣрген кешѣ корны мыч пѳртѣлѣнă.

А пѣлгомьшты тѣырин ши юкшы шошымшыла ѣонгалтеш. Шукышты агыл атям дорц сирмăш толеш манын, шукышты агыл вырсы пѣтă дă тѣдѣ, ѣлышѣ дă шулыкан салтак, токына пѳртѣлеш манын, мѣньѣн ѣангем уанымаш доно темеш.

ШЫҢГЫРТЫШ УЛЯВЛА (СКВОРЕЧНИКИ)¹

– Шыңгыртышвлә толыныт! – колын колтышым мыйнь окня лывәлнй эргашын юкым. Окня вашт анжалым – топольн укшвләштй шыңгыртышвлә шынзеныт. Юк лыкдеок шыңзәт, таваныдеок, лин кердеш, канәт. Тидым ынгылыман: нйны кужы корным эртенйт.

«Шыңгыртышвлә толыныт!» Шошым ййде мыйнь сусун сйгырәлмй ти юкым колам дә каждый гәнә мйланем нйллй вйзымшы иаш шошым ашындәрәлтеш.

Тй шошым мәнән солаш фронт гйц салтак пөртйлын. Тйдын пөртйлмйжй сусу ылде: йшкежәт нелын шушырген, әтяжй выршышты вуйжым пиштен, авәжй колен, пөрт пыдален шындымй шалга...

– Ох, Ондри солашты йләш ак тынгал, – попенйт пашкудывлә. – Хозан кид гйц пасна тйдын пөртшй тйрынялтйн, сарайжат урын вален. Векәт молоца халаш кеә. Мам тйдылән тиштй йштәш?

Только ирок колыт: салтакын кудывичыштй товар роа дә пилә мыра.

– Неужели Ондри йшке пөртшым төрлә? – өрынйт пашкудывлә.

Но Ондри икманяр шыңгыртыш улям йштен дә пөртшй сага ылшы тошты кугиәш капка кок монгырешәт сәкен.

Пашкудывлә вуйыштым йрзеныт, кидыштым веле кок монгырышкыла шареныт:

– Салтак, виднй... контуженный. Тйдылән хозяйствыжым лүктәш келнежй, а тйды шыңгыртыш улявләм йштә!

Тй веремән мәнән солашты Онтифа лйман ик ышан тьотя йлен. Тйды ик солашты йлышывләлән келесен:

– Тидй мадыш агыл. Виднй йрвезй туан пөртйштыжй цаткыдын йләш шанен пиштен. Мырышы кеквлә гйц пасна махань йлымәш?..

¹ Перевод на горномарийский язык – Н. А. Федосеевой.

Тьотян шамаквләжѣ гишән пашкудывлә шаналталыныт дә келесенѣт:

– Мәмнән салтакна кынан!

Вес кечѣн томан йѣде кужы равывләштѣ у шѣнгѣртѣш уявлә кеченѣт. Мә, тетявлә, нѣнѣм кыце мыштеннә, тенге бѣштеннә, дә пушәнгѣвләэш сәкеннә. А ик әрняштѣ сола мыч кыргыжталына дә сакой юк доно сусун сасленнә:

– Шѣнгѣртѣшвлә толыныт! Шѣнгѣртѣшвлә толыныт!

– Шѣнгѣртѣшвлә толыныт, уявләш бѣләш пыренѣт дә нѣнѣн бѣлѣмәшѣм бѣвѣртѣшѣ мыривләэшѣштѣ эдемвлән пәшәштѣ ашнен.

Шѣнгѣртѣшвлә бѣшке мыривләштѣштѣ мәмнән шошымым веле агыл, но мәмнән Кого Сѣнгѣмәшѣмәт лѣмлештәрәт манын мәләннә чучын.

Послесловие

Наша память – благодатная почва для размышлений. Постепенно стирая ненужное и несущественное, она сохраняет, пожалуй, самое важное, так необходимое для собственного самоощущения. Быть может, эту благодатную, как правило, благодарную память можно связать с фамильной мифологией, основу которой мы принимаем от старших и затем уже дополняем своими историями. В минуты, когда предстоит принятие каких-либо решений или посещают сомнения, память посылает знаки из пережитого, пройденного и, вполне возможно, не нами. Я твёрдо верю в силу этой незримой связующей нити.

Мой отец – Егор Егорович Загребин – стал человеком, который, протягивая нить памяти, соткал из неё свои тексты. Его рассказы, пьесы и очерки оказались созвучны мыслям и синхронны поступкам первого послевоенного поколения, тем, кто успел узнать вкус хлеба пополам с лебедой. Охотником не ради забавы, он шёл вглубь, искал, ошибался и вновь находил тропу, ведущую к новым поколениям читателей и зрителей. Пасечником, приготавливающим мёд, собравшим все вкусы окружающего мира, он слагал истории, в которых драма переплеталась с комедией, трагическое соседствовало с оптимистическим. Главное, чтобы в этих историях не было фальши. Условия тому два – испепеляющий труд и талант. Талант – говорить сердцем!

Наверное, каждый сын рано или поздно задаётся вопросом, что он воспринял от отца, чему научился, как распорядился наследием. Отвечая на него, вспоминаю одну уже давнюю встречу. Студентом, засидевшись за курсовой, вышел из своей комнаты на заре и увидел отца, всегда писавшего по ночам. «Молодец, пие, сказал он, – ...устремлённо работаешь!». Иной родительской похвалы мне и не надо.

Благодарю всех друзей и коллег, кто откликнулся на мою просьбу принять участие в подготовке настоящей книги, книги доброй памяти о Егоре Егоровиче Загребине.

Алексей Егорович Загребин

Сведения об авторах

Абдулаев Александр Шарифович – прозаик, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры УР, г. Чайковский.

Анисимова Люция Сынгатовна – пенсионерка, д. Средний Кумор Кукморского района Республики Татарстан.

Богомолова Зоя Алексеевна – литературовед, критик, член Союза писателей РФ, член Союза журналистов РФ, почетный гражданин УР, кавалер ордена «Дружбы народов».

Бусыгина Людмила Васильевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, КНУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования», г. Ижевск.

Блинов Александр Андреевич – актёр кино, режиссёр театра, профессор Международной Славянской академии, лауреат акции Совета при Президенте РФ по поддержке театральных инициатив, г. Ижевск.

Ванюшев Василий Михайлович – поэт, филолог и литературовед, член Союза писателей России, народный писатель УР, заслуженный работник культуры Удмуртской Республики и Чувашской Республики, доктор филологических наук, профессор, лауреат Государственной и премии Правительства УР в области литературы, Почётный гражданин Кизнерского района УР, г. Ижевск.

Вепрёв Александр Иванович – поэт, эссеист, переводчик, художник, член Союза писателей России, Ассамблеи народов Евразии, г. Сочи.

Вострокнутов Сергей Васильевич – поэт, переводчик, член Союза писателей УР, г. Воткинск.

Глушков Василий Николаевич – поэт, переводчик, журналист, член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР, заслуженный работник культуры УР, г. Ижевск.

Григорьев Анатолий Леонтьевич – драматург, член Союза писателей России, заслуженный деятель искусств УР, г. Ижевск.

Диева Адия Заитовна – поэтесса, журналистка, переводчица, член Союза писателей России, член Союза журналистов РФ, заслуженный работник культуры УР, г. Ижевск.

Дмитрошкин Николай Юрьевич – поэт, член Союза писателей Удмуртии, г. Ижевск.

Ельцова Елена Власовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Загребин Егор Егорович – прозаик, драматург, публицист, председатель правления Союза писателей Удмуртской Республики, народный писатель Удмуртии, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат Государственной премии и премии Правительства УР.

Загумёнов Анатолий Фёдорович – художник, лауреат премии имени Алексея Холмогорова, заслуженный работник культуры Удмуртской Республики.

Зайцева Татьяна Ивановна – литературовед, литературный критик, доктор филологических наук, член Союза писателей России, член Союза журналистов РФ, заслуженный деятель науки УР, г. Ижевск.

Закирова Наталия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы, ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко», г. Глазов.

Зверева Татьяна Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Зиявадинова Ольга Сайфиidinовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар.

Зуева-Измайлова Анна Сергеевна – критик-литературовед, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры УР, г. Ижевск.

Кириллова Роза Владимировна – кандидат филологических наук, редактор, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Красновская Елена Георгиевна – кандидат филологических наук, музыковед, член Федерации женщин творческих профессий, г. Ижевск*.

Красовская Вера Ивановна – поэтесса, член Союза писателей Удмуртии, заслуженный работник культуры УР, почётный гражданин Октябрьского района г. Ижевска.

Никитин Юрий Николаевич – поэт, член Союза писателей УР, заслуженный работник правоохранительных органов УР, г. Ижевск.

Низамбиева Раушания Ринатовна – учитель высшей категории Терсинской средней общеобразовательной школы Агрызского муниципального района Республики Татарстан.

Нянькина Лидия Степановна – поэтесса, журналистка, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры УР, г. Ижевск.

Пантелеева Тамара Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск**.

Павлова Ирина Георгиевна – учитель МБОУ «СОШ с. Средний Кумор» Кукморского муниципального района Республики Татарстан.

Романов Леонид Григорьевич – народный артист Удмуртской АССР, заслуженный деятель искусств РСФСР, г. Ижевск.

Романов Геннадий Васильевич – заслуженный журналист УР, заслуженный работник культуры УР, г. Ижевск.

Сакерин Юрий Алексеевич – исполнитель лирических песен, участник фестивалей, победитель городских и республиканских конкурсов, г. Ижевск.

Салминен Эса-Юсси – магистр философии, докторант Туркуского университета, г. Турку, Финляндия.

Семенов Василий Михайлович – журналист, переводчик, г. Йошкар-Ола, Марий Эл.

Склярова Галина Александровна – поэтесса, член Союза писателей УР, заслуженный работник культуры УР, г. Воткинск.

Скопкарёва Светлана Леонидовна – литературовед, кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей УР, почётный работник общего образования РФ, г. Ижевск.

Сидорова Анетта Петровна – ведущий специалист отдела междисциплинарных и прикладных исследований УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, заслуженный работник культуры УР и РФ.

Тихонова Любовь Ивановна – поэтесса, журналистка, член Союза писателей России, член Союза журналистов РФ, заслуженный работник культуры УР, г. Ижевск.

Федосеева Надежда Александровна – кандидат филологических наук, зав. отделом литературы, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл, г. Йошкар-Ола.

Федорова Любовь Петровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Шибанов Виктор Леонидович – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск.

Шкляев Александр Григорьевич – литературный критик, кандидат филологических наук, член Союза писателей России, народный писатель УР, заслуженный деятель науки УР, г. Ижевск.

Эса-Юсси Салминен – магистр философии, докторант Туркуского университета, г. Турку, Финляндия.

Юркеева Мария Ислановна – учитель МБОУ «СОШ с. Средний Кумор» Кукморского муниципального района Республики Татарстан.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	
<i>Кириллова Р. В.</i>	3
ГЛАВА I. ТВОРЧЕСТВО ЕГОРА ЗАГРЕБИНА В ЗЕРКАЛЕ КРИТИКИ.....	9
<i>Шибанов В. Л.</i> Верить и сопротивляться.....	9
<i>Зуева-Измайлова А. С.</i> Визь-нодлы дышетэmez пырак улонлы.....	12
<i>Шкляев А. Г.</i> Заметкаысен – трагедиозь.....	17
<i>Федосеева Н. А.</i> Мастер рассказов и новелл.....	20
<i>Диева А. З.</i> «Гожъяськисьлы со омыр кадь...».....	26
<i>Ельцова А. В.</i> Тема военного детства в творчестве Е. Загребина, И. Торопова, А. Ванеева.....	29
<i>Кириллова Р. В.</i> Нравственно-этические проблемы в творчестве Е. Е. Загребина.....	42
<i>Закирова Н. Н.</i> Талант душевной щедрости.....	50
<i>Скопкарева С. Л.</i> «Словно искорка в ночи»: осмысление творческой индивидуальности М. Петрова в очерке Е. Загребина.....	56
<i>Диева А. З.</i> Образ «белого лебедя» в рассказе Н. Ядне «Куда улетела душа шамана?» и в драме Е. Загребина «Лебедь белая».....	59
<i>Пантелеева Т. Г.</i> Проблема личности в рассказах Е. Загребина «Красная ветошь», «И сладко, и горько».....	65
ГЛАВА II. Е. Е. ЗАГРЕБИН-ДРАМАТУРГ: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО.....	70
<i>Зайцева Т. И.</i> Мастерство Е. Е. Загребина-драматурга.....	70

<i>Зверева Т. В.</i> Традиции русской драматургии в пьесе Егора Загребина «Лебедь белая».....	80
<i>Романов Л. Г.</i> Егор Загребин – писатель, драматург но артист.....	89
<i>Диева А. З.</i> Влияние авторской субъективности на архитектуру трагедии Е. Загребина «Эш-Тэрэк».....	91
<i>Красновская Е. Г.</i> Музыка – составляющая загребинской драматургии.....	102
<i>Григорьев А. Л.</i> Сайкыт тусбуйыз али но син азым.....	117
<i>Федорова Л. П.</i> Голос сердца: пьеса Е. Загребина «Сюлэм куара» и роман Г. Красильникова «Арлэн кутсконэз».....	122
ГЛАВА III. НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
В ШКОЛЕ И ВУЗЕ.....	132
<i>Бусыгина Л. В.</i> Изучение творчества Егора Загребина в системе школьного литературного образования.....	132
<i>Сурнина Л. Е.</i> К вопросу об изучении автобиографического произведения на уроках литературы (на примере рассказов Е. Загребина)....	139
<i>Павлова И. Г., М. И. Юркеева М. И.</i> Квест-игра для старшеклассников по произведениям Е. Е. Загребина.....	145
<i>Низамбиева Р. Р.</i> Воспитание толерантности и уважения к культурным ценностям других народов в учебном процессе средней общеобразовательной школы.....	152
<i>Диева А. З.</i> Тема природы в творчестве М. Пришвина, М. Юхмы и Е. Загребина.....	159
<i>Зиявадинова О. С.</i> Пейзаж в коми и удмуртской прозе второй половины XX в.....	167

ГЛАВА IV. ВОСПОМИНАНИЯ.....	176
<i>Сидорова А. П.</i> След в истории народа.....	176
<i>Богомолова З. А.</i> Загребин Е.Е.: штрихи к биографии.....	179
<i>Диева А. З., Зайцева Т. И.</i> «Улон питыранлэсь бергамзэ кыдёкысен валаз, шодйз...».....	196
<i>Ванюшев В. М.</i> Артист, писатель кивалтйсь.....	204
<i>Вепрёв А. И.</i> Писатель Егор Загребин, или удмуртский Шарль Бодлер.....	206
<i>Нянькина Л. С.</i> «Вань геройёсме гажаса гожтй...».....	211
<i>Тихонова Л. И.</i> Улонэз валась, яратйсь но дунъясь.....	217
<i>Блинов А. А.</i> Егор: к юбилею друга.....	220
<i>Абдулаев А. Ш.</i> Грусть моих воспоминаний.....	233
<i>Красовская В. И.</i> О Егоре Егоровиче Загребине.....	235
<i>Склярова Г. А.</i> Он за все болел душой.....	236
<i>Сакерин Ю. А.</i> Случайная встреча.....	237
<i>Романов Г. В.</i> Ассэ ноку вылэ оз пуктылы.....	238
<i>Чернов П. К.</i> Жадёнэз эн вала, Егор Егорович!.....	239
<i>Диева А. З.</i> Сокровище нации.....	253
ГЛАВА V. ИЗ ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ.....	267
<i>Загребин Е. Е.</i>	
О музыке к спектаклю «Весенний дождь».....	267
Красива во всём.....	271
Краткое описание содержания повести «Яратонэ тон, вожанэ...».....	274
Милемын – Инмар (Удмурт литература пумысь малпанъёс).....	276
Малы вордйсько кылбурчиос?.....	282
Кин-о тон, кылбурчи?.....	283

Фауст.....	289
Путешествие в родную литературу.....	305
Сю книгаез лыдзон пумысен (бер жытазе малпанъёс).....	311
ГЛАВА VI. СТИХИ, ПОСВЯЩЕНИЯ.....	317
<i>Глушков В. Н.</i> Егору Загребину.....	317
<i>Вострокнутов С. В.</i> Памяти Е. Е. Загребина.....	318
<i>Закирова Н. Н.</i> «Кикы нош весь силе но силе...».....	319
<i>Дмитрошкин Н. Ю.</i> Воспоминание о Егоре Егоровиче Загребине– председателе Правления Союза писателей УР.....	321
<i>Анисимова Л. С.</i> Уз быры удмурт кылмы.....	322
<i>Никитин Ю. Н.</i> Загребину Егору Егоровичу.....	323
<i>Шкляев А. Г.</i> Егор Загребинлы.....	324
ГЛАВА VII. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЕГОРА ЗАГРЕБИНА В РАЗНЫХ ПЕРЕВОДАХ.....	325
Punainen taulurätti (1990). Gord dsystari (Красная тряпка). Пер. Эса-Юсси Салминена.....	325
Йошкар лапчык (Красная тряпка). Пер. Семенова В. М.....	337
Тыл (Огонь). Пер. Федосеевой Н. А.....	346
Нуж (Крапива). Пер. Федосеевой Н. А.....	357
Тъыри (Жаворонок). Пер. Федосеевой Н. А.....	358
Шынгыртыш улявлä (Скворечники). Пер. Федосеевой Н. А.....	360
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	362
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	363

Научно-популярное издание

**Сюлэм куара (Голос сердца).
Жизнь и творчество Егора Загребина**

Сборник статей

Литературный редактор – Е. Б. Шульга
Корректор – В. Г. Семенов
Дизайн обложки, оригинал-макет И. В. Медведевой

Подписано в печать 12.10.2022. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Гарнитура Cambria. Усл. печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 19,1.
Тираж 100 экз. Заказ № 1713.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426004, Ижевск, Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел.: + 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра
«Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18, 91-73-05